

В. Савва.

МОСКОВСКІЕ ЦАРИ
И
ВИЗАНТІЙСКІЕ ВАСИЛЕВСЫ.

—
КЪ ВОПРОСУ

о вліяніи Византіи на образованіе идеи царской власти
московекихъ гоударей.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія и Литографія М. Зильбербергъ и С-вья.
(Рыбная ул., д. № 30-й).

1901.

На основаніи ст. 41 § 1 п. 4 п ст. 138 Унив. Устава печатать разрѣшается.
Харьковъ. 26-го Октября 1901 года.

Ректоръ Университета *И. Кулеваскій.*

Врядь ли необходимо оправдывать выборъ своей темы тому, кто ставитъ себѣ задачею изслѣдованіе вліянія Византіи на ту или иную сторону русской жизни. Итоги вѣ-камн длвшшагося вліянія Византіи на русскую жизнь еще не подведены. Въ 1888 г., когда истекало 900-лѣтіе со времени крещенія Руси и болѣе чѣмъ 900 лѣтъ со времени начала вліянія Византіи на Русь, извѣстный византинистъ академикъ Ѳ. П. Успенскій, въ своей рѣчи „Русь и Византія въ X в.“, констатировалъ невозможность „составить себѣ понятіе о количествѣ и качествѣ византійскихъ вліяній на Россію“, пока не будетъ „предпринятъ рядъ отдѣльныхъ изслѣдованій по спеціальнымъ вопросамъ: о вліяніи Византіи на древнюю русскую литературу, о замѣтваніяхъ изъ Византіи по части художественныхъ идеаловъ, нашедшихъ примѣненіе въ искусствѣ, объ обмѣнѣ въ области юридическихъ понятій, въ устройствѣ государственности, въ домашнемъ быту и т. п.“ (стр. 32 и слѣд. Одесса, 1888 г.).

Издаваемый мною трудъ является однимъ изъ такихъ отдѣльныхъ изслѣдованій. Цѣль его—принести посильную лепту для разрѣшенія сложнаго и обширнаго вопроса о вліяніи Византіи на Русь. Задача его—уяснить, на сколько это было въ монѣхъ средствахъ, одинъ небольшой, но имѣющій свое значеніе, отдѣлъ въ указанномъ вопросѣ: предполагаемое вліяніе Византіи на образованіе идеи царской власти московскихъ государей.

Неоднократно высказывавшаяся мысль, что виднымъ проводникомъ византійскаго вліянія въ Кремль была Софья Палеологъ, и что бракъ съ нею далъ московскому государю право смотрѣть на себя какъ на наслѣдника византійскихъ императоровъ-василевсовъ и ихъ титуловъ, побудила меня попытаться прежде всего выяснитъ предполагаемую роль

византийской царицы. Отсюда я перешел къ попыткѣ сопоставить московскаго царя съ византийскимъ василевсомъ въ томъ предположеніи, что, если идея власти московскаго царя заимствована изъ Византіи, то московскій царь долженъ быть подобенъ византийскому василевсу. Съ этою цѣлью я собралъ данныя, проливающія свѣтъ на характеръ власти византийскаго императора, и обратилъ вниманіе на нѣкоторые придворные обряды московскіе и византийскіе, потому что въ обрядахъ этихъ наглядно обрисовываются московскій царь и византийскій василевсъ. Предположеніе, что московскіе государи, начиная съ Іоанна III, смотрѣли на себя какъ на наследниковъ византийскихъ василевсовъ и титуловъ ихъ, побудило меня обратить вниманіе на тѣ доказательства, которыя представляли московскіе цари въ пользу правъ своихъ на царскій титулъ, когда требовали признанія за собою этого титула отъ иноземныхъ государей. Такъ, казалось мнѣ, мы можемъ узнать отъ предполагаемыхъ наследниковъ византийскихъ василевсовъ, дѣйствительно ли они считали себя таковыми.

Сознавая сложность и трудность затронутого мною вопроса, я далекъ отъ мысли, что вопросъ этотъ послѣ моего изслѣдованія перестанетъ быть вопросомъ. Мнѣ кажется, что нельзя говорить о вліяніи Византіи на образованіе идеи царской власти московскихъ государей, не сопоставляя московскаго царя съ византийскимъ василевсомъ. Такое сопоставленіе въ указанныхъ мною предѣлахъ я и поставилъ главною цѣлью своей работы, полагая, что этимъ могу содѣйствовать разрѣшенію затронутого мною вопроса.

Считаю долгомъ своимъ выразить искреннюю и глубокую благодарность лицамъ, облегчавшимъ мнѣ мой трудъ своею помощію и указаніями—профессорамъ А. С. Лебеву, М. С. Дринову, Ф. Е. Коршу и Я. А. Денисову, а также историко-филологическому факультету Харьковскаго Университета, давшему средства для печатанія моего труда.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Глава I. Роль Софьи Палеологъ какъ проводника византійскаго вліянія въ Кремль 1—57.

Взгляды на значеніе брака Іоанна III съ Софьей Палеологъ кн. Щербатова, Карамзина, Полевого, Соловьєва, Костомарова, Д. П. Иловайскаго, Бестужева-Рюмина, И. Е. Забѣлина, Вешнякова, проф. В. С. Иконникова, Терновскаго, проф. Дяконова, Э. И. Успенскаго и о. Пирлинга 1—28. Источники, обрисовывающіе Софью Палеологъ и вліяніе ея на Іоанна III 28—37. Отраженіе неполноты источниковъ на мнѣніяхъ изслѣдователей 37—41. Софья Палеологъ до приѣзда ея въ Москву 41—46. Отношеніе Іоанна III къ „константинопольскому наслѣдству“ 46—48. Сфера вліянія Софьи Палеологъ въ Кремль 48—57.

Глава II. Пространство и характеръ власти византійскаго императора 58—93.

Разные взгляды на характеръ отношеній византійскаго императора къ церкви 58—60. Отношеніе Константина V. къ церкви по свидѣтельству Евсевія 60. Отношенія къ византійскимъ императорамъ отцовъ нѣкоторыхъ вселенскихъ соборовъ и паны Льва V. 61—63. Мнѣнія о власти византійскаго императора въ дѣлахъ церкви Вальсамона и Дмитрія Хоматіана 63—65. Взглядъ императора Льва Исавра на свое положеніе въ церкви 65—66. Свидѣтельство Никиты Хоніата о любви византійскихъ императоровъ къ догматствованію 66—67. Отношенія византійскихъ императоровъ къ патріархамъ по свидѣтельству Георгія Акрополита и Никифора Григоры 68. Названіе императоровъ Византіи святыми 68—70, владыками вселенной 71—72. Византійскіе императоры совершали кажденіе въ храмѣ, знаменовали съ трикиріемъ, вели учительныя бесѣды съ христіа-

нами и принимали участіе въ совершеніи богослуженія 72—78. Выходы византійскихъ императоровъ въ праздничныя дни въ храмъ св. Софїи 78—89. Отношеніе византійцевъ къ императорамъ своимъ 89—93.

Глава III. Церковно-гражданскіе обряды византійскаго двора сравнительно съ такими же обрядами московскаго двора 94—109.

Императорскіе богомольные выходы въ Византіи сравнительно съ такими же выходами московскихъ государей въ изслѣдованіи г. Марковина 94—104. Выходы византійскихъ императоровъ въ храмъ св. Софїи въ нѣкоторые праздники въ трудѣ г. Каневского 104—105. Нѣкоторые церковно-гражданскіе обряды въ Византіи и на Руси въ изслѣдованіи анонима 105—107. Взгляды г. Марковина и анонима на значеніе церковно-придворныхъ обрядовъ московскихъ государей 107—109.

Глава IV. Происхожденіе и развитіе обряда вѣнчанія на царство московскихъ государей 110—157.

Вокняженія древнихъ русскихъ князей 110—112. Взгляды на великокняжеское вѣнчаніе внука Іоанна III прот. Горскаго, Е. В. Барсова, г. Попова и проф. Покровскаго 112—120. Хиротоніи и производствя въ гражданскіе чины въ Византіи 120—121. Чины великокняжескаго вѣнчанія внука Іоанна III по сравненію съ кесарскою хиротоніею въ Византіи 121—128. Обряды коронаваній византійскихъ императоровъ 129—142. Чины вѣнчаній на царство московскихъ государей 142—154. Отличіе позднѣйшаго обряда вѣнчанія на царство византійскихъ императоровъ отъ чина вѣнчанія сыновей царя Алексеѣя Михайловича 154—157.

Глава V. Обрядъ въ недѣлю Ваїи въ Византіи и на Руси 158—175.

Празднованіе наканунѣ и въ день Вербнаго Воскресенья въ Византіи по *De ceremoniis aulae Byzantinae* 158—163. Праздникъ Ваїи по описанію Кодина 163—164. Московскіе чины дѣйства въ недѣлю Ваїи 165—167. Различіе между обрядами Ваїи въ Византіи и на Руси 167—169. Время по-

явленія дѣйства въ недѣлю Вайи на Руси 169—172. Значеніе этого дѣйства 172—173. Прекращеніе совершенія его 173—175.

Глава VI. Московскій посольскій обрядъ 176—270.

Взгляды Лешкова, Сахарова, проф. П. И. Веселовскаго, Рихтера, Рамбо и о. Нирлинга на происхожденіе московскаго посольскаго обряда 176—193. Дипломатическія традиции и приемы московскаго посольскаго приказа въ трудѣ Веневитинова 193—196. Опредѣленіе Іоанномъ III мѣста своего среди европейскихъ государей 197—198. Характеръ отношеній московскихъ великихъ князей къ императорамъ Византіи 198—199. Итоги власти византійскихъ императоровъ надъ русскою церковью по опредѣленію проф. Павлова 199—200. Мысли въ Византіи о политической зависимости русскихъ князей отъ византійскаго императора 200—204. Обряды приѣма византійскими императорами иноземныхъ пословъ по *De sermoneis aulae Byzantinae* 204—208. Приѣмъ византійскимъ императоромъ русской вел. кн. Ольги 208—211. Татарскій посольскій обрядъ по извѣстіямъ западныхъ и восточныхъ писателей 212—215. Посольскій обрядъ въ сношеніяхъ Іоанна III и Василя III съ крымскимъ ханомъ 216—230. Посольскій обрядъ въ сношеніяхъ Іоанна III и Василя III съ другими европейскими государями 230—251. Приѣмъ пословъ германскаго императора въ Москвѣ по описанію Герберштейна 251—259. Московскій посольскій обрядъ въ XVII в. 259—268. Заключеніе 268—270.

Глава VII. Доказательства, представлявшіяся московскими государями въ пользу правъ ихъ на царскій титулъ 271—400.

Мнѣнія изслѣдователей о происхожденіи слова „царь“ и времени приложенія его къ русскимъ князьямъ 271—273. Случаи усвоенія царскаго титула Іоанномъ III и Василемъ III 273—284. Требованіе Іоанна IV отъ германскаго императора признать за нимъ царскій титулъ 285—287. Требованіе того же отъ польскаго короля 287—323. Попытки Рима завязать сношенія съ Москвою 324—335. Посевино въ роли

посредника между Иоанномъ IV и Баторіемъ 336—340. Титульъ Іоанна IV въ сношеніяхъ съ нимъ англійскаго правительства 340—341. Требованіе Ѳедора Іоанновича къ польскому королю признать за нимъ царскій титульъ 341—345. Умаленіе царскаго титула Ѳедора Іоанновича со стороны англійской королевы 345—347. Титулованіе Ѳедора Іоанновича со стороны Рима 347—356. Умаленіе царскаго титула Бориса Годунова со стороны германскаго императора 356—357. Требованіе Бориса Годунова къ польскому королю признать за нимъ царскій титульъ 357—366. Титулованіе Бориса Годунова со стороны Рима 366—367. Требованіе Разстриги отъ польскаго короля признать за нимъ императорскій титульъ 367—373. Требованіе Василя Шуйскаго отъ польскаго короля признать за нимъ царскій титульъ 378—380. Умаленіе титула Михаила Ѳедоровича со стороны германскаго императора, французскаго и датскаго королей 380—384. Требованіе Михаила Ѳедоровича отъ польскаго короля признать за нимъ царскій титульъ 384—386. Требованіе того же Алексѣемъ Михайловичемъ отъ папы 386—396. Объясненіе московскаго посланника въ Испаніи, почему Алексѣй Михайловичъ титуловаль себя царемъ 396—397. Переговоры въ Москвѣ съ гонцомъ германскаго императора о признаніи царскаго титула московскаго государя со стороны папы 397—399. Призваніе панюю царскаго титула за Петромъ I 400.

Замѣченныя опечатки.

Страница	Строка	Напечатано	Слѣд. напечатать
45	6 снизу	отець	папа
61	3 снизу	159	160
—	9 снизу	159	160
62	22 сверху	porrexitis	porrexitis
63	6 сверху	sacratissimo	sacratissima
208	2 снизу	408	403
236	5 сверху	1594	1514
352	1 сверху	московскихъ	(московскихъ)

Глава I.

Большое значеніе браку Іоанна III съ Софьей Палеологъ придавалъ еще кн. Щербатовъ. Іоаннъ III, по его словамъ, вступилъ въ бракъ съ Софьей, „проникая, что такимъ супружествомъ можетъ получить нѣкоторое право на Греческій Константинопольскій престолъ, которое, не взирая на отдаленность мѣстъ, помощію самихъ Грековъ надъ неутвержденною властію Отоманскою можетъ въ дѣйство привести, а при томъ можетъ самымъ же симъ бракомъ приобрѣсти себѣ сообщеніе съ Римскимъ Папскимъ дворомъ, и стараніями онаго имѣть сообщеніе и съ другими европейскими державами, чрезъ что и противу самыхъ Татаръ власть его страшище будетъ; таковыя дальновидныя намѣренія свои объяснилъ онъ митрополиту, матери своей и боярамъ“, которые сказали великому князю, что кромѣ политическихъ основаній, слѣдуетъ имѣть въ виду „и самую достоинства Греческія княжны“, которыя могутъ укрѣпить „сей бракъ и щастіе государя и народа“, и что слѣдуетъ отправить посла въ Римъ, „который бы видѣлъ княжну Союю и могъ о достоинствахъ ее донести Великому Князю“. Великій князь послѣдовалъ этому совѣту и отправилъ посла въ Римъ ¹⁾.

Такую же картину совѣщанія Іоанна III съ матерью, митрополитомъ и боярами рисуетъ и Карамзинъ, только у послѣдняго инициатива отправленія посла въ Римъ для ознакомленія съ качествами Софьи исходитъ не отъ совѣтниковъ, но отъ самого Іоанна III. Великій князь, говоритъ Карамзинъ, очень обрадовавшійся исходившему изъ Рима предложенію вступить въ бракъ съ Софьей Палеологъ, „требовалъ совѣта отъ матери, митрополита Филиппа, знат-

¹⁾ „Исторія Россійская“, т. IV, ч. II, стр. 23.

нѣйшихъ бояръ: всѣ думали согласно съ нимъ, что самъ Богъ посылаетъ ему столь знаменитую невѣсту, отрасль царственнаго древа, коего сѣнь покоила нѣкогда все Христіанство православное, нераздѣленное; что сей благословенный союзъ, напоминая Владиміровъ, сдѣлаетъ Москву какъ бы новою Византіею, и дастъ Монархамъ нашимъ право Императоровъ Греческихъ. Великій князь желалъ чрезъ собственнаго посла удостовѣриться въ личныхъ достоинствахъ Софьи и велѣлъ для того Ивану Фрязипу ѣхать въ Римъ "...¹⁾). Карамзинъ понималъ, что „личныя достоинства“ Софьи должны были интересовать Іоанна III не менѣе, чѣмъ совѣтниковъ его.

Щербатовъ приписалъ Іоанну III мысль о завоеваніи Константинополя и намѣреніе вступить въ сношенія съ европейскими государствами чрезъ Римъ, благодаря браку съ цареградской царицею. Карамзинъ же вложилъ въ уста Іоанна III и его совѣтниковъ только разсужденія о полученіи чрезъ этотъ бракъ правъ византійскихъ императоровъ, и увидѣлъ слѣдствіе его въ томъ то, что „Европа съ любопытствомъ и съ почтеніемъ обратила взоръ на Москву, дотогѣ едва извѣстную, что государи и народы просвѣщеннѣйшіе захотѣли нашего дружества"...²⁾). Подобно Щербатову, Карамзинъ не указалъ источника, на основаніи котораго онъ изобразилъ сцену совѣщанія Іоанна III съ матерью, митрополитомъ и боярами.

Щербатовъ замѣтилъ, что Іоаннъ III, послѣ брака съ Софьей Палеологъ, старался „сообщенія съ Европейскими странами имѣть"³⁾, Карамзинъ говоритъ, что главнымъ слѣдствіемъ этого брака были сношенія Московскаго государства съ западною Европой⁴⁾. Обративъ, сравнительно съ Щербатовымъ, болѣе вниманія на личность Софьи, Карамзинъ расширилъ сферу ея вліянія и прибывшихъ съ нею въ Москву грековъ. Отмѣчая культурное ихъ вліяніе, онъ указываетъ, что Софья способствовала „велелѣпію нашего Двора сообщеніемъ ему пышныхъ обрядовъ Византійскаго"⁵⁾. Какіе об-

1) „И. Г. Р.“, изд. Эйверлинга, т. VI, стр. 39.

2) Тамъ же, стр. 37.

3) Назв. трудъ, т. IV, ч. II, стр. 89.

4) Назв. трудъ, т. VI, стр. 45.

5) Тамъ же, стр. 45.

ряды появились при Московскомъ дворѣ, благодаря Софьѣ—Карамзинъ не говоритъ. Онъ склоненъ видѣть вліяніе Софьи въ рѣшимости Іоанна III свергнуть татарское иго. „Пишутъ, говоритъ онъ, что всл. кв. Софія, жена хитрая, честолюбивая, не преставаала возбудить супруга къ сверженію иго, говоря ему ежедневно: долго-ли быть мнѣ рабынею Ханскою?“ Благодаря Софьѣ татары были выселены изъ Кремля, и „Іоаннъ III прекратилъ унижительныя для него встрѣчи татарскихъ пословъ“¹⁾.

Полевой въ своей „Исторіи русскаго народа“ также говоритъ о совѣщаніи Іоанна III съ „совѣтомъ Святителей и Бояръ“. На этомъ совѣтѣ „говорили, что Богъ посылаетъ Іоанну знаменитую невѣсту, отрасль корени отъ Кесаря Августа“²⁾. У Карамзина:— „всѣ думали согласно съ нимъ (Іоанномъ III), что самъ Богъ посылаетъ ему столь знаменитую невѣсту, отрасль царственного дрѣва“...³⁾ Но Полевой не исполнѣ слѣдуетъ Карамзину: о думаяхъ совѣтниковъ великаго князя, будто бракъ съ Софьей Палеологъ сдѣлаетъ Москву какъ-бы новой Византіей, и дастъ Іоанну III и его преемникамъ права византійскихъ императоровъ, авторъ „Исторіи русскаго народа“ умолчалъ. Онъ, подобно Карамзину, приписываетъ Іоанну III инициативу посольства въ Римъ съ цѣлью познакомиться съ достоинствами Софьи: „Іоаннъ III хотѣлъ еще удостовѣриться въ красотѣ и достоинствахъ невѣсты. Ивана Фрягина назвали посломъ и отправили въ Италію“⁴⁾. Подобно Щербатову и Карамзину Полевой не указываетъ источника, изъ котораго почерпнуты рѣчи, влагаемая имъ въ уста говорившихъ на совѣтѣ, созванномъ Іоанномъ III, для обсужденія проекта брака его съ Софьей Палеологъ.

Излагая переговоры о бракѣ съ Софьей и описывая пріѣздъ ея въ Москву, Полевой ссылается на отдѣльное подробное описаніе пріѣзда Софьи въ Москву и переговоровъ, которые предшествовали этому пріѣзду. Въ этомъ описаніи сказано только, что Іоаннъ III, влѣдствіе предложенія брачнаго союза съ Софьей,

¹⁾ Тамъ же, т. VI, стр. 58.

²⁾ „Ист. рус. народа“, т. V, стр. 482—483.

³⁾ „И. Г. Р.“ т. VI, стр. 39.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 482.

„помысливъ о семъ со отцемъ своимъ Филипомъ митрополитомъ и съ матерью своею и з бояры“, послалъ Ивана Фрязина видѣть царевну“¹⁾). По возвращеніи Ивана Фрязина въ Москву. Іоаннъ III, прежде чѣмъ послать за Софьей, также „обмыслилъ съ отцемъ своимъ Филипомъ митрополитомъ и съ матерью своею великою княгинею Марьею и з братьею и з бояры“...²⁾). Что говорилось на первомъ и на второмъ совѣщаніяхъ Іоанна III съ матерью, митрополитомъ и боярами, въ описаніи, на которое ссылается Полевой, не сказано. Должно быть, молчаніе описанія и лѣтописей относительно того, что именно говорилось на этихъ совѣщаніяхъ при обсужденіи проекта брака съ Софьей, было причиною, почему Полевой не послѣдовалъ воплѣ Карамзину, и счелъ возможнымъ допустить только, что совѣтники Іоанна III говорили о Софьѣ какъ о знаменитой невѣстѣ, но не приписалъ Іоанну III и совѣтникамъ его мысли, подобно Карамзину, получить права па Византію чрезъ бракъ съ византійской царевной. Полевой не видитъ отъ этого брака такихъ важныхъ политическихъ послѣдствій для московскаго государства, какъ Карамзинъ. „Супружество Іоанна съ Греческою Царевною не принесло Руси собственно ничего, говоритъ Полевой, кромѣ чести — именоваться русскому царю зятемъ греческихъ императоровъ..... Наслѣдства за Софіею не было. Дружбу Султана Іоаннъ, конечно, предпочелъ бы пустому титулу наследника Византійскаго престола. Онъ и не искалъ сего титула... Но Іоаннъ извлекъ важныя выгоды отъ приѣзда многихъ грековъ въ Москву..... Они привлекали къ нему другихъ инопоземцевъ; были послами, чиновниками Іоанна, изъясняли ему политическія связи Европы, учили русскихъ дипломатикъ... И прежде выѣзжали въ Русь художники Европейскіе; Іоаннъ началъ самъ искать, вызывать ихъ въ Русь“...³⁾). О вліяніи Софьи на рѣшимость Іоанна III свергнуть шго татарское Полевой не говоритъ. Онъ упомянулъ ния

¹⁾ „Продолженіе др. Рос. Вивл.“, ч. III, стр. 50.

²⁾ Тамъ же, стр. 52. Эти извѣстія описанія о совѣщаніяхъ Іоанна III заимствованы издателемъ, по словамъ его, какъ и самое описаніе приѣзда Софьи въ Москву, изъ лѣтописи времени царя Ивана Васильевича; тамъ же, стр. 48 прим. 1 и стр. 52 прим. 7.

³⁾ Наз. трудъ, V, стр. 564—566.

ея рассказывая о сверженіи ига татарскаго: „Софія, боясь неудачи въ битвахъ, посиѣпно ѣхала далѣе и далѣе, говори, что побѣдетъ до самаго моря Окіяна“¹⁾. Полевой отмѣчаетъ ропотъ современниковъ, что Софія „бѣжала отъ страха татарскаго“²⁾.

Соловьевъ, слѣдуя лѣтописи, говоритъ только, что Іоаннъ III предложеніе руки Софіи „взялъ въ мыслъ и, подумавши съ митрополитомъ, матерью и боярами, отправилъ въ Римъ своего посла“³⁾. Влагаемая Щербатовымъ и Карамзинимъ въ уста Іоанна III и его совѣтниковъ разсужденія (на совѣщаніи) о значеніи для Московскихъ государей брака съ византійской царевной, Соловьевъ обошлъ молчаніемъ. О вліяніи Софіи на своего супруга онъ говоритъ на основаніи свидѣтельствъ Герберштейна, князя Курбскаго и рѣчей опального боярина Берсея Веклемишева. Софія, по мнѣнію Соловьева, припела съ собою преданія имперіи, которыя способствовали укрѣпленію за великимъ княземъ московскимъ высшаго значенія относительно другихъ князей. Современники, говоритъ Соловьевъ, замѣтили, что со времени брака съ Софьей Іоаннъ III возвысился до царственной недосягаемой высоты въ отношеніи князей и дружины, приписали эту переѣну впушеніямъ Софіи, и мы не имѣемъ никакого права отвергать ихъ свидѣтельство⁴⁾. Ссылаясь на свидѣтельства Курбскаго и Берсея, Соловьевъ имѣетъ въ виду, что свидѣтельства эти принадлежатъ лицамъ пристрастнымъ, и потому указываетъ на Герберштейна и лѣтописцевъ, подтверждающихъ недовольныхъ князя и боярина⁵⁾. Отмѣчая вліяніе Софіи на переѣну отношеній Іоанна III къ князьямъ и боярамъ, Соловьевъ указываетъ, что къ половинѣ XV в. „всѣ отношенія духовенства, дружины и остальнаго населенія клонились къ утвержденію въ Москвѣ крѣпкаго самодержавія, что къ этому времени все уже было приготовлено къ тому, чтобы новое государство приняло именно эту форму: но отъ стараго порядка вещей оставались еще нѣкоторыя преданія, обычаи,

1) Тамъ же, стр. 495.

2) Тамъ же, стр. 501.

3) „Ист. Рос.“, т. V, стр. 66, изд. 5.

4) Тамъ же, стр. 70.

5) Тамъ же, стр. 71.

приемы, отъ которыхъ нужно было освободиться“¹⁾. Въ дѣлѣ освобожденія отъ нихъ помогла Софья.

По мнѣнію Соловьева, въ вѣнчаніи Іоанномъ внука своего на царство, сказалось вліяніе мыслей, внушенныхъ своему супругу Софьей, которая, конечно, имѣла въ виду вѣнчаніе сына своего²⁾. Вліяніе же Софьи Соловьевъ склоненъ видѣть въ рѣшимости Іоанна III свергнуть татарское иго, причемъ ссылается на „Чтенія Моск. Об. Ист. и Др. Рос.“ годъ III. № 4“, имѣя въ виду, конечно, исторію Татищева. Въ этой исторіи, подъ 1479 г., находимъ рассказъ, что великій князь повѣдалъ матери, дядѣ, всѣмъ князьямъ и боярамъ требованіе хана Ахмата, чтобы онъ самъ привезъ дань за прѣжніе годы или прислалъ-бы ее съ сыномъ своимъ: тогда великому князю „мнози реша: лучше ти, княже, умирить дары нечестиваго, неже кровь христіанскую проліяти“. Софья, слыша это, заплакала и сказала Іоанну III, что отецъ ея и она предпочли лишиться отчины своей, чѣмъ платить дань, что она отказала другимъ богатымъ и сильнымъ князьямъ и вышла замужъ за него, а онъ хочетъ ее и дѣтей ея сдѣлать татарскими данниками; ты имѣешь, говорила она мужу, много войска и помощникомъ своимъ Бога, зачѣмъ же ты предпочитаешь слушать рабовъ своихъ вмѣсто того, чтобы стоять за честь свою и за св. вѣру? Какъ прежде, такъ и теперь откажи хану въ платежѣ дани. Іоаннъ III удивился совѣту жены своей, когда же на другой день явился къ нему посольство съ ханской басмой, бросилъ ее на полъ и отказалъ послу въ платежѣ дани³⁾. Вотъ все, что Соловьевъ приписываетъ вліянію Софьи.

Характеризуя дѣятельность Іоанна III, Соловьевъ относится отрицательно къ мнѣнію, образовавшемуся въ XVIII в., будто Іоаннъ III соединилъ до него раздробленную Россію въ одно цѣлое и свергнулъ татарское иго. Относительно послѣдняго Соловьевъ говоритъ, что татары ослабѣвали постепенно, что Димитрій Донской разбилъ Мамай, но былъ принужденъ заплатить дань Тохтамышу, Іоаннъ же III Ахмата не разбивалъ, однако по смерти

¹⁾ Тамъ же, стр. 69.

²⁾ Тамъ же, стр. 78.

³⁾ „Исторія Рос.“, кн. V, стр. 78.

его татары съ Волги не приходили къ Москвѣ за данью, что Дмитрій Донской имѣлъ дѣло „хотя съ потрясеннымъ, но еще довольно сильнымъ тѣломъ, а Іоаннъ III—съ одною уже тѣнью“¹⁾).

Костомаровъ приводитъ бесѣду опального Берсея съ Максимомъ Грекомъ, какъ свидѣтельство существовавшего во времена Василия III мнѣнія, будто образованію единоподержавія много помогло вліяніе Софьи. Но Костомаровъ признаетъ несомнѣннымъ, что Софья „могла только укрѣплять своего супруга въ помыслахъ самодержавія, но не зарождала ихъ въ немъ; обстоятельства, къ которымъ привела Русь вся ея предшествовавшая судьба, были достаточны для возбужденія рѣшительныхъ стремленій къ самодержавію безъ постороннихъ чуждыхъ вліаній“²⁾. Костомаровъ приписываетъ отчасти вліанію Софьи появленіе царственныхъ пріемовъ и придворнаго величія въ жизни московскаго государя, и полагаетъ, что Іоаннъ III, вслѣдствіе брака съ Софьей, сталъ воображать себя преемникомъ славы и величія православныхъ византійскихъ царей. Последнее, по мнѣнію Костомарова, выразилось въ томъ, что Іоаннъ III, въ нѣкоторыхъ своихъ грамотахъ, началъ титуловать себя царемъ и вѣнчалъ на царство внука своего³⁾.

Д. И. Иловайскій высказалъ мнѣніе, что бракъ Іоанна III съ Софьей имѣлъ разнообразныя и важныя послѣдствія для московскаго государства⁴⁾. Къ извѣстіямъ, будто на рѣшимость Іоанна III свергнуть татарское иго повліяла Софья, Д. И. Иловайскій относится осторожно: „если вѣрить, говоритъ онъ, нѣкоторымъ извѣстіямъ, то на рѣшимость Іоанна III уничтожить самую тѣнь татарской зависимости, т. е. платежъ дани, болѣе всего повліяла его супруга Софья“⁵⁾. Принимая во вниманіе характеръ и вообще образъ дѣйствій Іоанна III, Д. И. Иловайскій полагаетъ, что „кромѣ внушеній Софьи на рѣшимость Іоанна прекратить данническія отношенія къ Золотой Ордѣ повліяло и общественное мнѣ-

1) „Ист. Россіи“, т. V, стр. 362.

2) „Начало единоподержавія въ древн. Руси“, Истор. мон. т. XII, стр. 106.

3) Тамъ же, стр. 108.

4) „Ист. Рос.“, т. II, стр. 450, изд. I.

5) Тамъ же, стр. 467.

ніе московскаго населенія: ненависть къ татарскому ярму, сознание его униженности и презрѣніе къ варварамъ-мусульманамъ... все болѣе и болѣе выступали наружу по мѣрѣ вѣдѣнныхъ успѣховъ и политическаго усиленія московскаго государства. Иванъ Васильевичъ не только не опережалъ въ этомъ случаѣ общественныя стремленія, а напротивъ долженъ былъ бороться съ петербургскимъ значительной части своего народа¹⁾. Въ завязавшихся дипломатическихъ сношеніяхъ Іоанна III съ иноземными государствами Д. И. Иловайскій видитъ слѣдствіе сверженія татарскаго ига и объединенія Руси въ одно сильное государство. Онъ указываетъ, что усилившееся московское государство обратило на себя вниманіе Европы, и нѣкоторые государи сами искали съ нимъ дружбы и союза²⁾, что Іоаннъ III на первыхъ порахъ въ своихъ сношеніяхъ съ европейскими державами пользовался нѣкоторыми греко-итальянскими выходцами, знакомыми съ языкомъ и обычаями иноземными, но, вскорѣ подъ руководствомъ великаго князя образовалась собственная русская школа дипломатовъ въ средѣ московскихъ бояръ и дьяковъ³⁾. Перемену отношеній Іоанна III къ боярамъ Д. И. Иловайскій ставитъ въ связь съ усиленіемъ власти московскаго великаго князя и поэтому находитъ естественнымъ, что Іоаннъ III, обладая вообще правомъ строгимъ, любящимъ повиновеніе, повысилъ тошъ съ боярами сравнительно съ отцомъ, который боролся за великокняжескій столъ большую часть своего княженія и много былъ обязанъ именно боярамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Д. И. Иловайскій считаетъ несомнѣннымъ, что Софья привнесла съ собою въ Москву многія преданія и понятія византійскаго двора, и что ея вліяніе еще болѣе подняло и безъ того высокія представленія Іоанна III о своей власти⁴⁾.

Подводя итогъ вліянію Софьи, Д. И. Иловайскій заключаетъ, что Іоаннъ III, благодаря внушеніямъ ея, пришелъ къ намѣренію покончить съ самою тѣвью постыднаго татарскаго ига и подъ ея вліяніемъ старался окружить свой дворъ возможно пыш-

¹⁾ Тамъ же, стр. 468.

²⁾ Тамъ же, стр. 493.

³⁾ Тамъ же, стр. 496.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 503.

постью и блескомъ и усилить сторону обрядовую. Но, по мнѣнію Д. И. Пловайскаго, такое вліяніе не слѣдуетъ преувеличивать на томъ основаніи, что вѣдствуя, при сынѣ и внукѣ Іоанна III, нѣкоторые бояре, сѣтуя на суровость и высокомѣрное обращеніе съ ними московскихъ государей, приписывали эту перемену въ обращеніи именно Софьѣ и пріѣхавшимъ съ нею грекамъ. Обвинять въ какомъ-либо неспрiятномъ общемъ явленіи одно извѣстное лицо, говорить Д. И. Пловайскій, слишкомъ обычная черта въ человѣческихъ обществахъ; бояре того времени, конечно, не смотрѣли на событія съ исторической точки зрѣнія, которая обязательна для историка. Особенно ясно, по мнѣнію Д. И. Пловайскаго, выразилось вліяніе Софьи въ вопросѣ о престолонаслѣдіи: Іоанну III наследовалъ не внукъ Дмитрій, но сынъ отъ брака съ Софьей — Василій ¹⁾.

Бестужевъ-Рюминъ высказалъ мнѣніе, что на форму московскаго государства и на всю внѣшнюю обстановку власти государей его имѣлъ важное вліяніе бракъ Іоанна III съ Софьей Палеологъ, которая принесла въ Москву обычаи и преданія византійской имперіи ²⁾. Онъ указываетъ, что большое значеніе этому браку придавали современники, мнѣнія которыхъ находимъ у Герберштейна, кв. Курбскаго и въ рѣчахъ Берсеи Беклемишева, что Іоаннъ III первый окружилъ себя царскимъ величіемъ и первый принялъ внѣшніе знаки этого величія: сталъ употреблять гербъ византійской имперіи, вѣнчалъ своего внука царскимъ вѣнцомъ; что Іоанну же, вѣроятно, принадлежитъ этикетъ, съ которымъ принимали пословъ послѣдующіе московскіе государи, что едва-ли также не ко времени Іоанна III надо отнести большую часть придворныхъ чиновъ ³⁾. Отмѣчая, что виднѣйшее событіе въ государствование Іоанна III—визверженіе татарскаго ига—приводится многими въ соотношеніе съ появленіемъ Софьи въ Кремлѣ, Бестужевъ-Рюминъ говоритъ, что сверженіе ига—старая, заветная мысль московскихъ князей,—не можетъ быть объяснено однимъ случайнымъ обстоятельствомъ, хотя допускаетъ, что гордой Софьѣ тяжела

¹⁾ Тамъ же, стр. 504.

²⁾ „Рус. Ист.“, т. II, стр. 156.

³⁾ Тамъ же, стр. 157.

была зависимость ея мужа отъ татарскаго хана, и не отрицаетъ нѣкоторой справедливости въ передаваемыхъ по этому случаю разказахъ ¹⁾.

И. Е. Забѣлинъ полагаетъ, что слѣдствія брака Іоанна III съ Софьей Палеологъ имѣли большое значеніе и въ государственномъ отношеніи и въ частномъ быту московскаго государя. Новое государственное направленіе, говоритъ онъ, возникшее въ концѣ XV в. естественнымъ ходомъ исторіи, было приведено въ полную сознательность и опредѣленность съ прїѣздомъ въ Москву Софы. Дворъ и дворецъ московскаго государя съ этого времени стали постепенно преобразовываться, заимствуя многое отъ угаснувшей Византіи. При томъ этотъ бракъ завязалъ самыя тѣсныя сношенія Москвы съ европейскими государствами; начались частые прїѣзды иноземныхъ пословъ, прїемъ которыхъ, при новыхъ политическихъ отношеніяхъ московскаго государя, требовалъ бѣльшей церемональности, бѣльшаго помѣщенія ²⁾. Подъ вліяніемъ византійскихъ идей и обычаевъ, живымъ представителемъ которыхъ была Софья Палеологъ и окружавшіе ее греки, московскій государь не только вполне созналъ свое царственное значеніе, принялъ титулъ царя всея Руси, но и облекъ это значеніе въ соответственныя царскія формы... Новое устройство двора, устанавленіе новыхъ придворныхъ обычаевъ и торжественныхъ чиновъ или обрядовъ, по подобію обычаевъ и обрядовъ двора византійскаго, навсегда опредѣлили высокій санъ самодержца и отделили его на неизмѣримое разстояніе отъ подданныхъ ³⁾. Но, замѣчаетъ И. Е. Забѣлинъ, при Іоаннѣ III всѣ придворные обряды еще не облекались въ тѣ пышныя формы, какія они получили впоследствии; вообще пышная, великолѣпная обстановка царскаго сана входила постепенно и водворилась окончательно только при его внукѣ ⁴⁾.

Въ своей статьѣ: „Взглядъ на развитіе московскаго единодержанія“ И. Е. Забѣлинъ удѣляетъ болѣе вниманія уясненію

¹⁾ Тамъ же, стр. 161.

²⁾ „Домашній бытъ русск. царей“, стр. 42, изд. 3.

³⁾ Тамъ же, стр. 278.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 278.

вліянія Софьи на своего супруга. Въ этой статьѣ авторъ ея говоритъ не столько о греческомъ вліяніи, проникшемъ въ Москву съ Софьей, сколько объ итальянскомъ. Онъ указываетъ, что съ Софьей пріѣхали въ Москву многіе итальянцы и многіе греки. „Этотъ наплывъ итальянцевъ и грековъ изъ Италіи, долженъ былъ по словамъ И. Е. Забѣлина, произвести свое вліяніе на московскіе умы, искавшіе въ то время средствъ и способовъ, какъ лучше устроиться въ ново-созданомъ государствѣ“. Недовольные русскіе люди очень осуждали Софью за принесенныя ею нововведенія. „Они складывали всю вину на одну личность, потому что это былъ живой символъ вторгнувшагося въ Москву иного порядка мыслей и дѣлъ, но который возникъ изъ обмѣна мыслей, сужденій, совѣтовъ, отъ цѣлаго общества образованныхъ иноземцевъ изъ Италіи“. „Несомнѣнно, что съ Софьей прибыли въ Москву люди избранные, и несомнѣнно, что они-то и принесли совѣтъ иныя, европейскія, и при томъ итальянскія идеи объ обязанностяхъ и правахъ государя—владыки земли. Въ то время Италія, истощаемая безпутствомъ политическихъ властей, усердно и настойчиво мыслила о разумныхъ способахъ и средствахъ для созданія прочнаго государства. Ей, по ея собственнымъ опытамъ, хорошо были знакомы весьма разнородныя формы государственнаго порядка, поэтому нигдѣ въ Европѣ теорія государственной мудрости не была столько распространена, какъ въ тогдашней Италіи, и, конечно, нигдѣ не было столько знатоковъ и учителей хитростямъ политики, какъ между итальянцами“. И. Е. Забѣлинъ обращаетъ вниманіе, что Макіавели былъ сынъ того поколѣнія, которое явилось съ своими политическими идеями въ Москву, и „его знаменитое сочиненіе „Государь“ показываетъ, что политическая практика того времени была очень наклонна къ созданію неограниченнаго единовластія, а прибывшіе съ царевной Софьей греки, по своимъ преданіямъ, не могли иначе и разсуждать, какъ о томъ же идеалѣ единовластнаго и самовластнаго царя самодержца“. Многое могъ услышать московскій государь, говоритъ И. Е. Забѣлинъ, отъ прибывшихъ съ царевной итальянцевъ и грековъ, на пользу наибольшаго развитія своей государевой власти, а еще болѣе отъ своей супруги, которая являлась, такъ сказать, посредникомъ между

шимъ и прибывшими съ нею изъ Италиі. Когда новыя государственныя идеи принесли свой плодъ въ новомъ поколѣніи людей, то старыя люди объяснили перемѣну въ характерѣ и поведеніи сына Іоанна III именно вліяніемъ Софьи (Берсенъ). Такимъ образомъ Софьиныя греки и итальянцы принесли московскому государю, воспитанному на великокняжескихъ отношеніяхъ, идеаль царя, принесли ученіе о томъ, какъ слѣдуетъ царствовать, какъ относиться къ подданнымъ. Слово „царь“ переноситъ мысль государя на новую почву и возстановляетъ передъ нимъ идеаль римскихъ и византійскихъ царей, очень извѣстныхъ всей тогдашней церковной книжности. Возстановляется неизвѣстная дотолѣ на Руси тираннія по идеалу тиранній, существовавшихъ въ той же Италиі и особенно въ Византіи ¹⁾. Въ заключеніи своей статьи, указывая на постепенность развитія самовластия московскихъ государей, И. Е. Забѣлинъ говоритъ, что государево самовластіе на русской почвѣ, сильно ограниченное старозавѣтными обычаями, быть можетъ, еще не такъ скоро получило окончательную отдѣлку, окончательную уже царскую форму, еслибы не пришли ему на помощь для падежащаго его воспитанія и образованія Софьиныя греки и итальянцы ²⁾.

Большое значеніе вліянію Софьи на своего супруга придавъ Вешняковъ въ своемъ разсужденіи „О причинахъ возвышенія московскаго княжества“. Указывая, что „княженіе Іоанна III представляетъ послѣдній, рѣшительный моментъ возвышенія Москвы, представляетъ рѣшеніе великой задачи, предложенной Іоанномъ Калитою, поддержанной Сумеономъ Гордымъ, развитой Димитріемъ Донскимъ и доведенной почти до конца двумя Василіями“, что Іоанну III „оставалось нанести послѣдній ударъ волѣ Новгородской, довершить собираніе земли Русской и отшатнуться отъ Орды, не говоримъ свергнуть иго, ибо оно не существовало“, характеризуетъ Іоанна III, „воспитаннаго среди важнѣйшихъ дѣлъ государственнымъ отцомъ своимъ, который былъ политикъ хитрый и властолюбивый“, какъ „одареннаго отъ природы геніальнымъ тактомъ выбирать благоприятное время, падежныя средства и да-

¹⁾ „Истор. Вѣстникъ“, 1881 г., апрѣль, стр. 772—776.

²⁾ Тамъ же, стр. 779.

ровитыхъ людей“, обпаружившаго въ своей политикѣ благоразуміе, постепенность и ловкую умѣренность ¹⁾, Вешняковъ въ то же время находитъ, что Іоаннъ III, „покоряя Новгородъ, сокрушая удѣлы, безъ сомнѣнія не мало слѣдовалъ въ этихъ случаяхъ совѣтамъ супруги своей, гордой гречанки, послѣдней отрасли Палеологовъ, Софіи... Софія принесла съ собой въ Россію идею о царскомъ величіи, о пышности двора Византійскаго; Іоаннъ III, слѣдуя ей внушеніямъ, окружилъ себя блескомъ и величіемъ, которые затмили князей удѣльныхъ. Рожденный „съ малерами царскими“ (Bergeron. Voyage de Contarini. chap. VIII), которая онъ сохранилъ и во всю жизнь, женатый на гордой принцессѣ, воспитанной въ правилахъ двора Византійскаго, Іоаннъ естественно долженъ былъ стремиться къ утверженію Единодержавія“... ²⁾). Благодаря браку Іоанна III съ Софией, произошло, по мнѣнію Вешнякова, сближеніе Россіи съ Европой. „Софію же, говоритъ онъ, по свидѣтельству современниковъ, имѣемъ мы право считать вповницей свободы Россіи и сверженія постыднаго ига“ ³⁾).

Разсужденія о вліяніи Софіи на своего супруга естественно находимъ въ трудахъ, посвященныхъ выясненію вліянія Византіи на Русь.

Проф. Иконниковъ указывалъ, что въ развитіи политическихъ понятій московской Руси имѣли большое значеніе и политическія преданія Византіи. Какъ родство Владиміра Мономаха по матери съ греческою династією, говоритъ онъ, высоко поставило русскаго князя въ глазахъ современниковъ, такъ и женитьба Іоанна III на Софьи Палеологъ придала Московскому Государю правственное значеніе. Проф. Иконниковъ приводитъ мнѣніе Соловьева, что Софія принесла въ Москву преданія имперіи (византійской), и указываетъ, что Карамзинъ считалъ, между прочимъ, слѣдствіемъ брака Іоанна III съ византійской царевной принятіе московскимъ государемъ византійскаго герба и введеніе пышности и недоступности византійскаго двора при дворѣ московскомъ ⁴⁾.

¹⁾ Назв. трудъ, стр. 138—139, Спб. 1851 г.

²⁾ Тамъ же, стр. 152.

³⁾ Тамъ же, стр. 153.

⁴⁾ „Опытъ изслѣдованія о культурѣ. знач. Византіи въ русской исторіи“, стр. 362—363.

Проф. Терновскій замѣтилъ, что кромѣ Софьи важную политическую роль въ Москвѣ играли греки, пришедшіе туда или вмѣстѣ съ Софьей или немного ирежде и послѣ нея. Говоря о вліяніи Софьи, онъ имѣетъ въ виду рѣчи Берсея и свидѣтельства Герберштейна и Курбскаго. Вліяніе Софьи, по мнѣнію Терновскаго, сказалось въ рѣшимости Іоанна III свергнуть татарское иго: благодаря ея же вліянію въ значительной степени усилился монархизмъ, произошла переиѣна отношеній государя къ окружающимъ его боярамъ, умножились придворные чины и церемоніи при московскомъ дворѣ по подобію двора византійскаго, вызваны были въ Москву итальянскіе художники ¹⁾.

Проф. Дьяконовъ, рассмотрѣвъ отношеніе Іоанна III къ попыткамъ соблазнить его константинопольскимъ наслѣдіемъ послѣ брака съ Софьей Палеологъ, пришелъ къ заключенію, что Іоаннъ III, повидимому, отрицательно относился къ вопросу о реальномъ наслѣдствѣ константинопольскихъ царей, такъ какъ наслѣдство это предстояло еще добывать у турокъ, борьба съ которыми все не входила въ его планы ²⁾.

Проф. Успенскій высказалъ мнѣніе, что „бракъ Іоанна III съ Софьей Палеологъ служитъ обоснованіемъ теоріи Константинопольскаго наслѣдства“. „Я имѣю здѣсь въ виду не то, говоритъ проф. Успенскій, что въ силу этого брака Иванъ III могъ себя считать наслѣдникомъ престола византійскихъ царей, а нѣчто болѣе реальное, именно *актъ передачи титула на Византію* со стороны дѣйствительнаго наслѣдника престола Андрея Палеолога“ ³⁾. Вотъ, по мнѣнію проф. Успенскаго, слѣдствіе брака Іоанна III съ Софьей Палеологъ. Путь, которымъ проф. Успенскій пришелъ къ такому заключенію, выясняется, если имѣть въ виду исторію Палеологовъ послѣ паденія Византіи. Семья эта послѣ 1453 г. состояла изъ двухъ братьевъ: Дмитрія и Ѳомы. Старшій—Дмитрій—въ 1460 г. попалъ въ плѣнъ къ туркамъ, былъ отведенъ въ Константинополь и умеръ десять лѣтъ спустя; онъ

¹⁾ „Изученіе визант. исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси“, вын. II. стр. 53—54.

²⁾ „Власть московскихъ государей“, стр. 83.

³⁾ „Какъ возникъ и развивался въ Россіи восточный вопросъ“, стр. 28.

имѣлъ только одну дочь, которая была взята въ гаремъ султана. Младшій—*Ома*—бѣжалъ на островъ Корфу, откуда переселился въ Римъ. Сюда онъ явился въ качествѣ претендента на византийскій престолъ, дѣятельно хлопоталъ здѣсь и въ Венеціи о восстановленіи своихъ правъ на этотъ престолъ, но умеръ въ 1462 г., не успѣвъ въ своихъ хлопотахъ; нѣсколько ранѣе умерла супруга его. Послѣ него остались два сына: Андрей и Мануиль и двѣ дочери: Елена и Зоя. Первая умерла въ 1474 году, вторая же, вмѣстѣ съ братьями, воспитывалась на счетъ папы (папа выдавалъ на содержаніе дѣтей *Омы* 12000 р. въ годъ) въ Римѣ, гдѣ поселились дѣти *Омы* послѣ смерти его. Мануиль вскорѣ бѣжалъ изъ Рима въ Константинополь, гдѣ ему пожалованъ былъ гаремъ и приличное содержаніе: отъ него пошла мусульманская вѣтвь Палеологовъ. Андрей и Зоя воспитывались по плану, начертанному кардиналомъ Виссаріономъ. Они имѣли свой дворъ, при нихъ находился медикъ, учитель грекъ, учитель итальянецъ, одинъ или два латинскихъ священника. Желаніе *Омы* было, по свидѣтельству кардинала Виссаріона, чтобы дѣти его воспитаны были въ лонѣ латинской церкви. Царевна Зоя сосватана была за одного знатнаго венеціанца изъ рода *Сагасціоли*, а Андрей оказался безпутнымъ человѣкомъ, женился на служанкѣ, но дѣтей отъ нея не имѣлъ. Таковы, говоритъ проф. Успенскій, греческія и латинскія извѣстія о послѣднихъ Палеологахъ ¹⁾.

Называя Андрея Палеолога безпутнымъ человѣкомъ и искателемъ приключеній, проф. Успенскій обращаетъ вниманіе на то, что Андрей, породившись съ *Іоанномъ III*, не переселился въ Москву, но пріѣзжалъ туда только два раза на короткое время. Это, по мнѣнію проф. Успенскаго, объясняется тѣмъ, что „живой наслѣдникъ титула византийскихъ царей, претендующій на возвращеніе себѣ имперіи, былъ въ Москвѣ не къ мѣсту, самая его личность краснорѣчиво протестовала противъ того литературнаго движенія, въ которомъ выразился подъемъ русскаго національнаго чувства“ ²⁾. Въ Москвѣ, предполагаетъ проф. Успенскій, съ

¹⁾ Назв. трудъ, стр. 26—27.

²⁾ Проф. Успенскій имѣетъ въ виду книжную теорію: Москва — третій Римъ, которую сформулировалъ впервые старецъ одного изъ псковскихъ мона-

Андреемъ Палеологомъ могли вступить въ переговоры, цѣлью которыхъ была передача Андреемъ правъ на византійскій престолъ Иоанну III. Къ такому предположенію проф. Успенскаго привело то, что мысль о принадлежности константинопольскаго наслѣдства московскимъ государямъ впервые высказана не въ русскихъ памятникахъ, а подсказана русскимъ изъ Рима въ началѣ XVI в. ¹⁾. Почему въ Римѣ возникла эта мысль, проф. Успенскій объясняетъ слѣдующимъ образомъ: „въ Римѣ, конечно, имѣли основаніе приписывать русскимъ князьямъ притязанія на Константинопольскую вотчину, о которыхъ сами русскіе князья, по крайней мѣрѣ, въ подобной формѣ не заявляли еще, ибо легко понять, что съ теоріей о константинопольской вотчинѣ соединяется идея правъ на обладаніе землями Византійской короны. Такъ далеко русскіе не шли въ началѣ XVI в. Они выработаютъ формулу и для этого права, но нѣсколько позже. Въ Римѣ, высказывая теорію о наслѣдіи русскими князьями Константинополя, могли отправляться отъ извѣстныхъ тогда въ папскихъ архивахъ и до нынѣ сохранившихся нѣсколькихъ актовъ передачи или продажи Андреемъ Палеологомъ своихъ царскихъ правъ съ титуломъ и землями византійской короны“ ²⁾.

Такъ какъ въ первый разъ о константинопольской вотчинѣ московскаго великаго князя заговорили римскіе дипломаты, проф. Успенскій заключилъ: „одинъ изъ подобныхъ актовъ продажи титула и правъ на византійскую имперію (проф. Успенскій указываетъ два акта продажи Андреемъ Палеологомъ своихъ правъ на титулъ и земли византійской имперіи королямъ Франціи и Испаніи) русскому царю долженъ находиться въ архивахъ Ватикана“ ³⁾.

стырей Филоеѣ въ письмахъ къ вел. кн. Василію III и дьяку Мисюрю Мунехину, (пав. тр. стр. 20); проф. Успенскій не придаетъ значенія тому обстоятельству, что теорія эта является домысломъ времени Василія III, но не времени Иоанна III).

¹⁾ Назв. трудъ, стр. 27 и 29. О. Пирлингъ указываетъ, что о правахъ Иоанна III на византійскую имперію заговаривалъ въ 1473 г., равнѣ Рима, венеціанскій сенатъ. „Россия и Востокъ“, стр. 103, 166.

²⁾ Тамъ же, стр. 29—30.

³⁾ Тамъ же, стр. 31.

Съ такимъ заключеніемъ проф. Успенскаго врядъ ли можно согласиться. Мысль о завосваніи отдаленнаго отъ Москвы Константинополя, владыка котораго имѣлъ своимъ пассаломъ друга и союзника Іоанна III—крымскаго хана (съ этимъ владыкой въ дружественныя отношенія вступилъ самъ Іоаннъ III), не могла родиться въ головѣ того, кто былъ занятъ думою присоединить къ сѣверовосточной Руси югозападную ея часть. Московская Русь не могла одновременно выполнить двѣ задачи: изгнать турокъ изъ Константинополя и присоединить къ себѣ югозападные русскія земли. Одно исключало другое. Что Римъ указывалъ московскимъ государямъ на Царьградъ, какъ на отчину ихъ, понятно. Римъ принималъ участіе въ лигѣ противъ турокъ, и московскій государь, связанный узами родства съ императорами Византіи, не могъ не представляться цѣннымъ союзникомъ для борьбы съ завоевателями византійской имперіи. Чтобы сдѣлать его союзникомъ лиги и вовлечь въ борьбу съ турками, ему обѣщали Царьградъ. Вниманіе Рима къ московскому государю привлекалось еще надеждою сдѣлать его вѣрнымъ сыномъ католической церкви. Что въ награду за это Римъ могъ обѣщать московскому государю, какъ не пышные титулы и содѣйствіе въ завосваніи византійской имперіи? Если московскій государь не думалъ объ этомъ завосваніи, падо было направить его мысли на это, ибо перспектива видѣть владѣнія нѣкогда византійскихъ императоровъ подъ властью католическаго царя не могла не улыбаться Риму.

Изъ того, что у Андрея Палеолога въ 1494 г. покупалъ его права французскій король Карлъ VIII, а въ 1502 г. Андрей по завѣщанію передалъ свои права на византійскую имперію испанскому королю Фердинанду, слѣдуетъ ли, что Іоаннъ III покупалъ у Андрея права его, или Андрей ему завѣщалъ ихъ? Если акты продажи Андреемъ правъ своихъ на западѣ Европы были извѣстны въ свое время въ Римѣ, откуда заговорили объ Іоаннѣ III, послѣ брака его съ Софьей Палеологъ, какъ объ имѣвшемъ права на Византію, можно ли заключить, что актъ продажи Андреемъ титула и правъ на византійскую имперію московскому государю долженъ находиться въ архивахъ Рима? Если Іоаннъ III купилъ у Андрея Палеолога права его на Византію, актъ купли долженъ

былъ находиться въ Москвѣ, какъ доказательство принадлежности правъ на Византію Іоанну III; если-же допустить мысль, что актъ этой купли долженъ находиться въ архивахъ Ватикана, какъ полагаетъ проф. Успенскій, надо объяснить причину такого мѣстонахожденія этого акта ¹⁾. Странно также, что купивъ у Андрея права на византійскую имперію и соответствующіе титулы, Іоаннъ III, а также преемники его, не сдѣлали изъ этой купли никакого практическаго примѣненія, и объ этой куплѣ не сохранилось извѣстій въ русскихъ источникахъ.

Когда Іоаннъ III купилъ у Андрея Палеолога права на византійскую имперію, проф. Успенскій не говоритъ. Андрей пріѣзжалъ въ Москву два раза: въ 1480 и 1490 годахъ ²⁾. Естественно предположить, что онъ продалъ свои права Іоанну III въ одну изъ этихъ поѣздокъ. Если объ этой продажѣ знали въ Римѣ, если ея не скрывали (проф. Успенскій не говоритъ объ этой сдѣлкѣ, какъ о состоявшейся въ тайнѣ), страннымъ представляется, что четыре года спустя послѣ вторичнаго возвращенія изъ Москвы Андрей продавалъ свои права королю французскому, если только состоялась продажа московскому государю. Допустимъ, что Андрей продалъ права свои Іоанну III позже 1494 г., въ такомъ случаѣ какъ объяснить его завѣщаніе своихъ правъ королю испанскому въ 1502 г.? Проф. Успенскій объясняетъ существованіе этого завѣщанія тѣмъ, что актъ продажи французскому королю не полу-

---

¹⁾ Подлинный актъ продажи правъ на византійскую имперію Андреемъ Палеологомъ Карлу VIII положенъ былъ на храненіе въ капитулійскомъ архивѣ въ Римѣ, откуда впоследствии былъ переданъ Людовку XV; что же касается завѣщанія Андреемъ своихъ правъ королю Фердинанду, то объ этомъ актѣ передачи правъ говоритъ испанскій историкъ Пурига, который могъ видѣть этотъ документъ только въ какомъ либо архивѣ Испаніи, такъ какъ никогда не выѣзжалъ изъ предѣловъ своего отечества (проф. Регель „Хрисовулъ императора Андрея Палеолога“, „Виз. Врем.“, I, 153). Кромѣ этихъ двухъ актовъ передачи Андреемъ правъ своихъ извѣстенъ еще третій, находившійся въ архивѣ герцоговъ Альба въ Мадридѣ; этимъ актомъ Андрей давалъ Петру Манрику графу Осорно и его наследникамъ права носить оружіе и носить византійскихъ императоровъ, раздавать графскіе титулы и т. д. (Документъ этотъ изданъ проф. Регелемъ въ названномъ трудѣ „Виз. Врем.“, стр. 155).

²⁾ П. С. Р. Л. VIII, 205 и 219.

чить законной силы; почему же не предположить, что такая же участь постигла актъ продажи московскому государю, если только актъ этотъ былъ совершенъ? Нѣтъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы думать, что Іоаннъ III купилъ у Андрея Палеолога права на византійскую имперію и титулы императоровъ ея; но существуютъ данныя, которыя дозволяютъ думать, что послѣдній Палеологъ не стѣснялся продавать то, что имъ уже было продано. Проф. Регелемъ найденъ еще третій актъ уступки Андреемъ своихъ правъ въ 1483 г. Петру Манрику графу Осорно. Продавъ графу Осорно право носить инсигнії и оружіе византійскихъ императоровъ, Андрей чрезъ 11 лѣтъ продаетъ свои права Карлу VШ, а въ 1502 г. завѣщаетъ ихъ Фердинанду испанскому ¹⁾. Такіе поступки послѣдняго Палеолога даютъ нѣкоторое представленіе о личности его и оправдываютъ мнѣніе о немъ, какъ о человѣкѣ безпугномъ. Быть можетъ, благодаря своимъ личнымъ качествамъ онъ могъ побывать въ Москвѣ только два раза, и то короткое время, но не влѣдствіе того, что „самая его личность краснорѣчиво протестовала противъ того литературнаго движенія, въ которомъ выразился подъемъ русскаго національнаго чувства“, какъ предположилъ проф. Успенскій. Лѣтопись, говоря о первомъ пріѣздѣ Андрея въ Москву, отмѣчаетъ, что сестра его „много истеряла казны великаго князя, давала бо брату, инос же давала за своею племянницею въ приданые князю Василью Михайловичу Верейскому“ ²⁾. Возможно, что кромѣ личныхъ свойствъ самого Андрея и то обстоятельство, что сестра его не мало „истеряла“ на него великокняжеской казны, было причиною, почему послѣдній Палеологъ послѣ 1490 г. въ Москву не являлся.

О вліяніи Софьи Палеологъ на своего супруга говоритъ о. Пирлингъ въ своемъ изслѣдованіи „Россія и Востокъ“. Ссылаясь на русскіхъ лѣтописцевъ, онъ приписываетъ рѣшимость Іоанна III свергнуть татарское иго вліянію Софьи Палеологъ ³⁾.

¹⁾ Хрисовулъ Андрей, данный графу Осорно въ 1483 г., издавъ проф. Регелемъ въ I т. „Визант. Современника“, стр. 155.

²⁾ П. С. Р. Л. VI, 225. Непосредственно за этимъ лѣтописецъ говоритъ что великій князь отиалъ у князя Верейскаго все приданое.

³⁾ Назв. трудъ, стр. 123—124.

Другимъ слѣдствіемъ брака Іоанна III съ Софьей были, по мнѣнію о. Пирлинга, завязавшіяся сношенія Москвы съ Европой ¹⁾. Кроме того, бракъ этотъ, какъ полагаетъ о. Пирлингъ, далъ „реальныя права (по крайней мѣрѣ наружно) на наслѣдство, котораго въ равной степени добивались государь и народъ“ ²⁾. Благодаря этому браку, по мнѣнію о. Пирлинга, возникло настроеніе, проникшее до глубины „нишихъ народныхъ слоевъ и дошедшее потомъ до трона“ ³⁾, которое выразилось въ теоріи инока Филовоя, сформулированной въ письмахъ къ Василію III и дьяку Михаилу Мунехину: Москва—третій Римъ. Эта теорія Филовоя, опиравшаяся на народныя симпатіи, воспринята была Іоанномъ IV, когда онъ, вспоминая о своемъ родствѣ съ византійскими императорами, обратился къ восточнымъ патріархамъ за утвержденіемъ воспринятаго имъ титула царя ⁴⁾. Таковы, по мнѣнію о. Пирлинга, слѣдствія брака Іоанна III съ византійской царицей.

Но теорія, сформулированная Филовоемъ: Москва—третій Римъ, основана не на бракѣ Іоанна III съ Софьей, а на религіозномъ и политическомъ паденіи двухъ Римовъ и на православіи Москвы, не находившейся подъ иноземнымъ игомъ ⁵⁾. Нѣтъ также данныхъ, изъ которыхъ вытекало бы, что московскіе государь, вслѣдствіе брака Іоанна III съ Софьей, считали себя наслѣдниками правъ на титулъ византійскихъ императоровъ и ихъ имперію. Іоаннъ IV, обращавшійся къ восточнымъ патріархамъ за утвержденіемъ воспринятаго имъ царскаго титула, вспоминая о своемъ родствѣ съ византійскими императорами не вспомнилъ о своей бабкѣ—византійской царицѣ.

Указывая, что благодаря браку съ Софьей Іоаннъ III получилъ права на наслѣдство, котораго добивался и онъ самъ и народъ русскій, о. Пирлингъ разсматриваетъ историческое основаніе правъ Іоанна III на византійскую имперію послѣ 1472 г., согласно мнѣнію, господствовавшему въ то время въ Европѣ.

¹⁾ Тамъ же, стр. 128—130.

²⁾ Тамъ же, стр. 165.

³⁾ Тамъ же, стр. 158—159.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 164.

⁵⁾ „Прав. Соб.“ 1863 г., ч. I, январь, стр. 344; 1861 г., ч. 2, май, стр. 95.

Опъ отмѣчаетъ, что съ 1473 г. венеціанскій сенатъ, крайне точный и осторожный въ своихъ утвержденіяхъ, призналъ по собственному побужденію права Іоанна III на византійскую имперію за отсутствіемъ мужского потомства линіи Палеологовъ. Но самъ же о. Пирлингъ говоритъ, что въ это время жилъ въ Италіи законный представитель династін Палеологовъ—Андрей, такъ что признаніе за Іоанномъ III правъ на имперію со стороны венеціанскаго сената при жизни Андрея представляется страннымъ, тѣмъ болѣе, что мы не знаемъ объ отреченіи Андрея отъ своихъ правъ въ пользу московскаго государя. Какъ бы въ объясненіе своихъ словъ, что венеціанскій сенатъ призналъ права Іоанна III на Византію за отсутствіемъ мужского потомства Палеологовъ, о. Пирлингъ замѣчаетъ, что Андрей Палеологъ, повидимому, не думалъ отвоевать имперію, на которую имѣлъ право, и не пытался просить военной помощи у Запада, но объѣзжалъ Европу съ цѣлью зарабатывать деньги продажей своихъ наслѣдственныхъ правъ. Такая торговля, говоритъ о. Пирлингъ, если даже она имѣла законное значеніе, дѣлала передачу правъ Андрея тѣмъ болѣе проблематичною, что Софья никогда не отказывалась отъ византійскаго престола и, быть можетъ, купила у своего брата права его. О. Пирлингъ обращаетъ вниманіе, что Андрей посѣтилъ Москву дважды, и что одно изъ этихъ его путешествій стоило Софьѣ, по свидѣтельству русской лѣтописи, большихъ денегъ; вслѣдствіе этого о. Пирлингъ задается вопросомъ: не продалъ ли Андрей Софьѣ свои права за деньги, о которыхъ говоритъ русская лѣтопись. Указывая, что извѣстные догелѣ источники не даютъ отвѣта на этотъ вопросъ, о. Пирлингъ замѣчаетъ, что дѣйствія Андрея по отношенію къ королямъ французскому и испанскому могутъ оправдать до нѣкоторой степени предположеніе, что Андрей продалъ права свои и Софьѣ ¹⁾.

Рѣшая вопросъ о правахъ Софьи на византійскую имперію, находя, „что въ глазахъ современниковъ государыни московская, оставшаяся одна въ живыхъ изъ всѣхъ Палеологовъ, должна бы-

¹⁾ Назв. трудъ, стр. 165—172. О. Пирлингъ, повидимому, не нашелъ въ ватиканскомъ архивѣ того акта продажи Андреемъ Іоанну III правъ на византійскую имперію, который, по словамъ проф. Успенскаго, долженъ тамъ находиться.

ла считаться предполагаемой наследницей Восточной имперіи⁴ (Андрей Палеологъ умеръ въ срединѣ 1502 г.), о. Пирлингъ, вполне умѣстно дѣлаетъ попытку выяснитъ, считала ли себя Софья наследницей этой имперіи¹⁾: „лишенная средствъ, говорить о. Пирлингъ о Софьѣ Палеологъ, и живя нѣкогда милостивей, смотрѣла ли она когда либо на Византію, какъ на свое приданое, и внушала ли своему мужу подобные взгляды?“²⁾ Дѣйствительно, если Софья считала себя наследницей византійской имперіи, слѣдуетъ думать, что она, имѣвшая, какъ полагаютъ, большое вліяніе на своего супруга, если и не успѣла убѣдить его попытаться отнять у султана принадлежавшую ей по праву византійскую имперію, то по крайней мѣрѣ дѣлала попытки убѣдить Іоанна III измѣнить его политику. Источники не даютъ права дѣлать подобныя предположенія, и о. Пирлингъ, находя сохранившіяся относительно Софьи даншыя обрывочными и незначительными, этимъ объясняетъ отсутствіе положительнаго отвѣта на поставленный имъ вопросъ.

О. Пирлингу представляется несомнѣннымъ, что Софья считала себя наследницей византійскаго престола и имѣла на то право, потому что венеціанскіе дожи и, особенно, римскіе папы внушали московскимъ государямъ, что они наследники византійской имперіи вслѣдствіе брака Іоанна III съ Софьей Палеологъ.

О. Пирлингъ указываетъ, что русскія лѣтописи, отличающіяся краткостью извѣстій о Софьѣ, не отличаются нѣжностью къ ней, что Герберштейнъ и Курбскій подтвердили суровые приговоры лѣтописцевъ. Такое отношеніе послѣднихъ къ Софьѣ не можетъ

---

¹⁾ О. Пирлингъ не ставитъ такого вопроса относительно Іоанна III, потому что, рассматривая отношенія супруга Софьи къ попыткамъ Запада вовлечь его въ войну съ турками, не могъ не замѣтить, что Іоаннъ III преслѣдовалъ не ту политическую задачу, на которую ему указывали съ Запада, но вмѣсто войны съ турками послѣдилъ на встрѣчу желанію султана завязать съ нимъ мирныя сношенія; такія сношенія съ турецкими султанами поддерживались преемниками Іоанна III до времени Алексѣя Михайловича. („Россія и Востокъ“, стр. 149—156). Вслѣдствіе этого о. Пирлингъ не предположилъ, подобно проф. Успенскому, покупки правъ на византійскую имперію Іоанномъ III.

²⁾ Пазв. трудъ, стр. 178.

служить объясненіемъ умолчанія ихъ о правахъ Софьи на византійскую имперію. Если Софья смотрѣла на себя какъ на наследницу византійской имперіи, и если такой ея взглядъ раздѣлялся современными ей лицами, то умолчаніе ихъ объ этомъ не можетъ быть объяснено непріязненнымъ отношеніемъ къ ней. Самолюбію современниковъ ея могло быть только лестно, что супруга государя ихъ обладаетъ правомъ на византійскую имперію. Но допустимъ, что современники изъ любви къ Софьѣ умолчали о томъ, что возвышало ее, чѣмъ же въ такомъ случаѣ объяснить молчаніе московскихъ официальныхъ памятниковъ о правахъ ея на Византію? Чѣмъ объяснить, что Іоаннъ IV предъ іерархами восточными не сослался на унаследованныя имъ отъ бабки права, когда просилъ признанія за нимъ царскаго титула?

О. Пирлингъ указываетъ, что Софья, но крайней мѣрѣ иногда, имѣла большое вліяніе на своего супруга. Оно выразилось въ томъ, что „при патриархальномъ, почти грубомъ московскомъ дворѣ, появляется пышный этикетъ, издали напоминающій византійскій, устраиваются новыя должности, подчиненныя строгой іерархіи; принужденіе замѣняетъ прежнюю свободу; государь становится менѣ доступнымъ, замкнутымъ въ своемъ величіи. Князь Курбскій, бояринъ старинной звати, съ горечью замѣчаетъ, что Иванъ не совѣтовался болѣе со своими окружающими и все дѣлалъ самъ. Очевидно, великій князь московскій подражалъ византійскимъ самодержцамъ. Софья съ своей стороны распахнула широко двери терема, ранѣе недоступнаго, давала аудіенціи иностранцамъ и отправляла посланія къ венеціанской сеньоріи,— все неслыханныя повѣства“¹⁾.

Къ сожалѣнію, о. Пирлингъ не указываетъ въ какихъ новыхъ обрядахъ, появившихся при московскомъ дворѣ подъ вліяніемъ Софьи, выразился пышный этикетъ, напоминающій, хотя бы издали, византійскій. Такое заключеніе о. Пирлинга не оправдывается свидѣтельствомъ венеціанскаго посла Контарини, отправленнаго въ Персію, который былъ въ Москвѣ въ 1476 г. и имѣлъ нѣсколько аудіенцій при московскомъ дворѣ. Изъ описанія Контарини не

¹⁾ Назв. трудъ, стр. 174—175.

видно, что его принималъ Іоаннъ III съ соблюденіемъ этикета, „издали напоминающаго византійскій“, между тѣмъ въ то время исполнялось пять лѣтъ со времени брака Іоанна III съ Софьей, и вліяніе ея въ дѣлѣ введенія обрядности при московскомъ дворѣ по образцу византійскому могло уже проявиться. Последнюю аудіенцію, данную ему Іоанномъ III. Контарнини описываетъ подробно. „Прибывъ во дворецъ, говоритъ онъ, я былъ введенъ въ особенную комнату, гдѣ находился государь съ Маркомъ и другимъ своимъ секретаремъ. Онъ сдѣлалъ мнѣ весьма ласковый пріемъ, въ самыхъ привѣтливыхъ выраженіяхъ поручилъ увѣрить свѣтлѣйшую нашу республику въ искренномъ его дружествѣ..... Когда великій князь говорилъ со мною, я изъ учтивости отступилъ назадъ, но онъ всякій разъ самъ подходилъ ко мнѣ и съ особенною благосклонностію выслушивалъ отвѣты мои и изъявленія моея благодарности. Такимъ образомъ проговорилъ я съ нимъ болѣе часа“...¹⁾).

О появленіи пышности при московскомъ дворѣ благодаря вліянію Софьи не свидѣтельствуетъ, какъ увидимъ, учрежденіе новыхъ должностей, потому что учреждено было ихъ при Іоаннѣ III далеко не много.

Нельзя также согласиться съ мнѣніемъ о. Пирлинга, что Іоаннъ подъ вліяніемъ Софьи сталъ все дѣлать безъ совѣта съ окружающими²⁾ уже потому, что о. Пирлингъ въ доказательство такого заключенія ссылается на Курбскаго, свидѣтельствующаго совсѣмъ иное. Курбскій, который отмѣчаетъ, что въ „предобрый Русскихъ Князей родъ всѣялъ диаволь злые нравы, наипаче же женами ихъ злыми и чародѣйцами. яко и во Израильтекихъ Царѣхъ, паче же которыхъ поимовали отъ иноплемениковъ“³⁾, и который разражается упреками на Вассіана за его совѣтъ, преподанный Іоанну IV, не держать при себѣ совѣтниковъ мудрѣ себя, дабы самовластно править государствомъ, говоритъ, что Іоаннъ III расширилъ предѣлы своего государства и свергнулъ татарское иго „многаго его совѣта

¹⁾ „Библиотека иностранныхъ писателей о Россіи“, изд. Калустратова, т. I, путешествіе Амвросія Контарнини, стр. 114 и слѣд.

²⁾ Назв. трудъ, стр. 174, и его же „La Russie et le Saint-Siège“, I, 237.

³⁾ „Сказанія“, ч. I, стр. 2, изд. Устрялова 1833 г.

ради съ мудрыми и мужественными Сигклиты его: бо зѣло, глаголють, его любосолѣтна быти. и шчтоже починати безъ глубочайшаго и многаго совѣта“¹⁾. Курбскій, на котораго ссылается о. Пирлингъ въ доказательство того, что великій князь московскій, подъ вліяніемъ Софьи, подражая византійскимъ самодержцамъ, пересталъ совѣтоваться со своими окружающими, свидѣтельствуешь, что Іоаннъ III, на котораго могла непосредственно вліять Софья, очень любилъ совѣщаться о дѣлахъ, и выставляетъ его, какъ примѣръ достойный подражанія, Іоанну IV. Такое свидѣтельство Курбскаго объ Іоаннѣ III подтверждается словами Берсея Беклемешева. Берсень, въ бесѣдѣ съ Максимомъ Грекомъ, выражая свое неудовольствіе на Василія III, вспоминаетъ, что Іоаннъ III былъ „добръ и до людей ласковъ“, также „противъ себя стрѣию любилъ, и тѣхъ жаловалъ, которые противъ его говаривали“²⁾.

Большинство изслѣдователей, говоря о Софьѣ Палеологъ, приписывали ей большое вліяніе на Іоанна III. Если никто изъ изслѣдователей не говоритъ подобно кн. Щербатову и Карамзину, что Іоаннъ III на совѣтѣ съ матерью, митрополитомъ и боярами думалъ чрезъ бракъ съ Софьей получить права византійскихъ императоровъ³⁾, то многимъ представляется несомнѣннымъ, что Софья принесла въ приданое Іоанну III права на византійскую имперію.

Щербатовъ, говоря, что Іоаннъ III на совѣтѣ, обсуждавшемъ выгоды отъ предполагавшагося брака его съ византійской царевной, объявилъ, что этотъ бракъ дастъ ему право отнять у турокъ Константинополь, представить возможность завязать сношенія съ Римомъ и при посредствѣ его вступить въ сношенія съ европейскими государствами, не указавъ источника, откуда онъ почерпнулъ сообщаемую имъ рѣчь Іоанна III. Не нашелъ источника этого, по видимому, и Карамзинъ. Карамзинъ не упустилъ изъ виду, что Іоаннъ III не обнаружилъ стремленія къ завоеванію Константинополя, и не видѣлъ, чтобы для Іоанна III сношенія съ Римомъ

¹⁾ „Сказанія“, I, стр. 57.

²⁾ „Слѣдственное дѣло Максима Грека“, Сборникъ кн. Оболенскаго, № 3, стр. 4 и 8.

³⁾ Такое мнѣніе Карамзина было повторено только г. Жыгаревымъ въ его изслѣдованіи „Русская политика въ Восточномъ вопросѣ“, I, стр. 34, 1896 г.

представлялись средством вступить въ общеніе съ европейскими государствами. У него Іоаннъ III и совѣтники его только думаютъ, что бракъ съ Софьей дастъ Московскому государю права византійскихъ императоровъ. Но и Карамзинъ не указываетъ источника, который далъ ему возможность проникнуть думы Іоанна III и совѣтниковъ его, обсуждавшихъ проектъ брака съ византійской царицею. Источниковъ, послужившихъ Щербатову и Карамзину въ данномъ случаѣ, не находимъ, и никто изъ изслѣдователей, кромѣ г. Жигарева, не повторилъ сцены совѣта Іоанна III съ матерью, митрополитомъ и боярами, изображенной Щербатовымъ и Карамзинымъ. Лѣтопись только говоритъ, что Іоаннъ III, получивъ отъ кардинала Виссаріона предложеніе вступить въ бракъ съ Софьей Палеологъ, „внять си словеса сіа въ мысль, и подумавъ о семъ съ своимъ отцемъ митрополитомъ Филиппомъ, и съ матерію своею и съ бояры, и тоя же весны, марта 8, послалъ Ивана Фрязина къ нашь Павлу и къ тому гардиналу Висаріону и царевну видѣти“¹⁾. Говоря о посылкѣ Іоанномъ III въ Римъ за Софьей, лѣтопись передаетъ, что „князь велики, обмысливъ съ отцемъ своимъ митрополитомъ, и съ матерію своею великою княгинею Марією, и съ братією и зъ бояры своими, и послапа Фрязина въ Римъ по царевну Софію“...²⁾. Въ описаніи пріѣзда царевны Софьи, выписанномъ, по словамъ издателя, изъ рукописной лѣтописи стариннаго письма, писанной во время царя Іоанна IV, находимъ извѣстіе, какъ въ Воскресенскомъ и Никоновскомъ лѣтописныхъ спискахъ, что Іоаннъ III „мыслилъ“ съ лицами, названными въ этихъ лѣтописныхъ спискахъ, предъ вступленіемъ въ бракъ съ Софьей, но не находимъ изложенія этихъ мыслей³⁾.

Ни изъ словъ, ни изъ поступковъ Іоанна III не видно, что онъ послѣ брака съ Софьей считалъ себя наслѣдникомъ Византіи или царственныхъ правъ ея императоровъ. Ни супругъ Софьи, ни сынъ, ни внукъ ея намѣреній завоевать Константинополь не обнаруживали, поглощенные борьбой съ польско-литов-

1) П. С. Р. Л. VIII, 154; то же въ Никоновской, ч. VI, стр. 8.

2) П. С. Р. Л. VIII, 169; то же въ Никоновской, ч. VI, стр. 37.

3) „Продолженіе Древн. Рос. Вивл.“, ч. III, стр. 50 и 52.

скимъ государствомъ изъ-за русскихъ областей ¹⁾); ни они, ни преемники ихъ въ доказательство правъ своихъ на царскій титулъ не ссылались на бракъ съ византійскою царевною изъ дома Палеологовъ, которая будто принесла въ приданое своему супругу царскій титулъ. Казалось бы, Иоаннъ IV, обращаясь къ восточнымъ іерархамъ за утвержденіемъ принятаго имъ царскаго титула и указывая на родственную связь его предковъ съ угасшими династіями Византіи, долженъ былъ вспомнить, что его бабка была византійская царица; но въ грамотѣ восточныхъ іерарховъ, признавшихъ царскій титулъ Иоанна IV, не находимъ ссылки на Софью Палеологъ. Грамота восточныхъ іерарховъ гласитъ, что патріархъ увѣрился въ томъ, что Иоаннъ IV дѣйствительно происходить отъ рода и крови царскихъ, т. е. отъ царицы Анны, сестры самодержца Василія Багрянороднаго, и въ томъ, что императоръ византійскій Константинъ Мономахъ послалъ митрополита вѣнчать на царство великаго князя Владиміра и отправилъ ему царскій вѣнецъ, діадему и прочіе знаки царскаго достоинства ²⁾). Вотъ два основанія, которыя имѣли въ виду восточные іерархи, признавая за Иоанномъ IV царскій титулъ. Подобно Иоанну IV и другіе московскіе цари не ссылались на какія-либо права, пріобрѣтенныя Иоанномъ III чрезъ бракъ съ Софьей Палеологъ и имъ по наследству доставшіяся ³⁾).

Если бы самъ Иоаннъ III полагалъ, что супруга его принесла ему права на царскій титулъ, то онъ и себя титуловалъ бы царемъ и внука своего вѣнчалъ бы не на великое княженіе, но на царство. Между тѣмъ въ отношеніи къ своимъ подданнымъ Ио-

---

¹⁾ Проф. Кантеревъ, „Характеръ отношеній Россіи къ православу Востоку въ XVI и XVII вв.“, гл. VIII, стр. 348.

²⁾ Здѣсь въ текстѣ грамоты затерты слова въ нѣсколькихъ мѣстахъ, но нѣтъ никакого основанія предположить, что пропущено упоминаніе о родствѣ съ Софьей Палеологъ; фототипическій снимокъ грамоты при трудѣ проф. Регеля „Analecta Byzantino—Russica“. „Соборная грамота, утверждающая санъ царя за Иваномъ IV 1561 г.“, изд. кн. Оболенскаго, стр. 11.

³⁾ Одна изъ главъ предлагаемаго изслѣдованія посвящена обзору тѣхъ доказательствъ, которыя представлялись московскими государями въ пользу правъ ихъ на царскій титулъ; изъ этого обзора видно, что никогда московскіе государя не полагали, будто бракъ ихъ предка съ Софьей Палеологъ прінесъ царственныя права ему и потомкамъ его.

аннъ III царемъ не писался, не писали его царемъ и русскіе подданные. Царемъ его титуловали, хотя и не всегда, служилые люди греческаго происхожденія, но примѣру этому не подражали русскіе ¹⁾). Только въ сношеніяхъ съ незначительными иноземными владѣтелями и владѣніями Іоаннъ III писалъ себя царемъ ²⁾). Но и то обстоятельство, что Іоаннъ III въ нѣкоторыхъ случаяхъ писалъ себя царемъ, врядъ ли можетъ представляться слѣдствіемъ брака его съ византійской царевной. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что Іоаннъ III послѣ 1480 г. сдѣлался государемъ независимымъ и, какъ государь независимый, именно для показанія своей независимости отъ какой-либо земной власти могъ пользоваться царскимъ титуломъ. Іоаннъ III писался царемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ не послѣ 1472 г., когда находился еще въ зависимости отъ золотоордынскаго хана, котораго русскіе называли царемъ, но послѣ 1480 г.

Источники, изъ которыхъ почерпаются свѣдѣнія о Софьѣ Палеологъ и объ ея вліяніи на Іоанна III — русскія лѣтописи, сказанія кн. Курбскаго, слова Берсена Беклемешева и извѣстія Герберштейна.

Источники эти проливаютъ крайне скудный свѣтъ на личность Софьи. Нелюбовь къ ней современниковъ отразилась на извѣстіяхъ о ней. Судить о вліяніи ея трудно не только потому, что отъ нея, по выраженію о. Пирлинга, едва дошелъ до насъ силуэтъ, но и потому, что ея вліянію можно приписать то, что явилось слѣдствіемъ 1480 г. Прекращеніе зависимости московскаго государя отъ золотоордынскаго хана не могло не имѣть своихъ слѣдствій.

Всего менѣе данныхъ для уясненія вліянія Софьи Палеологъ на супруга ея даютъ лѣтописи. У Татищева находится неизвѣстно откуда почерпнутое имъ извѣстіе, будто, когда Іоаннъ III сообщилъ своимъ матери, дядѣ, князьямъ и боярамъ о требованіи отъ него покорности и дани ханомъ Ахматомъ, многіе посоветовали ему умирить хана дарами, Софья же съ плачемъ стала убѣждать

---

¹⁾ „Пам. Дипл. Снош. Др. Рос.“ I, 64, 105, 115; 100, 102, 104; С. И. Р. И. Об. т. 41, стр. 519.

²⁾ „Пам. Дипл. Снош. Др. Рос.“ I, 20—22, 46, 59—61, 87, 96—98; С. И. Р. И. Об. 41, стр. 41, 71, 72; Соловьевъ, „Ист. Рос.“ V. 177, изд. 5.

своего супруга свергнуть постыдное татарское иго. Въ лѣтописяхъ не находимъ подтвержденія этому извѣстію, напротивъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ подчеркивается, что Софья, во время наступленія Ахмата на московскую Русь, находилась въ бѣгахъ ¹⁾. Лѣтописи говорятъ, что когда Іоаннъ III, во время стоянія своего войска у рѣки Угры, прибылъ въ Москву для молитвы и для совѣта съ матерью своею, митрополитомъ и боярами, то въ эти минуты колебаній великаго князя „вси... молиша его великимъ моленіемъ, чтобы стоялъ крѣпко за православное христіанство противу бесерменству“ ²⁾. Іоаннъ III „послуша моленія ихъ (выше поименованныхъ лицъ) и вземъ благословеніе поиде на Угру“ ³⁾. Лѣтописи перечисляютъ всѣхъ лицъ, съ которыми совѣтовался Іоаннъ III: мать его, митрополита, дядю и бояръ, но о Софьи не упоминаютъ. ⁴⁾ Всѣ эти совѣтники великаго князя и множество народа сѣли въ осадѣ, великій же князь уѣхалъ изъ Москвы, должно быть, въ это время, если только не ранѣе, выславъ Софью изъ Москвы на сѣверъ ⁵⁾. Рѣшимость Іоанна III вступить въ бой съ Ахматомъ поколебалась подъ вліяніемъ совѣтовъ „злыхъ чловѣкъ сребролюбецъ, богатыхъ и брюхатыхъ, и предателей хрестьянскихъ“, побуждавшихъ великаго князя бѣжать отъ татаръ ⁶⁾. Узнавъ, что великій князь снова колеблется, епископъ Вассіанъ написалъ ему посланіе, въ которомъ побуждалъ его храбро стоять противъ татаръ. Но мнѣнія совѣтниковъ Іоанна III, убѣждавшихъ его бѣжать отъ татаръ, взяли, по словамъ лѣтописи, верхъ: Іоаннъ III поѣхалъ въ Москву, гдѣ населеніе встрѣтило его съ ропотомъ, Вассіанъ съ упреками. Великій князь удалился изъ Москвы и сдѣлалъ даже попытку примириться съ ханомъ ⁷⁾. Узнавъ о бѣгствѣ татаръ отъ

¹⁾ Только въ такъ называемой Густинской лѣтописи, извѣстной по спискамъ XVII в., паходится извѣстіе, что Іоаннъ III свергнулъ татарское иго „зъ намовы жопы своя Аппы Грекии“..... (Софья названа Анной). П. С. Р. Л. II, 364.

²⁾ П. С. Р. Л. VI, 20, 224; VIII, 206; Никоновская VI, 112.

³⁾ Тамъ же. VI, 224; VIII, 201.

⁴⁾ Тамъ же.

⁵⁾ Ш. А. Тихомировъ „Обозрѣніе состава Московскихъ лѣтоп. сводовъ“, Лѣтопись зап. Археогр. Ком., X, 33.

⁶⁾ П. С. Р. Л. IV, 154; VI, 224; VIII, 21 п 224; Никоновская, VI, 113.

⁷⁾ П. С. Р. Л. VI, 230—231.

Угры, великій князь возвратился въ Москву, возвратилась и Софья. Нѣкоторые лѣтописи, говоря о ея возвращеніи, замѣчаютъ: „прииде изъ бѣговъ, бѣ бо бѣгала за Бѣлоозеро и съ боярынями отъ Татаръ, а не гонима никимъ же“¹⁾. Никоновская лѣтопись, говоря о возвращеніи Софьи въ Москву, добавляетъ: „отсылалъ бо ея князь великій на Бѣлоозеро Татарскаго ради нахоженія“²⁾.

Принимая во вниманіе только тѣ лѣтописи, въ которыхъ не проглядываетъ непріязненное чувство къ Софьѣ, видимъ, что ея не было въ Москвѣ, когда послѣдняя готовилась къ осадѣ. Не знаютъ также лѣтописи, укрѣпляла ли Софья своего супруга въ рѣшимости вступить въ бой съ Ахматомъ. Во всякомъ случаѣ, когда Іоаннъ III колебался и подпалъ подъ вліяніе совѣтниковъ, желавшихъ уклониться отъ борьбы съ Ахматомъ, Софья находилась далеко и отъ супруга и отъ Москвы. Возможно, что Софья удалилась изъ Москвы по желанію Іоанна III; по крайней мѣрѣ Никоновская

¹⁾ Тамъ же, IV, 154; VI, 21 и 232.

²⁾ VI, 115. Въ Софійской 2-й лѣтописи и въ Воскресенской послѣ описанія похода къ Угрѣ помѣщено воззваніе, въ которомъ авторъ его убѣждаетъ русскихъ хранить свое отечество отъ враговъ, дабы не пострадать такъ, какъ „ниги великии славни земли отъ Турковъ, еже Болгаре глаголю и рекоміи Греци, и Трапизонъ, и Аморія... и ниши мнози земли, иже не сташа мужественни, и погубоша и отечество свое погубиша и землю и государство, и скитаются по чужимъ странамъ бѣдпи во истинну и странни, и много плача и слезъ достойно, укоряеми и попошаеми и ошлеваемы, яко не мужественни; иже избѣгоша которіи со имѣніемъ многимъ, и съ женами и съ дѣтми, въ чужіе страны... Тако ми Бога видѣхъ своимъ очима грѣшными великихъ государъ, избѣгшихъ отъ Турковъ со имѣніемъ и скитающихся яко странни и смерти у Бога просящихъ яко мздовѣзданія отъ таковыя бѣды“... (Ш. С. Р. Л. VI, 232; VIII, 207). Былъ ли авторъ этого воззванія дьякъ Курицынъ, какъ полагалъ Соловьевъ, или некое другое лицо, образовавшее и побывавшее за границею, какъ полагалъ Карповъ, видѣвшее государей и многихъ грековъ и славянъ, потерявшихъ вслѣдствіе недостатка мужества своего отечество, намекъ автора на Оому Палеолога и его синовей очевиденъ (Соловьевъ, „Ист. Р.“, V, 262, изд. 5. Предполагая, что Курицынъ былъ авторомъ этого воззванія, Соловьевъ замѣчаетъ, что религиозное и православное обращеніе въ этомъ воззваніи нельзя приписать Курицыну какъ ересіарху. Карповъ „Исторія борьбы Московскаго государства съ Польско-литовскимъ“ въ „Чтен. въ Моск. об. Нст. и Др.“ 1866 г., кн. 3, стр. 118). Ш. А. Тихомировъ считаетъ это воззваніе припискою къ лѣтописному разсказу, навѣянному посланіемъ Вассіана къ Іоанну III (Лѣтопись зав. Археогр. Ком. IX, 34).

лѣтопись гонорить, что Софью отослалъ великій князь на Бѣло-озеро „татарскаго ради нахождения“ ¹⁾, но если бы Софья такъ сильно желала сверженія татарскаго ига, какъ это можно заключить изъ рѣчи ея къ Іоанну III, сообщаемой Татищевымъ, можно думать, что она не стремилась бы податѣе отъ Москвы, но находилась бы въ ней, чтобы поддержать въ супругѣ навѣянную ея рѣчью рѣшимость вступить въ борьбу съ Ахматомъ.

Кромѣ того, что поведеніе Софьи во время похода Ахмата къ Угрѣ не соотвѣтствуетъ той рѣчи, которую она, по свидѣтельству Татищева, произнесла своему супругу, самая эта рѣчь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ея вызываетъ недоумѣніе. Софья говорила: „отецъ мой и азъ не хотѣхомъ дань данати“ ²⁾. Между тѣмъ она въ то время, когда отецъ ея предпочелъ лишиться своихъ владѣній, чѣмъ стать данникомъ султана, была малолѣтней и врядъ ли могла оказать вліяніе на рѣшимость отца своего. Далѣе, совѣтъ Софьи стряхнуть татарскую неволю вызвалъ, по словамъ приведеннаго Татищевымъ извѣстія, удивленіе Іоанна III: „князь Великій велми удивися совѣту ея“ ³⁾. Очевидно, Софья никогда до этого времени не убѣждала своего супруга прекратить данническія отношенія къ золотой ордѣ, въ противномъ случаѣ Іоаннъ III не удивился бы ея совѣту. Но Герберштейнъ, который бывалъ въ Москвѣ въ то еще время, когда память о Софьѣ была свѣжа, сообщаетъ, что Софья убѣдила своего супруга притворяться больнымъ всякій разъ, когда пріѣзжали къ нему золотоордынскіе послы, дабы не подвергаться унижительнымъ обрядамъ при встрѣчѣ ихъ, что она упростила ханшу уступить ей домъ въ Кремлѣ, гдѣ жили татары, наблюдавшіе за великимъ княземъ и москвичами, что она ежедневно упрекала своего супруга за данническія его отношенія къ золотой ордѣ ⁴⁾. Если сообщаемое Герберштейномъ вѣрно, если Софья тяготилась отношеніями своего супруга къ золотой ордѣ и явно роптала на нихъ, непонятно, почему рѣчь Софьи, побуждавшая выступить противъ Ахмата, вызвала удивленіе Іоанна III: иначе

¹⁾ ч. VI, стр. 115.

²⁾ Татищевъ, „Ист. Рос.“ V, 78.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Переводъ Анонимова, стр. 22.

Софья и не могла говорить. Если отрѣшиться отъ нѣкотораго недоумѣнія, которое возбуждаетъ приведенная Татищевымъ рѣчь Софьи къ Иоанну III и. принимая во вниманіе нелюбовь къ Софьѣ современниковъ, эту нелюбовью объяснить молчаніе ихъ о тѣхъ случаяхъ, когда роль ея могла закрѣпить за нею признательность потомковъ, нельзя и въ такомъ случаѣ приписывать рѣшимость Иоанна III свергнуть татарское иго только вліянію Софьи; такъ можно заключить дана основаніи извѣстія Татищева, которое гласитъ, что „мнози“ совѣтовали Иоанну III умилостивить Ахмата дарами ¹⁾. Читая лѣтописный рассказъ о походѣ Иоанна III къ Угрю, нельзя не замѣтить, что желаніе большинства было, чтобы Иоаннъ III выступилъ противъ Ахмата не съ дарами, но съ оружіемъ. Лѣтописный рассказъ свидѣтельствуетъ, что Иоаннъ III колебался въ рѣшимости помѣряться силами съ Ахматомъ и поддавался вліянію лицъ, совѣтовавшихъ смириться предъ ханомъ, о чемъ лѣтописи говорятъ съ негодованіемъ ²⁾, но что рѣшимость въ великомъ князѣ старались поддержать и епископъ Вассіанъ, и сынъ самого Иоанна III, отказавшійся повиноваться приказу его удалиться отъ войска, стоявшаго противъ Ахмата, и москвичи, неудовольствіе которыхъ было такъ велико на Иоанна III за его уходъ отъ этого войска, что онъ успѣшилъ удалиться изъ Москвы ³⁾. Лѣтописи свидѣтельствуютъ, что мать и дядя великаго князя, митрополитъ и всѣ бояре „молиша его великимъ моленіемъ, чтобы стоялъ крѣпко за православное христіанство противъ бесерменству“ ⁴⁾. Въ своемъ посланіи къ Иоанну III епископъ Вассіанъ напоминаетъ ему объ обѣщаніи крѣпко стоять противъ Ахмата, которое было имъ дано просившимъ его объ этомъ митрополиту, матери великой княгинѣ, князьямъ и боярамъ:... „и тебѣ убо, государю нашему, пріѣхавшю въ царствующій ти градъ Москву ко всемілостивѣй Госпожи Богородици и ко святымъ чудотворцемъ, помощи ради и заступленія, и къ своему отцу митрополиту, и къ своей матери вс-

¹⁾ Татищевъ V, 78.

²⁾ Софійская 2 лѣтопись называетъ такихъ совѣтниковъ: боярина Ивана Васильевича Ощеру и Григорія Андреевича Мамша П. С. Р. Л. VI, 230.

³⁾ П. С. Р. Л. VI, 230—231.

⁴⁾ П. С. Р. Л. VI, 20 и 224; VIII, 206; Никоновская VI, 112.

ликой княгинѣ, и благовѣрнымъ княземъ и благочестивымъ бояромъ, добраго ради совѣта и думы. еже како крѣпко стояти за православное хрестыянство и за свое отечество противу безбожному бесерменству: тебѣ же, государю нашему, повинувшюся ихъ молешю и доброй думѣ и обѣщавшюся крѣпко стояти за благочестивую нашу православную вѣру и боронити свое отечество отъ бесерменства. духовъ же лстивыхъ, шепчущихъ въ ухо твоей державаѣ еже предати хрестыянство. не слушати обѣщавшутися...“ 1) И Вассіанъ, перечисляя въ посланиіи къ Іоанну III тѣхъ лицъ, которыя убѣждали его стоять крѣпко противъ Ахмата, и которымъ онъ обѣщаль поступити по ихъ совѣту, не упоминаетъ въ числѣ ихъ Софьи, но называетъ тѣхъ совѣтниковъ, ободрившихъ Іоанна III, о которыхъ говорятъ и лѣтописи. Должно быть, Софья въ это время уже не было въ Москвѣ, и не Софья вліяла на Іоанна III, когда рѣшимость его сразиться съ Ахматомъ поколебалась.

Если допустить, что лѣтописцы, не любя Софьи, умолчали о вліяніи ея на рѣшимость Іоанна III свергнуть татарское иго, что извѣстіе, сообщаемое Татищевымъ, будто Софья своею слезною мольбою склонила своего супруга къ борьбѣ съ Ахматомъ, вѣрно, и что благодаря Софьѣ, какъ говоритъ Герберштейнъ, прекратилось унижительное для достоинства московскаго государя внѣшнее выраженіе данническихъ отношеній къ золотоордынскому хану, все таки нельзя отрицать, что Іоанна III, колебавшагося въ рѣшимости бороться съ Ахматомъ, укрѣпляли и другія лица, о которыхъ говорятъ лѣтописи, что и для этихъ лицъ сверженіе ига было завѣтнымъ желаніемъ.

Соловьевъ, указывая на свидѣтельства, что „по внушеніямъ Софьи Іоаннъ III окончательно разорвалъ съ ордою“ 2), отмѣчаетъ, дѣлая оцѣнку государствованія Іоанна III, что дѣятельность его представляется слѣдствіемъ дѣятельности предшественниковъ его, что онъ умѣло продолжалъ дѣло ихъ. Связывая дѣятельность Іоанна III съ дѣятельностью предшественниковъ его, указывая на постепенное ослабленіе золотой орды, Соловьевъ говоритъ, что Ди-

1) П. С. Р. Л. VI, 225.

2) И. Р. т. V, стр. 71.

митрій Донской разбилъ Мамай. но принужденъ былъ заплатить тяжелую дань Тохтамышу. Иоаннъ же III Ахмата не разбивалъ. но по смерти его татары не приходили за данью, изъ чего ясно. что татары постепенно слабѣли, что Димитрій Донской имѣлъ дѣло хотя съ потрясеннымъ, но еще довольно сильнымъ тѣломъ, а Иоаннъ III имѣлъ дѣло съ одною уже тѣнию ¹⁾.

Связывая дѣятельность Иоанна III съ дѣятельностью предшественниковъ его, какъ дѣлаетъ это Соловьевъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что надежда избавиться отъ татарской неволи со времени 1380 г. не только не ослабѣвала въ русскомъ обществѣ, но по мѣрѣ упадка могущества золотой орды все болѣе и болѣе крѣпла. Въ междукняжескихъ договорныхъ грамотахъ и въ духовныхъ завѣщаніяхъ князей послѣ Димитрія Донского обыкновенно читаемъ: „перемѣнить Богъ орду“ или „татарь“ ²⁾. Очевидно, князья русскіе не теряли надежды на прекращеніе данническихъ отношеній къ золотой ордѣ. Надежда эта не могла не передаться Иоанну III, союзъ котораго съ крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ, врагомъ золотой орды, свидѣтельствуетъ, что сверженіе татарскаго ига было и его думою ³⁾. Еслибы даже эта дума Иоанна III не была крѣпкою, укрѣпить ее должна была слабость золотой орды, потому что эта слабость естественно порождала мысль о сверженіи татарскаго ига. Такимъ образомъ, не Софья или кто либо иной могъ внушить Иоанну III мысль о прекращеніи зависимости отъ татаръ: мысль эта была не новая, уже цѣлый вѣкъ существовавшая на Руси, которую таилъ цѣлый рядъ князей; она должна была существовать и у Иоанна III, который, не имѣя характера Димитрія Донского, былъ расположенъ скорѣе быть свидѣтелемъ политической смерти золотой орды, предоставивъ добить ее своему союзнику Менгли-Гирею, чѣмъ тратить силы на борьбу съ нею. И онъ остался вѣренъ себѣ: не смотря на внушенія матери, дяди, митрополита,

¹⁾ Тамъ же, стр. 362.

²⁾ С. Г. Г. и Д. т. I, стр. 71, 73, 78, 81, 84, 87, 89, 92, 98, 101, 103, 108, 111, 114, 117, 120, 122, 125, 128, 131, 148, 158, 161, 164, 167, 180, 184, 197, 201, 205, 229.

³⁾ Сб. Н. Р. II. Об. т. 41, стр. 3.

князей, боярь и, быть можетъ, Софьи, дождался бѣгства Ахмата, когда татары, по выраженію лѣтописи, „бѣжаху и никтоже женяше“¹⁾.

Прекратившаяся зависимость Іоанна III отъ золотой орды и его политическое могущество не могли не имѣть своихъ слѣдствій. Слѣдствія эти нетрудно выяснитъ, вся задача въ томъ, чтобы не смѣшать ихъ съ результатами брака Іоанна III съ Софьей Палеологъ, не приписать этому браку такого значенія, какого онъ не имѣлъ.

Никто изъ русскихъ историковъ не отрицаетъ государственнаго ума Іоанна III, его умѣнія продолжать съ успѣхомъ дѣло своихъ предшественниковъ, но, если рѣчь пойдетъ о вліяніи Софьи на супруга ея, вліяніе это изображается столь сильнымъ, что на долю личной инициативы Іоанна III остается очень немногое; оказывается, что все, что дѣлалось Іоанномъ III послѣ брака съ Софьей, дѣлалось подъ ея вліяніемъ и было результатомъ этого вліянія: post hoc—propter hoc²⁾. Между тѣмъ Софья Палеологъ не внушила своему супругу стремленій вмѣсто объединенія русскихъ земель подъ властью московскаго государя къ изгнанію султана изъ Константинополя, не положила конца существовавшему и до нея удѣльному порядку³⁾, вліяніе ея не выразилось въ вѣнчаніи на царство сына ея Василія Іоанновича, въ усвоеніи имъ царскаго титула подобно Іоанну IV.

Ближайшіе по времени къ Іоанну III Берсенъ-Беклемішевъ, Герберштейнъ и Курбскій говорятъ о вліяніи Софьи на своего

---

¹⁾ П. С. Р. Л. VIII, 207.

²⁾ Герберштейнъ, говоря о времени смерти Іоанна III, называетъ его великимъ: *Moritur autem Ioannes ille magnus, anno...* (Изд. 1556 г., стр. 11). Вопросъ конечно, назвалъ ли Герберштейнъ Іоанна III великимъ, какъ государя или послѣ *Magnus* опущено слово *Dux*. Татищевъ назвалъ Іоанна III Великимъ (V, 152), Д. И. Пловайскій изъ всѣхъ русскихъ государей отъ Владиміра св. до Петра I считаетъ Іоанна III наиболѣе достойнымъ названія Великаго (Ист. Р. II, стр. 528, изд. I), о Пирмингъ называетъ Іоанна III „Петромъ Великимъ въ малыхъ размѣрахъ“ („Россія и Востокъ“, стр. 132).

³⁾ Іоаннъ III назначилъ удѣлы и младшимъ четверемъ сыновьямъ. С. Г. Г. и Д. I, № 144.

супруга, но показанія ихъ не вполне опредѣленны и не отличаются безпристрастіемъ.

Опальный при Василии III бояринъ Берсень-Беклемишевъ жаловался Максиму Греку: „какъ пришла сюда Мати Великого Князя, Великая Гінягиня Софья съ вашими Греки, такъ наша земля замѣшалася и приняли пестроеія великіе, какъ и у васъ въ Царѣ-городѣ при вашихъ Царѣхъ.“ На вопросъ Максима, что Берсень подразумѣвалъ подѣ пестроеіями, послѣдній отвѣтилъ: „мнѣ ся мнѣ по моей мысли, какъ бы *несовѣтіемъ и високоуміемъ*“. „Здѣсь у насъ, говорилъ Берсень Максиму, старые обычаи Князь Великій перемѣнилъ“.... Максимъ сказалъ ему, что „обычаи Царскіе и Земскіе Государи перемѣняютъ какъ лучше Государству его“. „Однако лучше, возразилъ Берсень, старыхъ обычаевъ держатися и людей жаловати и старыхъ почитати; а нынѣ дей Государь нашъ запершыся самъ-третей у постели всякіе дѣла дѣлаеть“. Не такъ, по словамъ Берсеня, поступалъ отецъ Василия III: тотъ „добръ былъ... и до людей ласковъ.... Противъ себя стрѣчу любилъ, и тѣхъ жаловалъ, которые противъ его говаривали“¹⁾. Изъ словъ Берсеня вытекаетъ, что вліяніе Софьи Палологъ проявилось не на супругѣ ея, но на сынѣ, и что результатомъ этого вліянія было „высокоуміе и несовѣтіе“ Василия III.

Герберштейнъ сообщаетъ о вліяніи Софьи то, что слышалъ въ Москвѣ, должно быть, отъ бояръ. По словамъ его, Іоаннъ III, какъ говорили ему, подѣ вліяніемъ Софьи „много дѣлалъ“²⁾. Изъ этого многого Герберштейнъ говоритъ о заточеніи Іоанномъ III внука Димитрія³⁾ и о томъ, что подѣ вліяніемъ Софьи Іоаннъ III пересталъ встрѣчать татарскихъ пословъ⁴⁾.

Князь Курбскій находилъ, что въ „предоброй Рускихъ Князей родъ вѣялъ діаволь злые нравы, наипаче же женами ихъ злыми и чародѣйцами..., лаче же которыхъ понмвали отъ иноплемenni-

---

1) „Слѣдствен. дѣло Максима Грека“, Сборникъ кн. Оболенскаго, 1838 г., № 3, стр. 4—8.

2) Пер. Анонимова, стр. 19.

3) Тамъ же.

4) Тамъ же, стр. 22.

ковъ“¹⁾. Называя Софью Палеологъ „чародѣйцею Греческою“²⁾, Курбскій говоритъ, что Иоаннъ III вмѣстѣ съ Софьей отравилъ сына своего Иоанна, заключилъ въ темницу сына его Димитрія, брата своего Андрея Углицкаго и двухъ его сыновей, поизгналъ удѣльныхъ князей³⁾. Въ этомъ, по мнѣнію Курбскаго, выразилось вліяніе Софьи на Иоанна III. Какъ Версень противуполагалъ „несовѣтію“ Василія III любовь къ „встрѣчамъ“ Иоанна III, такъ и Курбскій ставитъ въ примѣръ Иоанну IV дѣда его, далеко расширившаго границы своихъ владѣній и свергнувшаго татарское иго „многаго его совѣта ради съ мудрыми и мужественными Сигклиты его: бо зѣло, глаголютъ, его любосовѣтна быти, и ничтоже починати безъ глубочайшаго и многаго совѣта“⁴⁾.

Вотъ все, что сообщаютъ о вліяніи Софьи ближайшія къ ней по времени лица. Версень говоритъ, что Софья была причиною перемѣны „старыхъ обычаевъ“ при сыгѣ ея, что благодаря ея вліянію Василій III былъ „несовѣтенъ и високоумень“. Герберштейнъ передаетъ, что, по словамъ говорившихъ ему, вліяніе Софьи на супруга ея проявлялось во многомъ, но сообщаетъ изъ этого многаго немногое. Курбскій пишетъ о „злыхъ правахъ“, привитыхъ Софьей супругу ея, приписываетъ имъ казни, отравленія, заточенія въ темницы и проч. Изъ этихъ отзывовъ о Софьѣ ясно только, что она далеко не пользовалась расположеніемъ современниковъ, и что это нерасположеніе передавалось и потомкамъ.

Извѣстія о Софьѣ кратки, ими сфера вліянія ея на супруга и сына не очерчена, словно современники скорѣе чувствовали ея вліяніе, чѣмъ сознавали. Велѣдствіе этого, естественно, изслѣдователи, которымъ приходилось говорить о вліяніи Софьи, несогласно опредѣляли сферу этого вліянія. Если Щербатовъ и Карамзинъ приписали браку Иоанна III съ Софьей большое значеніе, а самой Софьѣ большое вліяніе, то уже Полевой не усмотрѣлъ какихъ-либо важныхъ политическихъ послѣдствій отъ появленія

¹⁾ „Сказанія“, ч. I, стр. 2, изд. 1833 г.

²⁾ Тамъ же, стр. 169.

³⁾ Тамъ же, стр. 112.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 57.

Софьи въ Кремлѣ. Соловьевъ, разсматривая государственную дѣятельность Іоанна III въ связи съ дѣятельностью его предшественниковъ, призналъ, что къ половинѣ XV в. перемяна отношеній государя московскаго къ духовенству, дружинѣ и остальному населенію московскаго государства была уже подготовлена, что ко времени 1480 г. отъ могущества золотой орды осталась только одна тѣнь. Костомаровъ высказалъ мнѣніе, что Софья могла только укрѣплять своего супруга въ помыслахъ самодержавія, ибо стремленіе къ самодержавію естественно зародилось въ московскихъ государяхъ вслѣдствіе предшествовавшихъ историческихъ событій въ московской Руси безъ всякихъ постороннихъ, чуждыхъ вліяній. Д. И. Шловайскій находитъ, что вліяніе Софьи не слѣдуетъ преувеличивать на томъ основаніи, что при сынѣ и внука Іоанна III нѣкоторые бояре, сѣтуя на суровое и высокомерное обращеніе съ ними московскихъ государей, приписывали эту перемяну въ обращеніи именно Софьѣ и пріѣхавшимъ съ нею грекамъ, потому что обвинять въ какомъ-либо непріятномъ обществѣ явленіи одно извѣстное лицо слишкомъ обычная черта въ человѣческихъ обществахъ. Большое значеніе вліянію Софьи Палеологъ придали И. Е. Забѣлинъ, проф. Терновскій и о. Шпрингъ.

Нельзя не замѣтить, что русскіе историки, по мѣрѣ уясненія явленій русской жизни, обнаружили склонность ограничить сферу вліянія Софьи, но на долю этого вліянія все еще отнесено не мало такого, что требуетъ критическаго пересмотра.

Обыкновенно изслѣдователи говорятъ, что слѣдствіемъ брака Іоанна III съ Софьей Палеологъ было появленіе при московскомъ дворѣ въ исходѣ XV в. обрядовъ, заимствованныхъ изъ Византіи, но не указываютъ, какіе именно византійскіе обряды появились въ это время въ Москвѣ, были ли они перенесены цѣликомъ или подверглись измѣненію. Высказывалось мнѣніе, что благодаря браку съ византійской царевной Іоаннъ III сталъ смотрѣть на себя какъ на наследника византійскихъ императоровъ, въ доказательство чего ссылались на то, что Іоаннъ III началъ титуловаться царемъ и позанимствовать гербъ византійскій, однако не было обращено вниманія на то, что Іоаннъ III началъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ называть себя царемъ не послѣ брака съ Софьей, но послѣ прекращенія зависи-

мости своей отъ золотой орды, что ни Иоаннъ III, ни Василий III не настаивали на признаніи за ними царскаго титула, что въ отношеніи къ подданнымъ своимъ они не назывались царями, не титуловали ихъ такъ и подданные, что никто изъ московскихъ государей въ доказательство правъ своихъ на царскій титулъ никогда не ссылался на полученіе права на это Иоанномъ III чрезъ бракъ съ Софьей. Говорилось вообще о вліяніи византійскомъ, проникшемъ въ Москву съ появленіемъ тамъ Софьи, но точно не указывалось, въ чемъ оно проявилось.

Мнѣніе, что Софья принесла супругу своему византійскія политическія идеи объ отношеніи государя къ своимъ подданнымъ, опирающееся на свидѣтельствахъ Берсея и Курбскаго (перваго — что съ появленіемъ Софьи и грековъ ея въ Москвѣ „пришли нестроенія великіе“. и второго—что и чрезъ Софью „въ предобрый Рускихъ Князей родъ всѣялъ діаволь злыя нравы“), не представляется несомнѣннымъ. И. Е. Забѣлинъ усмотрѣлъ въ Софьѣ и грекахъ, явившихся съ нею въ Москву, скорѣе проводниковъ идей Макиавелли, чѣмъ византійскихъ. Предположеніе, что Иоаннъ III, подъ вліяніемъ внушаемыхъ Софьей византійскихъ понятій объ отношеніи государя къ своимъ подданнымъ, измѣнился въ отношеніяхъ къ послѣднимъ, не только не оправдывается показаніями Берсея и Курбскаго, но противорѣчитъ имъ, потому что и Берсей и Курбскій ставятъ Иоанна III въ примѣръ за любовь его къ совѣтамъ и возраженіямъ, первый—сыну его, второй—внуку. Идеи, принесенныя Софьей и породившія, по выраженію Берсея, „высокоуміе и несовѣтіе“ Василія III, могли не повліять на супруга ея и быть воспринятыми ея сыномъ; но является вопросъ, откуда взглядъ на отношеніи государя къ подданнымъ у Иоанна IV, трехъ лѣтъ отъ роду лишившагося отца, который, допустимъ, воспитанъ былъ на политическихъ идеяхъ матери его Софьи, а на восьмомъ году потерявшаго и мать свою.

Мнѣніе, что при дворѣ Иоанна III, благодаря вліянію Софьи, появились обряды и пышный этикетъ по образцу византійскаго двора, не доказано. При дворѣ Иоанна III видимъ обряды посольскій и великокняжескаго вѣнчанія, но обряды эти далеко не представляются копіей съ византійскихъ обрядовъ посольскаго и вѣн-

чанія на царство. И. Е. Забѣлипъ, приписывая вліянію Софьи появленіе при московскомъ дворѣ обрядовъ по подобію византійскихъ, въ то же время говоритъ, что „царственная обстановка московскаго государя, царственныя формы и порядки его быта, какъ и высота его сана, вырастаютъ постепенно, по мѣрѣ того какъ усложняются, развиваются наши заграничныя сношенія, по мѣрѣ встрѣчъ, знакомствъ и столкновеній въ общей политикѣ иноземныхъ государствъ, а особенно нашихъ сосѣдей, предъ которыми Москва никогда не думала оставаться въ худыхъ“¹⁾. Наблюдал обрядовую жизнь московскихъ царей, И. Е. Забѣлипъ замѣтилъ, что въ обрядахъ московскаго двора выразилось стремленіе „казаться передъ другими въ большемъ достоинствѣ и славѣ. Лишь для чужихъ только нужно было представлять это необыкновенное величіе сана, обставлять азіатскими декораціями, торжественностью, блескомъ каждый шагъ, особенно въ приемахъ и проходахъ иноземныхъ пословъ и гостей. Только предъ чужими нужно было выситься, являть свое могущество, неисчислимое богатство, однимъ словомъ, являть себя съ достоинствомъ, которое возвышало бы значеніе, силу и славу Земли“²⁾. Если, какъ говоритъ И. Е. Забѣлипъ, царственная обстановка и торжественные обряды московскаго двора выросли постепенно, по мѣрѣ развитія сношеній московскаго государя съ иноземными государствами, если „дома, въ отношеніи къ Землѣ, они (царственная обстановка и торжественные обряды московскаго двора) никогда не могли бы вырости съ такою силою и въ такомъ просторѣ“³⁾, можетъ ли быть рѣчь о томъ, что вліяніе Софьи породило обрядовую обстановку московскаго двора по образцу византійскому? Не сочтемъ ли мы въ такомъ случаѣ слѣдствіемъ вліянія Софьи то, что было слѣдствіемъ развивавшихся при Іоаннѣ III сношеній съ иноземными государствами (развивались же эти сношенія потому, что Іоаннъ III, по прекращеніи зависимости отъ золотоордынскаго хана, сталъ государемъ самостоятельнымъ)?

Опредѣленіе тѣхъ обрядовъ, которые появились во время Іоанна III, укажетъ, какіе обряды можно отнести на долю вліянія

1) „Домъ бытъ Рус. Царей“, стр. 9—10, изд. 3.

2) Тамъ же, стр. 9.

3) Тамъ же.

Софьи. Сравненіе этихъ обрядовъ съ такими же обрядами византійскаго двора выяснитъ, имѣемъ ли мы въ данномъ случаѣ дѣло съ простымъ заимствованіемъ изъ Византіи, или съ передѣлкою византійскихъ обрядовъ, или съ творчествомъ московскимъ, а также уяснитъ смыслъ и значеніе московскихъ обрядовъ.

Говоря о Софьѣ, какъ о проводникѣ византійскаго вліянія при московскомъ дворѣ, слѣдуетъ, на сколько позволяютъ источники, всмотрѣться хотя бы въ силуэтъ Софьи, чтобы опредѣлить, могла ли она быть проводникомъ византійскихъ идей.

Софья не была свидѣтельницей блеска и величія византійской имперіи. Дочь деспота Морей, она провела на родинѣ только ранніе годы дѣтства. Отецъ ея, убѣгая отъ турокъ, въ 1460 г. отправился въ Италію безъ средствъ къ существованію, оставивъ жену и дѣтей своихъ на островѣ Корцирѣ. Въ Римѣ, куда онъ привезъ главу апостола Андрея въ обезпеченіе хорошаго приема со стороны папы, его приняли любезно, папа далъ ему золотую розу; но пенсія, назначенная ему, не была велика: ежегодно онъ получалъ отъ римской куріи 3600 дукатовъ, отъ коллегіи кардиналовъ 2400 дукатовъ и отъ Венеціи 500 дукатовъ. Назначеннымъ ему содержаніемъ Тома не былъ доволенъ. Проф. Успенскій указываетъ, что жалобы довѣреннаго лица Тома Палеолога, историка Францзи, на недостаточность этой пенсіи, даютъ основаніе заключить, что Тома въ Римѣ нуждался въ деньгахъ¹⁾. О Пирлингѣ замѣчаетъ, что Тома достаточно было назначенной ему пенсіи, при нѣкоторыхъ другихъ небольшихъ пособіяхъ, для скромной жизни²⁾. Въ Римѣ Тома прожилъ нѣсколько лѣтъ и умеръ, не дождавшись результата своихъ хлопотъ о возстановленіи права своего на византійскій престолъ³⁾, переживъ свою супругу на нѣсколько

¹⁾ „Какъ возникъ и развивался въ Россіи Восточный Вопросъ“, стр. 26. Общую сумму пенсіи Тома—6500 дукатовъ, проф. Успенскій опредѣляетъ около 20,000 руб.

²⁾ „Россія и Востокъ“, стр. 9.

³⁾ Проф. Успенскій считаетъ годомъ смерти Тома 1462 г. (назв. трудъ, стр. 27), о Пирлингѣ—1645 г. (назв. трудъ, стр. 10). Георгій Францзи, византійскій историкъ, показываетъ, что Тома умеръ въ 6973 г., т. е. въ 1465 г. отъ Р. X. (Patr. Cursus Completus., ser. gr., т. 156, стр. 990). О Герсіи Францзи см. въ „Обозрѣніи трудовъ по византійской исторіи“ проф. Васильевскаго, вып. I., стр. 233.

мѣсяцевъ ¹⁾. Въ то время, когда Тома умиралъ,плыли къ Италіи дѣти его: Андрей, Мануилъ и Зоя.

За неимѣніемъ точныхъ данныхъ приходится приблизительно опредѣлять, сколько лѣтъ было Зоѣ, когда она съ своими родными переѣхала на островъ Корциру. Тома Палеологъ женился въ 1430 г. на принцессѣ Екатериноѣ, дочери Чентуріоне Захарія II, котораго онъ лишилъ престола, чтобы завладѣть Морсеей. Четверо дѣтей было плодомъ этого брака: Елена, старшая дочь (она вышла замужъ въ 1446 г. за сербскаго короля Лазаря II, по смерти котораго удалась въ монастырь, гдѣ умерла въ 1474 г.), и трое младшихъ: Андрей, Мануилъ и Зоя, которыя послѣ смерти матери отправились къ отцу, скончавшемуся прежде, чѣмъ они вступили на берегъ Италіи ²⁾. Годъ рожденія Зои неизвѣстенъ. О Пирлингѣ, описывавъ путь Зои изъ Рима въ Москву, говоритъ на основаніи описаній наружности Зои во время ея проѣзда черезъ Болонью въ 1472 г., что цвѣста Іоанна III казалась лѣтъ 24 ³⁾. Сообщаемый русскими лѣтописями годъ смерти Зои—1503, не говоритъ, конечно, о возрастѣ ея; но зная, что Зоя прожила на Руси 31 годъ, можно предположить, что она приѣхала въ Москву еще во цвѣтъ лѣтъ, такъ что извѣстіе, что Зоѣ было около 24 лѣтъ въ 1472 г., не представляется неправдоподобнымъ. Одно обстоятельство подтверждаетъ такое предположеніе. О Пирлингѣ приводитъ описаніе внѣшности Зои, принадлежащее перу флорентійскаго поэта Луиджи Пульчи, который видѣлъ ее во время ея свиданія съ Кларисой Орсини въ 1472 г. Пульчи, въ письмѣ къ другу своему, описываетъ въ карикатурномъ видѣ Зою, называя ее горою жира, жирною масляницею: „два турецкихъ литавра на груди, отвратительный подбородокъ, лицо вслухшее, пара свиныхъ щекъ, шея ушедшая въ эти литавры, два глаза, стоящіе четырехъ“... Вотъ образъ Зои, набросанный перомъ флорентійскаго поэта. Можно думать, что Пульчи не преминулъ бы пройти и на счетъ возраста Зои, если бы только имѣлъ къ тому поводъ. Не всѣ, видѣвшіе Зою, отнеслись такъ сурово къ внѣш-

¹⁾ Проф. Успенскій, назв. трудъ, стр. 27.

²⁾ Назв. труды о. Пирлинга стр. 10, и проф. Успенскаго стр. 27.

³⁾ Назв. трудъ, стр. 77.

ности ея, какъ Пульчи. О. Пирлингъ указываетъ, что Клариса Орсиани вѣшла невѣсту Юанна III красною; къ отзыву ея присоединяются многочисленныя лѣтописцы, такъ что можно думать, что Пульчи нарисовалъ не столько портретъ Зои, сколько карикатуру на нее ¹⁾. Если Зоѣ въ 1472 г. было около 24 лѣтъ, во время взятія турками Константинополя ей могло быть около пяти лѣтъ. Допустимъ, что Зоѣ прѣѣхала въ Москву на тридцатомъ году жизни своей; при такомъ предположеніи ей могло быть около десяти лѣтъ во время наденія византійской имперіи. Нѣсколько лѣтъ она провела съ матерью и братьями на островѣ Корцирѣ, если, быть можетъ, не въ лишеніяхъ, то во всякомъ случаѣ вряд ли въ обстановкѣ роскошной, такъ какъ отецъ ея далеко не имѣлъ достаточныхъ средствъ къ жизни. Круглыми сиротами, безъ средствъ къ существованію, явились дѣти Оомы Палеолога въ Римѣ. Тутъ они жили и воспитывались на счетъ паны, назначившаго имъ ежемѣсячную пенсію въ тысячу рублией ²⁾.

Свѣдѣніи объ образѣ жизни дѣтей Оомы Палеолога и ихъ воспитаніи въ Римѣ почерпаются только изъ одного источника: писема кардинала Виссаріона, въ которомъ начертана программа воспитанія Зои и ея братьевъ; писемо это написано было къ паставнику ихъ, потому что, по словамъ Виссаріона, Зоѣ и братья ея, по молодости своей, не могли уразумѣть преподаваемыхъ имъ наставленій ³⁾. Виссаріонъ писалъ неизвѣстному по имени воспитателю дѣтей Оомы, что, по желанію паны, двѣ трети пенсін, опредѣленной Зоѣ и братьямъ ея, должно расходовать на ихъ столъ и одежду, содержаніе паходщихся при нихъ слугъ, на покупку и прокормленіе по крайней мѣрѣ четырехъ лошадей; изъ этихъ же двухъ третей должны были дѣлать сбереженіе на случай болѣзни или непредвидѣнныхъ расходовъ; остальная треть пенсін опредѣлялась на содержаніе немногихъ лицъ, которыя должны были составлять дворъ дѣтей Оомы. Виссаріонъ требовалъ отъ паставника Зои и братьевъ ея, чтобы дворъ ихъ не состоялъ изъ многихъ лицъ.

¹⁾ Назв. трудъ, стр. 58—60.

²⁾ Проф. Успенскій, назв. трудъ, стр. 27.

³⁾ Migne, Patr. Curs. Compl., ser. gr., т. 156, стр. 996.

Овъ опредѣляетъ имъ одного медика, учителя грека и учителя латинскаго языка, переводчика и одного или двухъ латинскихъ священниковъ. Виссаріонъ требуетъ отъ воспитателя принцевъ и принцессы, чтобы они посѣщали латинскую церковь, носили латинскую одежду, жили какъ латиняне, привѣтствовали бы папу, кардиналовъ и прочихъ вельможъ, снималъ шляпы, при посѣщеніи кардиналовъ или другихъ подобныхъ имъ сановниковъ преклоняли бы предъ ними колѣни и оставались въ такомъ положеніи до разрѣшенія встать. Виссаріонъ указываетъ, что воля Фомы Палеолога была, чтобы его дѣтей воспитали въ лонѣ латинской церкви. Требуя отъ паставника, чтобы онъ внушалъ воспитанникамъ своимъ духъ покорности, Виссаріонъ совѣтуетъ напоминать имъ, дабы они не гордились своимъ происхожденіемъ, но помнили бы, что они изгнанники, сироты, нищіе (*δολιπτοιχοι*), безъ благодѣнія другихъ не имѣющіе возможности существовать, и что они, если не будутъ добродѣтельны, благоразумны и скромны, впадуть въ безславіе. Говоря о воспитаніи, Виссаріонъ подчеркиваетъ необходимость для дѣтей Фомы изучать науки: они должны заниматься науками и не брезгать ими на томъ основаніи, что они принцы, потому что знатность безъ добродѣтели не имѣетъ цѣны даже при условіи обладанія обширными страпами и богатствомъ. Виссаріонъ общаетъ, въ случаѣ соблюденія принципами его наставленій, выдачу имъ пенсін, всеобщій почетъ и свое содѣйствіе. въ противномъ же случаѣ грозитъ оставить ихъ безъ всякой помощи и предсказываетъ имъ безславіе¹⁾.

Чему училъ Зою и братьевъ ея учитель грекъ. опредѣлить, за немѣніемъ данныхъ, нельзя. Неизвѣстно, ознакомились ли Зоя въ Римѣ съ исторіей Византіи. Если горькая дѣйствительность, окружавшая дѣтей Фомы, побуждала учителя грека обращать взоры своихъ учениковъ къ славному прошлому Византіи, врядъ ли дѣйствительность эта располагала Зою къ развитію въ себѣ какихъ-либо гордыхъ помысловъ. Воспитательная программа, продиктованная кардиналомъ Виссаріономъ наставнику дѣтей Фомы, ставитъ

---

¹⁾ Тамъ же, стр. 991—996. Содержаніе этого письма въ книгѣ о. Парлига: „Россія и Востокъ“, стр. 11.

на первомъ планѣ развитіе въ принцахъ и ихъ сестрѣхъ духа смиренія и сознанія необходимости быть латинянами. Зоя и братьямъ ей должно было внушать, что они нищіе, изгнанники, что они должны посѣщать латинскую церковь, молиться, какъ латиняне, подражать ихъ нравамъ, носить латинскую одежду, т. е. олатиниться. Не было ли плодомъ такой воспитательной системы поведеніе Андрея, старшаго брата Зои ¹⁾, недорого продававшаго свои наследственные права на византійскую имперію? Не отъ такого ли обезличенія бѣжалъ другой сынъ Юмы — Мануиль къ турецкому султану и предпочелъ потурчиться, чѣмъ олатиниться? О. Пирлингъ относительно Андрея и Мануила замѣчаетъ, что ни тотъ, ни другой не оправдали надеждъ кардинала Виссаріона, желавшаго, „чтобы юные принцы достойно носили свое славное имя“ ²⁾. Не виновенъ ли въ этомъ и самъ Виссаріонъ?

Круглая сирота, безъ средствъ къ существованію, кромѣ щедротъ папы, Зоя не была выгодной невѣстой въ глазахъ Запада. Венеціанская сеньорія, на просьбу кипрскаго короля Якова II указать ему выгодную невѣсту, въ 1466 г. обратила его взоры на племянницу послѣдняго византійскаго императора, но Яковъ II не послѣдовалъ тогда указаніямъ сеньоріи. О. Пирлингъ отмѣчаетъ, что всѣ выгоды брачнаго союза съ Софьей сводились къ блеску ея имени и славѣ ея предковъ—плохому оплоту противъ оттоманскихъ кораблей, крейсировавшихъ въ Средиземномъ морѣ и грозившихъ Якову II ³⁾. Другое сватовство было болѣе удачно. Франдзи рассказываетъ, что около 1467 года папа предложилъ чрезъ Виссаріона Андрею и Мануилу выдать сестру ихъ замужъ за князя Нарачіоло, богатаго и знатнаго. По соглашеніи сторонъ „священнодѣйствіе обрученія, по словамъ Франдзи, совершено было верховнымъ архіереємъ“ ⁴⁾. Франдзи говоритъ, что и онъ, въ числѣ слугъ невѣсты, былъ щедро одаренъ женихомъ. Объ этомъ обрученіи Франдзи по-

¹⁾ Андрею отецъ передалъ савъ деснота. *Patr. Curs. Compl., ser. gr., t. 156, стр. 997.*

²⁾ Россія и Востокъ, стр. 167.

³⁾ Тамъ же, стр. 16.

⁴⁾ Ἡ τῶν μνηστῶν ἱερολογία ὑπὸ τοῦ ἀκροῦ ἀρχιερέως διετελέσθη. *Patr. Curs. Compl., t. 156, стр. 998.*

вѣствуетъ, какъ очевидецъ событія ¹⁾. О. Пирлингъ замѣчаетъ, что занодозрѣть извѣстіе Франдзи нѣтъ никакихъ основаній, и на вопросъ, обрученіе Софьи съ княземъ Парачіоло имѣло ли своимъ послѣдствіемъ дѣйствительный бракъ, отвѣчаетъ указаніемъ на молчаніе источниковъ относительно этого ²⁾. Проф. Успенскій высказываетъ мнѣніе, что Зоя была въ замужествѣ за Парачіоло ³⁾. Съ такимъ мнѣніемъ проф. Успенскаго врядь ли можно согласиться, потому что источники не даютъ на то права: Франдзи говоритъ объ обрученіи Софьи съ Парачіоло, но не о бракосочетаніи ⁴⁾. Въ 1472 г. видимъ Зою невѣстою московскаго государя. Проектъ этого брачнаго союза, одобренный Іоанномъ III, составленъ былъ въ странѣ, на которую Зоя должна была смотрѣть какъ на свою родину ⁵⁾.

Таково, въ общихъ чертахъ, *curriculum vitae* Зои до отъѣзда ея въ Москву. Здѣсь ее встрѣчаемъ подъ именемъ Софьи. ⁶⁾.

Если въ Римѣ проектъ брака византійской царевны съ московскимъ государемъ созданъ былъ въ надеждѣ пріобрѣсти въ супругѣ царевны новаго союзника для борьбы съ турками и, быть можетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ новаго члена католической церкви, возможно ли предположить, что московскій государь, принимая предлагаемую ему руку византійской царевны, думалъ извлечь изъ этого брачнаго союза какую-либо практическую выгоду, думалъ этимъ бракомъ возвысить свое достоинство? Щербатовъ и Карамзинъ полагали несомнѣннымъ, что Іоанъ III имѣлъ такія мысли. Мысли эти, если только онѣ дѣйствительно были у Іоанна III, ни въ чемъ имъ не были проявлены. О. Пирлингъ полагаетъ, что проектъ брака Іоанна III съ византійской царевной вызвалъ въ русскихъ скорѣе чув-

---

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ „Россія и Востокъ“ стр. 17—18.

³⁾ „Какъ возникъ и развивался въ Россіи Вост. Вопросъ“, стр. 28.

⁴⁾ *Μνηστρα, τὰ*, обрученіе, см. Goar'a *Εὐχολόγιον*, Lutet. Parisiorum, an. 1647, стр. 380.

⁵⁾ О. Пирлингъ, „Россія и Востокъ“, стр. 20 и слѣд.

⁶⁾ Софья названа Зинаидою во второй Софійской лѣтописи въ разсказѣ о посылкѣ за нею въ Римъ Іоанномъ III (И. С. Р. Л. VI, 196). Не было ли извѣстно лѣтописцу, что Софья носила другое имя, и не назвалъ ли ее лѣтописецъ ошибочно Зинаидою вмѣсто Зои?

ство удовлетворенія, чѣмъ удивленія. потому что такой брачный союзъ не былъ первымъ въ лѣтописяхъ русской земли: на византійской царевнѣ былъ женатъ Владиміръ Св.: императоръ Іоаннъ VIII, дядя Зои, женатъ былъ на русской ¹⁾. Такое мнѣніе оправдывается отношеніемъ къ этому браку какъ самого Іоанна III, такъ и преемниковъ его: ни онъ, ни они никакой выгоды изъ этого брака не извлекли, въ доказательство правъ своихъ на царскій титулъ не указывали на этотъ брачный союзъ. Если бывала надобность указать на брачные союзы, возвысившіе родъ московскихъ государей, о Софьѣ не упоминали, будто отъ брака съ нею Іоанна III не было вынесено даже чувство удовлетворенія. Самъ Іоаннъ III, отправляя въ 1489 г. къ „цесарю“ и его сыну посла своего Юрія Грека и двухъ къ нему товарищей русскихъ, наказалъ имъ, въ случаѣ если отъ имени „цесаря“ послѣдуетъ предложеніе выдать его дочь за племянника „цесаря“, отвергнуть такое предложеніе, какъ не соответствующее достоинству московскаго государя, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „во всѣхъ земляхъ то вѣдомо. а падѣмся, что и вамъ вѣдомо, что Государь нашъ, Великій Государь уроженный изначала отъ своихъ прародителей; а и напередъ того отъ давнихъ лѣтъ прародители его по изначальству были въ пріятельствѣ и въ любви съ передними Римскими Цари, которые Римъ отдали Папѣ, а сами царствовали въ Византіи, да и отецъ его, Государь нашъ, и до конца былъ съ ними въ братствѣ и въ пріятельствѣ и въ любви. и до своего зятя до Ивана Палеолога Римскаго Царя; ино такому Великому Государю какъ давати своя дочи за того Маркграбія ²⁾“. Почему Іоаннъ III вспомнилъ, что дѣдъ его, великій князь Василій Дмитріевичъ, выдалъ дочь свою Анну за византійскаго царевича Іоанна Палеолога, сына императора Мануила II Палеолога, и указалъ „цесарю“ на этотъ бракъ, какъ на такой брачный союзъ, который соответствовало достоинству московскаго великаго князя, но не упомянулъ о собственномъ брачномъ союзѣ съ византійской царевной? Іоанну III умѣстно было поставить на видъ „цесарю“, что и самъ онъ былъ женатъ на

¹⁾ Назв. гр., стр. 27.

²⁾ Маркграфа, племянника императора. „Пам. дипл. сн. др. Россіи“, I, 17.

византійской царевнѣ, и что поэтому для дочери его маркграфъ былъ не подходящимъ женихомъ ¹⁾.

Вліянію Софьи Палеологъ приписываютъ появленіе обрядовъ при московскомъ дворѣ, устройство пышныхъ великокняжескихъ палатъ, появленіе новыхъ придворныхъ чиновъ. Но и предполагая вліяніе Софьи въ появленіи всѣхъ этихъ новшествъ при московскомъ дворѣ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что сношенія независимаго послѣ 1480 г. московскаго государя съ иноземными государствами требовали просторнаго помѣщенія для пріемовъ иноземныхъ пословъ съ ихъ свитами, что для пріемовъ этихъ требовалась обстановка, соотвѣтствовавшая достоинству государя, которая могла внушить иноземнымъ посламъ представленіе о могуществѣ его. Въ этомъ можно видѣть причину устройства палаты, въ которой принимались иноземные послы, причину образованія особаго порядка, который соблюдался при пріемѣ ихъ; отсюда необходимость имѣть людей, знакомыхъ съ этимъ порядкомъ, которые вводили бы иноземныхъ пословъ къ своему государю и служили бы ему при пріемѣ ихъ.

Еще кн. Щербатовъ отмѣтилъ учрежденіе Іоанномъ III „великаго числа придворныхъ чиновъ, яко въ 1495 г. вдругъ обрѣтаемъ въ спискахъ прежде небывалые чины казначея, постельничего и яслиничего, а въ 1496 г. еще прибавился чинъ конюшого“. Появленіе этихъ новыхъ чиновъ Щербатовъ объясняетъ тѣмъ, что Іоаннъ III „былъ великолѣпенъ въ своемъ дворѣ“ ²⁾. Карамзинъ, приписывая грекамъ Софьи Палеологъ появленіе пышныхъ византійскихъ обрядовъ при дворѣ московскомъ, возникновеніе новыхъ чиновъ при этомъ дворѣ во время Іоанна III ставитъ въ связь съ усиленіемъ власти государя по отношенію къ подданнымъ: „князья племени Рюрика и Св. Владиміра служили ему на равнѣ съ другими подданными и славились титуломъ Бояръ, Дворецкихъ, Окольничихъ, когда знаменитою, долговременною службою пріобрѣтали

¹⁾ О выдачѣ замужъ вел. кн. Васпліемъ I дочери своей Анны за Іоанна Палеолога см. П. С. Р. Л. VI, 139, годъ 6919 и Muralt „Essai de chronographie byzantine“ (1057—1453), стр. 793. Въ 1489 г. Софья не была noch опалю своего супруга, опала эта постигла ее позже—въ 1498 г. (П. С. Р. Л. VIII, 234).

²⁾ „Исторія Россійская“, т. IV, ч. II, стр. 366.

оное. Василій Темный оставилъ сыну только четырехъ Великокняжескихъ Бояръ, Дворецкаго, Околыничяго: Іоаннъ въ 1480 году имѣлъ уже 19 Бояръ и 9 Околыничихъ, а въ 1495 и 1496 годахъ учредилъ санъ Государственнаго Казначея, Постельничяго, Ясельничяго, Конюшаго¹⁾).

Приписывая вліянію Софьи появленіе пышности и обрядовъ при дворѣ Іоанна III, естественно было этому же вліянію приписать появленіе новыхъ чиновъ, что, какъ мы видѣли, нѣкоторые изслѣдователи послѣ Карамзина и дѣлали. Но такое заключеніе нуждается въ доказательствахъ. Проф. Сергѣевичъ, говоря о чинахъ московскаго двора, замѣтилъ, что давно и не одинъ разъ указывалось на то, что развитіе пышности двора вел. кн. Іоанна III стоитъ въ связи съ его бракомъ на греческой царевнѣ; но „насколько новыя московскіе придворныя чины отразили на себѣ вліяніе византійскихъ образцовъ, это и по сіе время далеко еще не выяснено“²⁾).

При дворѣ Іоанна III появились, если судить по „Списку старинныхъ бояръ, дворецкихъ, околыничихъ и нѣкоторыхъ другихъ придворныхъ чиновъ“, принадлежавшему М. П. Шереметевой, слѣдующіе чины: казначея, постельничяго, ясельничяго, учрежденные въ 1495 г., и конюшаго, учрежденный въ 1496 г.³⁾ Врядъ ли для учрежденія этихъ четырехъ чиновъ при дворѣ Іоанна III понадобилось вліяніе Софьи, которая, допустимъ, знала византійскую табель о рангахъ.

Чтобы судить, на сколько можно видѣть въ новыхъ московскихъ чинахъ, появившихся при дворѣ Іоанна III, отраженіе византійской табели о рангахъ, просмотримъ эту табель въ изложеніи

1) „И. Г. Р.“, изд. Эйслеринга, т. VI, стр. 214.

2) „Рус. юридич. древности“, т. I, стр. 460, прим.

3) „Древн. Рос. Визл.“ Новикова, т. XX, стр. 8, изд. 2; тоже въ „Опытъ гр. Вольи. Рос. Собр. при Моск. Ун.“, ч. I, стр. 224 и слѣд. При дворѣ Василія III появились новыя чины: крайчій, оруженчій и ловчій. („Др. Р. В.“, стр. 14, 15 и 17). О чинахъ, появившихся при дворѣ Іоанна III, см. „Историческое извѣстіе о старинныхъ чинахъ въ Россіи“ (тамъ же, стр. 174, 177, 204 и 276) и въ изслѣдованіи „О старинныхъ степеняхъ чиновъ въ Россіи“ и т. д. М., 1784 г., стр. 38, 41 и 48. О казначеѣ, постельничемъ, конюшемъ и ясельничемъ у Котошихина, стр. 31, 80 и 90—91, изд. 3.

Кодина. Она содержитъ въ себѣ названія болѣе семидесяти чиновъ византійскаго двора: шѣкоторые изъ этихъ чиновъ ко времени Кодина не несли никакихъ обязанностей ¹⁾.

Первыми чинами по византійской табели о рангахъ были деспотъ, севастократоръ и кесарь, которые не исполняли какой либо опредѣленной должности, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда они назначались для начальствованія надъ другими. За тремя выше упомянутыми чинами слѣдовали великій доместикъ и протовестіарій; изъ нихъ первый былъ начальникомъ сухопутныхъ военныхъ силъ ²⁾, второй—подавалъ императору вѣнецъ ³⁾, онъ же носилъ платникъ ⁴⁾.

Паншерсевастъ не занималъ никакой должности.

Великій дуксъ начальствовалъ надъ флотомъ и имѣлъ подъ своею властью великаго друнгарія флота, ампралія, протокомита, друнгаріевъ и комитовъ.

Протостраторъ, въ случаѣ отсутствія великаго доместика, носилъ императорскій мечъ и проводилъ за узду коня, нослѣ того какъ на него сядетъ императоръ, до четвертой или пятой части дворцоваго двора; подводилъ императору коня комитъ императорской конюшни, обязанностью котораго было проѣзжать предназначенныхъ для императора коней; около времени пасхи комитъ императорской конюшни получалъ въ свою пользу императорскія сѣдла и уздечки, которыя ежегодно замѣнялись новыми.

Великій логоветъ вѣдалъ сношенія съ иностранными государями.

Обязанность доместикія заключалась въ наблюденіи за исполненіемъ приказаній императора.

Великій стратопедархъ заботился о доставленіи войску съѣстныхъ припасовъ.

Великій примикрій подавалъ императору и принималъ отъ него скипетръ; этотъ чинъ занималъ должность начальника императорской свиты.

¹⁾ De offic., cap. II et V, ed. Von.

²⁾ Тамъ же, стр. 83.

³⁾ Тамъ же, стр. 49.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 49, 51, 52; платникъ — вѣчто въ родѣ императорскаго штандарта (тамъ же, Comment, стр. 289).

Великій контоставль былъ начальникомъ находившихся на жалованьѣ франковъ.

Протосевасть не занималъ никакой должности.

Пинкеръ исполнялъ обязанность чашика императора: подавалъ ему за столомъ чашу съ питьемъ ¹⁾.

Куропалата не занималъ никакой должности.

Паракимоменъ печати исполнялъ должность печатника: запечатывалъ письма императора воскомъ; онъ также, если протостраторъ отсутствовалъ, носилъ императорскій мечъ.

Паракимоменъ китона — покоевъ царя — былъ начальникомъ служившихъ въ этихъ покояхъ.

Должность логовета генска неизвѣстна, говоритъ Кодинъ.

Протовестіарихъ служилъ по церемоніймейстерской части.

Доместикъ стола служилъ императору за столомъ вмѣстѣ со стольникомъ (*ὁ ἐπὶ τῆς τραπέζης* — стольникъ).

Великій папія не занималъ никакой должности.

Слѣдующій чинъ въ іерархической лѣстницѣ — спархъ — также не занималъ должности.

Великій друнгарій вилгы былъ военнопачальникъ, завѣдывавшій сторожевою службою.

Великій этеріархъ служилъ по церемоніймейстерской части.

Логоветъ дрома не занималъ никакой должности.

Протоаскритъ былъ первымъ судіею ²⁾.

Ὁ ἐπὶ τοῦ στρατοῦ долженъ былъ находить мѣста для лагерной стоянки войска.

Служба мистика, говоритъ Кодинъ, понятна по самому названію должности его ³⁾.

Доместикъ школь не занималъ никакой должности.

Великій друнгарій флота находился въ такомъ отношеніи къ великому дуксу, въ какомъ великій друнгарій вилгы къ великому доместику.

Примивирій двора служилъ по церемоніймейстерской части.

Протоспафарій не занималъ должности.

¹⁾ De offic., стр. 55, 58; Comment. стр. 184.

²⁾ Comment. стр. 142.

³⁾ Mysticus est senator secretioris consilii (Comment. 264).

За нимъ слѣдовали въ табели ранговъ великій архонтъ и тата двора, также должности не имѣвшіе.

Великіе цаусѣи подвѣдомственны были великому примикирію; ихъ обязанность заключалась въ назначеніи мѣстъ для императорской свиты.

Преторъ народа не занималъ должности, подобно слѣдующимъ за нимъ въ іерархической лѣстницѣ логовету личнаго имущества императора и логаріасту двора.

Протокинигъ обязанностию своею имѣлъ держать стремя, когда императоръ садился на коня: протокинигъ же завѣдывалъ императорской псовой охотой.

Скутеріи носилъ за императоромъ знамя и щитъ его.

Амиралій находился подъ властью великаго дукса и начальствовалъ надъ всѣмъ флотомъ.

Ο ἐπί τῶν δεύσεων принималъ прошенія, которыя подавались императору во время выѣздовъ его.

Квесторъ не занималъ никакой должности.

Великій аднуміастъ долженъ былъ заботиться о снабженіи солдатъ оружіемъ и лошадьми ¹⁾.

Логоветъ стратіотика не занималъ никакой должности.

Протоіеракарій завѣдывалъ птичьей охотой.

Логоветъ стадъ ²⁾ не занималъ никакой должности.

Великій драгоманъ начальствовалъ надъ переводчиками.

Аколуѣтъ—начальникъ Варяговъ—слѣдовалъ за императоромъ впереди ихъ.

Судья войсковой долженъ былъ разбирать тяжбы солдатъ.

Архонтъ почты числился, во времена Кодина, въ свитѣ императора ³⁾.

Проталагаторъ по своей должности слѣдовалъ за свитой императора и находился въ распоряженіи примикирія.

Великій дѣкингъ не занималъ никакой должности, какъ и слѣдующій за нимъ чинъ—орфанотрофъ.

Протонотарій былъ первый изъ нотаріевъ или секретарей.

¹⁾ Тамъ же, стр. 85; Comment., стр. 198.

²⁾ См. Schlumberger, Sigillographie de l'Empire Byzantin, pag. 324.

³⁾ Comment. стр. 200.

‘ *O ἐπὶ τῶν ἀναμνησέων* не занималъ никакой должности, нѣкогда же онъ записывалъ отличившихся и докладывалъ о нихъ императору.

Доместикъ стѣпъ завѣдывалъ ремонтомъ укрѣпленій.

Предсѣдатель императорскаго китона (поковсѣ) начальствовалъ надъ китонаріями (ближайшими къ царю служителями) и былъ подчиненъ паракимомену китона.

Предсѣдатель вестіарія находился подъ начальствомъ прото-вестіарита и вѣдалъ доходы и расходы императора.

Вестіарій несъ морскую службу; когда императоръ предпринималъ морской походъ, вестіарій начальствовалъ надъ кораблемъ, везшимъ царскій гардеробъ.

Этеріархъ служилъ по церемоніймейстерской части.

Логаріастъ двора былъ казначеемъ наемныхъ войскъ.

Стратопедархъ воиновъ, имѣвшихъ по одной лошади, начальствовалъ надъ этими вошами.

Стратопедархъ цапграторовъ завѣдывалъ ими точно такъ, какъ муртатами ихъ стратопедархъ ¹⁾).

Стратопедархъ цаконовъ вѣдалъ стражей въ укрѣпленіяхъ, которые назывались цаконами.

Предсѣдатель дворцовъ завѣдывалъ ими.

Предсѣдатель Влахернскаго дворца имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи этотъ дворецъ.

Доместикъ восточныхъ оемъ, какъ и доместикъ западныхъ оемъ, вѣдалъ государственныя дѣла своихъ оемъ.

Служба великаго миртанта неизвѣстна была Кодишу.

Протокомитъ служилъ во флотѣ; онъ былъ первый изъ комитовъ въ императорскомъ флотѣ.

Друнгарій также служилъ во флотѣ; друнга — извѣстное число воиновъ, которыми командовалъ друнгарій.

Врядъ ли для объясненія появленія при дворѣ Іоанна III чшовъ: казначея, постельничаго, ясельничаго и конюшаго необходимо имѣть въ виду византійское вліяніе ²⁾).

¹⁾ Τζαγγρα — arcus balistarius, balearis (Du-Cange, Glos. Graecitatis).

²⁾ Конюшіе и казначей известны были на Руси ранѣе времени Іоанна III (Проф. Сергѣевичъ „Русск. Юридич. Древн.“ I, 403, 416). Въ „Проектѣ устава о

Говоря о вліянні Софьи Палеологъ на Іоанна Ш, слѣдуетъ имѣть въ виду характеръ супруга ея и политику его до брака съ нею. Соловьевъ, подводя итоги государственной дѣятельности Іоанна Ш, пришелъ къ заключенію, что нельзя ее рѣзко отличать отъ дѣятельности предковъ его, что только въ XVШ в., при первыхъ попыткахъ обработки отечественной исторіи, могло образоваться мнѣніе, что Іоаннъ Ш соединилъ до него раздробленную Россію въ одно цѣлое и свергнулъ татарское иго ¹⁾. По мнѣнію Соловьева, обширная дѣятельность Іоанна Ш является слѣдствіемъ дѣятельности предшественниковъ его. Съ такимъ мнѣніемъ Соловьева нельзя не согласиться. Какъ сверженіе татарскаго ига, такъ и присоединеніе удѣловъ Іоанномъ Ш къ Москвѣ врядъ ли можно приписать вліянію Софьи. Соловьевъ, говоря въ своей магистерской диссертациі обь отношеніяхъ Іоанна Ш къ Новгороду, задаетъ вопросомъ, почему Іоаннъ Ш не сказалъ въ 1471 г. того, что объявилъ новгородцамъ въ 1477 г.: „хочу властвовать въ Новгородѣ, какъ властвую въ Москвѣ“. Указавъ, что Софья Палеологъ еще не было въ 1471 году въ Москвѣ, что Софья современники приписывали внушеніе Іоанну Ш важнѣйшихъ замысловъ, и что вслѣдствіе этого можетъ казаться, будто Іоаннъ Ш не былъ способенъ возвыситься до мысли покорить себѣ Новгородъ, Соловьевъ говоритъ, что подобное предположеніе можетъ показаться основательнымъ только съ перваго взгляда. Іоаннъ Ш дѣйствовалъ медленно, потому что медленность обѣщала однѣ выгоды ²⁾.

Такую же медленность и такую же осторожность обнаружили Іоаннъ Ш и въ другомъ крупномъ его дѣлѣ—сверженіи татарскаго ига. потому что медленность эта могла принести только пользу. Въ наказѣ, данномъ Іоанномъ Ш въ мартѣ мѣсяцѣ 1474 года

служебномъ старшинствѣ бояръ“ и проч., составленномъ при царѣ Федорѣ Алексѣевичѣ по византійской табели о рангахъ, находимъ изъ чиновъ двора Іоанна Ш только постельничаго съ поясненіемъ: „греческииъ *протовестіарій* сирѣчь первой нашего Царскаго Величества казиѣ хранитель, повеже имѣть въ своемъ храненіи нашего Царскаго Величества одежды и всякіе многоцѣнные вещи, елико нашему Царскому Величеству потребно“... („Архивъ ист.-юридич. свѣд.“, изд. Калачевымъ, кн. I, отд. II, стр. 52).

¹⁾ „Ист. Рос.“ V, 362, изд. 5.

²⁾ „Обь отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ“, стр. 145 и слѣд.

боярину Инкитъ Беклемишеву, отправленному посломъ къ крымскому хану Менгли-Гирею, читаемъ инструкцію, какъ написать договорную грамоту о союзѣ между Иоанномъ III и Менгли-Гиреемъ. Беклемишевъ долженъ былъ убѣждать Менгли-Гирея, чтобы въ договорной грамотѣ „именно о царѣ Ахматѣ не писати“, но написать, что Иоаннъ III и Менгли-Гирей обязуются имѣть общихъ друзей и недруговъ¹⁾. Оказывая еще покорность Ахмату, Иоаннъ III, за шесть лѣтъ до того времени, когда Софья побуждала его по словамъ Татищева, свергнуть татарское иго, заключилъ направленный противъ Ахмата договоръ съ крымскимъ ханомъ, не называя Ахмата въ этомъ договорѣ изъ опасенія, что договоръ этотъ можетъ быть извѣстенъ въ золотой ордѣ²⁾. Конечно, возможно и тутъ усмотрѣть вліяніе Софьи, но этому противорѣчатъ прежде всего извѣстіе Татищева, что Иоаннъ III удивился, когда Софья заговорила о сверженіи татарскаго иго, изъ чего видно, что Софья такихъ рѣчей ранѣе не говорила. Далѣе, Софья пріѣхала въ Москву въ ноябрѣ 1472 г.³⁾, бояринъ же Беклемишевъ, отправленный въ мартѣ 1474 г. къ крымскому хану, говорилъ о договорѣ съ нимъ московскаго государя на основаніи предложенія, сдѣланнаго ранѣе Иоанну III крымскимъ посломъ Ази-Бабою отъ имени Менгли-Гирея⁴⁾. Такое предложеніе союза со стороны Менгли-Гирея вытекало изъ предшествовавшихъ дружественныхъ сношеній между нимъ и Иоанномъ III, которыя врядъ ли можно отнести на долю вліянія Софьи, около того времени только пріѣхавшей въ Москву и потому не знакомой съ политическими дѣлами настолько, чтобы оказывать вліяніе на характеръ отношеній своего супруга къ крымскому хану. Слѣдуетъ еще имѣть въ виду, что Иоаннъ III смотрѣлъ на крымскаго хана, какъ на союзника въ борьбѣ своей съ литовскимъ великимъ княземъ⁵⁾. Эта борьба, цѣлью своею имѣвшая присоединеніе къ Москвѣ юго-западныхъ русскихъ областей, должна была отвлечь Иоанна III отъ мысли овладѣть Константинополемъ, которую, полагають, Софья внушила супругу сво-

¹⁾ С. Н. Р. И. Об. т. 41, стр. 3.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ С. Н. Р. И. VIII, 176.

⁴⁾ С. Н. Р. И. Об. т. 41, стр. 1—2.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 3.

ему, а потому, съ ея точки зрѣнія, союзъ Іоанна III съ крымскимъ ханомъ, хотя бы и направленный противъ Ахмата, не могъ быть желателенъ, тѣмъ болѣе, что крымскій ханъ былъ вассаломъ турецкаго султана. Такой союзъ могъ привести Іоанна III, и привелъ дѣйствительно, къ дружественнымъ сношеніямъ съ турецкимъ султаномъ. Такимъ образомъ договоръ Іоанна III съ Менгли-Гиреемъ, направленный противъ Ахмата, свидѣтельствуетъ, что Іоаннъ III подготовилъ сверженіе татарскаго ига, избравъ союзникомъ для этого крымскаго хана, дѣйствуя и въ этомъ дѣлѣ медленно и осторожно.

Іоаннъ III является крупнымъ собирателемъ удѣловъ сѣверо-восточной Руси. Въ этомъ отношеніи онъ былъ продолжателемъ своихъ предшественниковъ и дѣйствовалъ вполне сознательно, убѣжденный примѣрами изъ русской исторіи, что въ политическомъ раздробленіи земли заключается слабость ея. Соловьевъ приводитъ извѣстіе, что Іоаннъ III сказалъ митрополиту, просившему объ освобожденіи брата его, князя Андрея: „жалъ мнѣ очень брата, и я не хочу погубить его, а на себя положить упрекъ; но освободить его не могу, потому что не разъ замышлялъ онъ на меня зло; потомъ каялся, а теперь опять началъ зло замышлять и людей моихъ къ себѣ притягивать. Да это бы еще ничего; но когда я умру, то онъ будетъ нескать великаго княженія подъ внукомъ моимъ, и если самъ не добудетъ, то смутитъ дѣтей моихъ, и станутъ они воевать другъ съ другомъ, а Татары будутъ русскую землю губить, жечь и плѣнить, и дань опять наложить, и кровь христіанская опять будетъ литься, какъ прежде, и все мои труды останутся напрасны, и вы будете рабами Татаръ“¹⁾. Эту же мысль о предѣ политическаго раздробленія Іоаннъ III высказалъ и при другихъ обстоятельствахъ. Отправляя въ 1496 г. посла къ зятю своему Александру, великому князю литовскому, Іоаннъ III наказалъ послу передать наединѣ великой княгинѣ, дочери своей, слѣдующее: „...еси говорила..., что князь велики (Александръ) да

¹⁾ „Ист. Рос.“ V, 64, изд. 5. Соловьевъ цитируетъ это извѣстіе: „Чтенія Москов. Ист. Общ. Годъ III, № 4“. Дополняемъ его цитату: въ этой книгѣ „Чтеній“ напечатана пятая книга „Исторіи“ Татищева, и въ ней подъ 1488 г., на стр. 93, находимъ выписанное Соловьевымъ извѣстіе.

и панове думаютъ, а хотять Жыдимонту дать въ Литовскомъ въ великомъ княжествѣ Киевъ, да и ишые города. Ино, дочи, слыхаль язъ, каково было нестроенье въ Литовской землѣ, коли было государей много; а и въ нашей землѣ слыхала еси, каково было нестроенье при моемъ отцѣ; а опослѣ отца моего, каковы были дѣла и мнѣ съ братьею, надѣюся, слыхала еси, а иное и сама помнишь; и толко Жыдимонтъ будетъ въ Литовской землѣ, ино вашему которому добру быти?¹⁾ Такъ, по словамъ самого Иоанна III, исторія земли русской и Литвы привела его къ сознанію, что политическое раздробленіе пагубно для государства. Однако, такой взглядъ на раздробленіе государства между нѣсколькими владѣтелями не помѣшалъ Иоанну III оставить удѣлы своимъ младшимъ сыновьямъ²⁾. Не принесла, повидимому, и Софья своему супругу мысли о недѣлимости государства.

Всматриваясь въ памятники, описывающіе личность Иоанна III, нельзя не замѣтить, что этотъ государь былъ выдающимся политикомъ, что его крупныя политическія дѣла не представляются только слѣдствіемъ вліянія на него Софьи; поэтому слѣдуетъ осторожно относиться къ показаніямъ нѣкоторыхъ современниковъ и близкихъ къ нимъ по времени свидѣтельствамъ, широко, но не всегда опредѣленно рисующимъ сферу вліянія Софьи на ея супруга. Въ противномъ случаѣ силуэтъ Софьи затемнитъ обликъ наиболѣе выдающагося политика изъ племени Калиты.

---

¹⁾ С. И. Р. II. Об. т. 35, стр. 224.

²⁾ С. Г. Г. и Д. ч. I, № 144.

Глава II.

Первый императоръ въ Константинополѣ, Константинъ Великій, нѣмѣлъ всю полноту власти предшественниковъ своихъ, римскихъ императоровъ. Переносеніе столицы имперіи изъ Рима въ Константинополъ само по себѣ могло не отразиться на идеѣ власти римскаго императора, но идея этой власти должна была измѣниться по другой причинѣ. Принявъ христіанство, Константинъ Великій и его ближайшіе преемники сохраняли еще званіе языческихъ императоровъ: Pontifex maximus, но христіане не могли видѣть въ императорѣ верховнаго первосвященника, и императоръ, какъ христіанинъ, долженъ былъ отказаться отъ того положенія въ христіанской церкви, какое онъ занималъ въ язычествѣ какъ глава языческаго культа ¹⁾.

Въ какія отношенія къ церкви сталъ восточный римскій императоръ, раскрываетъ исторія Византіи.

Отношенія эти неодинаково понимаются русскими и западно-европейскими изслѣдователями исторіи греко-восточной церкви. Точка зрѣнія послѣднихъ на эти отношенія та, что византійскіе императоры, подобно предшественникамъ своимъ языческимъ императорамъ, продолжали быть парями и первосвященниками. Иначе смотрятъ русскіе изслѣдователи.

Проф. Кургановъ въ своемъ трудѣ, посвященномъ обзору отношеній между церковною и гражданскою властью въ Византіи въ періодъ времени съ 325 г. по 565 г., указываетъ, что „въ византійскомъ законодательствѣ, начиная съ Константина В.

---

¹⁾ Отъ званія Pontifex maximus императоры стали отказываться со времени Граціана, съ 382 г. (Кургановъ: „Огношеніе между церковн. и гражданск. властію въ Византійской имперіи“, 35; Gasquet: „De l'autorité impériale en matière religieuse à Byzance“, 31, Paris, an. 1879).

и кончая послѣдними императорами изъ фамиліи Палеологовъ, приняты и развиты три главные положенія, опредѣляющія отношенія государства къ церкви: а) признаніе двухъ властей: духовной и свѣтской и ихъ равноправное положеніе въ государствѣ; б) ихъ взаимное согласіе въ области дѣйствованія на подданныхъ, и с) признаніе за церковными канонами, а гѣмъ болѣе догматами, не только равнозначущей силы съ государственными законами, но и превосходства предъ ними, въ случаѣ враждебнаго столкновенія между государствомъ и церковію¹⁾. Изложенная теорія отношеній между государствомъ и церковію, говоритъ проф. Кургановъ, въ общемъ видѣ соблюдавшаяся въ Византіи, хотя были и нарушенія ея, осуждалась и осуждается западными европейцами, какъ католиками, такъ и протестантами, по мнѣнію которыхъ восточная церковь вполнѣ подчинялась гражданской власти и признала это подчиненіе законнымъ и нормальнымъ²⁾.

Проф. А. Лебедевъ называетъ представленія западныхъ европейскихъ писателей объ отношеніяхъ между государствомъ и церковію въ Византіи частью справедливыми, частью несправедливыми. Мнѣнія, что византійскіе императоры были царями и вмѣстѣ первосвященниками, несправедливы, говоритъ проф. Лебедевъ, если „видѣть въ подобныхъ отношеніяхъ (между государствомъ и церковію) какую-то систему, будто-бы принятую и утвердившуюся, какъ законъ, въ Византійской имперіи; но они справедливы, если съ этими представленіями соединяется лишь мысль о томъ, что въ Византіи нормальные отношенія государства къ церкви весьма часто переходили въ ненормальные, что здѣсь императоры въ религіозныхъ дѣлахъ брали на себя болѣе, чѣмъ сколько того требовали благо церкви и польза ея, и что забывалось истинное понятіе объ императорѣ, какъ членѣ церкви, подчиненномъ голосу пастырей въ вопросахъ религіи“³⁾.

Проф. М. А. Остроумовъ указываетъ, что идея симфоніи или согласія между императорскою властью и церковною, выраженная

---

¹⁾ Назв. тр., 90.

²⁾ Тамъ же, стр. 91, 93 и слѣд.

³⁾ „Очерки исторіи Виз.-вост. церкви отъ конца XI в. до пол. XV в.“, стр. 209—210.

Юстиніаномъ въ одной изъ его новеллъ, высказывалась многократно различными византійскими императорами въ ихъ новеллахъ, такъ что идея эта можетъ быть разсматриваема, какъ господствующая догма права; тѣ же случаи, когда императоры Византіи фактически являлись главою церкви, представляются нарушениями этой идеи ¹⁾).

Причина несогласія во взглядахъ на отношенія императорской власти къ церкви въ Византіи между русскими и западными европейскими учеными ясна: ненормальное, по мнѣнію первыхъ, разсматривается вторыми, какъ нѣчто законное ²⁾).

Мы разсмотримъ тѣ случаи, когда императоры византійскіе усвоили себѣ, и имъ усвоилось, такое положеніе въ церкви, какого московскіе государи никогда не занимали.

Биографъ Константина В. Евсевій, характеризуя его отношеніе къ церкви, говоритъ, что „онъ, въ случаѣ взаимнаго несогласія епископовъ въ различныхъ областяхъ, дѣйствовалъ, какъ общій, поставленный отъ Бога епископъ“ ³⁾). По словамъ Евсевія, однажды и Константинъ В. назвалъ себя епископомъ съ слѣдующею оговоркою: „только вы — епископы внутреннихъ дѣлъ Церкви, а меня можно назвать поставленнымъ отъ Бога епископомъ дѣлъ вѣнскихъ“ ⁴⁾).

¹⁾ „Введеніе въ прав. церк. право“, 1, стр. 460.

²⁾ Проф. Лебедевъ и Остроумовъ указываютъ случаи изъ отношеній въ Византіи власти гражданской къ церкви, когда императоры себѣ усвоили, и за ними признавали нѣкоторые міряне и духовныя лица, такую власть въ дѣлахъ церковныхъ, что получалось представленіе объ императорѣ, родственное, по выраженію проф. Остроумова, съ изысканнымъ представленіемъ о великомъ первосвященникѣ-императорѣ (назв. тр. А. П. Лебедева, стр. 210 и М. А. Остроумова, стр. 461. Такія представленія объ императорѣ византійскомъ вложены и въ „Курсъ церк. права“ проф. Суворова, стр. 62). Возрѣнія византійскихъ канонистовъ и самой церковной власти на императоровъ, какъ на лицъ, имѣющихъ право широкаго участія въ дѣлахъ церкви, указаны проф. Кургановымъ (назв. тр., стр. 84 и его жрѣчь: „Визант. плеаль царя и царства“ и т. д. „Прав. Соб.“ 1881 г. июль — августъ, стр. 279). Отношеніямъ власти царской къ патриаршей въ Византіи посвящена часть VIII гл. изслѣдованія пр.-доц. Грибовскаго: „Народъ и власть въ Византійскомъ государствѣ“ (стр. 341 и слѣд.).

³⁾ „Сочин. Евсевія Памфила“, рус. пер., стр. 90.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 246. Въ этомъ отношеніи любознатель слѣдующій разсказъ въ похвальномъ словѣ равноапостольнымъ Константину и Еленѣ Евсеіемъ, патриарха Терновскаго: „пѣкогдаже па обѣдѣ епископы призвавъ (рѣчь идетъ о

Называя себя епископомъ, Константинъ В. вѣдѣнію своему опредѣлялъ „дѣла вѣшніи“, преемниковъ же его епископы называли архіереями и іереями безъ опредѣленія сферы ихъ архіерейства или іерейства. Отцы Халкидонскаго (Вселенскаго четвертаго) собора провозгласили императору многолѣтіе, какъ архіерею: *Πολλὰ τὰ ἔτη... τῷ ἀρχιερεὶ βασιλεῖ* ¹⁾, какъ іерею: *Παλλὰ τὰ ἔτη... τῷ ἱερεῖ, τῷ βασιλεῖ* ²⁾, назвали его учителемъ вѣры: *Τὸς ἐκκλησίας σὺ ὄρθωσας, νικητὴ πολέμιων, διδάσκαλε πίστεως* ³⁾. Императоръ, провозглашаемый архіереемъ и іереемъ, назывался стражемъ православія, какъ вмѣстѣ съ отцами собора охранявшій чистоту вѣры. Отцы того же Халкидонскаго собора называли императоровъ стражами вѣры: *Φύλακες πίστεως* ⁴⁾ и такимъ же названіемъ почтили императрицу: *Τὴν φύλακα τῆς πίστεως ὁ Θεὸς γυλάξει* ⁵⁾. Стражемъ православія называли императора отцы VI Вселенскаго собора: *Τοῦ γύλακος τῆς ὀρθοδοξίας πολλὰ τὰ ἔτη* ⁶⁾. Патріархъ Тарасій въ своей рѣчи (сказанной въ 784 г.) называлъ императора Константина и импе-

Константинъ В.), синовое къ нимъ подвиге слово: благодатию всецѣдраго владыки Бога таковои сподобихся благодати, яко вся пже прежде мене превзыти царя и богоразоумѣнію сподобитися, якоже никто же ннѣ, къ симже и вашего благословенія насладитися сподобихся толикыиъ отецъ, толикыиъ ангель, толикыиъ Божіиъ слугъ. Но понеже ннѣ чинѣ по ангелехъ Богови приближающъся кромѣ святиТЕЛЬскаго вѣстѣ, посланіе пмѣа много сице: можно бы яко да и азъ Богови себе васъ ради праближу и сватительска сподобилъсѣ дара. Они же къ пему тихимъ лицемъ и радостною отвѣщаша душею: ты Богомъ поставленъ еси епископъ⁴⁾. Отрывокъ этогоъ взъ житія равноапостольныхъ Константина и Елены, сообщенный мнѣ проф. М. С. Дриновымъ, заимствованъ изъ коніи, принадлежащей ему и снятой съ рукописи XVI в. Пми. П. Библ. (Отд. I, № 209, по коніи проф. М. С. Дринова л. 35 об.).

¹⁾ Harduini, Acta Conciliorum II, стр. 159.

²⁾ Тамъ же, стр. 489.

³⁾ Тамъ же. Въ эдиктѣ императоровъ Валентіана и Маркіана, запрещающемъ споры о вѣрѣ предъ народомъ, императоры названы Pontifices incluti, но въ греч. переводѣ этогоъ эдикта, написаннаго на лат. яз., вѣтъ названія императоровъ, соответствующаго латинскому Pontifices (тамъ же, стр. 659).

⁴⁾ Тамъ же, стр. 159.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 488.

⁶⁾ Тамъ же, III, стр. 1164, 1365, 1385.

ратрицу Ирину стражами чистой вѣры: *Οἱ τῆς ἀσωμίτου ἡμῶν λίστεως τῶν χριστιανῶν φύλακες* ¹⁾). Въ чемъ заключалась дѣятельность императоровъ какъ стражей вѣры, опредѣляютъ отцы Вселенскихъ соборовъ. Отцы VI Вселенскаго собора провозгласили: *Σῶσον, Κύριε, τὸν βασιλέα ἡμῶν, τὸν μετὰ σέ κρατύροντα τὴν κορηλῖδα τῆς λίστεως* ²⁾). Отцы того же Вселенскаго собора говорили императору, что Христосъ чрезъ императоровъ даруетъ церквамъ миръ: *Χριστὸς δὲ δι' ὑμῶν ἀγαπᾷ ταῖς ἐκκλησίαις αὐτοῦ τῆρ εἰρήνην βραβεύεσθαι* ³⁾). По словамъ отцовъ пятоместога собора Богъ поручилъ церковь императору: *(βασιλεῖ) Τῆρ ἐκυτῆς ἐκκλησίαιρ παρέθετο* ⁴⁾). Отцы седьмого Вселенскаго собора писали императору Константину и императрицѣ Иринѣ: *Suo enim decreto et mandato vos in nomine suo convocavit (Christus Deus), ut dogmatum ecclesiasticorum oracula fixa firmaque conservetis. Etenim quemadmodum caput vestrum auro et lapidibus pretiosis exornatum est: ita et mentes vestrae evangelicis patrum doctrinis sunt exultae. Nam quorum sonus in universum terrarum orbem est egressus cum sitis veluti discipuli et consodales, universique christiani populi duces et principes, ad pietatem veritatis sermonem contulistis et orthodoxae fidei pietatisque figuram descripsistis. Unde fidelibus tanquam faces ardentes relucetis et perichitanti ecclesiae manum porrexistis. Nam et sanas doctrinas conservatis et dissidentium unanimem concordiam gubernatis* ⁵⁾).

Папа Левъ В., въ своихъ посланіяхъ къ іерархамъ церкви и императорамъ, призывалъ за послѣдними священническую ревность, священническій умъ, священническій и апостольскій духъ, священническую святость. Въ посланіи Льва В. къ императору Маркіану читаемъ, что Богъ императору *Praeter regiam coronam etiam sacerdotalem conferat palmam* ⁶⁾; въ другомъ посланіи къ тому же императору папа выражалъ благодарность Богу за то, что

¹⁾ Тамъ же, IV, стр. 24.

²⁾ Тамъ же, III, стр. 1424.

³⁾ Тамъ же, стр. 1417.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 1653.

⁵⁾ Тамъ же, IV, стр. 759.

⁶⁾ Migne, P. C. C., ser. lat., t. 54, стр. 1023.

Опъ: *Ἐμῶς ἐν τῇ βασιλείᾳ καθίδρουσεν, ἐν οἷς εἰς σωτηρίαν τοῦ πατρὸς κόσμου καὶ ἡ βασιλικὴ δόξαμις καὶ ἡ ἱερατικὴ ἀνθρῆ σπουδὴ*¹⁾; въ посланіи же къ императору Маркіану Левъ В. писалъ, что опъ, папа, и вмѣстѣ съ нимъ всѣ священнослужители утѣшаются *Dum in christianissimo principe sacerdotalem experimur affectum*²⁾; въ другой разъ Левъ В. писалъ Маркіану: *De sacratissimo die Paschae sacerdotali me sollicitudine pietas vestra commovuit*³⁾. Тотъ же папа, въ посланіи къ императрицѣ Пульхеріи, признавалъ: *Principibus temporis nostri non solum potentiam regiam, sed etiam sacerdotalem cognoscimus inesse doctrinam*⁴⁾. Въ посланіяхъ Льва В. къ императору Льву читаемъ... *Et per incrementa diligentiae devotionem in vobis animi sacerdotalis experior*⁵⁾; ...*Sacerdotalem namque et apostolicum tuae pietatis animum*...⁶⁾. Патриарху константинопольскому Левъ В. писалъ: ...*Religiosissimum principem dilectio tua studeat frequentare, et non solum regiam, sed et sacerdotalem ipsius mentem, precibus meis obsecrare persiste*...⁷⁾. Въ посланіи того же Льва В. къ одному изъ восточныхъ епископовъ выражается большая радость, вызванная эдиктомъ императора и отвѣтомъ императрицы относительно монашествующихъ: ...*Non ignorans hunc ipsis fervorem fidei divina inspiratione conferri, ut omnibus excellentiam ipsorum non solum regii culminis, sed etiam sacerdotalis esse appareat sanctitatis*...⁸⁾. Египетскимъ епископамъ папа Левъ В. писалъ: ...*Quia et clementia ejus (императора) pro defendendis sanctae Synodi Chalcedonensis decretis sacerdotali fervet affectu*⁹⁾.

Высокаго мнѣнія о власти византійскаго императора въ дѣлахъ церкви были нѣкоторые іерархи. Кавописъ XII в. Вальсамонъ, александрійскій патриархъ, въ толкованіи на XVI канонъ

1) Тамъ же, стр. 1034.

2) Тамъ же, стр. 1094.

3) Тамъ же, стр. 1111.

4) Тамъ же, стр. 1036.

5) Тамъ же, стр. 1143.

6) Тамъ же, стр. 1131.

7) Тамъ же, стр. 1126.

8) Тамъ же, стр. 1038.

9) Тамъ же, стр. 1124.

собора въ Кароагенѣ, запрещающій лицамъ, которыя занимали церковныя должности, и монахамъ вести мірскія дѣла, указываетъ на мнѣнія нѣкоторыхъ лицъ, что канонъ этотъ примѣнимъ въ томъ случаѣ, если духовное лицо займется мірскими дѣлами не по приказанію императора, ибо императоръ не подлежитъ ни законамъ, ни канонамъ. Раздѣляя мнѣніе этихъ лицъ, Вальсамонъ признаетъ, что императоръ не обязанъ слѣдовать канонамъ ¹⁾. Полагая, что императоръ не обязанъ слѣдовать канонамъ, Вальсамонъ находитъ, что власть императорская выше патріаршей: „такъ какъ, говоритъ Вальсамонъ, содѣйствіе самодержцевъ простирается на просищеніе и укрѣпленіе какъ души, такъ и тѣла, авторитетъ же патріарховъ ограниченъ исключительно пользою душевною (ибо забота патріарховъ о благосостояніи тѣлесномъ незначительна), равно какъ попеченіе и забота императрицъ по отношенію къ подданнымъ простираются только на тѣлесное благополучіе, ибо женщины лишены всякой способности къ помощи душевной, то свѣтлыни императоровъ обвиваются двумя золотыми вѣвцами, а патріарховъ и императрицъ—однимъ бордюромъ.“ ²⁾

Подобно Вальсамону, высокаго мнѣнія о власти императора въ дѣлахъ церкви былъ архіепископъ Болгаринъ Димитрій Хоматіанъ (XIII в.) ³⁾. Мнѣніе Хоматіана весьма авторитетно, такъ какъ онъ считается искуснѣйшимъ законовѣдомъ, имѣвшимъ обширнѣйшія свѣдѣнія и въ церковныхъ канонахъ, и въ области свѣтскихъ законовъ ⁴⁾. „Императоръ, говоритъ Димитрій Хоматіанъ, какъ общій епискоментархъ ⁵⁾ церкви, и на дѣлѣ и по имени, председательствуетъ при произнесеніи соборныхъ мнѣній и утверждаетъ ихъ, устрояетъ дѣйствія церковныя, вноситъ закономѣрность въ жизнь церковнослужителей и дѣла епископовъ и клириковъ.

¹⁾ Migne, P. C. C., ser. gr., t. 138, стр. 93.

²⁾ Тамъ же, t. 119, Μελέτη, стр. 1165.

³⁾ О немъ въ статьѣ проф. М. С. Дринова: „О нѣкоторыхъ трудахъ Димитрія Хоматіана“, „Виз. Врем.“, т. I, вып. II, стр. 319; т. II, вып. 1 и 2, стр. 1.

⁴⁾ Назв. тр. проф. М. А. Остроумова, 590.

⁵⁾ Ἐπιστομονάρχης—titulus quem sibi adscribebant imperatores Constantinopolitani, tanquam essent Doctrinae ac Disciplinae Ecclesiasticae Praesides. Du-Cange указываетъ новеллу императора Исаака Ангела, въ которой Исаакъ написалъ себѣ званіе епискоментарха церкви (Glos. graecit., s. v.).

а также (устраиваетъ) выборомъ во вдовствующія церкви, возводитъ отъ меньшей почести къ большей, т. е. изъ епископіи въ митрополию, воздавая тѣмъ почетъ либо личной заслугъ, либо городу. Все это легче понять любознательному изъ сборника божественныхъ и священныхъ каноновъ и изъ недавняго законодательства Юстиніана, которое находится во всей 3 книгѣ Василіа, во всей полнотѣ обнимающей постановленія, относящіяся къ дѣламъ епископскимъ и клириковъ, ихъ привилегій, жизни, устройства, а также тяжбъ какъ жалобныхъ, такъ и имущественныхъ; и, такъ сказать, за исключеніемъ совершенія службъ церковныхъ, прочія привилегіи священства царь устраиваетъ опредѣленно, и въ этомъ случаѣ онъ дѣйствуетъ сообразно съ законами и канонами. Находится въ 19 кн. іудейской древней исторіи Іосифа Флавія царская подпись слѣдующаго содержанія: „Тиверій Клавдій Кесарь августъ, Германикъ, pontifex maximus, въ годъ трибушской власти (указаніе года опущено), избранный консуломъ во второй разъ“. Такъ какъ, слѣдовательно, и царь даннаго времени есть помазанникъ Божій вслѣдствіе помазанія своего на царство, а Христосъ и Богъ нашъ вмѣстѣ съ прочими (людьми, т. е. Богъ нашъ и другихъ) и первосвященникъ нашъ, и былъ и провозглашается (такимъ), то основательно и самъ (царь) украшается и первосвященническими дарами“ ¹⁾. Церковный писатель Макарій Анкирскій (XIV в.) доказываетъ авторитетомъ Григорія Нисскаго, Григорія Назіанзена, четвертаго и шестаго Вселенскихъ соборовъ и др., что „императоръ, помазанникъ Божій, святъ чрезъ миропомазаніе и принадлежитъ къ числу священнослужителей, есть архіерей, іерей и учитель вѣры“ ²⁾.

Естественно, что нѣкоторые византийскіе императоры высказывали высокое мнѣніе о своей власти и въ дѣлахъ церкви.

Императоръ Левъ Исавръ въ своемъ посланіи къ папѣ Григорію II написалъ о себѣ: *Imperator sum et sacerdos*, и напаче не отрицалъ права императора называться священникомъ въ томъ случаѣ, если онъ не поступалъ противно ученію отцовъ и учите-

¹⁾ Migne, Patr. C. C., ser. gr., t. 119, стр. 949.

²⁾ Leonis Allatii de Ecclesiae occid. atque orient. perpetua consensione, стр. 219, an. 1648.

лей церкви „Но ты послѣдовалъ“, писалъ папа Льву Исавру“, своему упорству и обитающимъ въ тебѣ страстямъ; и въ то же время пишешь: „я императоръ и священникъ“. Да, императоры, бывшіе прежде тебя, доказали это и словомъ, и дѣломъ: они созидали церкви и заботились о нихъ; ревнуя о православной вѣрѣ, они вмѣстѣ съ архіереями изслѣдовали и отстаивали истину, таковы: Константинъ В., Θεодосій В., Валентиніанъ В., Константинъ, отецъ Юстиніана, бывшій на шестомъ соборѣ. Эти императоры царствовали благочестиво: они вмѣстѣ съ архіереями, единодушно и единомысленно съ ними, собирали соборы, изслѣдовали истину догматовъ, устроили и украшали святаго церкви. Вотъ—священники и императоры! они доказали это самымъ дѣломъ. Ты же съ тѣхъ поръ, какъ получилъ власть, не исполнилъ сталъ соблюдать опредѣленія отцовъ“... ¹⁾). Папа увѣщевалъ императора быть Pontifex et imperator ²⁾).

Императоръ Псаакъ Ангелъ, по словамъ византійскаго историка Никиты Хоніата (XII—XIII в.) ³⁾, имѣлъ дерзость пользоваться священными сосудами за своимъ столомъ. Когда кто нибудь рѣшался напомнить императору, что такъ поступать неприлично, онъ возражалъ: „царямъ все позволительно дѣлать, и между Богомъ и императоромъ въ управленіи земными дѣлами отнюдь нѣтъ такого несоединимаго и несъютимаго разстоянія, какъ между утвержденіемъ и отрицаніемъ“ (вариантъ: „потому что на землѣ, говорилъ царь, нѣтъ никакого различія во власти между Богомъ и между царемъ: царямъ все позволительно дѣлать и можно нераздѣльно употреблять Божіе на ряду съ своимъ, такъ какъ самое царское достоинство они получили отъ Бога, и между Богомъ и ими нѣтъ разстоянія“ ⁴⁾). Тотъ же Хоніатъ смѣло порицаетъ тѣхъ византійскихъ императоровъ, которые считали себя установителями догматовъ. „Для большей части римскихъ царей“, гово-

¹⁾ „Дѣянія Всел. соборовъ“ въ рус. пер. при Каз. Дух. Акад., VII, стр. 40.

²⁾ Тамъ же; лат. текстъ посланія папы у Migne, P. C. C., ser. lat. t. 89, стр. 521.

³⁾ О немъ монографія проф. Θ. П. Успенскаго „Византійскій писатель Никита Акомнатъ изъ Хонъ“, Спб. 1874 г.

⁴⁾ „Никиты Хоніата Исторія“, рус. пер., II, 122.

рить названный историкъ, „рѣшительно невыносимо только повелѣвать, ходить въ золотѣ, пользоваться общественнымъ достоинствомъ, какъ своимъ, раздавать его, какъ и кому угодно, и обращаться съ людьми свободными, какъ съ рабами. Они считаютъ для себя крайнею обидою, если ихъ не признаютъ мудрецами, людьми подобными богамъ по виду, героями по силѣ, богомудрыми подобно Соломону, богодухновенными руководителями, вѣрнѣйшимъ правиломъ изъ правилъ, однимъ словомъ—непогрѣшимыми судіями дѣлъ Божескихъ и человѣческихъ. Поэтому-то, вмѣсто того, чтобы обличать, какъ бы слѣдовало, людей неразумныхъ и дерзкихъ, вводящихъ новое и неизвѣстное Церкви ученіе, или даже предоставить это тѣмъ, кто по своему призванію долженъ знать и проповѣдывать о Богѣ, они, отнюдь не желая и въ этомъ случаѣ занимать второе мѣсто, сами бываютъ въ одно и то же время и провозвѣстниками догматовъ, и ихъ судіями и установителями, а часто и карателями тѣхъ, кто съ ними не соглашается“¹⁾. Прицадая догматствовавшихъ императоровъ, Хоніатъ относитъ къ числу ихъ императора Мануила Комнена, который, по его словамъ, любилъ перетолковывать то, что правильно было уяснено отцами церкви. Однажды, говоритъ Хоніатъ, императоръ Мануиль Комненъ предложилъ архіереямъ сдѣлать измѣненіе въ чинѣ оглашенія, но встрѣтилъ среди нихъ несочувствіе своему намѣренію, за что „осыпалъ архіереевъ бранью и называлъ ихъ всесвѣтными дураками“²⁾. Интересно, что императору Мануилу, порицаемый Хоніатомъ за внимательство въ дѣла церкви, былъ прославляемъ современникомъ его митрополитомъ вессалоникскимъ Евстаѳіемъ. Евстаѳій не осуждалъ Мануила за любовь его вмѣшиваться въ богословскіе споры, но отмѣтилъ въ немъ превосходство надъ всѣми и въ дѣлахъ и въ рѣчахъ³⁾.

¹⁾ Тамъ же, I, 271.

²⁾ Тамъ же, I, 278.

³⁾ Migne, P. O. C., ser. gr., т. 135, стр. 980, § 13. Сужденіе митрополита Евстаѳія о Мануилѣ, не согласное съ мнѣніемъ о немъ Хоніата, отмѣчено было проф. А. Лебедевичъ въ его „Очерк. ист. Виз.-вост. церк. отъ конца XI в. до пач. XV в.“, 232. Евстаѳій прославлялъ императора послѣ смерти его въ словѣ, посвященномъ памяти его, и хотя, по задачамъ рѣчи своей, долженъ былъ хвалить усопшаго императора, однако могъ умолчать о томъ, что считалъ бы достойнымъ порицанія.

Не удивительно, что некоторые византийские императоры, любя догматствовать, заботились, чтобы патриарший престол доставался таким лицам, которые подчинялись бы их авторитету. Проф. Троицкий замѣтилъ, что императоры Византии, особенно послѣднихъ временъ имперіи, цѣнили необразованность въ своихъ патриархахъ выше ихъ добродѣтелей ¹⁾, и такое его мнѣніе подтверждается свидѣтельствами византийскихъ историковъ. Георгій Акрополитъ (XIII в.) говоритъ:... „цари вообще хотять, чтобы патриархами были люди смиренные, недалекіе по уму, которые бы легко уступали ихъ желаніямъ, какъ признаннымъ постановленіямъ. А это всего чаще случается съ людьми необразованными: будучи невѣждами въ словѣ, они не способны на смѣлое слово и преклоняются предъ императорскими распоряженіями“ ²⁾. Другой византийскій историкъ, Никифоръ Григора (XIV в.), рассказывая о возведеніи на патриаршій престолъ іеромонаха Герасима, почти совершенно оглохшаго отъ старости и неученаго, говоритъ, что Герасимъ, вслѣдствіе необразованности своей и простоты, былъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ императора. „Цари“, поясняетъ Григора, „на такія высокія мѣста и выбираютъ такихъ людей, чтобы тѣ безпрекословно подчинялись ихъ приказаніямъ, какъ рабы, и чтобы не оказывали имъ никакого противодѣйствія“ ³⁾.

Еще во времена Вселенскихъ соборовъ іерархи называли императоровъ *Θεότατοι* ⁴⁾. Съ теченіемъ времени за императорами укрѣпилось названіе „святой“, въ качествѣ офіціального ихъ титула ⁵⁾. „Святымъ“ провозглашался византийскій императоръ во время коронаванія, и съ этого времени названіе „святой“ дѣлалось титу-

1) „Арсеній и Арсепиты“, „Христ. Чтен.“, 1867 г. Іюнь, стр. 895.

2) „Лѣтопись великаго логовета Георгія Акрополита“, рус. пер., стр. 121.

3) „Римская исторія Никифора Григора“, рус. пер., I, 288.

4) Harduini, Acta Conciliorum, II, 273, 351, 424, 432, 449, 464, 465, 487, 489, 492, 496, 501, 508, 564 и слѣд.

5) De ser. a. B. ed. Vop., стран. 527, строки 2, 7, 16; 531, 3; 612, 13; 617, 14; 650, 13; 681, 14; 682, 11, 13; 684, 18 и слѣд. Комментарій De ser. a. B., Reiske, указываетъ, что названія: Sanctus, Venerabilis, Pius и т. п. прилагались къ именамъ римскихъ императоровъ. Отсюда, должно быть, обычное титулованіе византийскихъ императоровъ „святые“.

домъ императора, принадлежавшимъ священному сану его ¹⁾. Что императоры Византіи назывались „святыми“, извѣстно было и на Руси. „Святымъ“ назывался византійскій императоръ въ грамотахъ константинопольскихъ патріарховъ къ русскимъ князьямъ ²⁾, въ патріаршихъ посланіяхъ къ митрополитамъ и епископамъ русскимъ ³⁾. Названіе „святой“ признавалось за византійскими императорами и на Руси. Вел. кн. московскій Василій II такъ называлъ императора Константина Палеолога въ грамотѣ къ нему ⁴⁾, причѣмъ писалъ императору, что онъ, императоръ, получилъ власть „въ утверженіе всему православному христіанству вашихъ державъ и нашихъ владѣтельствамъ рускія земли“ ⁵⁾. „Святымъ“ названъ императоръ византійскій въ посланіи вел. кн. Василія II къ константинопольскому патріарху ⁶⁾. Такъ же назывались византійскіе императоры въ грамотахъ русскихъ митрополитовъ къ русскимъ іерархамъ, русскимъ и литовскимъ князьямъ ⁷⁾.

Опущеніе этого титулованія при имени императора могло вызвать неудовольствіе послѣдняго. Византійскій историкъ Георгій Пахимеръ ⁸⁾ рассказываетъ, что императоръ Михаиль VIII Пале-

¹⁾ Проф. Бѣляевъ, *Византія*, II, XXVIII, прим. 2. Такое титулованіе византійскихъ императоровъ, по толкованію Симеона, архіепископа нессалоникійскаго, не возвышало ихъ надъ мірянами: „дари архіерей помазун также называють святымъ, и имено называють эгпмъ словомъ ради священнаго помазанія святымъ миромъ, которымъ и всѣ вѣрующіе помазуются, и потому называются святыми“ („Писанія св. отцевъ и учителей церкви“, II, 264, Сиб. 1856).

²⁾ Р. И. Б. т. VI, стр. 64, 66; Приложен. стр. 266, 268.

³⁾ Тамъ же, стр. 358, 360; Приложен. стр. 56, 40, 46, 48, 54, 68, 74, 76, 82, 84, 88, 92, 182, 190, 212, 216, 218, 222, 224, 226, 280, 312, 314; „Акты Истор.“ I, № 254.

⁴⁾ Р. И. Б. VI, стр. 576, 578, 583, 584; П. С. Р. I. VI. 162 — 164, 167.

⁵⁾ Тамъ же, VI, стр. 577.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 528, 529, 534—536.

⁷⁾ Тамъ же, стр. 421, 540, 558; П. С. Р. I. VI, 145.

⁸⁾ Пахимеръ родился, какъ видно изъ словъ его, около 1240 г. („Георгія Пахимера Исторія“, рус. пер., т. I, кн. I, стр. 1. и *Corpus scriptor. hist. Byz.*, ed. Bon., *Georgius Pachymeres*, vol. I, pag. 11).

ологъ ¹⁾ разгнѣвался на бывшаго патріарха Іосифа за то, что тотъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи упомянулъ его имя безъ добавленія „святой“. „Около того времени“ ²⁾, говоритъ Шахимеръ, „Іосифъ, ожидая скорой смерти, сдѣлалъ духовное завѣщаніе. Въ завѣщаніи нужно было упомянуть и о царѣ и написать молитву за него. Іосифъ дѣйствительно упомянулъ и молился, но не прибавилъ названія *ἅγιος* (святой), которое обыкновенно носили цари миропомазанные. Когда завѣщаніе въ такой формѣ было прислано, царь, увидѣвъ его и выразивъ негодованіе, тотчасъ написалъ и патріарху, написалъ и начальнику города, чтобы онъ спросилъ и узналъ, какъ это случилось, что отъ царскаго его титула отнято слово *ἅγιος*. Не считаетъ ли меня Іосифъ недостойнымъ святости, говорилъ царь, что такъ пишетъ? Написано было объ этомъ и Антиохійскому патріарху Принкипеу“. По разслѣдованіи дѣла, оказалось, что Іосифъ въ своемъ завѣщаніи назвалъ императора „святымъ“, но монахи, которымъ онъ далъ снять копию съ завѣщанія, написали имя императора безъ прибавленія „святой“, и въ такомъ видѣ завѣщаніе Іосифа было представлено императору ³⁾.

Московскіе великіе князья и цари, единственные независимые православные государи послѣ паденія Константинополи и уничтоженія татарскаго ига, не назывались, подобно византійскимъ императорамъ, „святими“. Называли ихъ такъ только христіане православнаго Востока, обращавшіеся къ нимъ за милостынею, но и они не всегда усвоили имъ это названіе ⁴⁾. Въ Москвѣ же опускали титулованіе своего цари „святимъ“ въ обрядахъ, которые заимствовались изъ Византіи, и въ которыхъ названіе „святой“ прилагалось къ имени императора. Когда патріарха Іеремію, въ

¹⁾ Михаилъ VIII Палологъ умеръ, по показанію Шахимера, въ 1283 г. („Географія Шахимера Исторія“, рус. пер., стр. 508, прим.). Muralt относитъ кончину Михаила VIII къ 1282 г. (*Essai de Chronographie Byzantine*, I, 445, Сиб., 1871 г.).

²⁾ Около того времени, когда императоръ заиретилъ помянуть папу, т. е. въ 1281 г. (Muralt, *op. cit.*, I, pag. 441).

³⁾ „Географія Шахимера Исторія“, рус. пер., I, 468.

⁴⁾ „Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церкв.“, ч. I, стр. 34, 232, 239—242, 281, 282; ч. II, стр. 241, 249—251, 337, 356; „святѣйшій царь“ (тамъ же I, 89, 315); царица Евдокія Лукіановна, супруга Михаила Федоровича Романова, названа „святою“ въ грамотѣ игумена сербскаго Благовѣщенскаго мона-

бытность его въ Москвѣ, просили дать письменный чинъ избранія и нареченія патріарха, Іеремія написалъ просимый чинъ, причемъ, по примѣру такогоче чина великой константинопольской церкви, назвалъ царя „святѣмъ“, по такое титулованіе московскаго царя не вошло въ чинъ нареченія московскихъ патріарховъ¹⁾. Тоже замѣтимъ и въ чинахъ вѣлчаній на царство московскихъ государей.

Нося титулъ „святѣе“, византійскіе императоры назывались владыками вселенной. Въ актологіяхъ, т. е. пѣсногбнїяхъ и возгласахъ, которыми партїи Иннодромы привѣтствовали императоровъ, послѣдніе назывались владыками вселенной²⁾. Названіе владыкъ вселенной византійскіе императоры унаслѣдовали отъ императоровъ римскихъ. Это названіе, по отношенію къ византійскимъ императорамъ, имѣло не территоріальное значеніе, ибо они не были владыками вселенной; его слѣдуетъ понимать въ другомъ смыслѣ: императоръ византійскій считался царемъ всѣхъ христіанъ, вселенной христіанской. Такъ смотрѣли на императора въ Византіи, такой взглядъ на него внушался и московскому великому князю Василію Дмитріевичу, которому константинопольскій патріархъ Антошій писалъ (въ 1393 г.), что императоръ Византіи „поставляется царемъ и самодержцемъ Ромеевъ, то есть всѣхъ христіанъ“,

---

стыря (тамъ же, II, 282); „свягое Твое (Ваше) царство“—въ обращеніи къ московск. государямъ (тамъ же, I, 61, 63, 64, 164, 291, 292, 310, 312; II, 99, 106, 242, 244—246, 248, 267, 272, 281 и т. д.). Не названъ, напр., „святѣмъ“ Іоаннъ IV въ соборной грамотѣ восточныхъ іерарховъ, утвердившихъ за нимъ царскій титулъ (изд. кн. Оболенскимъ, М. 1850 г.)

¹⁾ „Спошеніи Россіи съ Востокомъ“, I, 204. У Спмееона Оссалоникійскаго, въ взложеніи чина поставленія константинопольскаго патріарха, читаемъ: „объявляющіе избраніе (избранному) говорятъ такъ: державный и святой нашъ самодержецъ и царь, и божественный, священный и великій соборъ приглашаютъ святѣйшество твое на высочайшій престолъ патріаршества Константинопольскаго („Сочиненія“, рус. пер., 234). Московскій чинъ нареченія патріарха въ Д. къ А. И. П. № 76: „Древн. Рос. Визл.“, изд. 2, VI, 125 и слѣд., 223 и слѣд. О поставленіяхъ въ санъ русскаго патріарха въ книгѣ прот. Никольскаго „О службахъ русской церкви“, стр. 7—13.

²⁾ De ser. a. В., ed. Вон., страл. 355, строка 1; 356, 7; 418, 20; 419, 7, 16; 427, 3. Императоры властвуютъ надъ вселенной, назначаютъ ей правителей, императоровъ желаетъ міръ — тамъ же, 411, 1; 424, 2. 3; 430, 14; 439, 14; 649, 19.

и что всѣ христіане должны признавать своимъ царемъ только византійскаго императора ¹⁾.

Московскіе государи назывались христіанскими царями, но не въ томъ смыслѣ, что они смотрѣли на себя, какъ на царей всѣхъ христіанъ, а въ отличіе отъ царей мусульманскаго міра. Въ такомъ смыслѣ Іоанна III называлъ христіанскимъ государемъ ногайскій ханъ Ивакъ: „язъ, писалъ Іоанну III Ивакъ, бесерменскій государь, а ты христіанской государь“ ²⁾. Іоаннъ III называлъ крымскаго хана и турецкаго султана, въ грамотахъ къ нимъ. „бесерменскими“ государиими въ отличіе отъ государей христіанскихъ: „межи бесерменскими государи прехвалной еси государь“, „межи бесерменскихъ государей великой еси государь“ и т. п. ³⁾. Въ памятникахъ дипломатическихъ сношеній Іоанна III и Василія III съ польскими королями и литовскими великими князьями христіанскіе государи называются такъ въ отличіе отъ владыкъ мусульманскаго міра ⁴⁾. То же находимъ и въ памятникахъ сношеній московскаго государства съ германскими императорами ⁵⁾. Іоаннъ IV и польско-литовскій государь, въ сношеніяхъ между собою, называли себя христіанскими государями, какъ въ противоположность мусульманскимъ государямъ, такъ и въ томъ смыслѣ, что они, исповѣдуя ученіе Христа, не желаютъ кровопролитія, но стремятся къ миру ⁶⁾.

Императоры Византіи пользовались правомъ кажденія въ храмахъ, знаменовали съ трикиріемъ, какъ архіереи, вели учительныя

---

¹⁾ Р. II. Б. т. VI, Прилож., стр. 272 и слѣд.

²⁾ С. II. Р. II. Об. т. 41, стр. 81.

³⁾ Тамъ же, стр. 161, 162, 184, 189, 233.

⁴⁾ Тамъ же, т. 35, стр. 328, 329, 342, 343, 345, 348, 358, 369, 370, 387, 388, 390, 397, 398, 435, 458, 507, 540—542, 562 и т. д.

⁵⁾ „Сам. дпл. сп. др. Рос. съ держ. иностр.“, I, стр. 197—199, 201, 202, 204, 206, 207, 219, 229, 234, 244, 246, 262, 279, 305, 307 и т. д.

⁶⁾ С. II. Р. II. Об. т. 59, стр. 3, 6, 13, 15, 16, 24, 33, 37, 38, 57, 59, 69, 87, 103, 155, 263—273, 279, 290, 293, 310, 313, 315 и т. д.; т. 71, стр. 5, 6, 14, 28, 30—33, 35, 43, 50—53, 59, 63, 70, 79, 80, 101, 104, 106, 122, 126—129, 145, 147, 167, 169, 170, 172 и т. д. Тоже въ сношеніяхъ московскаго государства съ Англією (тамъ же, т. 38, стр. 252—255, 257, 281, 282, 284, 285, 295, 311, 326, 345, 349, 350 и т. д.).

бесѣды съ христіанами, поучая ихъ истинамъ вѣры, и принимали нѣкоторое активное участіе въ совершеніи богослуженія.

Антіохійскій патріархъ Вальсамонъ, въ толкованіи къ одному изъ канонѣвъ Трульскаго собора (такъ называемаго пятошестого), запрещавшему мірянамъ входить въ алтарь, но позволявшему это императорамъ въ томъ случаѣ, если они желаютъ принести даръ, говоритъ, что нѣкоторые, на основаніи этого канона, допускаютъ входить императора въ алтарь только тогда, когда императоръ намѣренъ принести даръ. По мнѣнію Вальсамона, „православные императоры, которые производятъ въ патріархи, призывая св. Троицу, будучи помазанными Божиими, безпрепятственно, когда пожелаютъ, входятъ въ алтарь и кадятъ, и знаменуютъ съ трикиріемъ, какъ архіерей“¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ Вальсамонъ говоритъ, что и императоры, подобно патріархамъ, возвеличены учительнымъ достоинствомъ благодаря силѣ св. помазанія, и что поэтому православные самодержцы ведутъ учительныя бесѣды съ христіанами, воскуряютъ оміамъ какъ іерей, и знаменуютъ съ трикиріемъ²⁾.

Въ De ser. a. B. указалъ рядъ случаевъ, когда императоры византійскіе совершали каждеіе въ церкви. Императоръ, совершавшій съ патріархомъ малый входъ въ храмъ св. Софіи, входилъ въ алтарь, поклонялся распятію на горнемъ мѣстѣ, бралъ у патріарха кадило и кадилъ предъ распятіемъ³⁾. Императоръ, получая кадило обыкновенно изъ рукъ патріарха, совершалъ каждеіе вокругъ св. престола⁴⁾, въ ризницѣ⁵⁾ и у гробницъ императоровъ Льва, Василія, Константина В. и св. императрицы Теофано⁶⁾.

1) Migne, P. O. C., ser. gr., т. 137, стр. 752—753.

2) Тамъ же, т. 119, Μελέτη, стр. 1165.

3) De ser. a. B., ed. B., стр. 16.

4) Тамъ же, стр. 28, 34, 166, 179, 182, 548, 552, 558, 609.

5) Тамъ же, стр. 34 и 182.

6) Тамъ же, стр. 533. Кроме императоровъ, совершалъ каждеіе нѣкоторые свѣтскіе чины, напр. палія (завѣдывавшій императорскимъ дворомъ), но каждеіе это совершалось не въ храмѣ. Оно, по объясненію проф. Бялскаго, имѣло чисто свѣтскій характеръ и дѣлалось съ цѣлью наполнить извѣстное помѣщеніе благовоіемъ (Byzantina, ч. I, стр. 152). О каждеіи императоромъ предъ принятіемъ св. таинъ во время коронаванія говорятъ Кодицъ (De officiis, стр. 96) и Каптакузенъ (Historiarum libri IV, ed. Bonn., vol. I., pag. 201).

Императоры, воскурившіе ошимаъ въ храмѣ предъ св. предметами, по словамъ Вальсамона, какъ архіереи, въ нѣкоторыхъ случаяхъ благословляли народъ. Въ De ser. a. B. указаны такіе случаи благословенія народа императорами. Императоры благословляли народъ и партіи въ Ипподромѣ, что совершалось такимъ образомъ: церемоніарій бралъ кусокъ императорской хламиды, дѣлалъ изъ него особую складку (*ῥωσθέλιον*) и подавалъ ее императору дабы тотъ благословилъ народъ ¹⁾, и императоръ трижды благословлялъ всю массу собравшихся ²⁾. Послѣ поученія, читаемаго въ понедѣльникъ первой недѣли великаго поста, императоръ благословлялъ присутствовавшихъ ³⁾. Выѣзжая изъ Константинополя, императоръ трижды благословлялъ городъ ⁴⁾. При пріемахъ партій Ипподрома императоръ также благословлялъ присутствовавшихъ ⁵⁾.

Вальсамонъ указываетъ, что императоры вели съ народомъ учительныя бесѣды. Въ De ser. a. B. изложенъ обрядъ, которымъ сопровождалось произнесеніе поученія императоромъ народу въ понедѣльникъ первой недѣли великаго поста: „около третьяго часа ⁶⁾ объявляется приказаніе перейти ⁷⁾, весь синклитъ удаляется, и становятся ниже ступеней магпавры ⁸⁾ магистры, патрикіи, всѣ царскіе люди, всѣ горожане ⁹⁾, друнгарій виглы ¹⁰⁾ съ

¹⁾ Императоры не благословляли народъ обнаженною рукою, какъ священнослужителя (Reiske, Com. ad De ser. a. B., стр. 89, sub v. *καταφραγίζειν*: проф. Бѣляева Byzantina, II, 81, прим. 1, *Σφραγίζειν* — знаменовать, крестить, благословлять. Этотъ глаголь служить для обозначенія благословенія народа іереемъ (Du-Cange, Glos. Gr., sub v.).

²⁾ De ser. a. B., ed. B., стр. 307, 309, 316, 325, 344, 347, 362, 365, 614.

³⁾ Тамъ же, стр. 547.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 451.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 287, 291, 299.

⁶⁾ Въ 9 ч. дня по нашему времени (см. проф. Бѣляева Byzantina, II, 250).

⁷⁾ Въ текстѣ — *Διδοται μετατάρατρον* (см. объясненіе этого выраженія въ Byzantina проф. Бѣляева, II, 250, прим. 3).

⁸⁾ Магнаврою называлась самая большая тронная и пріемная палата императорскаго дворца (тамъ же, I, 120).

⁹⁾ Въ текстѣ — *ὁ πολιτικός ὄχλος* (см. объясненіе этого выраженія тамъ же, I, 69).

¹⁰⁾ Друнгарій виглы — начальникъ одного изъ гвардейскихъ отрядовъ, начальствовавшій надъ стражею вокругъ дворца (тамъ же, II, 11, прим. 4).

своимъ отрядомъ и съ царскими тѣлохранителями ¹⁾ и друнгарій флота со всѣми своими подчиненными. Императоры же выходятъ въ скарамапгіяхъ ²⁾ и въ обшитыхъ золотой каймой плащахъ, проходятъ чрезъ переходы 40 мучениковъ ³⁾, сигму ⁴⁾, и храмъ Господа, гдѣ возжигаютъ свѣчи: отсюда они идутъ чрезъ сакеллу, оатъ ⁵⁾ и узкій переходъ, ведущій въ иліакъ магавры, ⁶⁾ и входятъ въ большой триклинъ ⁷⁾ въ предшествіи чиновъ кувуклія ⁸⁾, маглавитовъ ⁹⁾ и этеріи ¹⁰⁾. Тамъ, въ большомъ триклинѣ, вблизи правой боковой камары ¹¹⁾, къ востоку, стоятъ золоченныя кресла императоровъ. Тутъ императоры сидятъ недолго, пока препозитъ ¹²⁾ все хорошо приготовить (тѣмъ временемъ императоры сидятъ). Препозитъ же удаляется съ церемоніаріемъ, чтобы разставить аскритовъ ¹³⁾ и устроить все по обычаю. По ступенямъ, сверху до

¹⁾ Въ текстѣ: Ἡ βραβλική περιουσία (см. объясненіе Reiske, Com. ad De seg. a. V., стр. 622).

²⁾ Скарамапгіемъ, по объясненію проф. Бѣльева, называлась верхняя одежда императора — широкій верхній хитонъ (Byzantina, II, 8, прим.).

³⁾ Галерея 40 мучениковъ примыкала къ хрисотриклину — золотой (троной) палатѣ; почему эта галерея такъ называлась — неизвестно; возможныя объясненія этого названія приведены въ Byzantina проф. Бѣльева, I, 43, прим. 2.

⁴⁾ Сигму называлась площадка, получившая такое названіе отъ своей полукруглой формы (тамъ же, I, 90).

⁵⁾ Сакелла и оатъ зданія, которыми магавра соединялась съ храмомъ Господа (тамъ же, I, 121).

⁶⁾ Иліакми назывались дворы или площадки, прилежавшіе къ большимъ заламъ (тамъ же, I, 17, прим. 1).

⁷⁾ Большой триклинъ — большая палата (тамъ же, I, 111).

⁸⁾ Чины кувуклія состояли при особѣ императора (Reiske, Com., 25; проф. Бѣльева Byzantina, II, 47, прим. 2).

⁹⁾ Обязанностью маглавитовъ было очищать предъ императоромъ путь (Reiske, Com., 53).

¹⁰⁾ Этерія — отрядъ дворцовой стражи, набранной изъ иноземцевъ (тамъ же, стр. 55).

¹¹⁾ Камара — портикъ, пространство подъ сводомъ; камары были почти при всѣхъ залахъ императорскаго дворца (Reiske, Com., 84; проф. Бѣльева Byzantina, I, 112 и прим. 1).

¹²⁾ Препозитъ — церемоніальный чинъ (Reiske, Com., 21).

¹³⁾ Аскриты — чиновники, которые записывали рѣчь императора (Тамъ же, 622).

низу, разстилается коверъ, на которомъ становятся императоры; по одну и по другую сторону, направо и налево, отъ первой ступени до послѣдней, становятся рядами аскриты и нотаріи ¹⁾, чтобы слушать рѣчь императора; вверху, на первой ступени, справа, по направленію къ востоку, становится логоееть ²⁾, первый аскритъ и протонотарій. Слѣдуетъ знать, что пока императоры сидятъ, разстанавливаются всѣ чины кувуклія, маглавін, этерін и хросотриклиниты ³⁾. Когда все хорошо изготовлено, входитъ препозитъ и падаетъ ницъ (передъ императорами), наклонивъ голову установленнымъ способомъ и слегка приподнявъ свой плащъ. Тогда императоры встаютъ и, выйдя за рѣшетку, становятся вверху на правой ступени, на которой разстланъ коверъ, а народъ, по знаку препозита, возглашаетъ многолѣтіе (императорамъ). Когда всѣ смолкнутъ, императоръ начинаетъ говорить ⁴⁾. Слѣдуетъ знать, что когда императоръ, произносящій поученіе, окончитъ говорить, народъ по знаку препозита возглашаетъ: „долголѣтнимъ содѣетъ Богъ царство ваше“. Когда народъ произнесетъ это, императоръ благословляетъ его трижды: находящихся въ серединѣ, затѣмъ направо и налево. Послѣ этого императоры садятся на золоченныя кресла, гдѣ сидѣли прежде, а чины числа ⁵⁾ начинаютъ славословить по обыкновенію, препозитъ же выходитъ и устраиваетъ все въ порядкѣ“. Пока императоровъ славословили, чины сплелита становились на пути императорскаго шествія въ храмъ св. Софій. куда, по изготовленіи всего для шествія, направлялись императоры. У св. кладезя св. Софій ⁶⁾

1) Нотарій—*γραμματεὺς, ταυτογραφος* (Du-Sangr., Glos. Graecit., я. v.).

2) Логоееть, государств. канцлеръ (проф. Вѣляевъ, Byzantina, II, 16, прим. 3).

3) Хросотриклиниты—особая ночетная стража (тамъ же, I, 82, прим. 1).

4) О чемъ императоръ поучалъ, упомянуто въ краткомъ изложеніи этого же обряда въ приложеніи къ обряду, который совершался въ день Срѣтенія (на тотъ случай, если Срѣтеніе пало на понедѣльникъ первой недѣли великаго поста). Императоръ увѣщевалъ въ чистотѣ и страхѣ Божиемъ проводить весь великій постъ (De ser. а. В., стр. 155).

5) Число—*Ο ἀριθμός*—гвардейскій отрядъ (Проф. Вѣляевъ, Byzantina, II, 11, прим. 4).

6) Св. кладезъ—пристройка къ храму св. Софій, по однимъ извѣстіямъ такъ называвшаяся потому, что здѣсь было изображеніе Христа съ самарянкою у колодца, а по другимъ потому, что въ этой пристройкѣ надъ водоемомъ находились перенесенные сюда изъ Самаріи остатки этого самаго колодца (тамъ же, II, 133).

императоры поклонялись съ зажженными свѣчами въ рукахъ и прикладывались къ нему. У большой двери, ведшей отъ св. кладезя, патріархъ встрѣчалъ императоровъ, кадилъ имъ, а они цѣловали его и входили въ храмъ, направлялись къ алтарю. Стоявшіе тамъ въ чины синклита и кувуклія привѣтствовали ихъ. Императоры входили въ св. врата, молились со свѣчами въ рукахъ и совершали все остальное по обычаю (прикладывались къ св. предметамъ на престолѣ), патріархъ же давалъ одному изъ императоровъ кадило и императоръ кадилъ вокругъ св. жертвенника. Послѣ этого императоры выходили изъ алтаря вмѣстѣ съ патріархомъ, который ихъ провожалъ до порфирныхъ колоннъ ¹⁾, у которыхъ они откланивались патріарху, цѣловались съ нимъ и отирались въ мутаторіи. Патріархъ же шествовалъ въ алтарь совершать часы. Прослушавъ часы, императоры, послѣ отпуста, только въ сопровожденіи нѣкоторыхъ чиновъ, удалялись во дворецъ ²⁾.

Императоры Византіи принимали нѣкоторое активное участіе въ совершеніи богослуженія. Такого участія лишень былъ императоръ Левъ VI Мудрый за вступленіе въ четвертый бракъ ³⁾. Совер-

¹⁾ Порфирныя колонны находились въ правой и лѣвой алтарныхъ вѣщахъ, служившихъ кляросами (тамъ же П, 255, прим. 1).

²⁾ De ser. a. В., стр. 545—548. Reiske указываетъ, что императоры обыкновенно произносили поученія въ началѣ великаго поста, и ссылается на свидѣтельства византійскихъ историковъ, при чемъ отмѣчаетъ, что эти поученія произносились самими императорами, въ другихъ же случаяхъ рѣчи читались отъ ихъ имени к. л. изъ сановниковъ, а иногда и самими патріархами. Обыкновенно рѣчи, произносимыя императорами или к. л. отъ имени ихъ, составлялись, говоритъ Reiske, какъ видно изъ свидѣтельства византійскаго историка Іоанна Киннама (XII в.), чиновниками. (Соп., стр. 231). Проф. Вѣлиевъ, указывая факты, свидѣтельствующіе, что императоры въ большихъ собраніяхъ всегда говорили рѣчи черезъ посредниковъ, считаетъ вѣроятнымъ, что и въ понедѣльникъ первой недѣли великаго поста не самъ императоръ произносилъ рѣчь, по ее читалъ отъ имени его одинъ изъ чиновниковъ (Byzantina, П, 252, прим. 1). Никита Хониатъ передаетъ объ императорѣ Мануилѣ, сынѣ Алексѣя Комнена, что тотъ любилъ составлять огласительныя слова, которыя называются силенціями, и читать ихъ вслухъ. („Никиты Хониата исторія“, рус. пер., I, 272).

³⁾ Н. Цоновъ, „Императоръ Левъ VI Мудрый и его царствованіе“, стр. 118. М. 1892 г. Объ участіи византійскихъ императоровъ въ совершеніи богослуженія говоритъ о. Іоаннъ („Обрядникъ визант. двора какъ церк.—археолог. источникъ“, стр. 90).

шая въ известныхъ случаяхъ каженіе въ храмѣ, императоры, во время великаго входа, носили свѣчу предъ св. дарами. Неся эту свѣчу, императоръ исполнялъ обязанности депутата ¹⁾.

Особое положеніе императора Византіи въ церкви наглядно проявлялось съ момента входа его въ храмъ ²⁾.

Въ праздничные дни, когда императорамъ надлежало совершить выходъ въ храмъ св. Софіи, чины раннимъ утромъ собиравшись въ большомъ императорскомъ дворцѣ и располагались въ тѣхъ помѣщеніяхъ, гдѣ имъ надлежало привѣтствовать императора по пути его шествія въ храмъ св. Софіи. Всѣ чины облачались въ установленныя соотвѣтственно празднику одежды. Когда все было приготовлено для выхода императора, послѣдній выходилъ изъ внутреннихъ покоевъ въ золотую палату, гдѣ облачался въ золотомъ обшитый плащъ и, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ чиновъ, отправлялся въ переходы 40 мучениковъ, гдѣ ему поклонялись и привѣтствовали собравшіеся здѣсь чины кувуклія, которые затѣмъ присоединялись къ свитѣ императора и шли съ нимъ дальше въ такъ называемый дворецъ Дафны ³⁾, на пути къ которому императора встрѣчали и привѣтствовали высшіе сановники и чины царской свиты и охраны. Предшествуемый и сопровождаемый всѣми этими чинами императоръ заходилъ въ дворцовый храмъ пресв. Богородицы, брать восковыя свѣчи у препозита и съ зажженными свѣчами въ рукахъ совершалъ трое-

¹⁾ Званіе депутата, вмѣстѣ съ званіемъ дефензора церкви (защитника), ставило императора въ разрядъ церковнослужителей и давало ему значительныя преимущества предъ мірянами. Этимъ званіемъ мотивируется, между прочимъ, право царя на причащеніе подѣ обоими видами отдѣльно и право входить въ алтарь св. вратами (проф. Бѣллевъ, *Byzantina*, II, 165, прим. 1).

²⁾ Проф. Бѣллевъ въ своемъ изслѣдованіи: „Ежедневные и воскресные приемы византійскихъ царей и праздничные выходы ихъ въ храмъ св. Софіи въ IX—X в.“ (*Byzantina*, кн. II), представилъ изложеніе общаго обряда выходовъ византійскихъ императоровъ въ большіе праздники въ храмъ св. Софіи по тѣмъ матеріаламъ, которые заключаются въ De seg. a. V. Предлагаемый очеркъ праздничнаго выхода византійскаго императора въ храмъ св. Софіи составленъ по изложенію проф. Бѣллева.

³⁾ Дворецъ Дафны назывался такъ отъ стоявшей здѣсь статуи Дафны (Проф. Бѣллевъ, *Byzantina*, I, 96 и прим.).

кратныи поклоны и молился. Отсюда императоръ отправлялся въ дворцовый храмъ св. Троицы, гдѣ также молился и совершалъ три поклона со свѣчами въ рукахъ. Послѣ этого императоръ заходилъ въ Крестильницу во дворцѣ Дафны, молился предъ стоявшими тамъ тремя крестами и давалъ знакъ препозиту, а этотъ послѣдній кувкуляріямъ, чтобы они предъ крестами поставили свѣчи. Отсюда императоръ входилъ въ тронную палату Дафны, гдѣ его привѣтствовали находившіеся тамъ чины, заходилъ въ (дворцовый) храмъ св. Стефана, гдѣ также молился съ зажженными свѣчами въ рукахъ и поклонился кресту св. Константина Великаго ¹⁾. Помолвившись тутъ, императоръ уходилъ въ прилежавшій къ храму покой, гдѣ ждалъ того момента, когда отъ патріарха изъ храма св. Софій придетъ референдарій ²⁾ съ докладомъ о ходѣ службы въ храмѣ св. Софій ³⁾. Здѣсь, въ покой, съ императора снимали плащъ и скарамангій и облачали въ дивитисій, который составлялъ въ IX-XI вв. необходимую принадлежность параднаго царскаго облаченія. Послѣ доклада препозита о прибытіи патріаршаго референдарія съ извѣщеніемъ о ходѣ службы, императоръ направлялся въ октагонъ ⁴⁾, препозитъ же громогласно восклицалъ: „веститоры!“ ⁵⁾. Веститоры входили въ октагонъ и облачали им-

¹⁾ Крестъ этотъ, вмѣстѣ съ жезломъ Моисея, несли впереди императорскаго шествія въ храмъ св. Софій.

²⁾ Референдаріями назывались духовные чины, входившіе въ составъ патріаршаго спиклита, обязанностию которыхъ было передавать письменныя и словесныя распоряженія и приглашенія патріарха знатымъ лицамъ. Въ Де сеп. а. В. референдарій патріарха фигурируетъ довольно часто въ роли патріаршаго посланника, который приноситъ императору извѣстія отъ патріарха о ходѣ церковной службы и доноситъ патріарху о ходѣ придворныхъ обрядовъ, когда они имѣютъ отношеніе къ патріарху (Проф. Бѣляевъ, Byzantina, II, 58 прим. 1).

³⁾ Такой докладъ референдаріи былъ необходимъ потому, что императоръ долженъ былъ прибыть въ храмъ св. Софій ко времени совершения малаго входа.

⁴⁾ Октагонъ—восьмиугольная зала дворца Дафны (тамъ же, I, 100, 104 и слѣд.).

⁵⁾ Веститоры — чиновники, обязанностию которыхъ состояла главнымъ образомъ въ облаченіи императоровъ въ парадныя одежды и разоблаченіи (тамъ же, I, 167).

ператора въ хламиду, послѣ чего препозитъ возглашалъ: „повелите“, и веститоры уходили. Въ октагонѣ съ императоромъ оставались только чины кувуклія: препозитъ бралъ корону, принесенную въ ларцѣ, и надѣвалъ ее на главу императора. Теперь императоръ былъ въ полномъ облаченіи. Сопровождаемый и предшествуемый чинами кувуклія императоръ выходилъ изъ октагона въ августей¹⁾, гдѣ стояли назначенные для встрѣчи его чины. Пройдя среди нихъ къ двери, ведшей изъ августей въ портикъ его, обыкновенно называемый Золотою Рукою, императоръ останавливался и мылъ руки въ рукомойникѣ, который ему подавали инписистіаріи²⁾. Послѣ этого императоръ входилъ въ Золотую Руку, гдѣ во время самыхъ торжественныхъ выходовъ происходилъ первый приемъ высшихъ чиновъ имперіи слѣдующимъ образомъ: императоръ занималъ особое возвышенное мѣсто, сзади и по сторонамъ отъ него становились въ извѣстномъ порядкѣ чины кувуклія, а также въ определенномъ мѣстѣ располагалась почетная стража. По знаку императора препозитъ становился предъ нимъ, кланялся ему и, обернувъ руку хламидою, дѣлалъ знакъ одному изъ остіаріевъ, стоявшихъ съ золотыми жезлами, чтобы онъ вводилъ къ императору сановниковъ. Сановники вводились по отдѣламъ, сообразно съ чиномъ и рангомъ должности ихъ. Вводимые надали предъ императоромъ ницъ, если это было не въ воскресенье, и становились на свои мѣста съ двухъ сторонъ, образуя предъ императоромъ два ряда³⁾. Когда всѣ чины, поклонившись императору, занимали свои мѣста,

---

¹⁾ Августей—большая зала дворца Дафни (тамъ же, I, 100).

²⁾ Инписистіаріи—уменьшительныя—принадлежали къ кувуклію, т. е. къ евнухамъ. Проф. Бѣляевъ обращаетъ вниманіе на то, что императоры, послѣ облаченія, предъ первымъ торжественнымъ приемомъ высшихъ чиновъ въ Золотой Руку, мыли руки такъ же, какъ священнослужители и архіеревъ моютъ ихъ послѣ облаченія, предъ началомъ совершенія службы (тамъ же, II, 60, прим. 1).

³⁾ Проф. Бѣляевъ полагаетъ, что наиболѣе наглядное понятіе о разстановкѣ чиновъ предъ императоромъ можетъ дать разстановка духовныхъ чиновъ при соборномъ служеніи, особенно архіерейскомъ. „Судя по довольно многочисленнымъ описаніямъ этой разстановки чиновъ въ Придворномъ Уставѣ Константина Багрянороднаго“, говоритъ проф. Бѣляевъ, „можно думать, что въ церковномъ порядкѣ разстановки духовнаго синклита при соборномъ служеніи мы имѣемъ болѣе или менѣе сходную копію съ разстановки чиновъ царскаго син-

президить, сдѣлавъ императору обычный поклонъ, возглашалъ: „повелите“. Всѣ чины хоромъ произносили: „на многія и счастливыя времена да продлитъ Богъ праведное ваше царство!“ Послѣ этого возгласа всѣ шли въ слѣдующее дворцовое помѣщеніе—въ оноподѣ въ томъ порядкѣ, въ какомъ стояли предъ императоромъ: младшіе чины впереди, дальше отъ императора, старшіе—ближе къ нему. Къ чинамъ, вошедшимъ въ оноподѣ впереди императора, присоединялись чины, стоявшіе здѣсь съ царскимъ оружіемъ, и другіе. Императоръ, войдя чрезъ мѣдную дверь въ оноподѣ, становился на высокомъ порогѣ этой двери, чины же, при появленіи императора, падали ницъ и, послѣ возгласа „повелите“, восклицали: „на многіе и счастливыя годы да продлитъ Богъ царство ваше!“ Возгласъ „повелите“ произносилъ здѣсь церемоніарій по знаку препозита, въ свою очередь получавшаго знакъ отъ императора ¹⁾. Послѣ провозглашенія многолѣтня императору всѣ собравшіеся въ оноподѣ чины шли въ консисторію, причемъ одни шли чрезъ правую и лѣвую боковыя двери, другіе—чрезъ среднюю дверь консисторіи. Войдя сюда, чины становились въ іерархическомъ порядкѣ, въ два ряда предъ возвышеніемъ, которое занималъ императоръ. Впереди стоявшихъ чиновъ находились жезлъ Моисея, принесенный изъ храма св. Феодора, и крестъ св. Константина, взятый изъ храма св. Стефана. Когда императоръ становился на возвышеніи, всѣ чины повергались предъ нимъ ницъ; тогда президить, по мановенію императора, дѣлалъ, послѣ поклона ему, знакъ одному изъ силенціаріевъ, и силенціарій,

---

клита, такъ какъ составъ патриаршаго синклита во многомъ напоминалъ царскій спяклатъ и церковь усвоила не мало подробностей въ своихъ обрядахъ изъ придворныхъ обрядовъ, которые она уже застала готовыми и сформировавшимися“ (тамъ же, II, 63).

¹⁾ Проф. Бѣляевъ указываетъ, что въ оноподѣ возгласъ „повелите“ всегда произносился не президитомъ, но церемоніаріемъ, точно такъ, какъ въ консисторіи, во время выходовъ императора, этотъ возгласъ произносился силенціаріемъ. „Это чередованіе“, говоритъ проф. Бѣляевъ, „дѣлалось всегда въ трехъ послѣдовательныхъ приѣмахъ совершенно такъ, какъ при соборномъ служеніи архіерейскомъ возгласы и ектеніи говорятся по-очередно священниками и діаконами, въ іерархическомъ порядкѣ, сперва старшими, потомъ младшими“ (тамъ же, II, 65, прим. 1).

поклонившись императору, возглашала: „повелите“. Чины произносили: „да продлитъ Богъ царство ваше на многіе и счастливыя годы“, послѣ чего направлялись къ выходу изъ консисторіи и переходили въ триклиній кандидатовъ ¹⁾, гдѣ императора ожидалъ клиръ храма Господа съ кадиломъ и ризничій съ крестомъ, подославшій его императору для цѣлованія.

Отсюда императоръ, предшествуемый синклитомъ и сопровождаемый кувукліемъ и тѣлохранителями, отправлялся въ помѣщеніе первой школы ²⁾, гдѣ трижды поклонялся, имѣя зажженную свѣчу въ рукѣ, серебряному кресту, послѣ чего шелъ въ палату экскувитовъ ³⁾ со всѣмъ синклитомъ, кувукліемъ и тѣлохранителями. Тутъ стояли въ два ряда знаменосцы съ знаменами и пѣвчіе, которые, при входѣ императора въ палату экскувитовъ, пѣли особыя пѣснопѣнія по-латыни, соответствовавшія тому празднику, въ который совершался императорскій выходъ. Въ праздникъ Рождества Христова пѣвчіе пѣли: *De Maria Virgine natus est et magi de oriente cum muneribus adorant*, послѣ чего слѣдовалъ пригвѣтъ: *Christus Deus noster conservet imperium vestrum per multos annos et bonos*. Въ праздникъ Крещенія пѣвчіе пѣли: *Ioannes in Iordane baptizat Dominum. Secundum illum vocat. De te volo (baptizari)*, послѣ чего слѣдовалъ тотъ же самый пригвѣтъ и т. д. Встрѣчаемый и провожаемый соответствующими празднику пѣснопѣніями и многолѣтіями, императоръ, съ знаменами впереди, предшествуемый синклитомъ, направлялся въ лихны ⁴⁾, поклонялся трижды со свѣчами въ рукахъ стоявшему тамъ серебряному кресту и становился такъ, что, окруженный кувукліемъ и тѣлохранителями, виденъ былъ множеству всякаго званія людей, собравшихся въ трибуналъ: димамъ ипподрома, находившимся въ то время въ Константинополѣ посламъ и знатнымъ иностранцамъ, городскимъ цехамъ, представителямъ города и городского управленія. Предъ тѣмъ какъ импера-

¹⁾ Триклипомъ кандидатовъ назывался покой, сосѣдній съ консисторіей (тамъ же, I, 121).

²⁾ Школами назывались помѣщенія для гвардейскихъ отрядовъ (тамъ же, I, 115).

³⁾ Экскувиты—гвардейскій отрядъ (тамъ же, II, 11, прим. 4).

⁴⁾ Лихнами называлась зала отъ висѣвшихъ тамъ лампъ (тамъ же, II, 75).

торъ становился въ лихнахъ на свое мѣсто, пѣвчіе дима Венетовъ, если выходъ императорскій совершался въ праздникъ Рождества, пѣли: „звѣзда солнце предвѣщаетъ, въ Виносеѣ Христа, восшедшаго отъ Дѣвы“. Когда же императоръ становился на мѣсто свое въ виду всѣхъ собравшихся въ трибуналѣ, церемоніарій подводилъ къ императору domestica (т. е. главнаго командира) школь, который падалъ предъ нимъ ницъ и подносилъ ему ливелларій¹⁾. Императоръ принималъ ливелларій. пѣвчіе возглашали трижды: „многая“, а члены дима Венетовъ пѣли: „многая лѣта, на многая“. Пѣвчіе опять пѣли: „многія вамъ времена, божественное царство“ (т. е. царское величество), и димоты повторяли это трижды. Послѣ этого пѣвчіе пѣли: „многія вамъ времена, служители Господа“, члены же дима Венетовъ возглашали трижды: „многія времена“. Снова пѣвчіе пѣли: „многія вамъ времена, самодержцы Римлянъ“, а члены того же дима трижды возглашали: „многія вамъ времена“. Наконецъ, пѣвчіе пѣли: „многія вамъ времена съ августами (императрицами) и багрянородными (дѣтьми)“, члены же дима Венетовъ возглашали: „долголѣтнимъ содѣетъ Богъ святое царство ваше на многія лѣта“.

Во время пѣнія этихъ многолѣтій domestикъ школь, состоявшій въ должности димократа (т. е. главнаго начальника) дима Венетовъ, стоялъ предъ императоромъ и трижды осѣнялъ его крестнымъ знаменіемъ всякій разъ, когда пѣли члены дима Венетовъ. Для осѣненія императора крестнымъ знаменіемъ domestикъ обвертывалъ руку концомъ своей хламиды.

Такъ происходилъ первый приемъ императора и въ другіе праздники, съ тѣмъ только отличіемъ, что пѣспопѣнія, которыя пѣли пѣвчіе, когда императоръ подходилъ къ своему мѣсту въ лихнахъ, измѣнялись соотвѣтственно празднику. Такихъ приемовъ на пути шествія императора въ храмъ св. Софіи было нѣсколько²⁾. Четыре партіи нипподрома, которыя славословіями и многолѣтіями встрѣчали и провожали въ опредѣленныхъ мѣстахъ императора, являлись представителями народа.

¹⁾ Ливелларій— книжечка или свертокъ съ приличными празднику поздравленіями, пожеланіями и славословіями (тамъ же, II, 80).

²⁾ Тамъ же, II, 81—88.

По совершеніи этихъ пріемовъ императоръ съ синклитомъ въ предшествіи знаменъ, вступалъ въ храмъ св. Софіи черезъ красныя врата ¹⁾. Войдя въ нихъ, императоръ заходилъ въ нишу, закрытую завѣсою, гдѣ препозитъ снималъ съ него корону; отсюда императоръ входилъ въ нарѣнокъ ²⁾, гдѣ у самыхъ входныхъ дверей его ждали всѣ священнослужители съ патріархомъ во главѣ, который держалъ крестъ, архиѳакопъ же несъ евангеліе, а нѣкоторые изъ діаконовъ кадила и свѣтильники, такъ какъ императоръ входилъ во время совершенія малаго входа. Войдя въ нарѣнокъ, императоръ прикладывался къ евангелію и кресту, послѣ чего императоръ и патріархъ кланялись и привѣтствовали другъ друга, патріархъ кадилъ императора, который цѣловалъ патріарха и, взявъ его за правую руку, направлялся съ нимъ къ царскимъ вратамъ, ведшимъ изъ нарѣнка въ храмъ. Здѣсь императоръ останавливался, патріархъ читалъ входную молитву, и императоръ, имѣя въ рукѣ свѣчу, совершалъ троекратное поклоненіе предъ царскими вратами. По произнесеніи входной молитвы и положенныхъ возгласовъ, послѣ пѣнія: „приндите, поклонимся“, императоръ отдавалъ свѣчу препозиту, прикладывался къ кресту и евангелію и, взявъ опять патріарха за правую руку, проходилъ посреди храма, мимо амвона, на солею; императору и патріарху предшествовали служившіе съ патріархомъ духовные чины, шествовавшіе посреди чиновъ царскаго синклита и собравшагося въ храмъ народа. Совершался малый входъ. Носимыя впереди процессіи знамена гвардейскихъ отрядовъ становились въ храмъ предъ солею съ обѣихъ сторонъ, а римскіе скиптры ³⁾ и другія императорскія знамена разстановивались на солеѣ, крестъ же св. Константина вносился въ алтарь. Когда императоръ съ патріархомъ проходилъ мимо чиновъ, послѣдніе хоромъ произносили обычное многолѣтіе императору: „да продлитъ Богъ святое царство ваше на многія и долгія времена“. Изойдя на солею, императоръ и патріархъ подходили къ св. вратамъ, патріархъ прикладывался къ нимъ и входилъ

¹⁾ Красныя врата—главныя, ведшія въ храмъ св. Софіи съ западной стороны (тамъ же, II, 99 и слѣд).

²⁾ О немъ см. тамъ же, II, 101.

³⁾ Римскіе скиптры—старыя римскія знамена (тамъ же, II, 70, прим. 1).

въ алтарь, императоръ же становился предъ входомъ въ алтарь, бралъ у препозита свѣчу и съ нею въ рукѣ совершалъ троекратное поклоненіе предъ св. вратами, послѣ чего возвращалъ свѣчу препозиту и, входя въ алтарь, прикладывался къ св. вратамъ, которыя придвигалъ къ нему патріархъ или одинъ изъ митрополитовъ или архіепископовъ. Войдя въ алтарь императоръ шелъ къ св. престолу и, помолившись, прикладывался къ покрову его, подносимому патріархомъ, затѣмъ бралъ у препозита принесенные въ даръ воздуха, разстилая ихъ на св. престолѣ и ставилъ на нихъ принесенныя въ даръ храму чаши, блюда и другіе сосуды, прикладывался къ стоявшимъ на св. престолѣ чашамъ, блюдамъ и св. еленамъ Господнимъ, которыя подносилъ ему для цѣлованія патріархъ, и клалъ на разостланныхъ платахъ мѣшочекъ съ деньгами, такъ называемый апокомвій. Послѣ этого императоръ съ патріархомъ, кадя, обходилъ св. престолъ, входилъ въ алтарную нишу, гдѣ находилось серебряное вызолоченное распятіе, молился предъ нимъ со свѣчею въ рукахъ, прикладывался къ нему, бралъ у патріарха кадило и кадилъ св. распятіе. Затѣмъ, императоръ прощался съ патріархомъ, при чемъ оба они кланялись другъ другу и цѣловались, и уходилъ въ мутаторію¹⁾. Въ мутаторіи императоръ снималъ хламиду и стоялъ безъ нея до большого входа. При императорѣ въ мутаторіи находились только высшіе чины кувуклія.

Когда приближалось время перенесенія св. даровъ съ жертвенника на св. престолъ, церемоніарій докладывалъ препозиту, а послѣд-

---

¹⁾ Въ мутаторіяхъ — помѣщеніяхъ возлѣ алтаря — императоры слушали божественную службу, въ опредѣленныхъ случаяхъ выходя изъ нихъ и потомъ снова возвращаясь туда. Мутаторіи устраивались въ тѣхъ храмахъ, гдѣ императоры слушали литургію, и состояли изъ нѣсколькихъ отдѣленій (тамъ же, II, 163). Иеромонахъ Іоаннъ указываетъ, что „почти всѣ моменты вашей встрѣчи епископовъ, являющихся къ совершенію литургіи, совпадаютъ съ подробностями встрѣчъ императоровъ византійскими патріархами, какъ описаны эти встрѣчи въ De ser. а. В. Обстановка малаго входа, за которымъ слѣдуетъ каженіе епископомъ алтаря и мѣстныхъ иконъ, представляетъ большое сходство съ описаннымъ по De ser. а. В. малымъ входомъ за патріаршей литургіей и при участіи императора“ („Обрядникъ визант. двора какъ церковно-археологическій источникъ“, стр. 145, прим. 29, М. 1895 г.).

ній—императору. Императоръ облачался въ хламиду и шель съ чинами кубуклія чрезъ правую сторону храма за амвонъ, въ предшествіи знаменосцевъ и чиновъ синклита, которые, подходя къ амвону, становились въ два ряда, такъ что императоръ проходилъ среди нихъ. Между амвономъ и царскими вратами стояли уже вышедшіе сюда изъ алтаря священнослужители съ св. дарами въ ожиданіи императора. Здѣсь же находился подсвѣчникъ съ зажженною свѣчею, который предъ св. дарами до св. вратъ долженъ былъ нести императоръ, въ качествѣ депутата и дефензора церкви. Поклонившись св. дарамъ и принявъ отъ препозита подсвѣчникъ, императоръ, предшествуемый знаменосцами и чинами синклита, начиналъ великій входъ. За императоромъ священнослужители несли св. дары и священные предметы. Подходя къ солеѣ, чины остаивались, знамена, бывшія ранѣе на солеѣ, вносились туда же и разставлялись по обѣимъ сторонамъ солеи. Императоръ съ подсвѣчникомъ въ рукахъ всходилъ на солею и становился предъ алтаремъ, отдавъ свѣтильникъ препозиту. Св. врата въ это время были открыты, и въ нихъ, ожидая св. дары, стоялъ патріархъ. За императоромъ на солею всходили священнослужители. Архидіаконъ кадиль императора, патріарха и св. престоль, послѣ чего св. дары вносились въ св. врата, гдѣ ихъ принималъ патріархъ. Священнослужители, проходя мимо императора, при входѣ въ св. врата, возглашали: „царство ваше да помянетъ Богъ во царствіи своемъ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ“. По окончаніи входа священнослужителей въ алтарь императоръ и патріархъ кланялись другъ другу и прощались. Патріархъ шель къ св. престолу, а императоръ отправлялся по правой сторонѣ солеи въ мутаторій съ чинами кубуклія. Въ мутаторіи императоръ опять снималъ хламиду и продолжалъ слушать литургію до вступленія времени цѣлованія любви ¹⁾.

---

¹⁾ Проф. Бѣляевъ указываетъ, что въ послѣдніе вѣка существованія византійской имперіи, когда императоры жили во Влахернскомъ дворцѣ и оттуда являлись въ извѣстные праздники въ храмъ св. Софіи, участіе императоровъ въ великомъ входѣ, повидимому, начпалось раньше, насколько можно судить объ этомъ по позднѣйшему коронаціонному обряду. Императоръ, приглашенный къ участію въ великомъ входѣ старшими діаконами предъ самымъ

Когда наступало время цѣлованія любви, патриархъ посылалъ референдарія къ императору съ извѣстіемъ о ходѣ службы; референдарій сообщалъ объ этомъ церемоніарію, церемоніарій препозиту, препозитъ же докладывалъ императору. Императоръ облачался въ хламиду и въ сопровождеши чиновъ кувуклія, къ которымъ, по выходѣ изъ мутаторія, присоединялись чины синклита, шель чрезъ правую сторону церкви на солею и останавливался у алтарной преграды, направо отъ св. вратъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ переносный церковный столикъ, такъ называемый антминсѣ, съ котораго потомъ патриархъ приобщалъ императора св. Таниъ. Когда императоръ подходилъ къ алтарной преградѣ, патриархъ выходилъ изъ алтаря и совершалъ цѣлованіе любви съ императоромъ. За патриархомъ подходили къ императору для цѣлованія высшіе духовные чины. Совершивъ цѣлованіе любви со всѣми духовными чинами, императоръ, отойдя отъ алтарной преграды, приступалъ къ цѣлованію съ чинами своего синклита. Подводимые референдаріемъ къ императору для цѣлованія кланялись въ землю, кромѣ праздника Насхи, когда ради воскресенія Христова кланяться или падать въ землю не полагалось, но надлежало кланяться только до колѣнитъ ¹⁾).

началомъ входа, въ мантии, съ короной на головѣ, шель въ алтарь къ жертвеннику, на которомъ находятся до перенесенія на св. престолъ св. дары. Когда св. дары передавались патриархомъ священнослужителямъ, долженствовавшимъ нести ихъ, и всѣ духовные чины, участвовавшіе въ великомъ входѣ, занимали свои мѣста, императоръ въ мантии и коронѣ, съ крестомъ въ правой рукѣ и акакіею въ лѣвой, шествовалъ впереди всей процессіи на средину храма за амвонъ, обходилъ его и шель по правой сторонѣ на солею. Съ правой и лѣвой стороны императора шли царскіе тѣлохранители въ парадномъ вооруженіи, а за императоромъ шѣдовали діаконы и іерей съ св. дарами и другими священными предметами, посимыми во время великаго входа. Остальное все совершалось такъ, какъ и въ прежнее время (тамъ же, II, 167).

¹⁾ Проф. Бѣляевъ указываетъ на отсутствіе данныхъ въ De ser. a. B., изъ которыхъ видно было бы, какъ совершали императоры цѣлованіе любви съ духовнымъ и свѣтскимъ синклитомъ. При христосованіи съ императоромъ духовные и свѣтскіе чины цѣловали его въ колѣна, руки и уста, но тогда императоръ сидѣлъ на тронѣ, поэтому проф. Бѣляевъ считаетъ вѣроятнымъ, что духовные и свѣтскіе чины при цѣлованіи любви цѣловали руки и уста императора, который въ это время стоялъ (тамъ же, II, 171—172 и прим.).

По совершении обряда цѣлованія любви императоръ удалялся въ мутаторій, гдѣ снималъ хламиду и слушалъ литургію до наступленія времени приобщенія св. Таинъ ¹⁾.

Когда это время наступало, императоръ, по докладу референдаря, облачался въ хламиду, выходилъ изъ мутаторія, сопровождаемый кувукліемъ и предшествуемый синклитомъ, и шелъ на солею, гдѣ останавливался предъ алтаремъ у антиминосъ, т. е. переноснаго столика, на который патріархъ ставилъ вынесенныя изъ алтаря тѣло Христово на дискосѣ и кровь Христову въ чашѣ. Императоръ приобщался по чину священнослужителей, подъ обоими видами отдѣльно. Послѣ причащенія императоръ возвращался въ мутаторій, снималъ хламиду и входилъ въ прилежавшую къ мутаторію палату, въ которой приготовлялся завтракъ для него и для 12 или 14 высшихъ и ближайшихъ къ нему сановниковъ ²⁾.

По окончаніи завтрака вкушавшіе съ императоромъ вставали, препозитъ возглашалъ: „повелите“, и они хоромъ произносили: „на многія и добрыя времена да продлитъ Богъ царство ваше“, послѣ чего удалялись. Послѣ ухода ихъ императоръ облачался въ хламиду и приказывалъ препозиту пригласить патріарха. Патріархъ препозитомъ вводился къ императору, кланялся ему, цѣловалъ его и бесѣдовалъ съ нимъ, послѣ чего оба они отправлялись въ св.

---

¹⁾ Проф. Бѣляевъ отмѣчаетъ, что въ восточной церкви обрядъ цѣлованія мірянъ предъ совершеніемъ таинства Евхаристіи соблюдался въ X в., какъ видно изъ De seg. a. B., только императоромъ, но и то не во всѣхъ храмахъ, а только въ храмѣ св. Софіи. Въ послѣдніе вѣка существованія византийской имперіи императоръ, судя по позднѣйшему обряду коронаванія, не совершалъ обряда цѣлованія и въ храмѣ св. Софіи (тамъ же, II, 168, прим. 2).

²⁾ Проф. Бѣляевъ указываетъ, что царскіе завтраки въ храмахъ являются остатками древнихъ христіанскихъ трапезъ любви, сохранившимися только для императоровъ. Сохраненіе ихъ, говоритъ проф. Бѣляевъ, легко объясняется утомленіемъ и голодомъ, которые долженъ былъ чувствовать императоръ послѣ продолжительныхъ и утомительныхъ процессій въ тяжеломъ облаченіи, стоянія и воздержанія отъ пищи въ виду предстоящаго принятія св. Таинъ. Потому не только въ храмѣ св. Софіи, но и въ другихъ храмахъ, послѣ литургіи, императоры обыкновенно завтракали; иногда къ этимъ завтракамъ приглашался патріархъ (тамъ же, II, 178, прим. 3).

кладезь, сопровождаемые чинами кувукляя. На порогѣ двери, ведущей въ св. кладезь, императоръ и патріархъ останавливались, и императорскій казначей чрезъ пренозита передавалъ кошельки съ деньгами императору, который раздавалъ ихъ низшимъ церковнослужителямъ и бѣднымъ. Послѣ раздачи денегъ императоръ съ патріархомъ входилъ въ св. кладезь и заходилъ здѣсь въ нишу, закрытую завѣсою, гдѣ патріархъ возлагалъ на главу императора корону и вручалъ ему просфору и флаконъ съ освященнымъ благовоннымъ масломъ, императоръ же давалъ патріарху апокомвій. Обмѣнявшись этими дарами императоръ и патріархъ кланялись другъ другу, цѣловались и расходились: патріархъ возвращался въ храмъ, а императоръ во дворецъ ¹⁾.

Когда патріархъ возлагалъ на главу императора корону въ нишѣ, находившейся въ св. кладезѣ, пѣвчіе партіи Венетовъ исполняли тѣ же пѣснопѣнія, сообразно празднику, который пѣли предъ входомъ императора въ анкны. Когда императоръ, послѣ прощанія съ патріархомъ, выходилъ изъ св. кладезя и, войдя въ примыкавшій къ нему портникъ, становился на обычномъ мѣстѣ, пѣвчіе произносили: „добро пожаловали, защита Троицы“, димоты же повторяли трижды: „добро пожаловали“. Послѣ этого слѣдовали тѣ же многолѣтія и славословія императора, которые пѣлись пѣвчими и димотами при встрѣчахъ императора на пути шествія его въ храмъ св. Софіи ²⁾.

Съ такими выходами византійскихъ императоровъ въ храмъ св. Софіи не имѣютъ ни малѣйшаго сходства богомольные выходы въ храмы московскихъ царей ³⁾.

Императоры Византіи, являшіеся предъ своими подданными во время шествія своего въ храмъ св. Софіи и пребыванія тамъ въ обстановкѣ исключительной и великолѣпной, наглядно выставлявшей высоту сана ихъ, какъ имѣвшихъ особое положеніе въ церкви, казалось, должны бы были пользоваться благоговѣйнымъ почитаніемъ со стороны своихъ поданныхъ, такъ что

¹⁾ Тамъ же, II, 40—184.

²⁾ Тамъ же, II, 185 и слѣд.

³⁾ Обозрѣніе богомольныхъ выходовъ московскихъ государей въ книгѣ И. Е. Забѣлина: „Домашній бытъ Русскихъ Царей“, стр. 376 и слѣд., изд. 3.

другіе народы могли бы поучиться у византійцевъ, какъ относятся къ своимъ государямъ. На самомъ дѣлѣ было не такъ. Византійскій историкъ Никита Хониатъ упрекалъ жителей Константинополя, предъ которыми императоры являлись въ великолѣпной обстановкѣ, изображавшей всю высоту сана ихъ, въ неуваженіи къ властямъ, отмѣчая, что константинопольцы, „кого сегодня превозносятъ, какъ законнаго властителя, того на другой день поносятъ, какъ злодѣя“....¹⁾ Рѣзко и съ негодованіемъ отзывается Хониатъ о той готовности, съ которою византійцы подчинялись узурпаторамъ. Когда императоръ Исаакъ Ангелъ былъ свергнутъ съ престола братомъ своимъ Алексѣемъ, и вѣсть объ этомъ дошла до Константинополя, нѣсколько ремесленниковъ, говоритъ Хониатъ, съ случайно представшими къ нимъ лицами направились къ великой церкви, провозглашая императоромъ астролога Алексѣя Контостефана, давно замышлявшаго захватить въ свои руки царскую власть, и объявляя, „что они не хотятъ болѣе терпѣть правленіе Комниныхъ, которые имъ надоѣли“. Мятежъ этотъ былъ подавленъ, Контостефанъ былъ схваченъ сторонниками Алексѣя, патриархъ, послѣ нѣкотораго колебанія, призналъ Алексѣя императоромъ, и „всѣ, какъ рабы“, повѣстуетъ Хониатъ, „побѣжали въ большой дворецъ прямо къ царицѣ и прежде, чѣмъ увидѣли новаго властителя или узнали въ точности, что сдѣлалось съ прежнимъ царемъ, перегнулись въ три сгиба передъ женою чловѣка, о которомъ имъ сказали, что онъ царь, подложили ей подъ ноги, какъ скамеечку, свои головы, бросались наперерывъ, подобно тывкающимъ собаченкамъ, лизать кожу ея башмаковъ и въ заключеніе стали передъ нею съ тре-

---

¹⁾ „Никиты Хониата Исторія“ I, 301, рус. пер. Какъ на одну изъ причинъ такого отношенія жителей Константинополя къ власти, Хониатъ указываетъ на разноплеменный составъ населенія города (тамъ же, 300). Такому разноплеменному составу жителей Константинополя соответствовали разноплеменный составъ населенія византійской имперіи. Какъ Хониатъ въ разноплеменности населенія Константинополя видитъ одну изъ причинъ частыхъ въ немъ мятежей, такъ проф. Скабалановичъ находитъ причину того же явленія въ разноплеменномъ составѣ населенія византійской имперіи. Каждая народность, говоритъ проф. Скабалановичъ, входящая въ составъ византійской имперіи, стремилась посадить свою креатуру на престолъ, отсюда частыя смѣны династій („Византійск. Государство и Церковь въ XI в.“, стр. 19).

нещущимъ видомъ, на вытяжку, руки по швамъ. До такой степени одна молва уже овладѣла бѣдняками! Съ своей стороны царица, хитрая штука, умѣвшая пользоваться обстоятельствами, каждому нашла въ отвѣтъ приличное слово на его рѣчи и своею любезною болтовнею совершенно очаровала византійскихъ простаковъ, такъ что они, какъ свиньи, которыя отъ услажденія опрокидываются навзничь, когда имъ почешутъ брюхо, давни пощекотать себѣ уши ласковыми привѣтствіями, нашли, что во всемъ происшедшемъ не было ровно ничего возмутительнаго¹⁾.

Въ Византіи не стѣснялись публично заявлять, что вѣрными государю слѣдуетъ быть пока это выгодно подданнымъ. Византійскій историкъ Пахимеръ передаетъ, что послѣ объявленія Михаила Палеолога опекуномъ юнаго императора Іоанна Ласкариса, въ собраніи іерарховъ и свѣтскихъ чиновъ стали раздаваться голоса, что слѣдовало бы почитать императорскаго опекуна: „не для одного ребенка (т. е. юнаго императора)“, говорили тогда, „всѣ эти хлопоты о такой имперіи и о такихъ дѣлахъ; мы должны теперь подумать о правительствѣ. чтобы спасти намъ самимъ... У насъ вѣрность престолу почитается, конечно, дѣломъ хорошимъ; хорошо также спастись подданнымъ, давъ клятву: но если нѣтъ спасенія, вѣрность становится напрасною“²⁾.

Пахимеръ же передаетъ разсужденія сторонниковъ Михаила Палеолога, характеризующія отношеніе византійцевъ къ императорамъ, получившимъ престолъ по праву наслѣдства. „Наилучшее царствованіе“, говорили эти сторонники (они составляли, по словамъ Пахимера, большинство въ государствѣ), „есть не наслѣдственное, которое получить по скользкому жребію судьбы, можетъ иногда человѣкъ недостойный, и не родовое, которое часто предвосхищается людьми развратными и самыми дурными, какимъ хорошій правитель не захотѣлъ бы дать мѣсто и въ ряду своихъ подданныхъ, но то, которое предоставляется правительственному лицу испытанной и высокой доблести. Такое только царствованіе и полезно народу, потому что такіе только правители знаютъ, для чего призваны они властвовать... Есть причины опасаться, что

1) „Никиты Ховіата Исторія“, II, 142, рус. пер.

2) „Георгія Пахимера Исторія“, стр. 69, рус. пер.

рожденный на престолѣ, имѣя нужду въ очищеніи себя и образованіи для хорошаго царствованія, будетъ особенно нечистъ, потому что въ царскомъ дворцѣ сопровождаютъ его роскошь и нѣга, бесѣдуетъ съ нимъ лесть, закрывается отъ него истина, и самое дурное поддѣлывается для него подъ самое хорошее, такъ что льстецы, по старинной поговоркѣ, могутъ слышать гармонію даже въ кашлѣ больного царственнаго дитяти. А кто осмѣлился бы хрюкнуть какое нибудь наставленіе, того вдругъ назовутъ вольнодумцемъ и самымъ негоднымъ человѣкомъ... Правитель, прикрываясь, будто на сценѣ, различными масками, порукою за наилучшее царствованіе почитаетъ свой родъ, такъ какъ бы уже въ первомъ верженіи сѣмени заключались какія то царскія силы для превосходнѣйшаго управленія“ ¹⁾).

Слѣдствіемъ этихъ разсужденій было провозглашеніе императоромъ Михаила Палеолога, который ослѣпилъ опекаемаго имъ императора Іоанна и заточилъ его въ одну изъ крѣпостей ²⁾).

Частыя революціи въ Византіи, по словамъ Хоніата, развратили народъ, ³⁾), унизили высоту сана византійскаго императора, такъ что даже люди незнатные и недостойные помышляли о достиженіи императорскаго престола. Когда, говоритъ Хоніатъ, императоръ Алексѣй Комненъ заболѣлъ, и его жизни грозила опасность, стали называть преемниками его разныхъ лицъ, такъ какъ у него не было сына, причемъ дѣло дошло до того, что „люди, которые вчера, или, словомъ сказать, недавно грызли желуды и еще жевали во рту понтійскую свинину, теперь совершенно открыто изъясняли свои виды и притязанія на царское достоинство, устремляя на него свои безстыдные глаза“.... Съ крайнимъ негодованіемъ отзываясь о недостойныхъ претендентахъ на престолъ, Хоніатъ сравниваетъ византійскую имперію съ блудницею. „О знаменитая римская держава“, восклицаетъ онъ, „предметъ завистливаго удивленія и благоговѣйнаго почитанія всѣхъ народовъ, кто не овладѣвалъ тобою насильно?..... Кого ты не заключала въ свои объятія, съ кѣмъ не раздѣляла ложа, кому не отдавалась и кого затѣмъ не покрывала

¹⁾ Тамъ же, 82.

²⁾ Тамъ же, стр. 174 и слѣд.

³⁾ II, 206, рус. пер.

вѣнцомъ, не украшала діадимою и не обувала въ красныя санда-
лин? Истинно, твои страданія были гораздо прискорбнѣе тѣхъ, ко-
торыя должна была перенести Пенелопеа. Тебя можно сравнить
съ царственною женщиною, надѣленною вѣсми счастливыми дарами
природы, внушающею почтеніе строгою красотою, величественною
осанкою и благороднымъ взглядомъ, но увлеченною безстыдными
развратниками, которые не стоятъ овола по понятіямъ людей бла-
гомыслящихъ, которые не въ состояніи понять ея достоинство,
уважить ея величіе, почтить ея благородство, между тѣмъ чрезъ
извѣстные промежутки времени увлекають и уводятъ ее на без-
законное ложе. О позоръ! Чего ты не вытерпѣла, чего ты не на-
глядѣлась? При всей своей славѣ, при всей знаменитости ты по-
лучила наружность блудницы"... ¹⁾.

---

¹⁾ Тамъ же, 210.

Глава III.

Сравненіе церковно-гражданскихъ обрядовъ, соблюдавшихся при дворѣ московскихъ государей, съ такими же обрядами византійскихъ императоровъ имѣеть значеніе при опредѣленіи вліянія Византіи на образованіе идеи царской власти московскихъ государей. Какъ въ церковно-гражданскихъ обрядахъ византійскаго двора наглядно выражалась идея власти византійскаго императора, такъ въ такихъ же обрядахъ московскаго двора выражалась идея власти московскаго царя; отсюда сходство между этими обрядами свидѣтельствуетъ о сходствѣ идей власти византійскихъ императоровъ и московскихъ царей и наоборотъ.

Изъ всѣхъ обрядовъ московскаго двора наиболѣе богатую литературу имѣеть обрядъ вѣнчанія на царство московскихъ государей; менѣе изслѣдованы другіе обряды.

Въ своемъ трудѣ *Byzantina* проф. Д. Θ. Бѣляевъ указываетъ двѣ работы посвященныя изученію богомольныхъ выходовъ византійскихъ императоровъ; авторъ одной изъ нихъ, г. Марковинъ, излагая императорскіе богомольные выходы въ Византіи, сравниваетъ ихъ съ такими же выходами московскихъ государей ¹⁾.

Упрекнувъ названнаго изслѣдователя за пользованіе латинскимъ переводомъ греческаго текста *De cerimoniis aulae Byzantinae*,

---

¹⁾ „*Byzantina*. Очерки, матеріалы и замѣтки по византійскимъ древностямъ“, в. II, стр. XV. 1893 г. Работы эти принадлежатъ гг. Марковину и Кашевскому. Проф. Бѣляевъ называетъ г. Марковина Марковичемъ. Это, несомнѣнно, недосмотренная опечатка: проф. Бѣляевъ указываетъ, что въ „Христіанскихъ Древностяхъ“ за 1872 г. изложены были обряды богомольныхъ выходовъ византійскихъ императоровъ въ храмъ св. Софіи и, цитируя этотъ трудъ, называетъ автора его Марковичемъ, между тѣмъ подъ трудомъ этого авторъ его подписался Марковинъ („Христіанск. Древности“, изд. подъ ред. Прохорова 1872 г., стр. 73).

проф. Бѣляевъ указываетъ, что г. Марковинъ, излагая подробно богомольные выходы русскихъ царей по отдѣльнымъ праздникамъ, иногда только привлекаетъ для сравненія обряды выходовъ византійскихъ императоровъ въ соответствующіе праздники, не представляя полного ихъ описанія, не изучивъ предварительно обряды Придворнаго Устава въ Византіи, вслѣдствіе чего, по мнѣнію проф. Бѣлева, попытка г. Марковина изложить обряды этого Устава оказалась неудовлетворительною ¹⁾.

Вторая попытка изложить обрядъ выходовъ византійскихъ императоровъ къ храмъ св. Софіи, указанная проф. Бѣляевымъ, принадлежитъ г. Каневскому. И эту попытку проф. Бѣляевъ признаетъ неудовлетворительною уже потому, что г. Каневскій мало слѣдовалъ главному источнику своего труда—Придворному Уставу въ Византіи ²⁾.

Отмѣчая промахи и ошибки гг. Марковина и Каневского, проф. Бѣляевъ, въ оправданіе ихъ, указываетъ на особенныя трудности при изученіи, переводѣ, объясненіи или изложеніи содержанія Византійскаго Придворнаго Устава ³⁾.

Трудъ г. Марковина: „Богомольные выходы древнихъ русскихъ царей по сравненію съ такими же выходами византійскихъ императоровъ“ ⁴⁾ представляетъ интересъ и по тѣмъ взглядамъ, которые высказалъ авторъ его, говоря о царской власти московскихъ государей. По мнѣнію г. Марковина Іоаннъ III, вступивъ въ бракъ съ Софьей Палеологъ, приобрѣлъ право на наслѣдство восточною римскою имперією. Такое мнѣніе г. Марковинъ основываетъ, во первыхъ, на томъ, что германскій императоръ Максимилианъ I называлъ московскаго государя Василия III въ договорной съ нимъ грамотѣ императоромъ; во вторыхъ, на представленіи Іоанна IV, что онъ преемникъ кесаря Августа и вообще римскихъ императоровъ, и, наконецъ, на посланіяхъ къ московскимъ государямъ съ православнаго Востока, которыя показываютъ, что Востокъ этотъ

¹⁾ „Byzantina“, II, стр. XVI—XX.

²⁾ Тамъ же, II, стр. XX—XXIII.

³⁾ Тамъ же, II, стр. XXV.

⁴⁾ „Христіанск. Древности и Археологія“, изд. подъ ред. Прохорова, 1872 г. кн. 1, стр. 1—73.

видѣль въ московскомъ государѣ единственнаго православнаго царя, покровителя всѣхъ христіанъ, и называлъ его, какъ нѣкогда византійскаго императора, святымъ, самодержавнымъ и проч. Вслѣдствіе этого, говоритъ г. Марковинъ, русскіе цари стали считать себя возстановителями титула императоровъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ въ Византіи ¹⁾.

Дѣйствительно, императоръ Максимилианъ I назвалъ вел. кн. Василя III въ договорной съ нимъ грамотѣ 1514 г. цесаремъ, только цесаремъ не восточной римской имперіи, но „Цесаремъ Всероссійскимъ“, и впослѣдствіи Петръ В. ссылался на эту грамоту въ доказательство правъ своихъ на титулъ „Императора Всероссійскаго“ ²⁾. Кромѣ этого случая императоръ какъ до 1514 г. не называлъ цесаремъ ни Василя III, ни отца его, послѣ брака послѣдняго съ Софьей Палеологъ, такъ не титуловалъ цесаремъ Василя III и послѣ 1514 г. Поэтому, кажется, правильнѣе объяснить названіе Василя III цесаремъ со стороны Максимилиана I въ 1514 г. сложившимися около того времени новыми отношеніями между германскимъ императоромъ и польскимъ королемъ Сигизмундомъ I. Отношенія эти сдѣлались враждебными вслѣдствіе того, что Максимилианъ и Сигизмундъ столкнулись въ стремленіяхъ къ обладанію Венгріей и Богеміей. Постоянно усиливавшееся вліяніе Максимилиана при венгерскомъ дворѣ, проектировавшіеся браки между внуками его и дѣтьми венгерскаго короля съ цѣлью присоединенія Венгріи и Богеміи къ австрійскимъ родовымъ землямъ возбуждали опасенія со стороны Польши. Вслѣдствіе этого король Сигизмундъ въ 1512 г. вступилъ въ бракъ съ сестрою сильнѣйшаго магната Венгріи Іоанна Заполя, бывшаго главою антигабсбургской партіи. Брачная связь съ сильнѣйшимъ аристократическимъ родомъ Венгріи давала королю Польши надежду, по преемленіи мужского потомства на престолѣ Венгріи, или самому получить корону Венгріи и Богеміи, или видѣть на престолѣ венгерскомъ и богемскомъ своего шурина Іоанна Заполя. Попытки Максимилиана разстроить противный его видамъ бракъ Сигизмунда съ сестрою Іоанна Заполя

¹⁾ Назв. гр., стр. 1—3.

²⁾ „Цам. дипл. сн. др. Россіи“, I, 1504; II, 1487.

не увѣнчалъ успѣхомъ, вслѣдствіе чего Максимилианъ задумалъ создать королю Польши такія затрудненія, которыя отвлекли бы его вниманіе отъ Венгріи и Богеміи. Для этого онъ вступилъ въ союзъ съ московскимъ государемъ Василіемъ III, желая поддержать его въ борьбѣ съ Польшею и чрезъ то принудить короля послѣдней отказаться отъ плановъ на Венгрію. Договорная грамота 1514 г. Максимилиана съ Василіемъ III говоритъ о польскомъ королѣ, какъ объ общемъ ихъ врагѣ. Дабы еще болѣе затруднить положеніе Сигизмунда, Максимилианъ въ то же время возбуждалъ противъ Польши грессмейстера Тевтонскаго ордена, замышлялъ привлечь къ коалиціи противъ Польши датскаго короля и нѣкоторыхъ имперскихъ князей. Императоръ достигъ своей цѣли. Сигизмундъ I, утомленный борьбой съ Василіемъ III, уступилъ: онъ подтвердилъ договоры между дѣтьми короля Венгріи и внуками Максимилиана, что означало отказъ его отъ всякихъ видовъ на Венгрію и Богемію въ свою пользу или въ пользу Заполья. Такимъ образомъ причина вражды Максимилиана къ Сигизмунду была устранена, и Максимилианъ отступился отъ тѣхъ, кого онъ возбуждалъ противъ Польши ¹⁾. Но въ то время, когда отношенія Максимилиана къ Сигизмунду были враждебны, Максимилианъ видѣлъ въ московскомъ государѣ могучее орудіе для приведенія въ исполненіе своихъ плановъ. Думая расположить въ свою пользу московскаго государя, Максимилианъ назвалъ его въ договорной грамотѣ 1514 г. цесаремъ, когда же нужда въ этомъ цесарѣ миновала, Максимилианъ пересталъ такъ титуловать московскаго государя ²⁾.

Врядъ ли также слѣдуетъ ставить въ связь генеалогію Іоанна IV отъ брата кесаря Августа съ правами на восточную римскую имперію, унаслѣдованными Іоанномъ III чрезъ бракъ съ

---

¹⁾ Проф. Вауеръ: „Сношенія Россіи съ Германіей въ XV и XVI вв.“ Ж. Мин. II. Пр. 1870 г., № 3, 78 и слѣд.

²⁾ „Пам. дипл. св. др. Россіи“, I, 197, 217, 311, 343, 346, 356, 362, 363, 370. Что Максимилианъ нѣкоторое время относился враждебно къ Сигизмунду, имѣя виды на Венгрію, и находилъ для себя выгоднымъ союзъ съ московскимъ государемъ, постояннымъ врагомъ (*perpetuum hostem*) Польши, говоритъ Герберштейнъ (*Regum Moscovit. Commentarii*, 17, an. 1556).

Софьей Палеологъ, если только этимъ бракомъ Іоаннъ III приобрѣлъ какія-либо права. Генеалогія перваго русскаго царя отъ Августова брата можетъ свидѣтельствовать только о томъ, что Грозный велъ и свою династію, и права свои на титулъ и власть изъ того источника, откуда истекала власть византійскихъ императоровъ; быть можетъ онъ сознательно миновалъ преемство власти своей изъ второго Рима, желая выставить Москву, вслѣдствіе происхожденія ея царствующаго дома отъ брата кесаря Августа, преемницей непосредственно перваго Рима ¹⁾).

Что касается православнаго Востока то, несомнѣнно, имъ признавалось за московскими государями право покровительства всѣмъ православнымъ, страдавшимъ отъ невѣрныхъ. Покровительство это должно было выражаться въ щедрой милостыи, и православный Востокъ внушалъ московскимъ государямъ, что благотвореніе ему—обязанность ихъ, какъ единственныхъ независимыхъ

¹⁾ Слѣдуетъ имѣть въ виду, говоря о царственномъ наслѣдїи, принесенномъ Софьей Палеологъ своему супругу въ приданое, что Іоаннъ IV, исчисляя свои права на царскій титулъ предъ іерархами православнаго Востока, не упомянулъ объ этомъ наслѣдїи, полученномъ московскими государями. Объяснить такое умолчаніе забвеніемъ нельзя: унаслѣдованіе правъ на восточную римскую имперію было бы фактомъ крупнымъ, особенно если бы этому наслѣдству придавали значеніе; кромѣ того, Іоаннъ IV былъ явнѣ Софьи, поэтому вѣроятно не думать, что браку своего дѣда съ цареградской царевной Грозной, такъ страстно доказывавшей права свои на царскій титулъ, не придавалъ того значенія, какое придаетъ г. Марковичъ. Перечень правъ Іоанна IV на царскій титулъ заключается въ грамотѣ восточнаго духовенства, признававшего этотъ титулъ за нимъ; перечень этотъ, повидимому, повторенъ былъ со словъ дипломатовъ московскихъ, возложившихъ восточнымъ іерархамъ основанія, въ силу которыхъ московскій государь усвоилъ себѣ царскій титулъ. Іоаннъ IV писалъ вселепскому патріарху, что поручилъ митрополиту Іовафу возложить: „по какой причинѣ приняли мы вѣнецъ царства Русскаго, позволеніемъ и рукоположеніемъ, и соборными молитвами, во Святомъ Духѣ богомольца и отца нашего Макарія, Митрополита всея Руси и всего священнаго Собора митрополити Русской, и какимъ образомъ, по неизреченному милосердію Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, взяли мы царство Казанское и царство Астраханское“... („Сношен. Россіи съ прав. Востокомъ“, ч. I, стр. 78—79). Царь, излагая основанія, въ силу которыхъ возложилъ на себя царскій вѣнецъ, говоритъ и о завоеваніи имъ царствъ казанскаго и астраханскаго („Соборн. Грамота духовенства прав. вост. Церквп“, 11, изд. кн. Оболенскимъ).

православныхъ царей. Но видѣлъ ли православный Востокъ въ московскихъ царяхъ такихъ государей, какими были византійскіе императоры? Въ грамотѣ, признавшей за Іоанномъ IV царскій титулъ, подписанной православными іерархами Востока, нѣкоторыя строки, какъ полагаютъ, выскоблены рукою московскаго дьяка въслѣдствіе того, что въ нихъ заключалось нѣчто оскорбительное для чести московскаго государя. Слѣдуетъ также имѣть въ виду, что Іоанну IV, судя по многимъ данымъ, присланъ былъ патриархомъ константинопольскимъ не такой чинъ въначалія на царство, какимъ въначались византійскіе императоры. Въ дѣлѣ учрежденія патриаршества на Руси московскіе цари не могли не видѣть, что іерархи православнаго Востока мѣняли тонъ, когда московскій государь по отношенію къ нимъ принималъ положеніе просителя. Врядъ ли московскіе государи не понимали, что православный Востокъ готовъ былъ усвоить имъ на словахъ, ради милостыни, такую власть, какой на дѣлѣ не призналъ бы.

Мнѣніе г. Марковина, что русскіе цари считали себя возстановителями титула императоровъ въ томъ видѣ, въ какомъ титулъ этотъ существовалъ въ Византіи, фактами не оправдывается.

Говоря о придворныхъ обрядахъ московскихъ государей г. Марковинъ высказываетъ мнѣніе, что „многіе греки, прибывшіе вмѣстѣ съ Софьей во время Іоанна III, ввели у насъ при дворѣ пышные обряды, соответствующіе власти Императора и титулу Самодержца“ ¹⁾. Объясняя такимъ образомъ появленіе обрядовъ при московскомъ дворѣ, г. Марковинъ отмѣчаетъ, что „царственная обстановка московскаго государя, царственныя формы и порядки его быта“ выросли по мѣрѣ развитія сношеній Москвы съ другими государствами ²⁾.

Такимъ образомъ, по мнѣнію самого же г. Марковина, обряды московскаго двора началомъ своимъ обязаны не однимъ грекамъ Софьи.

Къ сожалѣнію, г. Марковинъ не подкрѣпляетъ никакими данными высказанное имъ мнѣніе, что съ приходомъ грековъ Софьи появились въ Москвѣ придворные обряды, и притомъ пышные, не

¹⁾ Назв. тр., 3.

²⁾ Тамъ-же, 5.

указываетъ, какіе именно обряды возникли при дворѣ Іоанна III. Между тѣмъ отмѣченная имъ постепенность роста царственной обстановки московскаго государя наводитъ на мысль, что не все въ этомъ отношеніи было сдѣлано греками Софьи, кое что было оставлено и преемникамъ Іоанна III.

Отъ вниманія г. Марковина, ведущаго московскіе придворные обряды изъ Византіи, не ускользнуло, что между обрядами византійскихъ императоровъ и московскихъ царей есть существенное различіе, и что обряды византійскіе и московскіе выражаютъ разныя идеи. Такое различіе г. Марковинъ объясняетъ разными отношеніями царской власти къ духовной въ Византіи и въ Москвѣ, сообразно чему должны были измѣниться въ Москвѣ церковно-гражданскіе обряды, заимствованные изъ Византіи, какъ не соответствовавшіе московскимъ понятіямъ ¹⁾. Такимъ образомъ, обряды эти не породили въ Москвѣ измѣненія отношеній власти свѣтской къ духовной по образцу Византіи, но сами потеряли измѣненіе.

Г. Марковинъ не склоненъ думать, что заимствованные Московою византійскіе придворные обряды, выражавшіе мысль о священномъ происхожденіи царской власти, породили самодержавіе русскихъ царей. Онъ усматриваетъ въ русскомъ обществѣ сознаніе необходимости создать сильное государство для борьбы съ врагами, и этимъ сознаніемъ объясняетъ быстрый ростъ власти московскихъ государей ²⁾. Церковно-гражданскіе обряды византійскихъ императоровъ, перенесенные въ Москву, внушили только, полагаетъ г. Марковинъ, „понятія о священномъ происхожденіи царской власти и о значеніи русскаго Царя какъ единаго боговѣчнаго Представителя, какъ единаго Намѣстника власти Божіей“ ³⁾. Выстъ съ мыслью о священномъ значеніи и происхожденіи царской власти, въ связи съ ученіемъ о единствѣ ея, церковно-придворные обряды византійскаго двора произвели на Русь, по мнѣнію г. Марковина, безусловное повиновеніе царской власти, доходившее въ подданныхъ до полнаго рабства ⁴⁾.

¹⁾ Тамъ же, 5—18.

²⁾ Тамъ же, 5—6.

³⁾ Тамъ же, 9.

⁴⁾ Тамъ же, 10.

Отвергая мнѣніе, будто церковно-гражданскіе обряды византійскаго двора породили московское самодержавіе, названный изслѣдователь тѣмъ не менѣе приходитъ къ заключенію, что если бы идея царской власти и ученіе о ней не были принесены изъ Византіи на Русь, государи русскіе не имѣли бы безусловной власти надъ своими подданными, и что, слѣдовательно, безъ византійскихъ идей, тѣми или иными путями внушаемыхъ, московскіе цари въ сущности не были бы самодержцами. Такъ разсуждая, г. Марковичъ упускаетъ изъ виду, что идея о священномъ значеніи и происхожденіи царской власти не была домысломъ Византіи. Идея эта и византійцами взята была изъ св. писанія, и поэтому она не только византійская, но и христіанская, а потому и русское общество, воспринимая ее, восприняло идею не византійскую, но христіанскую, св. писаніемъ внушаемую.

Говоря объ идеѣ единства царской власти, существовавшей въ Византіи и оттуда перенесенной, какъ полагаетъ г. Марковичъ въ Москву, слѣдуетъ имѣть въ виду, что идея эта не могла примѣняться на Руси по отношенію къ князьямъ ея до времени паденія византійской имперіи, потому что единственнымъ царемъ для русскихъ, какъ для христіанъ, былъ, съ точки зрѣнія Византіи, ея императоръ. Въ грамотѣ патріарха константинопольскаго, написанной вел. кн. московскому Василію Дмитріевичу въ 1393 г., внушалось великому князю, что византійскій царь „поставляется царемъ и самодержцемъ Ромеевъ, то есть всѣхъ христіанъ“ ¹⁾. Въ этой грамотѣ патріархъ указывалъ Василію I на слова апостола: „Бога бойтесь, царя чтите“ и, требуя отъ великаго князя повиновенія византійскому императору, толковалъ слова апостола въ томъ смыслѣ, что апостоль указалъ на одного царя для вселенной. Другихъ христіанскихъ государей, усвоившихъ себѣ царскій титулъ, патріархъ называлъ узурпаторами: „всѣ эти примѣры (т. е. того, что государи христіанскихъ народовъ, кромѣ византійскаго, называли себя царями), суть нѣчто противустественное, противузаконное, болѣе дѣло тиранніи и насилія“ ²⁾. Патріархъ

¹⁾ „Рус. Ист. Библ.“ VI, Прил., стр. 272.

²⁾ Тамъ же, стр. 276.

какъ бы опасался, чтобы московскій великій князь не назвалъ себя царемъ ¹⁾).

Только послѣ паденія византийской имперіи восточное духовенство могло, и дѣйствительно начало, внушать московскому государю, но не подданнымъ его, въ прошеніяхъ къ нему о милостынѣ, что онъ есть единственный царь всѣхъ православныхъ, изъ чего вытекало, что онъ былъ царемъ и для всѣхъ православныхъ русскихъ ²⁾).

---

¹⁾ Внушая Василію I мысль, что русскіе уже имѣютъ царя въ лицѣ византийскаго императора, которому обязанъ повиноваться, какъ христіанинъ, и самъ Василій I, константинопольскій патріархъ запретилъ митрополиту Алексію оказывать предпочтительное расположеніе московскому великому князю, т. е. служить дѣлу объединенія русскихъ земель подъ властью московскаго великаго князя. Митрополиту Алексію константинопольскій патріархъ писалъ въ 1371 г.: „тебѣ слѣдуетъ... имѣть отеческую любовь и расположеніе ко всѣмъ (русскимъ) князьямъ,—любить ихъ равно и показывать къ нимъ одинаковое расположеніе, благосклонность и любовь, а не такъ, чтобы однихъ изъ нихъ любить какъ своихъ сыновъ, а другихъ не любить, но всѣхъ равно имѣть своими сынами, всѣхъ равно любить“. („Рус. Ист. Библ.“, VI Прил., стр. 160). Константинопольскій же патріархъ призналъ свѣтское многовластіе на Русѣ явленіемъ, борьба съ которымъ была невозможна. Въ соборномъ опредѣленіи константинопольскаго патріарха о возстановленіи единства русской митрополіи (въ 1389 г.) читаемъ, что единый митрополитъ долженъ быть для русскихъ какъ бы связью, и потому на Русѣ установлена одна власть духовная „за невозможностію првести къ единству власть мірскую“. Соборное опредѣленіе указываетъ на митрополита Алексія какъ на виновника раздѣленія русской митрополіи:... „онъ (митрополитъ Алексій) сталъ не одинаково относиться ко всѣмъ князьямъ и не о всѣхъ равно заботиться, какъ бы слѣдовало имѣющему о всѣхъ дать слово въ день суда, но къ однимъ показывалъ отвращеніе, а къ другимъ—расположеніе. Когда же великій князь московскій Иоаншъ, увидя, возложилъ на него попеченіе, заботу и промышленіе о своемъ сынѣ Димитріѣ, то онъ весь предался этому дѣлу и презрѣлъ божественные законы и постановленія, принявъ на себя, вмѣсто пасенія и поученія христіанъ, мірское начальствованіе, вслѣдствіе чего, призванный учить яру и согласію, увлекся къ войнѣ, брани и раздорѣ“ (тамъ же, VI, Прил., стр. 196 и 198). Такъ въ исходѣ XIV в. соборное опредѣленіе константинопольскаго патріарха признало утопіей политическое единство Руси, осудило государственное служеніе митрополита Алексія интересамъ московскаго великаго князя.

²⁾ „Снош. Россіи съ прав. Востокомъ“, ч. I, стр. 62, 89, 110, 228, 232, 239—241, 291.

Но въ этомъ направленіи внушеніе православнаго Востока, дѣлаемое московскимъ государямъ, не было для нихъ чѣмъ то новымъ; къ тому, чтобы быть государями всея Руси, они уже стремились и безъ внушеній со стороны православнаго Востока и, занятые задачею національнаго объединенія, благотворили православный Востокъ изъ чувства благочестія и состраданія, но не потому, что стремились быть царями всѣхъ христіанъ, какими считались византійскіе императоры.

Г. Марковинъ придастъ церковно-гражданскимъ обрядамъ, перенесеннымъ изъ Византіи въ Москву, важное значеніе. По мнѣнію его обряды эти способствовали тому, что московскій государь возымѣлъ надъ своими подданными безусловную власть. Такое значеніе церковно-гражданскихъ обрядовъ тѣмъ болѣе важно, что плодъ этихъ обрядовъ, вивовниками появленія которыхъ при московскомъ дворѣ г. Марковинъ считаетъ грековъ Софьи, созрѣлъ очень скоро. Уже Герберштейнъ отмѣтилъ, что сынъ Іоанна III пользовался такою властью надъ своими подданными, что въ этомъ отношеніи превосходилъ едва ли не всѣхъ монарховъ цѣлаго міра ¹⁾.

Удѣляя столь важную роль церковно-гражданскимъ обрядамъ для царской власти московскихъ государей, г. Марковинъ, къ сожалѣнію, считаетъ достаточнымъ голословное указаніе, что обряды эти появились при Іоаннѣ III.

По мнѣнію г. Марковина церковно-гражданскіе обряды не повліяли на отношенія власти свѣтской къ духовной въ Москвѣ „съ одной стороны вслѣдствіе положенія русскаго царя въ государствѣ, какъ отца семейства государственнаго, а не какъ господина подданныхъ, съ другой—вслѣдствіе тѣхъ правилъ благовѣрія, любомудрія и добродѣтели, которыя византійская педагогія сдѣлала обязательными для всякаго воспитанника“ ²⁾.

Такимъ образомъ, русскіе цари усвоили себѣ тѣ правила византійской педагогіи, которыя не были усвоены византійскими императорами, вслѣдствіе чего и византійская идея царской власти, при перенесеніи ея на русскую почву и при примѣненіи ея къ

¹⁾ *Verum Moscov. Commentarii*, 14, an. 1556.

²⁾ Назв. тр., 13.

русской жизни, измѣнилась соотвѣтственно особому строю русской жизни и особому умственному и нравственному направленію ея, и это измѣненіе отразилось и на церковно-придворныхъ обрядахъ византійскаго двора, насажденныхъ въ Москвѣ. Въ примѣненіи къ русской жизни, говоритъ г. Марковинъ, обряды византійскіе потерпѣли измѣненіе не только въ основной, существенной мысли, но и въ частностяхъ ¹⁾.

Слѣдовательно, по заключенію г. Марковина, идея царской власти, выражавшаяся въ московскихъ церковно-придворныхъ обрядахъ, не та, которая усматривается въ такихъ же обрядахъ византійскаго двора. Съ такимъ заключеніемъ Марковина нельзя не согласиться, сравнивая обряды византійскаго и московскаго дворовъ. Различіе въ идеяхъ власти московскаго царя и византійскаго императора, наглядно выражающееся въ церковно-гражданскихъ обрядахъ того и другого, весьма значительно. Въ Византіи обряды эти выражали особое положеніе императора въ церкви, какъ царя всѣхъ христіанъ, въ Москвѣ же въ этихъ обрядахъ выражалась не столько высота власти царя, какъ государя русскаго, сколько глубина его благочестія. Въ Византіи въ этихъ обрядахъ императоръ на первомъ планѣ, особенно въ обрядѣ, который совершался въ недѣлю Вай: онъ затмѣваетъ даже патріарха, въ Москвѣ наоборотъ—въ тѣни смиренная фигура царя. И народъ русскій, видя царя своего въ церковно-гражданскихъ обрядахъ, скорѣе видѣлъ глубину его смиренія, чѣмъ высоту его сана.

Г. Каневскій поставилъ себѣ не столь широкую задачу, какъ г. Марковинъ. Трудъ его посвященъ изложенію выходовъ византійскихъ императоровъ въ храмъ св. Софійи въ праздники Рождества Христова и Богоявленія. Въ этихъ выходахъ византійскаго царя, говоритъ г. Каневскій, наглядно представлялась взгляду византійца возвышенная идея царя, который, „будучи облеченъ безусловнымъ полномочіемъ въ отношеніи гражданскомъ, какъ помазанникъ Божій и глава христіанскаго народа, былъ высшимъ авторитетомъ и въ дѣлахъ церковныхъ“²⁾. съ властью, простиравшеюся на весь христіанскій міръ ²⁾.

¹⁾ Тамъ же, 17—18.

²⁾ „Труды Кіевск. Дух. Ак.“ 1872 г., августъ, 780.

Опредѣливъ такъ идею власти византійскаго императора, выражавшуюся въ торжественныхъ выходахъ его въ храмъ св. Софін, г. Каневскій замѣчаетъ, что и въ то время, когда византійская имперія клонилась къ упадку, греки видѣли въ своемъ царѣ „единственнаго помазанника Божія“, отъ котораго одного все прочіе короли и владѣтели могли законно получать свою власть ¹⁾.

Особое вниманіе г. Каневскій удѣляетъ такъ называемымъ актологіямъ, т. е. иѣсногвѣніямъ, которыя исполнялись димами во время выходовъ императора Византіи; въ этихъ актологіяхъ, говоритъ г. Каневскій, ясно выражалась „возвышенная идея царя примѣнительно къ празднуемымъ событіямъ ²⁾.

Кромѣ трудовъ гг. Марковина и Каневского, указанныхъ проф. Вѣляевымъ, есть еще одинъ трудъ, который посвященъ сравнительному изложенію церковно-гражданскихъ обрядовъ въ Византіи и на Руси въ праздники Вайи и Пасхи. По мнѣнію автора этого труда ³⁾, знакомство съ обрядами византійскаго двора имѣетъ особенную цѣнность при изученіи русской жизни, потому что „церемоніи двора византійскаго въ праздники церковные даютъ намъ возможность объяснить то глубокое чувство полной преданности царю русскаго народа, которая замѣчается въ продолженіе всей его исторической жизни и которая въ особенности цѣнна была въ тѣ минуты, когда царь (какъ напр. Іоаннъ IV) являлся не столько отцемъ своего народа, сколько грознымъ судіею, карающимъ виновныхъ, а можетъ быть и невиновныхъ“ ⁴⁾.

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Тамъ же, 781. Замѣтимъ, что такихъ актологій нѣтъ въ богомольныхъ выходахъ московскихъ царей.

³⁾ Такъ какъ авторъ этого труда скрылъ свое имя, будемъ называть его анонимнымъ изслѣдователемъ.

⁴⁾ „Церковно-придворныя церемоніи византійскихъ императоровъ, сравнительно съ подобными же церемоніями древнихъ русскихъ царей“, „Духовная Бесѣда“, 1871 г., № 52, стр. 446. Такъ какъ анонимный изслѣдователь полагаетъ, что перенесенными въ Москву византійскими церковно-придворными обрядами возможно объяснить преданность русскаго народа и такому царю, какъ Іоаннъ IV, умѣство сравнить отношеніе русскаго народа къ Грозному царю съ отношеніемъ византійцевъ къ императору Андронику Комнѣну, который по жестокости не уступалъ Грозному. Андроникъ Комнѣнъ (царствовалъ отъ 1183 г. по 1186 г.; см. Muralt, Essai de Chronogr. Byzantine, I, 218, Спб. 1871 г.).

Въ изслѣдованіи анонимнаго автора находимъ мысли, сходныя съ выраженными г. Марковинымъ: и первый, подобно послѣднему (или, быть можетъ, послѣдній подобно первому; трудъ анонимнаго изслѣдователя вышелъ въ 1871 г., а г. Марковина—въ 1872 г.), говоритъ, что „идея о самодержавномъ монархѣ составляетъ наслѣдіе Россіи, полученное ею изъ Византіи, сплотившее ее въ одно цѣлое“; что въ связи съ этой идеей и съ ученіемъ церкви о

свергнутый съ престола возмущившимися жителями Константинополя, былъ подвергнутъ публичному поруганію и побоямъ, лишенъ правой руки и брошенъ въ темницу, гдѣ провелъ нѣкоторое время безъ пищи и питья. „А спустя нѣсколько дней,“ рассказываетъ Никита Хоніатъ объ умерщвленіи Андроника, „ему выкалываютъ лѣвый глазъ, сажаютъ на паршпаго верблюда и съ торжествомъ ведутъ по площади. Нагая, какъ у стараго дерева, и гладкая, какъ лицо, голова его была не покрыта, а тѣло прикрито короткимъ рубищемъ. Жалкое то было зрѣлище, исторгавшее ручьи слезъ изъ кроткихъ глазъ. Но глуше и наглѣ жителей Константинополя, и особенно колбасники и кожевники и всѣ тѣ, которые проводятъ цѣлый день въ мастерскихъ, кое-какъ живутъ починкою салоговъ и съ трудомъ добываютъ себѣ хлѣбъ иглою, сбѣжавшись на это зрѣлище, какъ слетаются весной мухи къ дойнику и къ салынымъ сосудамъ, ни сколько не подумали о томъ, что это человекъ, который такъ недавно былъ царемъ и украшался царскою діадимомъ, что его всѣ прославляли какъ спасителя, пріѣзжавшаго благожеланіями и поклонами, и что они дали страшную клятву на вѣрность и преданность ему. Съ безмысленнымъ гнѣвомъ и въ безогчетномъ увлеченіи они злодѣйски напали на Андроника и не было зла, котораго бы не сдѣлали ему. Одни били его по головѣ палками, другіе пачкали ему ноздри пометомъ, третьи, намочивъ губку скотскими и человѣческими изверженіями, выжимали ихъ ему на лицо. Нѣкоторые носили срамными словами его мать и отца, иные кололи его рожнами въ бока, а люди, еще болѣе наглѣ, бросали въ него камни и называли его бѣшенной собакой... И послѣ того, какъ съ такимъ безчестіемъ въ смѣшномъ триумфѣ привели его на театръ, его стащили съ жалкаго верблюда, на котораго посадили ради посмѣянія, и, привязавъ веревку, повѣсили за ноги между двухъ столбовъ.... Перенесши такое множество страданій, вытерѣвъ тысячи и другихъ мученій, о которыхъ мы не упоминали, Андроникъ все еще имѣлъ довольно силы мужественно и съ полнымъ сознаніемъ переносить и повія страданія... Между тѣмъ безмысленнѣйшая чернь и послѣ того, какъ его повѣсили за ноги, не оставила страдальца въ покоѣ и не пощадила его тѣла, но, разорвавъ рубашку терзала его... Одинъ злодѣй повзиль ему длинный мечъ въ горло до самыхъ внутренностей... Наконецъ, послѣ такого множества мученій и страданій, онъ съ трудомъ испустилъ духъ...“ („Низматы Хоніата Исторія“, т. I, 440, рус. пер.).

царѣ, какъ помазанникѣ Божіемъ, церковно-придворные обряды, заимствованные изъ Византіи, „произвели въ русскихъ послушную воспріимчивость къ полновластію правительства“. Отъ вниманія анонимнаго изслѣдователя не ускользнуло различіе между церковно-гражданскими обрядами византійскаго двора и московскаго. Это различіе объясняется имъ, какъ и г. Марковинимъ, византійскою педагогіей, впушавшей московскимъ государямъ смиреніе, сообразно которому византійскіе обряды потерпѣли въ Москвѣ измѣненіе ¹⁾).

И анонимный изслѣдователь и г. Марковинъ полагаютъ значеніе церковно-придворныхъ обрядовъ московскихъ царей въ томъ, что обряды эти внушили русскимъ чувства уваженія и безусловной покорности къ своимъ государямъ. Такой выводъ названные изслѣдователи ничѣмъ не подтверждаютъ, ограничиваясь только предположеніемъ, что обряды московскаго двора, хотя и менѣе пышныя чѣмъ византійскіе, должны были возвысить царя въ глазахъ его народа. Къ такому выводу, казалось бы, названныхъ изслѣдователей могло привести подобное же явленіе въ Византіи, но въ Византіи, хотя тамъ церковно-гражданскіе обряды императоровъ были неизмѣримо болѣе великолѣпны, чѣмъ въ Москвѣ, не видно такого уваженія къ особѣ государя, какъ въ московскомъ государствѣ, гдѣ церковно-гражданскіе обряды царей не всегда представляются даже блѣдной копіей съ византійскихъ. Въ изслѣдованіи Сабатье находится перечень причинъ смертей византійскихъ императоровъ, наглядно характеризующій отношеніе византійцевъ къ своимъ императорамъ ²⁾).

По исчисленію Сабатье оказывается, что изъ 109 императоровъ отъ Аркадія до Константина XI Палеолога, 34 императора умерли на своемъ ложѣ отъ старости или болѣзней; 20 погибло насильственною смертію: зарѣзанные, отравленные, удавленные, обезглавленные, свергнутые съ высоты столба; 18 было кастрировано, ослѣплено, лишено носа, кисти руки и проч.; 3 погибли голодною смертію; 1 былъ пораженъ молніей; 1 умеръ вслѣдствіе раны отъ отравленной стрѣлы; 2 умерло лишившись разсудка;

¹⁾ Тамъ же, 446 и 447.

²⁾ Перечень этотъ приведенъ Рамбо въ его изслѣдованіи *L'Empire grec au X siècle*, 23.

12 погибло въ темницѣ или окончило жизнь свою въ монастырѣ; 12 отказалось отъ престола добровольно или по принужденію, приче́мъ большая часть изъ нихъ приняла монашество; 3 были убиты на полѣ брани; 1 былъ плѣвненъ ¹⁾.

Болѣе трети византійскихъ императоровъ—37 изъ 109—царствовало, по вычисленію Сабатье, отъ одного года до пяти лѣтъ, приче́мъ многіе изъ нихъ занимали престолъ по нѣскольکو мѣсяцевъ ²⁾.

Это исчисленіе Сабатье не свидѣтельствуетъ объ уваженіи византійцевъ къ своимъ императорамъ, но подтверждаетъ свидѣтельство византійскаго историка Никиты Хониата, что жители Константинополя отличались особенною склонностью къ мятежамъ и возмущеніямъ, такъ что „кого сегодня превозносили, какъ законнаго властителя, того на другой день поносили, какъ злодѣя“... ³⁾.

Такимъ образомъ то, чего не могли сдѣлать въ Византіи церковно-гражданскіе обряды, въ которыхъ императоры являлись въ полномъ блескѣ и величіи своей власти въ теченіи многихъ вѣковъ, сдѣлано было на Руси, по миѣнію анонимаго изслѣдователя и г. Марковина, скромными, по сравненію съ византійскими, обрядами и богомольными выходами московскихъ царей, и притомъ въ теченіи самаго непродолжительнаго времени: появились церковно-гражданскіе обряды при Іоаннѣ III благодаря грекамъ Софѣи, и уже сынъ того же Іоанна III пользуется такою властью надъ своими подданными, что власть эта обращаетъ на себя вниманіе Герберштейна и представляется ему почти исключительною.

Ни анонимный изслѣдователь, ни г. Марковинъ не допускаютъ мысли, что нѣкоторые церковно-гражданскіе обряды византійскихъ императоровъ были въ Москвѣ измѣнены, а нѣкоторые и не были приняты, не только вслѣдствіе правилъ византійской педагогич., не соблюдавшихся въ самой Византіи, но потому, что идея императорской власти, выражавшаяся въ византійскихъ обрядахъ, не соотвѣтствовала идеѣ царской власти московскихъ государей. Ни

---

¹⁾ Sabatier, Description générale de monnaies Byzantines, I, 22, Paris, an. 1862.

²⁾ Тамъ же, 21.

³⁾ „Никиты Хониата Исторія“, рус. пер., I, 300—301.

анонимный изслѣдователь, ни г. Марковинъ не могли не замѣтить различія между церковно-гражданскими обрядами византійскаго и московскаго дворовъ, различія, которое рѣзко выставляетъ разницу въ идеяхъ власти византійскаго императора и московскаго царя, но это не помѣшало имъ утверждать, что идея царской власти московскаго государя заимствована изъ Византии. Они только указываютъ, что въ Москвѣ эту византійскую идею передѣлали сообразно своимъ взглядамъ, но если ее передѣлали, то уже изъ этого слѣдуетъ, что въ Москвѣ имѣли по крайней мѣрѣ нѣкоторое представленіе о царской власти, отличное отъ византійскаго, и это представленіе настолько было ясно, что московскій царь не сталъ играть роли византійскаго императора.

Глава IV.

Первый московскій чинъ вѣнчанія на великое княженіе, извѣстный изъ современной записк. былъ совершенъ надъ не государствованшимъ внукомъ Іоанна III. Чины вокняженій русскихъ князей до времени Іоанна III, если только такіе чины существовали, до насъ въ описаніяхъ не дошли.

Исслѣдователи обрядовъ вѣнчаній на царство московскихъ государей, въ поискахъ начала этихъ обрядовъ въ бытѣ первыхъ русскихъ христіанскихъ князей, находили въ лѣтописяхъ, при извѣстіи о вокняженіи того или другого князя (съ XI в.), выраженія: „сѣде на столѣ“, или „на столѣ посадиша“ съ добавленіями: „съ честію великою“, „весь порядъ положше“¹⁾.

Собирая лѣтописныя извѣстія о вокняженіяхъ, исслѣдователи начертали такую обычную картину вступленій на престолъ русскихъ князей: князь, при вѣздѣ въ стольный горюдь, былъ встрѣчаемъ духовенствомъ и народомъ, отиравался въ соборный храмъ, садился на княжескомъ столѣ, и митрополитъ или епископъ благословлялъ его крестомъ. Нѣтъ прямыхъ указаній на то, что при посаженіи князя на столъ читался митрополитомъ или епископомъ

¹⁾ „Дѣт. по Лавр. сп.“, изд. 2, стр. 144, 177, 193, 197, 210, 291, 354, 402. Н. Катаевъ: „О священномъ вѣчаніи и помазаніи царей на царство“, 75, 1847 г.; Вельтманъ: „Царскій златой вѣнецъ и царскія утвари, присланныя императоромъ Василіемъ и Константиномъ в. к. Владиміру Кіевскому“, въ „Чтен. Моск. Об. Ист. и Др. Рос.“, 1860 г. кн. I, 30—31, 36; А. Горскій: „О священнодѣйстви вѣчанія и помазанія царей на царство“, 15, 1882 г.; Е. Барсовъ: „Древне-русскіе памятники священнаго вѣчанія царей на царство“ и т. д. „въ Чтен. М. Об. Ист. и Др. Р.“, 1883 г. кн. I, XI; К. Поповъ: „Чинъ священнаго коронованія“, „Богословскій Вѣстникъ“, 1896 г., май, 182; проф. Н. Покровский: „Чинъ коронованія Государей въ его исторіи“, „Церковн. Вѣстникъ“. 1896 г., № 18, 572).

соотвѣтствующія молитвы, но изслѣдователи русскаго коронаціоннаго обряда полагають, что въ этихъ случаяхъ читалась молитва: „Господи Боже нашъ, Царю царствующихъ“.....¹⁾.

На вопросъ, возлагались ли на князя, при посаженіи его на столъ, какіе либо знаки княжескаго достоинства, изслѣдователи отвѣчали разно. Горскій говоритъ увѣренно, что на поставляемаго князя возлагались отличія княжескаго достоинства, но, имѣя въ виду лѣтописное извѣстіе о присылкѣ папою королевскихъ инсигній Даніилу Галицкому, заключаетъ, что королевскія инсигнии были отличны отъ тѣхъ княжескихъ, которыя были у Даніила. По мнѣнію Горскаго, отличіями княжескаго достоинства были: мантия или кочъ и богато украшенная шапка или клобукъ, не снимавшаяся княземъ и въ церкви²⁾. Е. В. Барсовъ находитъ сомнительнымъ предположеніе, что княжескія утвари возлагались на князей при посаженіи ихъ на столъ³⁾. Г. Поповъ также считаетъ мало вѣроятнымъ мнѣніе, что посаженіе князей на столъ сопровождалось возложеніемъ на нихъ какихъ либо инсигній, потому что кочъ и клобукъ были обычными княжескими одеждами, но не инсигніями⁴⁾.

Такъ какъ наши лѣтописи не говорятъ о возложеніи какихъ либо инсигній на князей при посаженіи ихъ на столъ, мнѣніе Е. В. Барсова и г. Попова представляется наиболѣе вѣроятнымъ.

Нельзя сказать, за неимѣніемъ данныхъ, съ какого времени появился на Руси обрядъ посаженія князя на столъ для означенія вокняженія. Впервые находимъ въ лѣтописи выраженіе „сѣсть на столъ“ въ разсказѣ объ убіеніи Бориса: дружина Владиміра св. предложила Борису: „пойди, сяди Кыевъ на столъ отни“. Повѣствуя объ Ярославѣ Мудромъ, лѣтописецъ говоритъ о немъ, что онъ „сѣде Кыевъ на столъ отни и дѣдни“⁵⁾.

---

¹⁾ См. назв. труды Горскаго, 16; Барсова, XIII; Попова, тамъ же, 184; Покровскаго, тамъ же, 572.

²⁾ Назв. трудъ, 17.

³⁾ Назв. трудъ, XIV.

⁴⁾ Назв. трудъ, 185.

⁵⁾ Лавр. сп., пад. 2-е, стр. 129 и 139. Возможно, что лѣтописецъ такъ говоритъ о Борисѣ и Ярославѣ по аналогіи съ послѣдующимъ временемъ, когда князя сажали на столъ.

Проф. Покровскій починаеть свое изслѣдованіе объ обрядѣ коронованія русскихъ государей указаніемъ, что потребность особаго акта царскаго посвященія признавалась почти всѣми культурными народами древности ¹⁾. Указаніями же на обряды, которыми сопровождалось воцареніе государей египтянъ, персовъ и другихъ древнихъ народовъ, начинается и изслѣдованіе Катаева ²⁾.

Если такой потребности не было въ древней Руси, то особый чинъ вокняженія русскихъ князей могъ появиться, какъ одинъ изъ результатовъ принятія христіанства. Чинъ этотъ, можно думать, соблюдался до времени вѣнчанія внука Іоанна III и въ періодъ монголо-татарскаго ига ³⁾.

На смѣну древнему обряду вступленія на княжескій столъ при Іоаннѣ III явился обрядъ великокняжескаго вѣнчанія, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе усложнявшійся.

Относительно причины совершенія великокняжескаго вѣнчанія надъ внукомъ Іоанна III высказывались разныя мнѣнія, причемъ вѣнчаніе это называлось царскимъ.

Горскій, говоря объ этомъ вѣнчаніи, замѣчаетъ, что короновальтъ Дмитрія Іоанновича съ царскою торжественностью тотъ, кто свергнулъ татарское иго и былъ супругомъ „последней отрасли православнаго императорскаго дома“ ⁴⁾.

¹⁾ „Церк. Вѣстн.“, 1896 г., апр., № 17, 539.

²⁾ Назв. трудъ, 14.

³⁾ Отъ времени владычества татаръ надъ Русью сохранились извѣстія, что князья сажались на столъ ханскими посланцами: лѣтопись говоритъ, что сынъ Донскаго великій князь Василій I былъ посаженъ во Владимірѣ на столъ отца и дѣда своихъ ханскимъ посломъ (П. С. Р. Л. VII, 60), тоже читаемъ и о вел. кн. Василю II (тамъ же, 96); лѣтопись указываетъ мѣсто посаженія на столъ вел. кн. Василя II ханскимъ посломъ: „у Пречистые у золотыхъ дверей“. Горскій высказалъ предположеніе, что, если великіе князья сажались на столъ ханскими посланцами, обрядъ посаженія долженъ былъ дѣлиться на двѣ части: гражданскую—посаженіе князя посломъ у дверей церкви, и церковную—совершавшуюся въ церкви (назв. трудъ, стр. 19 и прим. 49; Барсовъ, назв. трудъ, XIV). У татаръ былъ обрядъ посаженія на столъ избраннаго хана. Плато-Карини описываетъ такой обрядъ, очевидно котораго онъ былъ; обрядъ этотъ совершенъ былъ надъ ханомъ Гаюкомъ („Путешествія къ татарамъ“, изд. Языковымъ, 37).

⁴⁾ Назв. трудъ, 20.

Такимъ образомъ Горскій вѣнчаніе Іоанномъ III своего внука на великое княженіе какъ бы ставитъ въ связь съ сверженіемъ татарскаго ига и со вторымъ бракомъ Іоанна III.

Е. В. Барсовъ великокняжеское вѣнчаніе внука Іоанна III связываетъ съ духовнымъ и политическимъ паденіемъ византійской имперіи: вслѣдствіе этого двойного паденія, говоритъ онъ, идея царя, какъ представителя православія, перешла въ Россію, и потому священнодѣйствіе вѣнчанія на государство явилось на Руси только въ концѣ XV в. По мнѣнію названнаго автора мысль о „переходѣ царства съ Византіи на Москву“ проводится въ концѣ XV в. „въ жизни и политикѣ московскаго двора“: Іоаннъ III отказался принять предложенный ему отъ имени императора Максимилиана I королевскій титулъ, потому что считалъ себя, какъ полагаетъ Е. В. Барсовъ, наслѣдникомъ византійскаго царства; бракъ съ Софьей Палеологъ еще болѣе закрѣпилъ думы о Москвѣ, какъ преемницѣ византійской имперіи, поэтому въ первый разъ священнодѣйствіе вѣнчанія на царство совершено было надъ внукомъ Іоанна III. Мнѣніе, говоритъ Е. В. Барсовъ, что Москва—наслѣдница Византіи, вскорѣ послѣ Іоанна III на столько стало всеобщимъ убѣжденіемъ на Руси, выразившимся въ литературѣ того времени, что Іоаннъ IV провозгласилъ „себя Царемъ, какъ преемникъ и наслѣдникъ Цесарской Греко-римской власти“¹⁾.

Г. Поповъ видитъ въ вѣнчаніи внука Іоанна III результатъ объединенія къ концу XV в. значительной части русскихъ земель около Москвы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, превращенія московскаго государя въ единодержца и самодержца всея Руси. Въ это время, говоритъ названный авторъ, въ русскомъ обществѣ начинаетъ циркулировать идея, что Москва—прямая преемница павшей византійской имперіи; возникаетъ среди русскихъ мнѣніе, что Софья Палеологъ, послѣдняя представительница исчезавшаго царственнаго дома Палеологовъ, принесла Москвѣ, вступивъ въ бракъ съ государемъ ея, послѣдніе завѣты павшей имперіи. По крайней мѣрѣ, замѣчаетъ г. Поповъ, тогда же Іоаннъ III замѣнилъ русскій гербъ римскимъ

¹⁾ Назв. трудъ, XI—XXIII.

двуглавымъ орломъ ¹⁾). Вѣнчаніе Димитрія Іоанновича названный ній изслѣдователь называетъ великокняжескимъ ²⁾).

Проф. Покровскій указываетъ на важныя перемѣны, которыя въ XV и XVI вв. произошли въ политическомъ и государственномъ строеѣ Византіи и Руси: съ одной стороны. Византія пала и императорская власть православнаго государя тамъ уничтожилась, съ другой—Россія объединилась подъ властью московскаго государя, который сталъ именоваться царемъ; къ этому царю, по естественному теченію событій, перешли всѣ тѣ права и привилегіи въ дѣлахъ вѣры и церкви, которыми пользовался императоръ византійскій. Результатомъ такихъ перемѣнъ могло быть появленіе полнаго царградскаго чина византійскаго коронованія въ Москвѣ въ XV—XVI вв., но, говоритъ проф. Покровскій, ошибочно полагаютъ, что царградское новое коронованіе у насъ началось съ внука Іоанна III; чинъ вѣнчанія Димитрія Іоанновича „не есть полный чинъ царскаго коронованія самодержца, поставленія на царство, но лишь чинъ поставленія на великое княженіе“. Самое заглавіе этого чина и анализъ его состава ясно показываютъ, по мнѣнію проф. Покровскаго, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ явленіемъ древне-русскимъ, но не новымъ. Къ такому заключенію приходитъ проф. Покровскій, во первыхъ, на основаніи рѣчи Іоанна III, сказанной послѣднимъ митрополиту предъ вѣнчаніемъ внука: Іоаннъ говорилъ, что благословеніе дѣтей на княженіе, т. е. чинъ поставленія на великое княженіе внука его, „есть старинный обычай отцовъ, и что въ силу этого именно обычай оиъ рѣшается благословить своего внука вмѣсто сына, слѣдовательно, допускаетъ непосредственную связь этого чина съ древнѣйшимъ“; во вторыхъ, на основаніи сравненія чина вѣнчанія внука Іоанна III съ древнимъ обрядомъ поставленія князей. „Какъ этотъ чинъ“, говоритъ проф. Покровскій, „такъ и обрядъ древняго вокняженія происходили въ соборномъ храмѣ, на особомъ возвышеніи; тамъ и здѣсь видимъ объявленіе о поставленіи князя, благословеніе крестомъ отъ іерарха и привѣтствія, и съ полною вѣроятностію можемъ предполагать одну общую молитву, хотя она и не обозначена въ

¹⁾ Назв. трудъ, „Богосл. В.“, 1896 г., май, 177.

²⁾ Тамъ же, 186.

краткихъ извѣстіяхъ лѣтописей¹. Только одну особенность этого чина, по сравненію съ древними чинами, готовъ допустить проф. Покровскій: возложеніе шапки и бармъ на Дмитрія Іоанновича, по съ оговоркою, что и эта особенность съ достовѣрностью не можетъ быть сочтена таковою вслѣдствіе отсутствія прямыхъ извѣстій, что возложенія шапки и бармъ не было въ древнемъ обрядѣ княжескихъ посаженій на столъ. Во всякомъ случаѣ, по мнѣнію проф. Покровскаго, возложеніе шапки и бармъ не было такою особенностью, которая явилась впервые при поставленіи Дмитрія Іоанновича подъ вліяніемъ византійскаго новаго чина. Шапка и бармы, замѣчаетъ названный изслѣдователь, „какъ атрибуты княжескаго достоинства, извѣстны были гораздо раньше, и во всякомъ случаѣ не въ этой подробности, чуждой Византіи, нужно искать слѣдовъ новаго коронаціоннаго чина, перешедшаго въ Россію изъ Византіи въ эпоху самодержавія“. Проф. Покровскій перечисляетъ рядъ отличій чина вѣнчанія Дмитрія Іоанновича отъ чина коронаванія византійскихъ императоровъ и указываетъ на постепенное уиодобленіе русскаго коронаціоннаго чина византійскому¹).

Вполнѣ вѣрно проф. Покровскій отмѣчаетъ, что внукъ Іоанна III не былъ вѣнчанъ на царство. Іоаннъ III ясно и опредѣленно говорилъ митрополиту предъ совершеніемъ обряда вѣнчанія: „язъ его (внука) благословляю..... великимъ княжествомъ....., и ты бы его, отче, на великое княжество благословилъ“²); по совершеніи обряда вѣнчанія діакопъ провозгласилъ многолѣтіе нововѣнчанному „великому князю“. „княземъ великимъ“ назвалъ Дмитрія Іоанновича и митрополитъ въ поученіи, произнесенномъ нововѣнчанному³).

Такимъ образомъ изъ самаго текста чина вѣнчанія Дмитрія Іоанновича ясно, что въ данномъ случаѣ было великокняжеское вѣнчаніе, но не царское⁴).

¹) Назв. трудъ, „Церк. В.“ 1896 г., № 18, 573 и слѣд.

²) Е. В. Барсовъ, назв. трудъ, 34.

³) Тамъ же, 36; чинъ поставленія на великое княжество Дмитрія Іоанновича и въ П. С. Р. Л. VI, 241 и VIII, 234.

⁴) Не смотря на это, вѣнчаніе внука Іоанна III разсматривалось какъ царское нѣкоторыми изслѣдователями обрядовъ вѣнчаній русскихъ государей

Говоря о вѣнчаніи внука Іоанна III. какъ о поставленіи великокняжескомъ. проф. Покровскій указалъ на связь чина этого вѣнчанія съ предшествующими посаженіями на столъ русскихъ князей и первый увидѣлъ въ этомъ чинѣ явленіе не новое, въ то время перенесенное въ Москву изъ Византіи, но древне-русское. Одно изъ оснований къ такому мнѣнію проф. Покровскій находитъ въ рѣчи Іоанна III къ митрополиту, сказанной предъ совершеніемъ обряда вѣнчанія надъ внукомъ его. Не отрицая связи древне-русскихъ поставленій на княжескіе столы съ вѣнчаніемъ внука Іоанна III, позволимъ себѣ не согласиться съ тѣмъ толкованіемъ рѣчи Іоанна III къ митрополиту, которое предлагаетъ проф. Покровскій. По мнѣнію его, Іоаннъ III говорилъ митрополиту, что „настоящее благословеніе дѣтей на княженіе, т. е. тотъ чинъ, которымъ вѣнчанъ былъ Димитрій Іоанновичъ, есть старинный обычай отцовъ и что въ силу этого именно обычая онъ и рѣшается благословить своего внука вмѣсто сына, слѣдовательно допускаетъ непосредственную связь этого чина съ древнѣйшимъ, не полагая между ними никакого различія и не давая ни одинаго намека на новшество этого чина“ ¹⁾. Но назвалъ ли Іоаннъ III старымъ обычаемъ тотъ чинъ, которымъ вѣнчанъ былъ на великое княженіе

(визв. труды Катаева, 76 и Е. В. Барсова, XXVII). Горскій не называетъ вѣнчаніе внука Іоанна III царскимъ, но говоритъ, что „супругъ Софьи Палеологъ, послѣдней отрасли православнаго императорскаго дома, съ царскою торжественностью коронуетъ своего внука вѣнцемъ и бармами, наследованными отъ греческихъ императоровъ“ (визв. трудъ, 20). Но видѣлъ ли Іоаннъ III въ вѣнцѣ и бармахъ, возложенныхъ на внука его, наследіе греческихъ императоровъ? Текстъ чина вѣнчанія не даетъ права такъ думать, и самъ Горскій отмѣчаетъ, что въ духовныхъ завѣщаніяхъ предшественниковъ Іоанна III бармамъ и шапкѣ не усвоилось греческое происхожденіе (тамъ же и прим. 50). Болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ то время, когда вѣнчался на великое княженіе Димитрій Іоанновичъ, повѣсть объ утваряхъ, полученныхъ Владиміромъ Мономахомъ отъ византійскаго императора, еще не была составлена (Проф. Ждановъ, „Русскій билевой эпосъ“, 93 и слѣд.). О вѣнчаніи внука Іоанна III на царство говорятъ и русскіе историки. (Барамзинъ, „Ист. Г. Р.“ изд. Эйнерлинга, VI, 172; Соловьевъ, „Ист. Рос.“ V, 73, изд. 5; Бестужевъ-Рюминъ, „Рус. Ист.“ II, 172; Щербатовъ видѣлъ въ вѣнчаніи Димитрія Іоанновича поставленіе на великое княженіе („Ист. Рос.“ т. IV, ч. II, 300).

¹⁾ „Церк. В.“, 1896 г., № 18, 575

внукъ его? Вотъ его рѣчь, сказанная митрополиту: „Божіимъ изволеніемъ отъ нашихъ прародителей великихъ князей старина наша таи и до сѣхъ мѣсть: отцы великіе князи сыномъ своимъ первымъ давали великое княжество, и отецъ мой князь велики меня при себѣ еще благословилъ великимъ княжествомъ, и азъ былъ своего сына перваго Іоанна при себѣ же благословилъ великимъ княжествомъ: Божіа паки воля състалася, сына моего Іоанна не стало, а у него остался сынъ первой Дмитрей, и мнѣ далъ его Богъ въ сына моего мѣсто, и азъ его сынѣ благословляю при себѣ и опосле себя великимъ княжествомъ володимерьскимъ и новгородцькимъ, и ты бы его, отче, на великое княжество благословилъ“¹⁾. Намъ представляется, что Іоаннъ III назвалъ старымъ обычаемъ передачу великокняжескаго стола старшему сыну: такъ, говорилъ онъ, поступилъ мой отецъ, такъ поступилъ и я, назначилъ и благословилъ быть великимъ княземъ старшаго своего сына, но, вслѣдствіе смерти его, назначаю и благословляю быть великимъ княземъ сына его—внука моего. На основаніи этого рѣшенія Іоаннъ III предложилъ митрополиту вѣнчать внука, но чинъ церковнаго вѣнчанія не назвалъ ни старымъ, ни новымъ.

Сравнивая чинъ вѣнчанія внука Іоанна III съ древнимъ обрядомъ вокняженій, проф. Покровскій находитъ между первымъ и послѣднимъ полное сходство за исключеніемъ одной особенности перваго: возложенія шапки и бармы на вѣнчаемаго, но и эту особенность признаетъ онъ сомнительною, потому что нѣтъ прямыхъ извѣстій объ отсутствіи ея въ древнихъ обрядахъ вокняженій. Шапка и бармы, говоритъ проф. Покровскій, были извѣстны гораздо раньше вѣнчанія внука Іоанна III, какъ атрибуты княжескаго достоинства, и „не въ этой подробности, чуждой Византіи, нужно искать слѣдовъ новаго коронаціоннаго чина, перешедшаго изъ Византіи въ Россію въ эпоху самодержавія“²⁾. Между тѣмъ возложеніе инсигній не только при вѣнчаніи царей на царство, но и при хиротоніяхъ и провоздствахъ государственныхъ сановниковъ, было обычно въ Византіи. При хиротоніи кесаря на хиротони-

¹⁾ Барсовъ, назв. трудъ, 33.

²⁾ „Церк. В.“, 1896 г., № 18, 575.

суетаго возлагались хламида и кесарскій вѣнецъ, при хиротоніи новелісима—возлагались хламиды, при производствѣ куропалата на производимаго возлагался дивитисій ¹⁾, на производимаго въ магистры возлагался стихарь и перевязь ²⁾ и т. д., при чемъ императорами возлагались на кесарей кесарскія пнсигніи и на новелісимовъ хламиды, куропалатамъ же и магистрамъ только давались императорами дивитисіи, стихари и перевязи ³⁾.

Такимъ образомъ торжественное возложеніе знаковъ достоинства на облакаемыхъ въ тотъ или другой санъ существовало въ Византіи, и возложеніе великокняжескихъ пнсигній: шапки и бармы на внука Іоанна III не представляется чѣмъ то чуждымъ съ точки зрѣнія Византіи. Обрядъ вѣнчанія внука Іоанна III, какъ вѣрно замѣтили проф. Покровскій, не имѣетъ сходства съ обрядами вѣнчаній византійскихъ императоровъ на царство, но имѣетъ большое сходство, какъ увидимъ далѣе, съ хиротоніями кесарей въ Византіи ⁴⁾.

Отмѣчая отличія византійскаго императорскаго коронованія отъ обряда вѣнчанія внука Іоанна III, проф. Покровскій указываетъ на отсутствіе въ этомъ обрядѣ участія коронуемаго лица

¹⁾ Дивитисій—одежда, походившая на стихарь (проф. Вѣляевъ, *Byzantina*, II, стр. 51, прим. 1 и стр. 56).

²⁾ Βαλτιδίου—перевязь, лежавшая на обѣихъ плечахъ (Reiske, *Commentarii ad De ser. a. B.*, 830).

³⁾ *De ser. a. B.*, I, сар. 43—46.

⁴⁾ Говоря о сходствѣ или несходствѣ пнсигній, возложенныхъ на внука Іоанна III при вѣнчаніи его на великое княженіе, съ пнсигніями византійскими, слѣдуетъ имѣть въ виду мнѣніе проф. Кондакова, что шапка Мономаха—византійскій кесарскій вѣнецъ, („Русскіеклады“, I, 68) и предположеніе о византійскомъ происхожденіи бармы. Еще Д. П. Прозоровскій доказывалъ, что священное значеніе бармы заимствовано изъ Византіи, и что царскія бармы „есть не что иное, какъ укороченная императорская священная ризница, и вмѣстѣ съ тѣмъ императорскій лоръ въ сокращенномъ видѣ, передавшій бармамъ названіе „діадимы“. („Объ утваряхъ, приписываемыхъ Владиміру Мономаху“, „Записки Отд. русск. и славянск. Археологіи Имп. Рус. Археол. Общ.“ III, 42). Проф. Вѣляевъ высказалъ мнѣніе, что русскія бармы произошли изъ укороченнаго лора византійскихъ императоровъ. (*Byzantina*, II, 214—217 и прим.). О византійскомъ происхожденіи бармы говорятъ и проф. Кондаковъ („Русскіеклады“, I, 159).

въ великомъ входѣ. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что такого участія коронусаго лица нѣтъ и въ русскомъ императорскомъ коронаціонномъ чинѣ; кромѣ того, и въ Византіи оно имѣло мѣсто не въ одномъ обрядѣ вѣнчанія на царство: византійскій императоръ участвовалъ въ великомъ входѣ не только тогда, когда вѣнчался на царство ¹⁾).

Трудъ проф. Покровскаго, посвященный уясненію историческаго развитія чина коронованія русскихъ государей, является большимъ шагомъ впередъ въ изслѣдуемомъ имъ вопросѣ: названный изслѣдователь указываетъ происхожденіе чина вѣнчанія на великое княженіе внука Іоанна III и представляетъ объясненія постепеннаго осложненія чина царскаго вѣнчанія московскихъ государей; по его объясненію происхожденія обряда вѣнчанія на великое княженіе внука Іоанна III можетъ не удовлетворить изслѣдователя: проф. Покровскій сравниваетъ известное—обрядъ вѣнчанія Дмитрія Іоанновича съ неизвѣстнымъ—предполагаемымъ обрядами вокняженій русскихъ князей и объясняетъ известное неизвѣстнымъ. Далѣе, если обрядъ вѣнчанія внука Іоанна III не имѣетъ никакого сходства съ обрядами вѣнчанія на царство византійскихъ императоровъ, если обрядъ этотъ есть то же, что обрядъ посаженія на столъ русскихъ князей, какъ полагаетъ проф. Покровскій, является вопросъ, что послужило основой древнихъ чиновъ княжескихъ посаженій на столъ, а слѣдовательно и чина вѣнчанія на великое княженіе внука Іоанна III? г. Поповъ пришелъ къ заключенію, что основа чина вѣнчанія Дмитрія Іоанновича греческая, и что составитель этого чина, „взявъ за основу византійскій чинъ вѣнчанія X в., пополнилъ его „старинной“, нѣкоторыми чертами изъ позднѣйшаго византійскаго чина вѣнчанія, какъ онъ совершался въ соединеніи съ миропомазаніемъ, и нѣкоторыми оригинальными чертами“ ²⁾. Но г. Поповъ не объяснилъ, почему составитель обряда русскаго великокняжескаго вѣнчанія конца XV в. взялъ за основу чинъ вѣнчанія византійскихъ царей X в.; не указалъ, какія черты, и почему, были замѣтованы изъ позднѣйшаго византійскаго чина вѣнчанія. Къ византійской основѣ русскаго чина великокняжескаго

¹⁾ Проф. Вѣляевъ, Byzantina, II, 164 и прим. 2.

²⁾ Богосл. В., 1896 г., май, 187.

вѣнчанія конца XV в. г. Поповъ отнесъ поученіе, сказанное митрополитомъ вѣнку Іоанна III. но въ византійскихъ чинахъ царскихъ вѣнчаній поученій къ нововѣнчанымъ нѣтъ.

Отказаться отъ мысли, что обрядъ великокняжескаго вѣнчанія Дмитрія Іоанновича взятъ изъ Византіи, врядъ ли должно, только слѣдуетъ искать происхожденіе его не въ чинахъ вѣнчаній византійскихъ императоровъ. но въ чинахъ хиротоній и производствъ византійскихъ сановниковъ: тутъ, повидимому, чинъ русскаго великокняжескаго вѣнчанія конца XV в. п. быть можетъ, чинъ посаженій русскихъ князей на столы (быть можетъ, потому что чинъ этихъ посаженій до насъ не дошелъ).

Описанія хиротоній кесаря и повелисима и производствъ въ куропалаты, магистры, патрикіи синклита, стратиги, патрикіи, антипаты, патрикіи зосты, препозиты и др. чины находятся въ I кн. *De cerim. aulae Byzantinae* ¹⁾. При хиротоніяхъ кесаря и повелисима присутствовали патріархъ и совершали молитвословіе, на хиротонисаемыхъ знаки ихъ достоинства возлагалъ императоръ; при производствахъ въ чины патріархъ не присутствовалъ, но о нѣкоторыхъ произведенныхъ сказано, что они, послѣ производства, отправлялись въ церковь, гдѣ къ нимъ выходилъ патріархъ, совершалъ молитву и приобщалъ ихъ ²⁾.

Во II кн. *De cerim. a. B.* изложены обряды назначеній императоромъ на разныя должности. Лицо, которое императоромъ назначалось на какую либо должность, вводилось къ императору логоветомъ, императоръ дѣлалъ назначаему наставленіе, соотвѣтствовавшее должности назначаемого: со страхомъ Божиимъ, нелицемѣрно и неподкушно исполнять свои обязанности и т. д. Послѣ поученія императоръ произносилъ надъ назначаемымъ на должность доместика школы: „во имя Отца и Сына и Св. Духа производитъ тебя мое отъ Бога царство въ доместики богохранимыхъ школъ“; такая же формула произносилась императоромъ при назначеніяхъ на должности друнгарія флота, ректора, синкелла ³⁾.

¹⁾ Сар. 43—59.

²⁾ Патріархъ совершалъ молитву и приобщалъ произведенныхъ въ чины куропалаты, патрикія синклита, стратига, патрикія (*De cer. I, сар. 45, 47, 48*).

³⁾ Сар. 3. pag. 526 — 527; сар. 4, р. 528; сар. 5, р. 530.

При назначеніи стратиговъ, секретниковъ и прочихъ императоръ произносилъ: „Во имя Господа“....¹⁾ При производствѣ въ кувилурии (мужчинъ и женщинъ) производимыхъ вводили въ евктирій св. Θεодора²⁾, гдѣ первый препозитъ читалъ имъ наставленіе и гдѣ возлагались на нихъ соотвѣтствовавшія ихъ должности облаченія³⁾.

При чтеніи обрядовъ хиротоній и производствъ въ чины, съ одной стороны, возникаетъ предположеніе, что церковь не могла не принять участія въ обрядахъ вокняженій русскихъ князей, какъ въ актахъ болѣе важныхъ, чѣмъ возведеніе въ тотъ или другой византійскій чинъ, съ другой—представляется сходство предполагаемыхъ обрядовъ княжескихъ поставленій съ обрядами византійскихъ чинопроизводствъ⁴⁾.

Русскіе источники не даютъ намъ полной картины обряда вокняженій, поэтому сравненіе ихъ съ византійскими чинопроизводствами представляется болѣе или менѣе гадательнымъ, но извѣстный въ современной записи обрядъ вѣнчанія внука Іоанна III на великое княженіе дастъ возможность сравнить этотъ обрядъ съ обрядами чинопроизводствъ въ Византіи. Изъ всѣхъ хиротоній и чинопроизводствъ византійскихъ къ обряду вѣнчанія внука Іоанна III всего болѣе подходитъ кесарская хиротонія. Патріархъ присутствовалъ только при хиротоніяхъ кесаря и новелсима, и только на кесарей возлагались вѣнцы.

Для сравненія обряда великокняжескаго вѣнчанія внука Іоанна III съ кесарской хиротоніей приводимъ тексты вѣнчанія и хиротоніи⁵⁾.

---

¹⁾ Ibid., cap. 3, pag. 527.

²⁾ Εὐκτιρίων—домовый храмъ (проф. Бѣлсва Byzantina, I, 30).

³⁾ De cerim. a. V., lib. II, cap. 24 et 25.

⁴⁾ Говоря объ этомъ сходствѣ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что русскіе князья считались въ Византіи имѣющими чинъ стольника византійскихъ императоровъ (проф. Дьяконовъ, „Власть Московскихъ государей“, стр. 14). Возможно поэтому, что для русскихъ князей составленъ былъ обрядъ вокняженія примѣнительно къ чину, который давался имъ въ византійской іерархіи.

⁵⁾ Переводъ, точнѣе изложеніе, кесарской хиротоніи находится въ „Издѣловіяхъ и замѣткахъ кн. Оболенскаго по русск. и славянск. древностямъ“, II, 441, Сиб. 1875 г. Переводъ этотъ неудовлетворителенъ, переводъ

„Среди церкви оуготовити мѣсто болшее на чемъ и святителен ставятъ а учинити на томъ мѣстѣ три стоулы. великому князю. да вноуку да митрополитю. и егда припѣть вѣрмя. и облечется митрополитъ. і архіепископъ. и епископы. і архімандриты. и игоумены. и весь съборъ. въ священныя одежда. и велятъ среди церкви поставити налон. а на немъ положити шанка ¹⁾, да бармы да покрыти ширинкою. и егда ввидеть въ церковь і князь великы, и съ вноукомъ. и діаки поють многолѣтіе одному великому князю іоанноу по обычаю. и митрополитъ съ всѣмъ съборомъ начнутъ молбенъ пре-

„Императоры сядяте въ большомъ триклинѣ 19 аккумулятовъ ²⁾. патріархъ же вскорѣ (послѣ этого) отправляется и ждетъ въ храмъ св. Стефана; императоры, послѣ того какъ сядутъ, приписываютъ секретъ ³⁾; рангъ первый — магистровъ, и другіе ранги по порядку, какъ обыкновенно; когда войдутъ всѣ ранги, императоры, облеченные въ дивитісиа, хламида съ коронами на головахъ, приказываютъ (рангамъ чиновъ) говорить относительно (хиротоніи) кесаря; если всѣ согласны на хиротонію кесаря, императоры даютъ знакъ пренозиту ⁴⁾, послѣдній возглашаетъ „повелите“, и славосло-

чить, напр. переводитъ: „но приказанію императоровъ, носящіе дибетезіа, хламида и свои короны высказываютъ мнѣніе о кесарѣ“, вмѣсто: „дари въ дивитісиахъ, хлампадахъ и коронахъ приказываютъ чинамъ высказывать мнѣніе о кесарѣ“.

¹⁾ Какъ въ чинѣ поставленія на великое княженіе Димитрія Іоанновича, изданномъ Е. В. Барсовымъ по харатейному синодальному списку XV в., такъ и въ изданномъ Саввантовымъ чинѣ этого же поставленія по двумъ спискамъ XVI в., великокняжеская шанка, возложенная на внука Іоанна III, не называется Мономаховою („Лѣтопись занятій Археогр. Ком.“, III, стр. 7, 9, 13, 14). Мономаховою названа она въ чинѣ поставленія Димитрія Іоанновича на великое княженіе, внесенномъ въ лѣтописи (П. С. Р. I. VI, 241; VIII, 234. Пинковская, VI, 152).

²⁾ Такъ называлась налата, построенная Константиномъ Великимъ для торжественныхъ пріемовъ и обѣдовъ, получившая свое названіе отъ стоявшихъ въ ней 19 столовъ съ ложами (проф. Бѣляевъ, Byzantina, I, 108 и прим. 1 и 2).

³⁾ Секретъ—совокупность чиновъ (проф. Бѣляевъ, Byzantina, II, 135, прим. 3).

⁴⁾ Пренозитъ—церемониальный чинъ (проф. Бѣляевъ, Byzantina, II, 88; Reiske, Comm. ad. De cer. a. V., pag. 21).

чистою да чюдтворцю петру. и по достойно есть. и по тресви- томъ. и по тропарех. митропо- литъ. и князь великїи. и вноукъ поидоуть на оуготованное мѣсто. и вшед на мѣсто князь великїи и митрополитъ сядоуть на сво- их мѣстѣх. а вноуку стати пред ними оу мѣста на вышней сте- пени не въходя на мѣсто. и великому князю в тоу пору го- ворити своя рѣчи (слѣдуетъ рѣчь, въ которой Іоашъ объ- явилъ митрополиту, что даетъ великое княженіе своему внуку). и посем (послѣ рѣчи Іоанна III) велитъ митрополитъ вноуку въ- стоупити на мѣсто и благосло- вить его крестом. да велитъ діа- кону начати малаа діакоства (слѣдуетъ малаа ектїиця, послѣ которой митрополитъ читалъ мо-

вять (ранги императоровъ). (Пос- лѣ этого) секретъ выходитъ, патрикїи становятся, какъ въ кон- систорїи ¹⁾, въ портикѣ 19 аккуви- товъ, прочіе же члены синклита выходятъ и становятся на сту- пени арен ²⁾ по обѣ стороны пїака ³⁾, скиптры же ⁴⁾ и ла- вуры ⁵⁾. вся утварь и крестъ по- мѣщаются въ трибуналъ, гдѣ на- ходится паргїи Ипподрома ⁶⁾. Въ трибуналѣ ставятъ антимнесь ⁷⁾, на которомъ лежатъ хламиды съ застежками и вѣщи, назы- ваемые кесарскими коронами ⁸⁾. Императоры выходятъ вмѣстѣ съ патриархомъ, ихъ принимаютъ патрикїи ⁹⁾ въ портикѣ, сопрово- ждая ихъ, выходятъ въ трибуналъ и становятся на ступеняхъ по обѣ стороны, императоры же во- сходятъ въ пїакъ съ патриар-

¹⁾ Т. е., какъ въ торжественныхъ собравїяхъ (проф. Бѣляевъ, Byzantina, II, 31, прим. 1).

²⁾ Арена—трибуналъ 19 аккувитовъ, состоявшій, какъ предполагаетъ проф. Бѣляевъ, подобно всѣмъ трибуналамъ, изъ открытой обширной площади и воз- вышеннаго мѣста—трибуны (тамъ же, I, 113).

³⁾ Пїакомъ назывался дворъ или площадка, прилежавшіе къ большимъ заламъ (тамъ же I, 17, прим. 1); въ данномъ случаѣ Пїакъ—площадка три- бунала 19 аккувитовъ (тамъ же, I, 113—115).

⁴⁾ Скиптры - знамена, родъ хоругвей (тамъ же, II, 70, прим. 1).

⁵⁾ Лавуры—знамя, сдѣланное Константиномъ Великимъ по образу видѣн- наго пѣя на небѣ (тамъ же, II, 70, прим. 1).

⁶⁾ О значенїи словъ: *Αἶος*; и *Ἰππος*; см. назв. тр. проф. Бѣляева. I, 66—69.

⁷⁾ Антимнесь—переносный престолъ (тамъ же, II, 174, прим. 1).

⁸⁾ О нихъ см. назв. тр. проф. Бѣляева, II, 21, прим. 2.

⁹⁾ Патрикїи—высшіе чины византїйской имперїи (тамъ же II, 11; Schlumberger, Sigillographie de l'Empire Byzantin, pag. 563).

литву: „Господи Боже нашъ. Царю царствующимъ“.....). и по молитвѣ велитъ къ себѣ митрополитъ съ налоа принести бармы двѣма архимандритомъ. да вземъ ихъ дасть великому князю. и знаменаеть митрополитъ вноука крестомъ. и князь велики бармы положить на вноука. и митрополитъ глаголетъ. миръ вѣмъ и діаконъ. господу помолнмся. и митрополитъ глаголетъ молитву сію („Тебѣ единому Царю чловѣкомъ“....). и по аминѣ. велитъ къ себѣ митрополитъ съ налоа припести шапкоу двѣма архимандритомъ. да вземъ еѣ дасть великому князю. и знаменаеть митрополитъ вноука крестомъ глаголя. во имя отца и сына и святого духа. и князь велики положитъ шапкоу на вноука. и митрополитъ благословитъ вноука роукою. і архієпископъ, и епископы вѣшедъ на мѣсто да благословятъ вноука роуками. и митрополитъ, и князь велики сядутъ на своихъ мѣстѣхъ. а вноукоу князь велики велитъ сѣсти подлѣ себя. и сидѣвъ мало митрополитъ. и князь велики. и вноукъ вѣстаноутъ. и діаконъ начнетъ октенію (слѣдуетъ ектинія). по октеніи глаголетъ молитву митропо-

ломъ, и тотчасъ императоръ обращается съ рѣчью къ партіямъ Ипподрома. если пожелаеть, и партіи Ипподрома, если имѣють что сказать. говорятъ. (Затѣмъ) императоръ приказываетъ пренозиту и магистру, они удаляются и приводятъ должествующихъ быть рукоположенными въ дивитисіяхъ и кампотубахъ ¹⁾. Хламицы и пряжки поверхъ ихъ. а по сторонамъ хламидъ кесарскіе вѣнцы, лежатъ на антиминсѣ, предъ которымъ становится патріархъ, императоры же стоятъ по обѣ стороны антиминса, діаконъ сзади патріарха, а должествующіе быть рукоположенными становятся позади діакона. Императоры и кесари берутъ свѣчи и зажигаютъ (ихъ), діаконъ произноситъ: „миромъ Господу помолнмся“, императоръ же, ставъ лицомъ къ востоку, отвѣчаетъ: „Господи помилуй“. Когда діаконъ окончитъ ектинью, и партіи Ипподрома отвѣтятъ: „Тебѣ Господи“, патріархъ начинаетъ молитву „Господи Боже“, и когда дочитаеть молитву до словъ: „нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ“, и партіи Ипподромы отвѣтятъ: „аминь“, беретъ хламиду съ пряжкой, сложенную извѣст-

¹⁾ Καμπότορα — родъ голенищъ (Reiske. Com. ad De ser. a. V., pag. 265, s. v.).

літ (слѣдуетъ молитва). и по молитвѣ сядуть митрополит. и великіе князи на своихъ мѣстѣх. и въздеть на амвонѣ священникъ, или діаконъ на то оуготованный¹. Съ амвона провозглашалось священникомъ или діакonomъ многолѣтіе Іоанну III и его внуку, послѣ чего ихъ поздравляли всѣ присутствовавшіе. По принесеніи поздравленій митрополитъ произнесъ поученіе нововѣнчанному, сошелъ съ великими князьями съ возвышенія, совершилъ отпускъ молебнѣ, благословилъ крестомъ великихъ князей и дѣтей Іоанна III и началъ литургію. Послѣ литургіи Димитрій Іоанновичъ въ шапкѣ и бармахъ обходилъ кремлевскіе соборы. гдѣ при входѣ его священники благословляли крестомъ и произносили ектиніи. У дверей соборовъ, при выходѣ, великаго князя осыпали трижды золотыми и серебряными монетами²).

нимъ образомъ, и даетъ ее веститорамъ²), которые тотчасъ разворачиваютъ ее и держатъ предъ императорами. (Тогда) препозитъ и магистръ подводятъ производимыхъ и ставятъ ихъ предъ императорами, которые простираютъ руки, берутъ хламиду, возлагаютъ ее на кесарей и цѣлуютъ ихъ, партін же Ипподрома или пѣвчіе возглашаютъ: „счастливо, счастливо“. и партін Ипподрома возглашаютъ тоже трижды. Тогда патріархъ осѣняетъ народъ по обычаю трижды крестнымъ знаменіемъ и произноситъ: „миръ всѣмъ“, партін же Ипподрома отвѣчаютъ: „и духови твоему“; (послѣ этого) діаконъ возглашаетъ: „главы нана Господу преклонимъ“. партін же Ипподрома (отвѣчаютъ): „Тебѣ Господи“ и наклоняютъ немного главы. что дѣлаютъ также патріархъ, императоры и кесари, и читаетъ патріархъ вторую молитву. По окончаніи ея партін Ипподрома произносятъ „аминь“, а патріархъ беретъ кесарскія короны и даетъ императорамъ, которые берутъ эти короны, цѣлуютъ ихъ, приказываютъ кесарямъ тоже цѣловать ихъ, крестообразно осѣняютъ ими главы кесарей. произнося имя св. Троицы, и возлагаютъ корону на главу хиротонисуемаго кесаря; тогда партін Ипподрома, весь народъ и пѣвчіе возглашаютъ трижды: „счастливо,

¹) Барсовъ, назв. трудъ, 32—38.

²) Веститоры—чиновники, обязанность которыхъ заключалась главнымъ образомъ въ облаченіи императоровъ въ парадныя одежды и разоблаченіи (проф. Бѣлиевъ, Byzantina, I, 167).

счастливо, счастливо“; партін Ипподрома (снова возглашаютъ) трижды „счастливо“, а пѣвчіе (поютъ): „многія лѣта императорамъ, XX великимъ императорамъ многія лѣта, богонизбраннымъ императорамъ“ и прочее по порядку. По окончаніи славословія и нареченія кесарей императоры съ патріархомъ и кесарями отираются въ триклинъ 19 аккумулятовъ, и садятся въ креслахъ, имѣя кесарей по обѣ стороны“ ¹⁾.

Сопоставленіе обряда вѣнчанія внука Іоанна III съ кесарской хиротоніей обнаруживаетъ сходство между этими обрядами при томъ различіи, которое должно быть, если принять во вниманіе разницу, съ одной стороны, между обязанностями государя и византійскаго кесаря, съ другой—между византійскими придворными обычаями и русскими. Какъ великокняжеское вѣнчаніе, такъ и кесарская хиротонія начинались ектиніею, произносимою діакономъ. Но произнесеніи ектиніи митрополитъ читалъ молитву, чтеніе молитвы патріархомъ послѣ ектиніи слѣдовало и въ кесарской хиротоніи ²⁾. Послѣ молитвы архимандриты подносили митрополиту бармы, которыя онъ передавалъ Іоанну III для возложенія на внука, знаменуя послѣдняго крестомъ; по обряду кесарской хиротоніи патріархъ послѣ молитвы бралъ кесарскую хламиду и чрезъ веститоровъ передавалъ императорамъ, которые возлагали ее на кесаря. Какъ митрополитъ, послѣ возложенія Іоанномъ III бармы на внука, такъ и патріархъ, послѣ возложенія императорами кесарской хламиды на хиротонисуемаго, возглашали „миръ всѣмъ“. Послѣ этого возгласа діаконы по обряду вѣнчанія внука Іоанна III произносили „Господу помолимся“, вмѣсто чего по обряду хиротоніи кесаря діаконы возглашали „главы наша“... За этими возгласами діаконовъ слѣдовало чтеніе вторыхъ молитвъ митрополитомъ и патріархомъ, послѣ чего митрополитъ принималъ поднесенный архимандритами великокняжескій вѣнецъ, передавалъ

¹⁾ De ser. a. B., ed. B., I, 43, pag. 217. Описаніе обряда хиротоніи кесарей повторено въ той же 43 главѣ I книги въ отдѣлѣ, гдѣ изложены актологіи (возгласы и пѣснопѣнія), произносимыя при хиротоніи кесарей, съ тѣмъ только отлчченіемъ, то на возгласъ діакона „миромъ Господу помолимся“ отвѣчаетъ не императоръ, но димоты (ibid. pag. 224).

²⁾ Разница въ содержаніи этихъ молитвъ должна была существовать, потому что великій князь долженъ былъ государствовать.

его Іоанну III и въ то время, когда тотъ возлагалъ вѣнецъ на внука, знаменовалъ послѣдняго крестомъ произнося: „во Имя Отца“...; также и патріархъ, послѣ чтенія второй молитвы, бралъ кесарскій вѣнецъ, передавалъ его императору, который возлагалъ вѣнецъ на хиротонисемаго произнося имя св. Троицы. Возложеніемъ кесарскаго вѣнца на хиротонисемыхъ и возгласами партій Ипподрома и пѣвчихъ заканчивался обрядъ кесарскаго вѣнчанія. По обряду великокняжескаго вѣнчанія внука Іоанна III, послѣ возложенія на вѣнчаемаго шапки, слѣдовала еще ектинія, послѣ которой митрополитъ читалъ молитву. По окончаніи чтенія молитвы митрополитомъ было провозглашено многолѣтіе Іоанну III и внуку его. Поученіемъ митрополита къ внуку закончился обрядъ великокняжескаго вѣнчанія.

Сличая обряды великокняжескаго вѣнчанія и кесарской хиротоніи видимъ сходство ихъ, при томъ однако отличіи, что обрядъ вѣнчанія заключаетъ въ себѣ ектинію и молитву, которыхъ нѣтъ въ обрядѣ хиротоніи, и поученіе митрополита къ вѣнчанному внуку Іоанна III. Что касается поученія митрополита къ пововѣнчанному, то нѣчто подобное находимъ и въ Византіи. Въ Де сев. а. В. изложенъ обрядъ назначенія императоромъ какого либо лица въ domestici школы ¹⁾, стратиги, друнгариі ²⁾ флота или въ другіе какіе либо оффиціаліи (сановники). Здѣсь находимъ поученіе, которое читалъ императоръ назначаемому на ту или другую должность: со страхомъ Божіимъ, по правдѣ и справедливости исполнять свои обязанности, быть неподкупнымъ, неприятнымъ и т. п. ³⁾. Подобнымъ образомъ и митрополитъ наставлялъ по совершеніи обряда вѣнчанія внука Іоанна III: имѣть страхъ Божій въ сердцѣ, любить правду, милость и судъ правый, оказывать послушаніе дѣду и т. п. ⁴⁾. Существующая разница въ

¹⁾ Доместикъ школы — начальникъ гвардейскихъ отрядовъ (проф. Бѣльева Byzantina, II, 11, прим. 4 в стр. 79).

²⁾ Δρουγγάριος — начальникъ, буквально — начальникъ отряда (Schlumberger, Sigillographie de l'Empire Byzantin, 335).

³⁾ II, 3, pag. 526.

⁴⁾ Е. В. Барсовъ, назв. трудъ, 36.

содержаніи поученій митрополита къ великому князю и византійскаго императора къ назначаемымъ на должности объясняется тѣмъ, что одно поученіе читалось государю, другое—должностнымъ лицамъ ¹⁾).

Сличеніе обряда вѣнчанія на великое княженіе внука Іоанна III съ чиномъ вѣнчаній на царство византійскихъ царей подтверждаетъ мысль, что первое великокняжеское вѣнчаніе въ Москвѣ не имѣло своимъ источникомъ византійскій чинъ императорскаго вѣнчанія.

Отличіе обряда вѣнчанія внука Іоанна III отъ обряда византійскихъ императорскихъ коронованій отмѣчено было г. Поповымъ и проф. Покровскимъ, причемъ первый изъ названныхъ изслѣдователей, отмѣчая разныя черты обоихъ обрядовъ, указалъ и сходныя ²⁾. Эти сходныя черты, по нашему мнѣнію, объясняются тѣмъ, что чинъ перваго извѣстнаго намъ великокняжескаго вѣнчанія образовался изъ чина кесарской хиротоніи, а обряды императорскихъ вѣнчаній, хиротоній и чинопроводствъ въ Византіи, при существенно разныхъ чертахъ, имѣли нѣчто и общее: въ нихъ принимала участіе церковь, какъ на коронуемыхъ, такъ и на хиротонисуемыхъ и производимыхъ въ тотъ или иной чинъ возлагались знаки ихъ новаго сана.

Обрядъ императорскаго византійскаго вѣнчанія, рѣзко отличаясь не только отъ чина великокняжескаго вѣнчанія внука

---

¹⁾ Производимымъ въ куивкуляріи читались поученія въ храмѣ св. Теодора пренезитомъ, который указывалъ производимымъ, что они получаются достоинство изъ рукъ Господа, и заповѣдывалъ имъ храниль страхъ Божій въ сердцахъ, вѣрность къ царю и царцѣ. (De ser. a. В. II, 24, pag. 623). Слѣдуетъ имѣть въ виду, что обрядъ кесарскаго рукоположенія упростился, когда, вслѣдствіе постепеннаго сокращенія предѣловъ византійской имперіи и обдвѣненія ея, блескъ и роскошь византійскаго двора уменьшились. Кодицъ, сообщая о пониженіи кесарскаго сана (De officiis, cap. II, pag. 7, ed. Bon.) передаетъ, что нареченіе въ кесари происходило подобно нареченію въ деспоты, съ тѣмъ только отличіемъ, что на главу кесаря не возлагался вѣнецъ (ibid. cap. XIX, pag. 101). По описанію Кодица, императоръ только возлагалъ на получающаго санъ деспота вѣнецъ, предварительно произнося: „Царство мое возводитъ тебя въ деспоты“, послѣ чего удалялся въ свои покои (ibid. cap. XVIII, pag. 99).

²⁾ Назв. труды г. Попова: „Богосл. В.“, 1896 г. май, 187, и проф. Покровскаго: „Церк. В.“, 1896 г., май, № 18, 575.

Юанна III, но и отъ чиновъ царскихъ вѣнчаній московскихъ государей, паглядно рисуеть идею власти византійскаго императора; идея эта, легшая въ основу обряда императорскаго вѣнчанія въ Византіи, придаетъ обряду этому характеръ, какового не имѣли царскія вѣнчанія московскихъ государей.

Обрядъ коронованія византійскихъ императоровъ слагался постепенно, подобно обряду вѣнчанія на царство московскихъ государей ¹⁾.

Обрядъ этотъ возникъ изъ римскаго языческаго обряда провозглашенія императора и постепенно слагавшагося чина церковнаго вѣнчанія. Такія части этого обряда ясно видны въ первыхъ извѣстныхъ намъ коронаціяхъ византійскихъ императоровъ, описанныхъ въ De ser. a. B.: изъ этихъ коронацій древнѣйшею была коронація Льва I Великаго въ 457 г. ²⁾.

¹⁾ Эта постепенность отмѣчена въ изслѣдованіяхъ г. Повоза (назв. тр. „Богосл. В.“ 1896 г., апр., 62) и проф. Покровскаго (назв. тр. „Церк. В.“ 1896 г. апр., № 17, 540).

²⁾ Горскій и г. Поповъ видятъ указаніе на болѣе раннее участіе патріарха въ императорскомъ коронованіи въ Церковной исторіи бл. Теодорита (Горскій, назв. тр., 2; г. Поповъ, назв. тр., „Бог. В.“ 1896 г., апр., 62). Бл. Теодоритъ передаетъ, что императоръ Θεодосій, будучи еще стратигомъ, видѣлъ во снѣ предстоятеля антиохійской церкви Мелетія, возлагавшаго на него царскую хламиду и царскій вѣнецъ. Вскорѣ послѣ этого сновидѣнія императоръ Граціанъ рукоположилъ Θεодосія въ императоры. „Доблестнѣйшій стратигъ Θεодосій, говоритъ бл. Теодоритъ, оставаясь тамъ (при императорѣ Граціанѣ), увидѣлъ удивительный сонъ, явленный ему, несомнѣнно, самимъ Богомъ всѣхъ: Θεодосію казалось, будто онъ видитъ божественнаго Мелетія, предстоятеля антиохійской церкви, возлагающаго на него царскую хламиду и украшающаго главу его такимъ же вѣнцомъ. Видѣнное имъ во снѣ онъ повѣдалъ утромъ одному изъ ближнихъ своихъ, который ему сказалъ, что сонъ ясенъ, и не заключаетъ въ себѣ ничего загадочнаго или двусмысленнаго (дальше разсказывается, что посланные Граціаномъ узнать, дѣйствительно ли Θεодосій отразилъ варваровъ, возвратились и донесли Граціану, что Θεодосій убилъ десять тысячъ варваровъ)... Императоръ, увѣрившись, что онъ не ошибся въ назначеніи Θεодосія полководцемъ, рукоположилъ (κατεροστέονηκε) его въ императоры и далъ ему власть надъ частью Валента“ (Migne, P. C. C. ser. gr., t. 82, lib. V. cap. VI, pag. 1205). Такъ какъ Θεодосію, по свидѣтельству бл. Теодорита, только снилось, будто онъ вѣнчанъ былъ предстоятелемъ антиохійской церкви, то древнѣйшимъ намъ извѣстнымъ императорскимъ коронованіемъ, въ которомъ

По смерти императора Маркіана, говоритъ описатель этой древнѣйшей коронаціи, выборъ синклита палъ на Льва. Для провозглашенія его императоромъ собрались на полѣ власти, гвардія, солдаты и архіепископъ константинопольскій Анатолій; лавуры и знамена были положены на землю. Послѣ восклицаній собравшихся: „услыши, Господи, Тебя просимъ; услыши, Господи: даруй Льву жизнь, да царствуетъ Левъ: Льва требуетъ вселенная“ и т. п., взопелъ на возвышеніе Левъ, и на главу его возложилъ ожерелье каминдукторъ ¹⁾ Вусалгъ, другое же ожерелье вложилъ ему въ правую руку Олимпій, также каминдукторъ. Тогда лавуры были подняты съ земли при восклицаніяхъ: „Левъ августъ, ты побѣдитель, ты благочестивъ“ и т. д., „Богъ тебя далъ, Богъ тебя сохранилъ“ и т. д. Левъ, закрытый щитами, на возвышеніи облачился въ императорскую одежду, послѣ чего съ діадимой на головѣ, щитомъ и копьемъ въ рукахъ, явился всѣмъ присутствовавшимъ на полѣ, которые привѣтствовали его восклицаніями: привѣтствовавшимъ его онъ произнесъ рѣчь, прерываемую восклицаніями. Въ рѣчи своей Левъ общалъ усердно работать на пользу имперіи и въ ознаменованіе достиженія имъ священной императорской власти, объявилъ раздачу денегъ. Послѣ новыхъ восклицаній присутствовавшихъ Левъ отправился въ походную церковь, гдѣ находились священники и гдѣ онъ молился, послѣ чего сѣлъ на коня и въ сопровожденіи властей поѣхалъ къ храму св. Іоанна Крестителя; въ мутаторіи этого храма Левъ снялъ вѣнецъ, передалъ его препозиту и направился къ св. жертвеннику, на который возложилъ поданный препозитомъ вѣнецъ и, чрезъ нѣсколько времени, снова взялъ его и передалъ препозиту. Въ мутаторіи Левъ возложилъ на себя вѣ-

пріяла участіе церковь, слѣдуетъ считать коронованіе Льва I Великаго. Въ пользу мнѣнія Горскаго и г. Попова, что церковь въ лицѣ патріарха антиохійскаго приняла участіе въ коронованіи Θεодосія, нельзя провести предположенія, что Θεодосію не случилось бы вѣчаніе его патріархомъ, если бы представители церкви не принимали участія въ императорскихъ коронованіяхъ, потому что, въ такомъ случаѣ, слѣдовало бы допустить, что представители церкви возлагали вѣнцы на императоровъ, предшественниковъ Θεодосія, и такимъ образомъ, коронованіе Θεодосія не было первымъ, въ которомъ приняла участіе церковь въ лицѣ одного изъ представителей ея.

¹⁾ Каминдукторъ—авангардный офицеръ, колонновожатый (Проф. Гвѣлена Byzantina, II, 70, прим. 1).

нець и отправился во дворець, гдѣ переоблачился въ камшен ¹⁾, бѣлый златотканый дивитисей и пурпуровую хламиду. Послѣ этого онъ сѣлъ въ колесницу, предъ которой несли крестъ и кошельки ²⁾, и отправился на форумъ Константина, гдѣ его встрѣтили шархъ и сниклитъ. Тутъ первый изъ сниклита и шархъ поднесли Льву золотую корону. Съ форума Левъ отправился въ церковь, въ мутаторіи которой снялъ вѣнецъ и возложилъ его на св. жертвенникъ, какъ въ храмѣ св. Іоанна Крестителя, послѣ чего вошелъ въ мутаторію ³⁾ и слушалъ тамъ чтеніе св. Евангелія. Императоръ, если желалъ, приобщался св. Таинъ и удалялся, по возложеніи на него вѣнца епископомъ, во дворець ⁴⁾.

Описавъ обрядъ провозглашенія Льва I, Петръ Магистръ ⁵⁾ замѣчаетъ, что въ это время провозглашенія императоровъ проходили въ Ипподромѣ, и излагаетъ цѣлый рядъ провозглашеній императоровъ Византіи, дабы, какъ говоритъ онъ, каждый императоръ, въ случаѣ надобности, выбиралъ такой обрядъ, который ему наиболѣе нравился и казался болѣе подходящимъ ⁶⁾.

Петромъ Магистромъ описаны провозглашенія императоровъ: Анастасія I, Юстина I, Льва Младшаго и Юстиніана I ⁷⁾. Эти описанія, дополненныя другими извѣстіями о коронаваніяхъ византійскихъ императоровъ, даютъ возможность прослѣдить образованіе коронаціоннаго обряда въ Византіи. Процессъ этого образованія заключается въ томъ, что церковь, въ лицѣ константинопольскаго патріарха, принимала все болѣе и болѣе участія въ обрядѣ императорскаго коронаванія. Видное мѣсто занялъ патріархъ въ обрядѣ коронаванія императора Анастасія I: послѣ гражданскаго обряда вѣнчанія патріархъ Евфимій въ триклинѣ читалъ надъ Анастасіемъ

1) *Καρχία* — genus indumenti, quod crura et genna tegit — покровъ для голей и козлиъ (Reiske, Com. ad De cer. a. B., 419).

2) О значеніи *Περσίσια* см. Reiske, Com. ad De cer. a. B., 386.

3) *Παρατίλιον* — мутаторіи (проф. Вѣляева *Byzantina*, II, 130, прим. 1).

4) *De cer. a. B. I*, 91, pag. 410 sqq.

5) Петръ Магистръ — современникъ Юстиніана I; о немъ у Reiske въ *Præf. ad De cer. a. B. XVII*, и у проф. Вѣляева въ *Byzantina*, II, XXXI.

6) *De cer. I*, 91, pag. 417.

7) Тамъ же, I, 92—96, pag. 417—440. Обрядъ провозглашенія Никифора Фоки присоединенъ былъ къ описаннымъ современникомъ Юстиніана I при позднѣйшей редакціи *De cer. a. B.* (проф. Вѣляевъ, *Byzantina*, II, XXXI).

молитву при пѣніи: „Господи помилуй“ и возложилъ на него императорскую хламиду и вѣнец ¹⁾).

Исслѣдователи коронаціоннаго чина русскихъ государей отмѣчаютъ еще одну подробность коронаванія Анастасія, сообщаемую историкомъ Евагріемъ: патріархъ потребовалъ отъ Анастасія, предъ вѣнчаніемъ его, рукописнаго клятвеннаго обѣщанія, что онъ сохранитъ вѣру чистою и не введетъ ничего новаго въ церковь. Такое обѣщаніе взято было съ Анастасія потому, что его подозрѣвали въ ереси ²⁾).

Примѣру патріарха Евфимія послѣдовали другіе патріархи: Катаевъ отмѣчаетъ цѣлый рядъ послѣдующихъ коронацій византійскихъ императоровъ, отъ которыхъ патріархи требовали клятвенныхъ обѣщаній сохранять вѣру чистою и не внести раздора въ церковь ³⁾. Такимъ образомъ клятвенное обѣщаніе вступающаго на престолъ императора Византіи хранить вѣру въ чистотѣ вошло въ коронаціонный обрядъ, какъ постоянная и составная часть его ⁴⁾).

Провозглашеніе Анастасія произошло въ Инподромѣ, при провозглашеніи Анастасіи было поднятъ на щитѣ ⁵⁾. Предъ провозглашеніемъ высшіе чины и сенатъ потребовали отъ Анастасія клятвеннаго обѣщанія, что онъ ни къ кому не будетъ питать злобы и будетъ справедливо управлять государствомъ ⁶⁾).

Обряды коронацій Юстиня I, Льва Младшаго, Юстиніана I и Никифора Фоки ничѣмъ существенно важнымъ не отличаются отъ обряда коронаванія императора Анастасія I. Петръ Магистръ, говоря о коронаціи Юстиніана I, отмѣтилъ, что коронаваніе его произошло не въ Инподромѣ, но въ дельфакѣ ⁷⁾, а описатель провозглашенія императора Никифора Фоки, въ рассказѣ объ этомъ провозглашеніи, упомянулъ, что оно произошло на полѣ при Ке-

¹⁾ Тамъ же, I, 92, pag. 423.

²⁾ Назв. тр. Катаева, 55; г. Попова, „Богосл. В.“ 1896 г., апр., 64; проф. Покровскаго, „Церк. В.“ 1896 г., апр., № 17, 541.

³⁾ Назв. тр., 56.

⁴⁾ Назв. тр. Катаева, 57; г. Попова, „Богосл. Вѣст.“ 1896 г., апр., 64.

⁵⁾ Подняты были на щитѣ при провозглашеніи императоромъ Юстинъ I и Никифоръ Фока (De ser. a. B. I, 93, pag. 427, 429; 96, pag. 434).

⁶⁾ De ser. a. B. I, 92, pag. 422.

⁷⁾ Тамъ же, I, 95, pag. 433. Дельфакъ—дворцовая палата (проф. Бѣлиевъ, Byzantina, I, 117, прим. 2).

сарин Канадокійской, и что провозглашенный императоромъ Никифоръ Фока не возложилъ на себя вѣнецъ и императорскую одежду но сталъ носить только красную обувь ¹⁾.

Провозглашавшіе императоровъ привѣтствовали ихъ восклицаніями. При провозглашеніи Льва I восклицали: „Льва ждетъ вселенная“ и т. п.: при провозглашеніи Анастасія I—„православнаго царя для вселенной; Царь небесный, даруй намъ несребролюбиваго земнаго царя для вселенной; прекрасная пасха ²⁾ вселенной“ и т. п.: при провозглашеніи Юстина I—„Богомъ даннаго царя для вселенной (просимъ), да хранитъ Богъ христіанскаго царя—молитвы всей вселенной“ и т. п.; при провозглашеніи Никифора Фоки—„Никифора ждетъ вселенная и т. п.“ ³⁾.

Кромѣ обрядовъ коронаціи императоровъ: Льва I, Анастасія I, Юстина I, Льва Младшаго, Юстиніана I и Никифора Фоки въ De ser. a. B. изложенъ одинъ общій обрядъ коронаціи императора подъ заглавіемъ: „что слѣдуетъ соблюдать при коронаціи императора“. Этотъ обрядъ коронаціи, какъ первый общій обрядъ, достоинъ особеннаго вниманія. „Когда все изготовлено“, говоритъ описатель этого обряда, „императоръ выходитъ изъ августей ⁴⁾ въ скарамангін ⁵⁾ и пурпуровомъ плащѣ, сопровождаемый кувкуляріями, и идетъ въ оноподъ ⁶⁾, гдѣ происходитъ первый приемъ патрикіевъ, и (гдѣ) по возгласу церемоніарія „повелите“ (последніе) восклицаютъ: „на многія добрыя времена“. Затѣмъ (всѣ) отправляются къ большой консисторіи ⁷⁾, гдѣ становятся въ должномъ порядкѣ ⁸⁾ шпаты ⁹⁾ и прочіе синклитики ¹⁰⁾, императоры же

¹⁾ Тамъ же, I, 96, pag. 434. Красную обувь послали только императоры Византіи (Reiske, Com. ad De ser. a. B., pag. 453).

²⁾ Пасха — радость (Reiske, Com., pag. 457).

³⁾ De ser. a. B., I, pag. 410, 418, 419, 420, 425, 427, 430, 439.

⁴⁾ Августей — тронная зала (проф. Бѣляевъ, Byzantina, I, 100).

⁵⁾ Скарамангін — верхняя одежда (тамъ же, II, 7, прим. 4).

⁶⁾ Оноподъ — неизвѣстное помѣщеніе дворца (тамъ же, I, 108).

⁷⁾ Большая консисторія — тронная зала (тамъ же, I, 118).

⁸⁾ *Ἰσταται: συνκλιτικοί* — по объясненію проф. Бѣляева — становятся въ должномъ порядкѣ, соответственно рангу (тамъ же, I, 117).

⁹⁾ Шпаты — одинъ изъ чиновъ синклита (Schlumberger, op. cit., p. 475).

¹⁰⁾ Въ составъ синклита, принимавшаго участіе въ церемоніяхъ, входили всѣ чиновники отъ кесаря до стратилата (проф. Бѣляевъ, Byzantina, II, 66, прим. 1 и I, 170, прим. 2).

становятся на тронѣ подѣ балдахиномъ. и падаютъ ницѣ предъ ними все синклитики вмѣстѣ съ патрикіями: когда они встанутъ, императоры даютъ знакъ препозиту, спленціарій ¹⁾ провозглашаетъ „повелите“ и все восклицаютъ: „на многія и благія времена“. (Послѣ этого) императоры отправляются въ церковь чрезъ школы ²⁾, партін же Ипподрома, переоблачившись, остаются на своихъ мѣстахъ, освѣняя ихъ (императоровъ) только крестнымъ знаменіемъ. Когда императоръ войдетъ въ орологіи ³⁾, поднимается завѣса. и онъ входитъ въ мутаторій, гдѣ облачается въ дивитисій и ццакій ⁴⁾, и набрасываетъ на себя плащъ; облачившись, императоръ отправляется съ патриархомъ и зажигаетъ свѣчи у серебряныхъ дверей, (затѣмъ) входитъ во храмъ, всходитъ на солею, молится у св. вратъ и зажигаетъ свѣчи, (послѣ чего) всходитъ на амвонъ вмѣстѣ съ патриархомъ. Патриархъ надѣ хламидой произноситъ молитву, по окончаніи которой чины кубукліа поднимаютъ хламиду и облачаютъ въ нее императора. (Затѣмъ) патриархъ опять произноситъ молитву надѣ вѣнцомъ императора, послѣ молитвы беретъ вѣнецъ и возлагаетъ его на главу императора. партін же Ипподрома тотчасъ восклицаютъ трижды: „святъ, святъ, святъ, слава въ вышнихъ Богу, и на землѣ миръ“, затѣмъ— „N великому императору и самодержцу многія лѣта“ и проч. ⁵⁾. Императоръ, имѣя вѣнецъ на главѣ, сходитъ (съ амвона) и отправляется въ мутаторій, садится (тамъ) въ кресла, (туда) входятъ чины и, падая предъ нимъ ницѣ, цѣлуютъ колѣни его (далѣе въ текстѣ слѣдуетъ перечень чиновъ). Препозитъ возглашаетъ: „повелите“, (все чины) восклицаютъ: „на многія и благія времена“ и выходятъ“. Описаніе обряда коронованія заканчивается замѣча-

¹⁾ Спленціарія — подчиненные церемоніарія (Reiske, Com. 77).

²⁾ Школами назывались помѣщенія для гвардейскихъ отрядовъ (проф. Вѣляевъ, Byzantina, I, 115).

³⁾ Орологіемъ назывался портнкъ хрисотриклина (золотой палаты—тропной залы), въ которомъ находились часы (проф. Вѣляевъ, Byzantina, I, 21 и 162).

⁴⁾ Ццакій — родъ плаща или хламиды (тамъ же. II, 199 и прим. 1).

⁵⁾ Молитвы, которыя читалъ патриархъ при совершеніи обряда императорскаго коронованія, у Goar'a, *Εὐχολόγιον*, pag. 924, ap. 1647.

ніємъ, что императоръ принималъ св. дары послѣ своего коронованія такъ, какъ приобщался въ праздничкаль ¹⁾).

Этотъ обрядъ вѣщанія императоровъ Византіи, содержащій въ себѣ только церковную часть коронованія, относятся къ X в. ²⁾).

Проф. Покровскій высказалъ предположеніе, что обрядъ этотъ, какъ церковный чинъ, представлялъ собою уже нѣчто цѣльное, но г. Поповъ прибавилъ къ нему одну подробность изъ прежнихъ чиновъ коронованій византійскихъ императоровъ: неовѣданіе вѣры и обѣщаніе хранить православіе, произносимыя императоромъ предъ совершеніемъ обряда коронованія. Такимъ образомъ г. Поповъ не считаетъ этотъ чинъ вполнѣ передающимъ церковный обрядъ вѣщанія императора въ X в. ³⁾. Къ такому мнѣнію относительно этого чина можетъ привести отсутствіе упоминанія въ немъ о миропомазаніи императора ⁴⁾).

1) De ser. a. V. I, 98, pag. 191 sqq. Самое подробное описаніе принятія св. причастія императоромъ находится, какъ вѣрно замѣтилъ проф. Бѣляевъ (Byzantina. II, 175, прим. 1), въ описаніи рождественскаго обряда. Императоръ, по этому описанію, когда наступало время для принятія св. причастія, выходилъ изъ мутаторія въ сопровожденіи находившихся при немъ чиновъ и подходилъ къ патриарху, два остіарія держали развернутый платъ, императоръ принималъ въ руки Тѣло Христово, сходилъ съ возвышенія, трижды крестился и приобщался; послѣ этого императоръ снова всходилъ на возвышеніе, остіаріи развѣтывали платъ, и онъ принималъ отъ патриарха Кровь Христову; приобщавшись, императоръ сходилъ съ возвышенія и, помолившись, кланялся патриарху, а патриархъ ему, послѣ чего удалялся въ мутаторій (De ser. a. V. I, 23, pag. 134). Что касается вопроса о мѣстѣ, гдѣ приобщались обыкновенно императоры, то проф. Бѣляевъ приходитъ къ заключенію, что императоры принимали св. дары не въ алтарь, но предъ алтаремъ. Въ алтарѣ приобщались императоры въ день коронованія (Byzantina. II, 173, 177 и примѣчанія къ эпгмъ страл.).

2) Назв. тр. Горскаго, 6; г. Попова, „Восгл. В.“ 1896 г., апр., 65; проф. Покровскаго, „Церк. В.“ 1896 г., № 17, 541.

3) Назв. груди. тамъ же.

4) Исслѣдователи коронаціоннаго чина русскихъ государей обращаютъ вниманіе на неупоминаніе о миропомазаніи короуемаго императора въ чинѣ, относимомъ къ X в. Горскій указываетъ, что упоминаніе о миропомазаніи византійскихъ императоровъ относится ко времени не ранѣе X в. (назв. тр., 8); г. Поповъ на этомъ основаніи относитъ появленіе миропомазанія въ чинѣ вѣщанія византійскихъ императоровъ ко второй половинѣ X в. (назв. тр., 68); проф. Покровскій, имѣя въ виду указанія на отдѣльные случаи миропомазанія импе-

Краткимъ и несложнымъ представляется изложенный въ De ser. a. V. чинъ императорскаго коронаванія, относящійся ко времени не позже второй половины X в., эпохѣ могущества византійской имперіи, сравнительно съ тѣми чинами императорскаго коронаванія, которые относятся ко времени послѣ возстановленія византійской имперіи, когда она находилась въ упадкѣ.

Панболѣе полный чинъ императорскаго вѣнчанія описанъ былъ впервые по времени императоромъ Іоанномъ Кантакузеномъ (перв. полов. XIV в.). Чинъ этотъ, какъ наиболѣе полный, важенъ для сравненія его съ обрядами вѣнчаній на царство московскихъ государей, поэтому представляемъ его въ переводѣ.

„По наступленіи дня, въ который заранѣе назначено было миропомазать императора, не только всѣ состоящіе въ чинахъ, высшіе сановники и войско, но и всѣ лица, имѣющія отношеніе къ церковному управленію этого новаго Рима, а также весь народъ (города) Константинополя—всѣ они съ разсвѣтомъ должны быть у дворца. Не позже второго часа того же дня, императора, котораго надлежитъ миропомазать, стоящаго на щитѣ, подносятъ его какъ можно выше, показываютъ толпѣ, стоящей со всѣхъ сторонъ,

раторовъ ранѣе X в., предполагаетъ, что отсутствіе упоминанія о миропомазаніи въ цѣльныхъ чинахъ заставляетъ думать, что миропомазаніе не составляло необходимаго элемента въ составѣ византійскаго коронаціоннаго чина X в. (назв. тр., стр. 542). Только Катаевъ указалъ на трудность рѣшенія вопроса, когда миропомазаніе вошло въ составъ коронаціоннаго обряда византійскихъ императоровъ (назв. тр., 63). Авторитетное соображеніе по этому вопросу высказалъ проф. А. С. Павловъ. По его мнѣнію миропомазаніе византійскихъ императоровъ совершалось ранѣе X в. Проф. Павловъ указалъ, что въ толкованіи Вальсмонна на 12 правило Анкирскаго собора сказано, что патріархъ Полиевктъ, миропомазавъ Іоанна Цимискія, снялъ съ него грѣхъ убійства императора Никифора Фока, при чемъ Вальсамонемъ добавлено, что какъ царь, такъ и архіерей называются помазанниками Божиими и на самомъ дѣлѣ суть помазанники (*Χριστοὶ κύριοι*, Patr. С. С., ser. gr., t. 137, стр. 1156). Отмѣтивъ, что императоры Византіи по причинѣ миропомазанія назывались *Χριστοὶ κύριοι*, проф. Павловъ указалъ, что такое названіе усвоилось императорамъ и до X в. Это мнѣніе высказано было проф. Павловымъ, когда предлагаемое изслѣдованіе обрядовъ вѣнчаній на царство московскихъ государей читано было въ засѣданіи историко-филологическаго общества при Харьковскомъ Университетѣ въ маѣ 1896 г. (см. отчетъ о дѣятельности назв. общества въ „Сборникѣ Харьк. Ист.-Фил. Об.“, т. IX, стр. XI).

императоръ-отець провозглашаемаго, если онъ есть. и патріархъ, держа переднія части щита, другія же (части щита) держать главнѣйшіе сановники: деспоты и севастократы, если они находятся, или наиболѣе отличные изъ синклитиковъ. Послѣ привѣтственныхъ кликовъ присутствующихъ щитъ опускаютъ и императора ведутъ во храмъ, гдѣ долженъ совершиться священный обрядъ. Во храмѣ императора, который долженъ быть коронованъ, вводятъ въ деревянную комнату, устроенную для этого (т. е. на случай коронаціи), и облачаютъ его въ порфиру и діадиму, ранѣе благословенныя архіереями, на главу же императора не возлагается что либо заранѣе назначенное, но или вѣнецъ или что либо иное, что опредѣляютъ тогда. Тѣмъ временемъ совершается богослуженіе. Около упомянутой комнаты (гдѣ облачается предъ коронаціею императоръ) заблаговременно устраивается помостъ, также деревянный, со всѣхъ сторонъ обложенный шелковыми красными покрывами. На этомъ помостѣ, сообразно съ числомъ императоровъ, ставятся золотыя троны не такъ, какъ обыкновенно, но возвышенныя, съ четырьмя или пятью ступенями, по которымъ, выйдя изъ (деревянной) комнаты, всходятъ императоры на троны и садятся на нихъ, если императоръ не одинъ, но нѣсколько ихъ. вмѣстѣ съ императорами всходятъ также императрицы и садятся на троны: коронованныя ранѣе—въ коронахъ, имѣющая же короноваться—въ вѣнцѣ. Предъ пѣніемъ божественнаго гимна Трисвятого изъ алтаря выходитъ патріархъ и всходитъ на амвонъ вмѣстѣ съ высшими чинами церковной іерархіи, облеченными въ священныя одежды, которыхъ онъ посылаетъ пригласить императоровъ. Тогда императоры встаютъ съ троновъ и идутъ на амвонъ. Глубокое молчаніе и тишину хранятъ всѣ присутствующіе. Патріархъ читаетъ составленныя на помазаніе царей молитвы: одинъ тихо, про себя, другія во всеуслышаніе, умоливляя Бога къ миропомазуемому. Послѣ этого императоръ, котораго должно миропомазать, снимаетъ съ своей главы вѣнецъ (буквально—то, что на ней находится), для всѣхъ же присутствующихъ во храмѣ обычаемъ установлено стоять также съ непокрытыми головами. Патріархъ священнымъ миромъ крестообразно помазуетъ главу царя, громкогласно провозглашая: „святъ“, стоящіе на амвонѣ, тотчасъ послѣ возгласа патріарха,

также возглашаютъ трижды: „святъ“, а послѣ нихъ находящіеся въ церкви столько же разъ провозглашаютъ тоже. Послѣ этого корону, которую въ алтарѣ держатъ діаконы, облеченные въ священныя одежды (но не лежитъ корона, какъ нѣкоторые говорятъ, на св. трапезѣ), несутъ на амвонѣ. Если находится императоръ равнѣ коронованный, то онъ, вмѣстѣ съ патріархомъ, беретъ корону и, вмѣстѣ съ нимъ, возлагаетъ ее на главу новаго императора, и произноситъ патріархъ: „достойнъ“. Стоящіе на амвонѣ, вслѣдъ за тѣмъ, произносятъ тоже трижды, и всѣ находящіеся въ церкви также (возглашаютъ тоже), какъ при миропомазаніи. Послѣ этого патріархъ опять читаетъ молитвы, и императоръ сходитъ съ амвона, но не съ той стороны, съ которой взонелъ, а со стороны обращенной къ солеѣ. Если императоръ еще не женатъ, то всходитъ на помость и опять садится на тронѣ, если же у императора есть супруга, должно короновать также и ее. Для этого императрица встаетъ съ трона, и ее сводятъ съ помоста, поддерживая съ двухъ сторонъ, двое родственниковъ, а если ихъ нѣтъ, то столько же свуховъ, и подведи ее къ солеѣ, останавливаются, императоръ же сходитъ (съ амвона), беретъ корону, которую держитъ одинъ изъ родственниковъ или свуховъ приготовленною для императрицы, и возлагаетъ ее на главу своей супруги; тогда императрица предъ мужемъ и императоромъ преклоняется, признавая (тѣмъ своему) подданство. Патріархъ, стоя около соли, читаетъ молитву за императора, императрицу и всякаго подданнаго. Такъ императоръ коронуетъ свою супругу. Если же императоръ былъ коронованъ равнѣ, то онъ коронуетъ свою супругу такимъ же образомъ во время танцства бракосочетанія. (Послѣ этого) вмѣстѣ всходятъ (императоръ и императрица) на помость и садятся на троны, богослуженіе же продолжается. Когда поется Трисвятое, или читаются апостольскія посланія или священныя писанія, императоръ и императрица встаютъ. По обѣ стороны храма, на деревянныхъ помостахъ, устроенныхъ для этого, становятся первые пѣвцы, называемые доместиками, а также другіе, принадлежащіе къ церковному чину и умѣющіе пѣть, которыхъ обыкновенно называютъ при такомъ священномъ обрядѣ пѣвчими, и поютъ пѣснопѣнія, нарочно сложенныя и соответствующія торжеству. Когда во время бже-

ственной службы начинается такъ называемый великій входъ, идутъ почетнѣйшіе изъ діаконовъ церкви приглашать императора. Императоръ идетъ съ ними къ такъ называемому мѣсту предложенія, гдѣ лежитъ святое. Стоя предъ мѣстомъ предложенія, императоръ облачается въ золотую мантию, кромѣ діадимы и порфиры; въ правой рукѣ онъ держитъ крестъ, который обыкновенно держитъ все время, пока носитъ корону, въ лѣвую же руку ему влагаютъ акакію ¹⁾; такимъ образомъ императоръ имѣетъ церковный чинъ такъ называемаго депутата ²⁾. Имѣя это (крестъ и акакію) въ рукахъ, императоръ идетъ впереди всего священнаго входа. По обѣ стороны императора, справа и слѣва, благолѣпно идутъ съ топорами называемые Варягами и благородные юноши, числомъ около ста, блестяще вооруженные или безоружные. Непосредственно за императоромъ слѣдуютъ въ порядкѣ діаконы и іерей, неся утвари, священные сосуды и самое святое. Обойдя по обычаю храмъ, всѣ подходятъ къ солеѣ и становятся предъ нею, только императоръ всходитъ на нее и подходитъ къ патріарху, стоящему у св. вратъ. Императоръ и патріархъ другъ друга привѣтствуютъ и становятся: патріархъ въ св. вратахъ, императоръ—предъ ними. Тогда тотъ, кто за императоромъ идетъ впереди другихъ діаконовъ, имѣя въ правой рукѣ кадило и въ лѣвой такъ называемый омофоръ патріарха, подходитъ къ императору и кадитъ ему. Императоръ наклоняетъ голову.

¹⁾ Подъ *Νίφθηξ* здѣсь слѣдуетъ разумѣть, повидимому, акакію, какъ и у Кодива въ *De officiis*, cap. XVII, p. 93 (см. проф. Бѣляева *Byzantina*, II, 287, прим. 2). Акакіями назывались свертки или мѣшечки, наполненные землею или прахомъ, которые императоры держали въ рукѣ. Позднѣйшіе писатели (Кодивъ и Симеонъ вессалоникійскій) видѣли въ этомъ символъ смиренія императоровъ; императоры, по ихъ мнѣнію, держали въ рукѣ прахъ въ знакъ того, что они также смертные люди, которымъ предстоитъ обратиться въ прахъ (проф. Бѣляева *Byzantina*, II, 206, прим. 1).

²⁾ Проф. Бѣляевъ указываетъ, что обязанность депутата состояла въ пошени свѣчи предъ архіереемъ; депутатъ же носилъ свѣчу на маломъ входѣ предъ евангеліемъ, а на большемъ — предъ св. дарамъ; званіе депутата ставило дара въ разрядъ церковнослужителей и давало ему вмѣстѣ съ званіемъ дефензора (защитника) церкви значительныя преимущества предъ мірянами. Этими званіями, говоритъ проф. Бѣляевъ, мотивировалось, между прочимъ, право императора входить въ алтарь св. вратамъ и право причащенія подъ двумя видами отдѣльно (*Byzantina*, II, 165, прим. 1).

и діаконъ во всеуслышаніе произноситъ: „да помянетъ Господь Богъ силу царства вашего во царствіи своемъ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ“. добавляя и „аминь“. Тотчасъ затѣмъ и другіе діаконы и іереи, проходя мимо (императора), произносятъ тоже. По совершеніи этого императоръ привѣтствуетъ патріарха, снимаетъ мантию, которую уноситъ референдарій церкви ¹⁾ (таковъ обычай), всходитъ на возвышеніе и опять садится на тронѣ, вставая только при произнесеніи символа вѣры и молитвы „Отче нашъ“, а также при возношеніи св. Тѣла Христова. По совершеніи же возношенія императоръ, если не готовъ къ принятію св. причастія, сидитъ на тронѣ до окончанія божественной службы. если же готовъ, опять діаконы отправляются пригласить его, и императоръ тотчасъ съ ними входитъ въ алтарь, беретъ кадло и кадитъ св. престоль, обращаясь сначала на востокъ, затѣмъ на сѣверъ, западъ и въ четвертыхъ на югъ. Покадивъ снова на востокъ, императоръ кадитъ патріарху, который привѣтствуетъ его, беретъ кадло изъ рукъ его и кадитъ ему. Затѣмъ, императоръ снимаетъ съ головы корону и передаетъ ее діаконамъ, патріархъ же кладетъ ему въ руки частицу Тѣла Христова. Вкусивъ его, императоръ приобщается животворящей Крови, не лжицею, какъ міряне, но изъ самага потира, по образцу священнослужителей, послѣ чего снова возлагаетъ корону на главу и выходитъ изъ алтаря. По окончаніи (богослуженія) императоръ получаетъ антидоръ во время раздачи его народу, благословляется патріархомъ и присутствующими архіереями, лобзаетъ ихъ десницы и отправляется въ такъ называемыя катихуменіи (верхнія галлерей), дабы его, всѣми пздали видимого, привѣтствовали. Послѣ этого императоръ и императрица сходятъ (съ катихуменій) и на лошадяхъ отправляются во дворець, всѣ же остальные слѣдуютъ пѣшкомъ“. Послѣ коронованія императоръ давалъ завтракъ во дворцѣ всѣмъ синклитикамъ. Празднества по случаю коронованія продолжались около десяти дней и сопровождались раздачей денегъ народу и солдатамъ. Одинъ изъ синкли-

---

¹⁾ Референдаріями назывались духовные чины, входившіе въ составъ патріаршаго синклита. Объ обязанностяхъ ихъ см. Byzantina проф. Вѣльева, II, 58, прим. 1.

тиковъ бросалъ въ народъ ешикомвѣн ¹⁾ въ то время, когда императоръ послѣ коронованія выходилъ изъ храма, а на другой день самъ императоръ бросалъ золотыя монеты солдатамъ и своимъ служителямъ. Причиною этихъ денежныхъ раздачъ было, по объясненію Кантакузена, желаніе императора, чтобы вмѣстѣ съ нимъ всѣ ликовали ²⁾.

Исслѣдователи обрядовъ вѣнчаній на царство въ Византіи и на Руси находятъ, что обрядъ коронованія, описанный Кантакузеномъ, повторенъ Кодиномъ ³⁾. Сходство между обрядами, описанными Кантакузеномъ и Кодиномъ, даетъ право на такое заключеніе, но при сходствѣ между этими обрядами есть и различіе: Кантакузень не упоминаетъ о собственноручно написанномъ символѣ вѣры, который, по словамъ Кодина, императоръ вручалъ патриарху и св. синоду предъ поднятіемъ его на цитѣ ⁴⁾.

Нѣкоторыя дополненія къ обрядамъ коронованій въ Византіи, намъ извѣстнымъ, дѣлаетъ смоленскій іеродіаконъ Игнатій, видѣвшій и описавшій коронованіе императора Мануила Палеолога и его супруги (въ концѣ XIV в.). Іеродіаконъ Игнатій передаетъ, что императоръ принималъ участіе и въ маломъ входѣ, имѣя въ рукѣ свѣчу, которую несъ и во время великаго входа, что послѣ коронованія патриархъ читалъ императору поученіе, а затѣмъ къ императору подходили „мраморницы и гробоздательіе“ съ вопросомъ, какой изъ показанныхъ ему кусковъ мрамора и камня выбираетъ ошъ для приготовленія ему гроба, съ напоминаніемъ о кратковременности человѣческой жизни и увѣщаніемъ быть хорошимъ правителемъ ⁵⁾.

Іеродіаконъ Игнатій, дополняя извѣстный изъ описаній Кантакузена и Кодина обрядъ коронованія византійскихъ императоровъ, не говоритъ о миропомазаніи коронуемаго.

¹⁾ По объясненію Кантакузена ешикомвѣями назывались кусочки матеріи, въ которые завернуто было нѣсколько золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ (Cantacuzeni Histor. I, 41, pag. 203).

²⁾ Cantacuzeni Histor. I, 41, pag. 196 sqq., ed. Bon.

³⁾ Назв. труда Горскаго, 9; г. Попова „Богосл. В.“ 1896 г., апр., 71; проф. Покровскаго „Церк. В.“ 1896 г., апр., № 17, 542.

⁴⁾ Codinus, De officiis, cap. 17, pag. 86—87, ed. Bon.

⁵⁾ Описаніе іеродіакона Игнатія издано Е. В. Барсовымъ (назв. гр. 21—24).

Извѣстіе о коронованіи императоровъ Византіи, относящееся къ послѣднимъ временамъ существованія византійской имперіи, принадлежитъ Симеону, бывшему архіепископомъ ѳессалоникійскимъ въ первой половинѣ XV в. Объясняя значеніе разныхъ моментовъ коронованія византійскихъ императоровъ, Симеонъ сообщаетъ, что императоръ, послѣ миропомазанія и возложенія короны на себя, бралъ въ руки крестъ и акакію (мѣшочекъ съ землею)—символь тѣнности ¹⁾. Такое значеніе принимаемой императоромъ акакіи соотвѣтствуетъ тому напоминанію о смерти, которое дѣлалось императору по описанію іеродіакона Игнатія.

Около половины XV в. прекратила свое существованіе византійская имперія, прекратились вмѣстѣ съ тѣмъ развитіе и измѣненіе обряда коронованія императоровъ Византіи.

Прослѣдивъ развитіе коронаціоннаго чина византійскихъ императоровъ, перейдемъ къ чинамъ вѣнчаній московскихъ государей.

Чинъ вѣнчанія московскихъ государей, подобно чину коронованія византійскихъ императоровъ, не вылился сразу въ опредѣленные формы, но постепенно росъ и осложнялся, не удобившись вполне византійскому императорскому коронаціонному обряду.

Первый извѣстный намъ въ современной событію записи обрядъ вѣнчанія московскаго государя—великокняжеское вѣнчаніе внука Іоанна III. Что это было только великокняжеское вѣнчаніе, видно, какъ уже было отмѣчено, изъ самаго обряда вѣнчанія. Такъ его понималъ и лѣтописецъ: „князь великій Иванъ Васильевичъ всея Руси благословилъ и посадилъ на великое княженъе Володимерское и Московское всеа Руси внука своего князя, Дмитрея Ивановича“, читаемъ въ лѣтописи ²⁾. Въ лѣтописи же находимъ поясненіе, при какихъ обстоятельствахъ произошло вѣнчаніе внука Іоанна III. Лѣтописецъ, непосредственно за рассказомъ о гнѣвѣ Іоанна III на Софію Палеологъ и сына Василія, говоритъ о казняхъ сторонниковъ опальныхъ, совершенныхъ въ концѣ декабря 1497 г., и вслѣдъ затѣмъ о вѣнчаніи Дмитрія Іоанновича на великое княженіе въ началѣ февраля 1498 г. ³⁾. Такимъ образомъ

¹⁾ „Писанія св. отцевъ и учителей церкви“, II, стр. 200. 1856 г.

²⁾ П. С. Р. Л. VI, 43 и 241; VIII, 234.

³⁾ Тамъ же.

вѣнчаніе Іоанномъ III внука своего на великое княженіе представляется слѣдствіемъ ошала Іоанна III на жену и сына отъ брака съ нею: этимъ вѣнчаніемъ Іоаннъ III хотѣлъ закрѣпить великое княженіе за внукомъ.

Торжественный обрядъ великокняжескаго вѣнчанія, имѣвшій мѣсто въ Москвѣ въ исходѣ XV в., если въ немъ видѣть явленіе дотолѣ не бывшее на Руси, можетъ быть разсматриваемъ, какъ результатъ сверженія монголо-татарскаго ига и политическаго усиленія московскаго государя. Преемникъ Іоанна III являлся первымъ московскимъ государемъ, который вступалъ на престолъ независимымъ, хотя бы номинально, отъ воли чужеземнаго государя ¹⁾.

Въ 1502 г. Іоаннъ III наложилъ ошалу на вѣнчаннаго внука, запретилъ поминать имя его на ектиніяхъ и называть его великимъ княземъ, а чрезъ нѣсколько дней „пожаловалъ сына своего Василья, благословилъ и посадилъ на великое княженіе Володимирское и Московское и всеа Руси самодержцемъ, по благословенію Спмона митрополита всеа Руси“ ²⁾. Можно ли на основаніи этихъ словъ лѣтописи заключить, что Василій Іоанновичъ былъ вѣнчанъ на великое княженіе, подобно Дмитрію Іоанновичу? Чинъ вѣнчанія на великое княженіе сына Іоанна III и Софьи, если только Василій Іоанновичъ былъ вѣнчанъ на великое княженіе, не сохранился, что Катаевъ объяснилъ утратою этого чина наравнѣ съ чинами вѣнчаній Іжедмитрія I и Петра III ³⁾. Утрата двухъ послѣднихъ чинновъ понятна, но нельзя этого сказать относительно

---

¹⁾ Если появленіе обряда великокняжескаго вѣнчанія въ Москвѣ ставитъ въ связь съ вліаніемъ Софьи, придется прибѣгнуть къ такому объясненію: то, что Софья готовила для своего сына Василія, волею Іоанна III выпало на долю внука его. Допустить предположеніе, будто Іоаннъ III унаслѣдовалъ царственныя права чрезъ бракъ съ Софьей Палеологъ, и потому въ концѣ XV в. мы видимъ въ Москвѣ обрядъ вѣнчанія на великое княженіе, врядъ ли возможно, потому что въ исходѣ XV в. въ Москвѣ совершевъ былъ обрядъ великокняжескаго, но не царскаго вѣнчанія, не говоря уже о томъ, что страннѣмъ явленіемъ была бы передача Іоанномъ III царственныхъ правъ, полученныхъ чрезъ бракъ съ Софьей Палеологъ, не сыну отъ брака съ нею, но внуку.

²⁾ П. С. Р. Л. VI, 48; VIII, 212; Никоновск. VI, 167.

³⁾ Назв. тр., 76.

чина вѣнчанія Василія Іоанновича. Г. Поповъ замѣтилъ только, что чинъ вѣнчанія Василія Іоанновича не сохранился ¹⁾).

Соловьевъ ссылается на одинъ хронографъ, который онъ видѣлъ въ библиотекѣ Архива М. И. Д. въ Москвѣ; въ этомъ хронографѣ онъ нашелъ слѣдующее извѣстіе о коронованіи Василія III послѣ смерти отца его: „совѣтомъ Симона митрополита и всего освященнаго собора и боярѣ своихъ входилъ во св. соборную церковь и со всѣмъ своимъ синклитомъ. И священному собранію сошедшуся и иѣснословиша, якоже обычай имать св. и соборная церковь еже царя поставляти. Пресвященному же Симону митрополиту возложышу на В. К. Василія Ивановича животворящій крестъ и порфиру и виссонъ и златую гривну и вѣнецъ Мономаховъ возложи на главу его и всѣми царскими утварями украси и царемъ его парече и съ поклоненіемъ возвелчилъ его и рече: благовѣрному и христіолобивому царю и В. К. Василію Ивановичу Московскому и всея Руси пшолоаэти деспота“ ²⁾).

Если это извѣстіе хронографа вѣрно, то чинъ вѣнчанія Василія III отличенъ отъ чина вѣнчанія Димитрія Іоанновича; въ такомъ случаѣ его описали бы, какъ описали вѣнчаніе внука Іоанна III ³⁾. Помимо этого, нѣкоторыя подробности, которыя встрѣчаются въ описаніи вѣнчанія Василія III на царство, возбуждаютъ сомнѣніе въ достовѣрности извѣстія хронографа, напримѣръ: возложеніе на вѣнчасмаго порфиры и виссона, неопредѣленное выраженіе, что митрополитъ „всѣми царскими утварями украси“ Василія III. Впервые царская одежда при вѣнчаніи возложена была только на царя Оедора Алексѣевича. Сомнительно также извѣстіе хронографа, что во время вѣнчанія Василія III, которое должно было совершиться

¹⁾ „Богосл. В.“ 1896 г., май, 183. Карамзинъ полагалъ, что Василій III не былъ коронованъ („И. Р. Р.“, изд. Эйв. VII, 5). Тоже думалъ и Костомаровъ („Ист. мон.“, XII, 108). Такое мнѣніе подтверждается Герберштейновъ, который говоритъ, что Василій Іоанновичъ вступилъ на престолъ Non inauguratus, т. е. не коронованный (Regum moscovit. Com., 9, an. 1556).

²⁾ „Ист. Рос.“ V, прим. 84, изд. 5.

³⁾ При предположеніи, что вѣнчаніе Василія III было подобно вѣнчанію Димитрія Іоанновича, можно думать, что именно вслѣдствіе сходства обрядъ вѣнчанія Василія III не былъ описанъ, какъ не представляющій ничего особеннаго по сравненію съ извѣстнымъ уже.

вскорѣ послѣ смерти Іоанна III, вѣнцу, возложенному на главу вѣнчаемаго, усвоилось уже названіе Мономахова. Далѣе, пововѣнчаннымъ московскимъ государямъ не вѣли многолѣтія на греческомъ языкѣ.

Если нѣкоторыя особенности коронованія Василія III объяснимъ греческимъ его происхожденіемъ по матерн, тѣмъ въ такомъ случаѣ объяснить, что Василій III, при коронованіи нареченный царемъ, не пользовался этимъ титуломъ въ отношеніяхъ къ подданнымъ своимъ, и тѣ не титуловали его царемъ. Слѣдуетъ также имѣть въ виду утвержденіе Іоанна IV, что отецъ его не былъ вѣнчанъ на царство. Московскимъ посламъ, отправленнымъ въ Польшу въ 1554 г., данъ былъ наказъ требовать отъ короля признанія царскаго титула своего государя. Наказъ предвидѣлъ со стороны короля вопросъ: почему Іоаннъ IV называется царемъ, тогда какъ отецъ его и дѣдъ довольствовались великокняжескимъ титуломъ. На это московскіе послы должны были отвѣтить: „отецъ государя нашего и дѣдъ не вѣнчались, потому и не писались; а отъ начала у государей нашихъ въ обычаѣ лежитъ: которой вѣнцомъ вѣнчається на царство, тотъ и пишется“ ¹⁾. Не зная о вѣнчаніи Василія III и митрополитъ Макарій. Въ грамотѣ своей къ виленскимъ епископу и воеводѣ въ 1555 г. Макарій писалъ:... „цесарь всему римскому закону глава, тотъ въ своемъ писаніи докончалномъ за своею печатью то титуло царскаго именованья утвердилъ, которому государю и вѣнчанья отъ насъ не было“... ²⁾. Митрополитъ имѣлъ въ виду договорную грамоту 1514 г. германскаго императора съ Василіемъ III, въ которой Василій III названъ былъ „цесаремъ“ ³⁾.

Врядъ ли Іоаннъ IV отрицалъ бы вѣнчаніе на царство своего отца, если бы оно дѣйствительно произошло, потому что онъ

---

¹⁾ С. П. Р. И. Об., т. 59, стр. 437. Почти буквально тоже читаемъ въ наказѣ другихъ московскихъ пословъ, отправленныхъ къ польскому королю въ 1556 г.: „отецъ государя нашего и дѣдъ не вѣнчались, потому и не писались (царями); а отъ начала у государей нашихъ въ обычаѣ лежитъ: который вѣнцомъ вѣнчається на царство, то и пишется“ (тамъ же, стр. 528).

²⁾ Тамъ же, стр. 475.

³⁾ „Пам. дипл. сп. др. Россіи“, I, 1502 и II, 1437.

могъ доказать польскому королю, что отецъ его и самъ писался царемъ. и другіе государи признавали за нимъ царскій титулъ.

Такимъ образомъ извѣстіе хронографа о царскомъ вѣнчаніи Василія III врядъ ли можетъ быть признано достовѣрнымъ.

Первовѣнчаннымъ царемъ былъ Іоаннъ IV. Сохранились двѣ редакціи чина вѣнчанія его на царство: краткая и пространная ¹⁾. Только краткая редакція чина вѣнчанія Іоанна IV, какъ вѣрно замѣтилъ проф. Покровскій, можетъ быть признана тѣмъ обрядомъ вѣнчанія, который былъ совершенъ надъ Грознымъ ²⁾.

При сходствѣ чина этой редакціи съ чиномъ вѣнчанія внука Іоанна III замѣчаются и различія: чинъ вѣнчанія Іоанна IV названъ царскимъ вѣнчаніемъ; въ началѣ описанія этого чина пояснено, что Іоаннъ IV вѣнчался на царство крестомъ, вѣнцомъ и діадимомъ, присланными византійскимъ императоромъ великому князю Владиміру Мономаху, котораго этими утварями вѣнчалъ на царство митрополитъ ефесскій Неофитъ; на Іоанна IV былъ возложенъ еще крестъ, кромѣ вѣнца и бармы; наконецъ, въ краткой редакціи чина вѣнчанія Іоанна IV нѣтъ поученія митрополита къ нововѣнчанному.

Пространная редакція чина вѣнчанія Іоанна IV, какъ вѣрно замѣтилъ проф. Покровскій, „есть не описаніе чина коронованія Іоанна IV, а лишь общая схема“. составленная послѣ 1547 г., когда Іоаннъ былъ уже вѣнчанъ на царство ³⁾. Въ этой редакціи говорится объ отцѣ великаго князя, съ добавленіемъ: если онъ есть, упоминается патріархъ (вмѣсто митрополита), царь дважды называется святымъ. Упоминаніе объ отцѣ коронуемаго показываетъ,

---

¹⁾ Краткая редакція — въ Никоновск. лѣт. (ч. VII, 50) и въ С. Г. Г. и Д. (II, стр. 41). Существеннаго различія между двумя этими зависями чина вѣнчанія Іоанна IV въ краткой редакціи нѣтъ, мѣстами только, при буквальныйномъ сходствѣ вообще, встрѣчаются разночтенія. Пространная редакція—въ „Древн. Рос. Вивл.“ (кн. VII, стр. 4), въ 1 т. „Доп. къ Акт. Ист.“ (стр. 41) и въ назв. тр. Е. В. Барсова (стр. 42). Варианты указаны издателями.

²⁾ „Церк. В.“, 1896 г., май, № 19, 602. Катаевъ замѣтилъ, что чинъ вѣнчанія Іоанна IV совершенно подобенъ чину вѣнчанія внука Іоанна III (назв. тр., 79); Горскій и г. Поповъ полагаютъ, что Іоаннъ IV вѣнчался по чину пространной редакціи (назв. тр. Горскаго, 24 и г. Попова, „Богосл. В.“ 1896 г., май, 188.

³⁾ „Церк. В.“, 1896 г., май, № 19, 602

что составитель чина имѣлъ въ виду случай, когда царь будетъ короновать своего сына, упоминаніе же о патріархѣ и названіе царя святымъ обнаруживаетъ, что составитель этого чина былъ грекъ или, если былъ русскій, имѣлъ предъ собою чинъ вѣнчанія византійскихъ императоровъ. Далѣе, пространная редакція говоритъ о врученіи Іоанну IV скипетра, возложеніи на него цѣпи аравійскаго злата, о миропомазаніи вѣнчаемаго, о приятіи имъ св. причастія ¹⁾. Составитель чина вѣнчанія этой редакціи не скопировалъ чинъ византійскаго императорскаго коронованія, но какъ бы сообразовался съ существовавшими уже чинами вѣнчаній Дмитрія Іоанновича и Іоанна IV.

Пространная редакція чина вѣнчанія Іоанна IV является первымъ русскимъ чиномъ вѣнчанія, составитель котораго имѣлъ въ виду чинъ византійскаго императорскаго коронованія. Но имѣя въ виду чинъ византійскаго вѣнчанія на царство, составитель чина вѣнчанія Іоанна IV, надъ нимъ не совершеннаго, не скопировалъ византійскій чинъ и не поставилъ вѣнчаемаго на царство московскаго государя на высоту сана византійскаго императора.

Для опредѣленія времени составленія чина вѣнчанія пространной редакціи существуютъ данныя, на которыя обратилъ вниманіе проф. Покровскій ²⁾. Въ чинѣ этой редакціи упоминаются супруга царя Анастасія и дѣти царскія, между тѣмъ царь вѣнчался на царство до женитьбы своей ³⁾. Помимо этого, имѣются, какъ кажется, и другія данныя, болѣе точно опредѣляющія время составленія чина этой редакціи. Курбскій, говоря, что патріархъ константинопольскій прислалъ Іоанну IV „книгу Царскаго Величества вѣнчанія всю“, т. е. чинъ царскаго вѣнчанія, опредѣляетъ время этой присылки ³⁾. Чинъ этотъ, по словамъ Курбскаго, былъ при-

¹⁾ Какъ царь долженъ приобщаться, по чину ли священнослужителей или подобно мірянамъ, составитель чина пространной редакціи не говоритъ (назв. тр. Е. В. Барсова, 63). Такъ какъ царя московскіе начали приобщаться во время совершенія надъ нимъ обряда вѣнчанія на царство по чину священнослужителей только со времени Федора Алексѣевича, можно думать, что въ чинѣ пространной редакціи рѣчь идетъ о приобщеніи царя по чину мірянь.

²⁾ „Церк. В.“ 1896 г., май, № 19, 604.

³⁾ Назв. тр. Е. В. Барсова, 60.

⁴⁾ „Сказ. ки. Курбскаго“, ч. I, гл. VIII, стр. 183, взд. I.

сланъ патриархомъ Иоанну IV по возвращеніи изъ Константинополя суздальскаго архимандрита Θεодорита, вѣдвшаго туда по порученію царя съ цѣлью получить отъ патриарха вселенскаго соборную грамоту, утверждающую царское вѣнчаніе Иоанна IV ¹⁾). Это извѣстіе Курбскаго о присланномъ Иоанну IV чинѣ вѣнчанія, достовѣрность котораго проф. Покровскій не считаетъ несомнѣнною ²⁾), подтверждается слѣдующимъ показаніемъ лѣтописи: „того жъ августа (7069 г.) приѣхалъ ко царю и великому князю Егритской митрополитъ Иоасаѣ да Евеской епископъ, а привезъ митрополитъ Егритской Иоасаѣ отъ патриарха Цареградскаго Иоасаѣа же царю и великому князю грамоты благословенныя на царство с патриаршескою подписью и печатью, также и всѣхъ митрополитовъ и архіепископовъ к той грамоте руки приложены благословиши на царство да и древнихъ царей поставленіе царскомъ Патриархъ прислать“ ³⁾). Если мы предположимъ, что чинъ вѣнчанія Иоанна IV, извѣстный намъ въ пространной редакціи, и тотъ чинъ вѣнчанія, который, по словамъ Курбскаго и „Лѣтописца Русскаго“, былъ присланъ патриархомъ Иоанну IV, одно и то же, опредѣлимъ не только время составленія чина вѣнчанія Иоанна IV въ пространной редакціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ найдемъ отвѣтъ на вопросъ: чѣмъ было вызвано составленіе чина вѣнчанія, не совершеннаго надъ Иоанномъ IV? Такое предположеніе, которое приводитъ къ мысли, что константинопольскій патриархъ не смотрѣлъ на Иоанна IV, какъ на преемника византійскихъ императоровъ, могло бы быть доказано сравненіемъ текстовъ того и другого чина. Извѣстный археографъ П. М. Строевъ видѣлъ въ библиотекѣ Кириллова бѣлоозерскаго монастыря переведенный съ греческаго языка чинъ вѣнчанія, который

1) „Сказ. кн. Курбскаго“, тамъ же. „Сношенія Россіи съ Востокомъ“, I, 75. „Соборная грамота духовенства прав. вост. деркви, утверждающая санъ царя за Иоанномъ IV“, изд. кн. Оболенскимъ, стр. 29.

2) „Церк. В.“ 1896 г., май, № 19, 605.

3) „Чтев. въ Моск. Об. Ист. и Др. Рос.“, 1895 г. кн. 3, „Лѣтописецъ Русскій“, стр. 149. О немъ въ „Обозрѣніи состава Московск. лѣтоп. сводовъ“ П. А. Тихомирова („Лѣтоп. зап. Археогр. Ком.“, вып. X, стр. 71). По словамъ Курбскаго чинъ вѣнчанія присланъ былъ Иоанну IV патриархомъ вселенскимъ „съ Митрополитомъ единымъ и со Мнихомъ Превзитеромъ“.... („Сказ.“ изд. I, ч. I, 183).

былъ присланъ Иоанну IV константинопольскимъ патріархомъ. въ рукописи конца XVI в., озаглавленный: „Чинъ и уставъ о вѣчаніи и о поставленіи царскомъ. Переводилъ, на Москвѣ, митрополитъ египтійскій Іасафъ, съ патріарха Потребника цареградскаго, лѣта 7070-го мѣсяца декабря 13 день; а прислать тотъ Потребникъ къ царю и великому князю патріархъ цареградской Іасафъ съ митрополитомъ египтійскимъ Іасафомъ же, со благословенными грамотами вмѣстѣ, что прислалъ патріархъ благословенные грамоты на царство царю и великому князю Ивану“¹⁾. Рукопись эта не была найдена мною въ библиотекѣ Петербургской Духовной Академіи, куда въ 1859 г. поступили рукописи Кириллова бѣлоозерскаго монастыря²⁾.

¹⁾ „Библиолог. Словарь и чернов. къ нему мат. П. М. Строева“. Изд. подъ ред. акад. А. О. Гичкова въ „Сборн. Отд. русск. яз. и слов. Имп. Акад. П.“, т. XXIX, № 4, стр. 111, подъ „Іоасафъ, митрополитъ египтійскій“.

²⁾ Проф. В. С. Иконниковъ „Опытъ русской исторіографіи“, т. I, кн. I, стр. 732. Въ свое время Строевъ, узнавъ о приготовленіяхъ Археографической Комиссіи къ печатанію I-го тома „Дополненій къ Актамъ Историческимъ“, предлагалъ Комиссіи выписать для напечатанія слѣд. рукописи: изъ Кириллова бѣлоозерскаго монастыря рукопись № 28 (842), въ которой паходился чинъ царскаго вѣчанія, переведенный въ Москвѣ митрополитомъ египтійскимъ Іоасафомъ; изъ Соловецкаго монастыря (№ 55, in 4°) — чинъ вѣчанія на царство Бориса Годунова, откуда напечатанъ былъ только отрывокъ въ Актахъ Археографической Экспедиціи (V, 8; недосмотр. опечатка, должно быть: II, 8); изъ Волоколамскаго Іосифова монастыря — № 361 и нѣкоторыя другія рукописи. (Н. Барсуковъ. „Жизнь и труды П. М. Строева“, стр. 436). Предложеніе Строева было выполнено. Въ I томѣ „Дополненій къ Актамъ Историческимъ“ напечатанъ былъ „Чинъ вѣчанія на царство царя Іоанна Васильевича“ въ пространной редакціи, т. е. несовершенной надъ Іоанномъ IV, изъ сборника XVI в. библиотекы Іосифова Волоколамскаго монастыря, подъ № 361 („Дополн. къ Актамъ Истор.“ I, № 30); въ этомъ же томѣ изданъ „Чинъ вѣчанія на царство царя Бориса Феодоровича“ изъ современной рукописи, принадлежавшей Соловецкому монастырю (тамъ же, № 145). Отрывокъ этого чина вѣчанія дѣйствительно былъ изданъ въ „Актахъ Археографической Экспедиціи“ по рукописи Соловецкаго монастыря (II, № 8). Такимъ образомъ Археографическая Комиссія выполнила часть предложенія Строева. Изъ протоколовъ засѣданій Археогр. Ком., которые во время у меня не были въ рукахъ, видно, что рукопись Кириллова бѣлоозерскаго монастыря подъ № 28 (842) не была доставлена Комиссіи за неважною этою рукописи. („Проток. засѣд. Археогр. Ком.“, II, 193. Предложеніе Строева тамъ же. стр. 177).

Іоаннъ IV, отпуская прибывшаго въ 1557 г. въ Москву митрополита Іоасафа евгринскаго, посланнаго патріархомъ константинопольскимъ съ просьбою о милостынѣ ¹⁾, отправилъ къ патріарху константинопольскому суздальскаго архимандрита Θεодорита съ грамотой, въ которой просилъ патріарха: „намъ о напемъ Царскомъ вѣнчаніи отпиши свое благословеніе, соборною грамотою, съ нашимъ посланнымъ священноинокомъ Θεодоритомъ“ ²⁾. При этомъ патріарху была послана отъ царя щедрая милостыня ³⁾. Въ слѣдующемъ 1558 г. Θεодоритъ вернулся въ Москву и привезъ грамоту патріарха, въ которой тотъ писалъ царю: „о благовѣрномъ вѣнчаніи твоемъ на царство отъ святѣйшаго митрополита всея Руси, брата нашего и сослужебника, принято нами во благо и достойно твоего царства“. Патріархъ обѣщалъ царю прислать соборную грамоту, подтверждающую его вѣнчаніе на царство ⁴⁾. Обѣщанная патріархомъ грамота прислана была Іоанну VI только въ 1562 г. Привезъ ее митрополитъ евгринскій Іоасафъ ⁵⁾.

¹⁾ „Священія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ“, I, 71.

²⁾ Тамъ же, 79.

³⁾ Тамъ же, 75.

⁴⁾ Тамъ же, 86—88.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 104. Грамота эта издана кн. Оболенскимъ. Е. В. Барсовъ отмѣчаетъ, что въ подлинной грамотѣ цѣлыя выраженія выскоблены дякомъ и замѣнены новыми словами потому, что нѣкоторыя строки этой грамоты казались возмутительными для русской чести („Древне-русскіе памятники священнаго вѣнчанія царей на царство“, стр. XXIV). Что нѣкоторыя мѣста этой грамоты были выскоблены и нѣкоторыя вырваны, замѣтилъ Вельтманъ. Онъ указалъ, что московскій дякъ къ имени императора Константина, брата царицы Анны, супруги Владиміра св., прибавилъ слово „Мономахъ“, имя же императора Василія принялъ за Βασίλειος. („Царскій вѣнецъ и царскія утвари, прислан. Влад. Мон.“, въ „Чтен. Моск. Об. Ист. и Др. Рос.“, 1860 г., кн. I, стр. 36). Фототипическій снимокъ съ подлинной грамоты приложенъ къ труду проф. Регеля *Analecta Byzantino-Russica*. По мнѣнію проф. Регеля подлинны на этой грамотѣ только подписи патріарха константинопольскаго и митрополита евгринскаго Іоасафа, подписи же остальныхъ іерарховъ грековосточной церкви принадлежатъ той рукѣ, которою написанъ текстъ грамоты (Prooemium, III). Въ этомъ, кажется, проф. Регель не правъ: разсматривая подписи іерарховъ, можно видѣть, что одиѣ и тѣ же буквы въ подписяхъ разныхъ лицъ писаны разн.

Грамота восточнаго духовенства признала царскій санъ за „благочестивѣйшимъ царемъ Московіи господиномъ Іоанномъ“, хотя и указала, что вѣнчать на царство имѣютъ право только патріархи римскій и константинопольскій; поэтому патріархъ предложилъ Іоанну IV повторить надъ собою царское вѣнчаніе чрезъ митрополита свррпскаго, какъ патріаршаго экзарха ¹⁾. Іоаннъ IV не принялъ этого предложенія. Проф. Кантеревъ замѣчаетъ, что слишкомъ ясно выраженное этимъ предложеніемъ стремленіе константинопольскаго патріарха имѣть для московскихъ государей то же значеніе, какое имѣлъ нана для государей западныхъ, т. е. желаніе только себѣ одному усвоить право вѣнчать на царство московскихъ государей, по понятнымъ причинамъ, никакъ не могло увѣнчаться успѣхомъ, потому что православіе самихъ константинопольскихъ патріарховъ было занедозрѣно въ Москвѣ ²⁾.

Федоръ Іоанновичъ вѣнчанъ былъ на царство по тому чину, который мы назвали чиномъ прюстранной редакціи, и который былъ составленъ въ царствованіе Іоанна IV. Первый помазанникъ, Федоръ Іоанновичъ, былъ миропомазанъ на челѣ, ушахъ, груди, плечахъ и рукахъ ³⁾.

Чинъ царскаго вѣнчанія Бориса Годунова ⁴⁾ заключаетъ въ себѣ нѣсколько особенностей, отмѣченныхъ изслѣдователями русскаго коронаціоннаго обряда: ⁵⁾ 1) патріархъ поднесъ царю, послѣ возложенія на него вѣнца, державу (яблоко), причемъ произнесъ соотвѣтствующія слова ⁶⁾; 2) послѣ миропомазанія царя и принятія

---

¹⁾ „Своиен. Россіи съ правосл. Востокомъ“, I, 110.

²⁾ „Характеръ отношеній Россіи къ правосл. Востоку въ XVI и XVII вв.“, 29—30.

³⁾ С. Г. Г. и Д., II, стр. 83. Архидіаконъ, приглашая царя къ миропомазанію, обратился къ приглашаемому съ словами: „Господи святыи, Боговѣнчанныи царю“ (тамъ же, стр. 83). Такое обращеніе къ царю съ названіемъ его святымъ, всточкомъ своимъ имѣющее византійскій чинъ императорскаго вѣнчанія, находимъ еще въ чинахъ вѣнчаній Михаила Федоровича Романова (тамъ же, III, стр. 84) и Алексѣя Михайловича („Древн. Рос. Вивл.“ VII, стр. 288, изд. 2).

⁴⁾ „Дои. къ Акт. Истор.“ I, № 145.

⁵⁾ Назв. труды Горскаго, стр. 27; Попова. „Богосл. В.“, 1896 г., май, 190; Покровскаго, „Церк. В.“, 1896 г., май, № 19, 605.

⁶⁾ „Дои. къ Актамъ Истор.“ I, стр. 242.

имъ св. Таниъ патріархъ во второй разъ возложилъ на главу его корону съ возгласеніемъ *Ἄξιός* ¹⁾; 3) предъ миропомазаніемъ царя патріархъ прочелъ двѣ молитвы и столько же молитвъ послѣ ²⁾.

Чинъ вѣнчанія на царство Разстриги не сохранился ³⁾.

Изъ отмѣченныхъ особенностей обряда вѣнчанія на царство Бориса Годунова въ чинахъ вѣнчаній пресмннковъ его сохранилось только врученіе вѣнчаемому державы. Бромъ этой особенноти чины вѣнчаній Василія Шуйскаго и Михаила Романова подобны чину вѣнчанія Федора Иоанновича ⁴⁾.

Въ чинѣ вѣнчанія на царство Алексѣя Михайловича, сравнительно съ чиномъ вѣнчанія Михаила Оедоровича, добавленіемъ является помазаніе царя миромъ на „брадѣ, и подъ брадою, и на выѣ“ ⁵⁾.

---

¹⁾ „Доп. къ Актамъ Истор.“, стр. 248.

²⁾ Тамъ же, стр. 247.

³⁾ О вѣнчаніи на царство Разстриги свидѣтельствуя: „Сказаніе о Гришкѣ Отрельевѣ“ („Рус. Истор. Библ.“ т. XIII, стр. 736), „Повѣсти“ князей Хворостнина и Катырева-Ростовскаго (тамъ же, стр. 540 и 578; тоже и во второй редакціи „Повѣсти“ кн. Катырева-Ростовскаго, стр. 652). Изъ иностранцевъ, современныхъ событію и бывшихъ въ то время въ Москвѣ, о вѣнчаніи на царство Разстриги говорятъ: Масса (въ изд. Археогр. Ком., стр. 61), Буссовъ („Сказ. современ. о Дмитріи Самозванцѣ“, ч. I, стр. 48, изд. 3), Паерле (тамъ же, стр. 298), іезуитъ Велепикій („Записки гегмана Жолкевскаго о моск. войнѣ“, Приложение, стр. 133, изд. 2), Станиславъ Борша, ротмистръ Разстриги (въ описаніи „Похода московскаго царя Дмитрія въ Москву“, въ „Рус. Истор. Библ.“ I, стр. 398—399). Большинство названныхъ иностранцевъ передаетъ, что Разстрига вѣчался на царство согласно московскому обычаю, и всѣ они, за исключеніемъ Массы, говорятъ, что Марина также была короювана.

⁴⁾ Чинъ вѣнчанія Василія Шуйскаго въ „Акт. Археогр. Экспед.“ II, № 47; чинъ вѣнчанія Михаила Оедоровича въ С. Г. Г. и Д. III, № 16. Въ рѣчи своей къ митрополиту, произнесенной предъ совершеніемъ обряда вѣнчанія, Михаилъ Оедоровичъ говорилъ объ обычаяхъ русскихъ государей вѣчаться на царство со времени Владиміра Мономаха, получившаго вѣнецъ и діадиму отъ греческаго царя Константина Мономаха (тамъ же, стр. 73—74). Ссылки на вѣчаніе Владиміра Мономаха не находимъ въ рѣчахъ предшественниковъ Михаила Оедоровича на московскомъ престолѣ, которыя они произносили предъ совершеніемъ надъ ними обряда вѣнчанія на царство.

⁵⁾ Въ „Древн. Рос. Вѣд.“ VII, стр. 290, изд. 2, и „Памятникахъ Древн. Письмен.“, „Чинъ поставленія на царство царя и вел. кн. Алексѣя Михайло-

Такъ чинъ вѣчанія на царство, составленный при Иоаннѣ IV, по падѣ шимъ не совершенный, соблюдался въ существенномъ до воцаренія Ѳедора Алексѣевича, въ обрядѣ вѣчанія котораго находимъ крупныя дополненія: 1) произнесеніе царемъ символа вѣры предъ совершеніемъ обряда вѣчанія, 2) возложеніе на царя „царской одежды“ и 3) причащеніе царя въ алтарь по чину священнослужителей ¹⁾. Эти дополненія взяты изъ обряда вѣчаній византійскихъ императоровъ. Кромѣ дополненій, въ чинѣ вѣчанія Ѳедора Алексѣевича замѣчаются сокращенія. Проф. Покровский отмѣчаетъ одно: исключеніе молитвы „о, Пресвятая Госпоже“, которая читалась патриархомъ послѣ врученія царю скипетра и державы; этой молитвы нѣтъ въ византійскомъ обрядѣ вѣчаній на царство ²⁾. Отмѣтимъ еще, что въ чинѣ вѣчанія Ѳедора Алексѣевича исключено названіе вѣчаемаго царя „святый“ въ обращеніи къ нему посланныхъ патриархомъ священнослужителей, которые приглашали царя къ миропомазанію и причащенію ³⁾.

Проф. Покровский указалъ на связь этого исправленія русскаго коронаціоннаго чина съ исправленіемъ богослужебныхъ книгъ ⁴⁾. Возможно, что при исправленіи богослужебныхъ книгъ въ Москвѣ обратили вниманіе на разницу въ чинахъ вѣчаній на царство русскихъ царей и византійскихъ императоровъ, но не были ли дополненія въ чинѣ вѣчанія Ѳедора Алексѣевича также слѣдствіемъ такъ называемаго дѣла патриарха Никона? Восточные іерархи не одобрили отношеній Никона къ царю и вопросъ объ отношеніи патриаршей власти къ царской рѣшили не въ пользу первой ⁵⁾.

вича“, сообщен. архим. Леоплдомъ, стр. 32, 1832 г. Это добавленіе въ чинъ вѣчанія Алексѣя Михайловича, не перешедшее въ обряды вѣчаній цесаревичей его, было, вѣроятно, направлено противъ брадобритія.

¹⁾ „Древн. Рос. Вивл.“ VII, стр. 331, 337, 360, изд. 2; назв. тр. Е. В. Барсова, 102 и 105.

²⁾ „Церк. В.“ 1896 г., май, № 19, 607. Сравн. чины вѣчаній Алексѣя Михайловича и Ѳедора Алексѣевича въ „Древн. Рос. Вивл.“, VII, стр. 273—274 и 343—344, изд. 2.

³⁾ „Древн. Рос. Вивл.“ VII, стр. 357, изд. 2.

⁴⁾ „Церк. В.“, 1896 г., май, № 19, 607.

⁵⁾ С. Г. Г. и Д., IV, № 27; Гиббенетъ „Историческое изслѣдованіе дѣла патриарха Никона“, II, стр. 671—674; проф. Кантерева „Сужденіе большаго

Такое разрѣшеніе этого вопроса могло отразиться на чинѣ вѣнчанія московскаго государя: въ этотъ чинъ включили нѣкоторыя подробности, заимствованныя изъ обряда вѣнчаній византійскихъ императоровъ, которыя возвышали царя, именно принятіе вѣнчавшимся на царство св. Танинъ по чину священнослужителей и возложеніе на него царской одежды. Сравненіе обрядовъ вѣнчаній русскихъ царей и византійскихъ императоровъ могло повести къ включенію въ обрядъ вѣнчанія первыхъ произнесенія царемъ символа вѣры. Название царя „святый“, которое мы видѣли въ обрядахъ вѣнчаній на царство Ѳедора Иоанновича, Михаила Ѳедоровича и Алексея Михайловича, было исключено изъ чина вѣнчанія Ѳедора Алексеѣвича, потому что русскіе цари не назывались святыми подобно византійскимъ императорамъ.

Чинъ вѣнчанія Ѳедора Алексеѣвича и послѣ сдѣланныхъ въ немъ дополненій сохранилъ отличіе отъ позднѣйшаго чина вѣнчаній византійскихъ императоровъ.

Сравнивая чинъ вѣнчанія Ѳедора Алексеѣвича съ чинномъ вѣнчанія византійскихъ императоровъ въ изложеніи Кантакузена, находимъ слѣдующія отличія перваго чина отъ втораго: 1) русскій царь, предъ совершеніемъ надъ нимъ обряда вѣнчанія на царство, не облачался въ царскія одежды въ особо для того устроенномъ помѣщеніи во храмѣ и не поднимался на щитѣ, какъ византійскій императоръ; 2) на Русѣ сначала для митрополита, а впослѣдствіи для патріарха, ставилось рядомъ съ царскимъ трономъ сѣдалище, на которомъ іерархъ, совершавшій обрядъ вѣнчанія, сидѣлъ въ опредѣленное время, въ Византіи же этого не было: тамъ патріархъ, совершавшій обрядъ вѣнчанія, не сидѣлъ подлѣ коронуемаго императора; 3) русскій царь, предъ вѣнчаніемъ своимъ на царство, говорилъ рѣчь іерарху, который долженъ былъ вѣнчать его, и тотъ произносилъ царю отвѣтную рѣчь, чего не было въ византійскомъ обрядѣ вѣнчанія на царство; 4) въ византійскомъ обрядѣ миропомазаніе предшествовало возложенію на вѣнчаемаго императорскихъ регалій, по московскому же обряду миропомазаніе совершалось послѣ воз-

---

моск. собора 1667 г. о власти царской и патріаршей“, „Богосл. В.“, 1892 г., авг., стр. 171 и слѣд; окт., стр. 46 и слѣд. и 64. Взглядъ Никона на значеніе патріаршей власти — въ статьѣ В. К—ва, „Ж. М. П. Пр.“ 1880 г., дек., стр. 233.

ложенія на вѣнчаемаго царскихъ регалій; 5) въ Византіи вѣнчаемому императору помазывали св. миромъ только главу крестообразно, русскому же царю помазывали св. миромъ: грудь, шею, плечи и лани рукъ; 6) при миропомазаніи императора Византіи патріархъ и всѣ находившіеся во храмѣ провозглашали „святъ“, что относилось къ императору, въ чинѣ же вѣнчаній русскихъ царей такого провозглашенія не было; 7) по византійскому обряду вѣнчанія императоръ принималъ участіе въ великомъ входѣ: шелъ впереди всего входа съ крестомъ и акакіей въ рукахъ, окруженный оруженосцами, имѣя чинъ церковнаго депутата, русскій же обрядъ не опредѣлялъ царю участія въ богослуженіи, и русскій царь никакого церковнаго чина не имѣлъ; 8) византійскій императоръ предъ принятіемъ св. Таинъ кадилъ въ алтарь вокругъ св. престола, чего русскій царь не совершалъ; 9) по русскому чину вѣнчанія, послѣ возложенія на царя регалій, іерархъ говорилъ нововѣнчанному поученіе, чего не было въ византійскомъ обрядѣ ¹⁾); 10) на Руси не было въ обычай напоминать царю о смерти послѣ совершенія надъ нимъ обряда вѣнчанія на царство ²⁾). Кромѣ перечисленныхъ отли-

¹⁾ Г. Лопаревъ указываетъ на византійскій источникъ поученія, которое произносилъ іерархъ вѣнчавшемуся на царство русскому царю. Источникомъ при составленіи этого поученія, по мнѣнію г. Лопарева, послужило наставленіе, которое написалъ византійскій императоръ Василій Македонянинъ для старшаго своего сына Льва. Къ такому заключенію привело г. Лопарева сличеніе текстовъ русскаго поученія и наставленія Василія Македонянина („Ж. М. Н. Пр.“, 1887 г., октябрь, стр. 312—319).

²⁾ Еще Горскій высказалъ соображеніе, что византійскій обычай напоминать нововѣнчанному о смерти замѣнялся на Руси тѣмъ, что царь, послѣ совершенія надъ нимъ обряда вѣнчанія, отправлялся изъ Архангельскаго собора для поклоненія гробамъ своихъ царственныхъ предковъ (назв. тр., 31). Такое соображеніе Горскаго было принято г. Поповымъ (назв. тр., „Богосл. В.“, 1896 г., май, 193). Въ справедливости догадки Горскаго усомнился г. Гергиевскій, который замѣтилъ, что московскіе государи при всякомъ новомъ и важномъ дѣлѣ, послѣ молебствій, заходили поклониться гробамъ своихъ предковъ. („Коронаваніе русск. государей“, „Русск. Обзорніе“, 1895 г., ноябрь, 239). Слѣдуетъ также имѣть въ виду, что нововѣнчанннй царь посѣщалъ не только Архангельскій соборъ, гдѣ молился и, по выраженію чиновъ царскихъ вѣнчаній, „прощался“ у гробовъ своихъ предковъ; изъ Архангельскаго собора царь отправлялся въ Благовѣщенскій соборъ, гдѣ также молился. Чѣмъ въ такомъ случаѣ объяснить посѣщеніе царемъ Благовѣщенскаго собора послѣ вѣн-

чій московскаго царскаго чина вѣнчанія отъ византійскаго императорскаго слѣдуетъ имѣть въ виду, что московскія царицы на царство не вѣнчались, въ Византіи же вѣнчались на царство и супруги императоровъ.

Петръ и Иоаннъ Алексѣевичи были вѣнчаны на царство по чину вѣнчанія Федора Алексѣевича ¹⁾.

Горекій въ своемъ изслѣдованіи обрядовъ вѣнчаній на царство московскихъ государей пришелъ къ заключенію, что „чинъ вѣнчанія царскаго (на Руси), въ концѣ XVII в., совмѣщалъ въ себѣ всѣ учрежденія и обычаи вѣнчанія греческихъ императоровъ и русскихъ великихъ князей и первыхъ царей“ ²⁾. Отличія чина вѣнчанія на царство сыновей Алексея Михайловича отъ обряда византійскаго императорскаго коронованія противорѣчатъ такому заключенію. Г. Поповъ, быть можетъ подъ вліяніемъ Горскаго, также заключилъ, что „лишь во второй половинѣ XVII в. произошло у насъ полное усвоеніе окончательно установившагося греческаго чина коронованія“ ³⁾, хотя и замѣтилъ, „что усвоеніе греческаго чина совершилось со многими оригинальными измѣненіями и дополненіями“ ⁴⁾. Эти, по выраженію г. Попова, „многія оригинальныя измѣненія и дополненія“ московскаго чина вѣнчанія на царство, по сравненію съ такимъ же чиномъ византійскимъ, свидѣтельствуютъ, повидимому, слѣдующее: на Руси сознавалось отличіе царя московскаго отъ византійскаго императора, и обрядъ византійскаго императорскаго вѣнчанія, отражавшій въ себѣ идею власти византійскаго императора, не былъ принятъ въ Москвѣ потому, что идея власти царя русскаго была не та, что въ Византіи идея власти императора Ромеевъ.

чанія на царство? Не было ли такое хожденіе по кремлевскимъ соборамъ благодарственнымъ послѣ вѣнчанія поклоненіемъ святынямъ? Въ Архангельскомъ соборѣ царь поклонялся гробницамъ тѣхъ, вслѣдствіе вѣнчанія которыхъ и самъ онъ былъ вѣнчанъ, на что обыкновенно цари предъ совершеніемъ надъ ними обряда вѣнчанія указывали іерарху, долженствовавшему совершить надъ ними этотъ обрядъ.

¹⁾ „Др. Рос. Вѣд.“ VII, стр. 403, изд. 2.

²⁾ Назв. тр., 31.

³⁾ Назв. тр., „Богосл. В.“ 1896 г., май, 191.

⁴⁾ Тамъ же.

Обрядъ вѣнчанія русскаго государя, въ томъ видѣ, какъ онъ былъ совершенъ надъ внукомъ Іоанна III, подобный кесарскому въ Византіи, имѣлъ до XVIII в. два момента въ своемъ развитіи, ясно представляющіеся при чтеніи обрядовъ вѣнчанія на царство русскихъ царей: первый разъ обрядъ этотъ былъ передѣланъ при Іоаннѣ IV, второй—послѣ исправленія богослужебныхъ книгъ и суда надъ патріархомъ Никономъ. И при первой передѣлкѣ и при второй обрядъ вѣнчанія русскихъ царей не унодобился обряду вѣнчанія византійскихъ императоровъ.

Всматриваясь въ обряды вѣнчаній русскихъ государей отъ конца XV в. до XVIII в. видимъ въ обрядахъ этихъ только государей русскихъ; какъ на царей русскихъ смотрѣли на себя тѣ, надъ которыми совершался обрядъ царскаго вѣнчанія въ московскомъ Успенскомъ соборѣ: каждый изъ нихъ, подобно Петру и Іоанну Алексѣевичамъ, предъ совершеніемъ надъ нимъ чина вѣнчанія на царство, въ рѣчи своей къ іерарху говорилъ, чтобы тотъ его „на всѣ великія и преславныя государства Великороссійскаго царствія“ вѣнчалъ бы ¹⁾.

---

¹⁾ Чинъ вѣнчанія на царство Іоанна и Петра Алексѣевичей въ „Древн. Рос. Вивл.“, VII, стр. 443, изд. 2.

Глава V.

Праздникъ Ваій не одинаково совершался во время соблюденія обрядовъ, изложенныхъ въ De ser. a. V., и въ послѣдніе вѣка существованія Византійской имперіи ¹⁾.

Въ I книгѣ De ser. a. V. XXXI гл. посвящена описанію празднованія кануна Воскресенья недѣли Ваій, слѣдующая XXXII глава содержитъ въ себѣ описаніе празднованія Воскресенья той же недѣли.

Наканунѣ Вербнаго Воскресенья совершалось слѣдующее: „въ субботу Лазаря, когда дворець открывался вечеромъ, входитъ весь синклитъ, магистры, анепаты, патрикіи и чины кувуклія только въ скарамангіяхъ, императоръ же стоитъ во храмѣ св. Димитрія предъ литымъ изображеніемъ Богородицы у двери, ведущей въ илакъ. Когда синклитики выходятъ чрезъ восточныя серебряныя двери ²⁾, церковь даетъ знакъ ³⁾, и входятъ они рядами, одинъ за другимъ, во храмъ св. Димитрія и получаютъ изъ руки императора по одной ваіѣ, составленной изъ вѣтвей финиковой пальмы, самсиха ⁴⁾ и другихъ душистыхъ цвѣтовъ, какіе бывають въ то

---

¹⁾ Обряды, описанные Константиномъ Багрянороднымъ, соблюдались, какъ полагаегь проф. Бѣляевъ, приблизительно въ IX—XI вв. (Byzantina, II, 4 и слѣд.). Точно опредѣлить время соблюденія многихъ изъ придворныхъ обрядовъ, изложенныхъ въ De ser. a. V., врядь ли возможно. Само собою разумѣется, что по мѣрѣ паденія могущества Византійской имперіи уменьшалась пышная обрядность Византійскаго двора, и что послѣ возстановленія Византійской имперіи не всѣ придворные обряды въ прежнемъ видѣ были возстановлены въ Константинополѣ.

²⁾ Двери эти вели изъ хрисотриклина, см. Byzantina проф. Бѣляева I. 17.

³⁾ Reiske полагаетъ, что этотъ знакъ давался не колоколомъ, но церковнымъ баяломъ (Commentarii ad De ser. a. V. pag. 235).

⁴⁾ Σάμψυχα—маіоранъ (ibid., 238, s. v.).

время года. Магистры и препозиты (еще получают) по одному большому серебряному кресту, официалин ¹⁾ и все другие по малому серебряному кресту, анониаты и патрикин по большому серебряному кресту. Если малые серебряные кресты имѣются въ большомъ количествѣ, то ихъ даютъ протославаріямъ свухамъ ²⁾. Черезъ другую дверь (храма) св. Димитрія входятъ во храмъ пресв. Богородицы Фара ³⁾, и тотчасъ начинается вечерня; на отпускѣ вечерни поютъ: *Ἐπὶ ἔρημ σურταγέρτες σοί*—одну часть чины кувуклія, другую—императорскіе клирики. Препозиты берутъ большія пальмовыя вѣтви и одѣляютъ ими кувукліи изъ собственныхъ рукъ; по окончаніи вечерни все выходятъ (изъ церкви) черезъ дверь изъ слоновой кости ⁴⁾.

Вербное Воскресенье праздновалось такъ: „все (назначенные чины) проходятъ черезъ Инподромъ ко дворцу, и когда папія ⁵⁾ растворяетъ (двери дворца), входятъ препозиты, облеченные въ бѣлыя хламиды, также патрикин и кувукліи. По пришествіи ихъ, совершается ходъ въ триклинъ (палату) Юстиніана, и тогда орфанотрофъ ⁶⁾, подойди къ ходу, раздаетъ символы (вѣры) тѣмъ, которые ихъ обыкновенно получаютъ, (послѣ чего) удаляется. Затѣмъ, также входятъ димархи и вручаютъ всемъ названнымъ выше—магистрамъ, препозитамъ, патрикіямъ и прочимъ досточтимые кресты, каковыя требуются уставомъ праздника. Когда наступитъ время, императоръ облачается въ дивитисій и хламиду и садится на тронѣ въ христотриклинѣ, все же чины кувуклія становятся по обѣ стороны, какъ обыкновенно. Остіарій, получивъ знакъ отъ препозита

¹⁾ Официалин—сановники, занимавшіе высшія должности (Byzantina проф. Бѣльева, II, 26, прим. 7).

²⁾ Протославаріи свухи—чиновники, имѣвшіе чинъ протославарія (тамъ же, I, 153).

³⁾ Фаромъ называлась сигнальная станція, служившая, для передачи сигнальныхъ огней, зажигавшихся на возвышенныхъ мѣстахъ и башняхъ отъ Сарацинскихъ границъ до Цареграда въ случаѣ приближенія Сарацинъ къ границамъ имперіи. (Тамъ же I, 39).

⁴⁾ De ser. a. B., ed. B., pag. 170.

⁵⁾ Папіями назывались сановники, которые завѣдывали дворцовыми палатами и ядациями. О папіяхъ обстоятельно у проф. Бѣльева въ назв. тр. I, 145.

⁶⁾ Орфанотрофъ—попечитель сиротъ, (Reiske, Com., pag. 195, s. v.).

по приказанію (императора), выходитъ, держа (въ рукѣ) золотой съ драгоценными камнями жезлъ, и вводитъ отдѣлъ первый—орфанотрофа, который несетъ императору символъ вѣры и при входѣ поклоняется императору, но не падаетъ ницъ, такъ какъ несетъ символы. Когда дверная завѣса раздвигается и орфанотрофъ показывается предъ императоромъ, императоръ встаетъ съ трона, чтобы принять символъ вѣры; принявъ его и поцѣловавъ, императоръ передаетъ препозиту, орфанотрофъ же, совершивъ три обычныхъ поклоненія, вручаетъ императору символы, поцѣловавъ руку его, и отходить, не поворачиваясь спиною (къ императору), становится по срединѣ и, поклонившись императору, падаетъ ницъ, привѣтствуетъ его и уходитъ ¹⁾. Затѣмъ, остіарій также получаетъ знакъ и вводитъ отдѣлъ второй—сакелларія св. Софій ²⁾, несущаго императору кресты, находящіеся на лѣвомъ его плечѣ, въ правой же рукѣ имѣющаго одинъ крестъ. Войдя (въ хрисотриклинь), сакелларій поклоняется трижды, какъ установлено, и вручаетъ императору прежде всего крестъ, который держитъ въ правой рукѣ, цѣлуя руку императора. Императоръ, принявъ крестъ, цѣлуетъ его и передаетъ препозиту, послѣ чего сакелларій вручаетъ и остальные кресты императору, который, принимая ихъ, цѣлуетъ и передаетъ препозиту. (Послѣ этого) сакелларій отходить и становится посрединѣ, падая ницъ поклоняется императору и, произнеся привѣтствіе, удаляется. Тоже дѣлаютъ и всѣ другіе, входя съ крестомъ, отдѣлы за отдѣломъ. Остіарій, снова выйдя, вводитъ по приказанію отдѣлъ третій—ризничаго (храма) пресвятой Богородицы влахернской съ хартуларіемъ св. Гроба; отдѣлъ четвертый—завѣдывающаго страннопріимнымъ домомъ Теофила; отдѣлъ пятый—димократовъ (начальниковъ) загородныхъ димовъ (нартій Ипподрома); отдѣлъ шестой—завѣдывающаго страннопріимнымъ домомъ Сампсовъ ³⁾; отдѣлъ седь-

¹⁾ Проф. Мансветовъ указываетъ, что подача символа вѣры орфанотрофомъ императору въ Вербное Воскресенье—„отголосокъ древняго обычая, по которому готовящіеся къ крещенію въ вербное воскресенье начинали учить символъ вѣры, чтобы потомъ изложить его предъ прилітіемъ таинства“ („Церковный Уставъ“, стр. 236).

²⁾ Σακελλάριος—aerario praefecus (Reiske, Com., pag. 156, s. v.).

³⁾ Σαμψήτης, какъ объясняетъ Миклошчъ, „про самъчій“, т. е. савоннакъ (Lexicon Palaeoslovenico-greco-latinum, s. v. самъчій. Cnf. Sophocles, Greek Lexicon., s. v. σαμψήτης).

мой—завѣдывающаго иностраннѣмъ домоу Евбула; отдѣлъ восьмой—завѣдывающаго иностраннѣмъ домоу Ирины; отдѣлъ девятый—завѣдывающаго иностраннѣмъ домоу Парса; отдѣлъ десятый—завѣдывающаго иностраннѣмъ домоу св. Ирины; отдѣлъ одиннадцатый—димархонъ городского дима. Всѣ они, при входѣ (въ хрисотриклинѣ), неся кресты, дѣлають все то, о чемъ сказано было выше. Затѣмъ императоръ приказываетъ препозиту препозитъ же церемоніарію, чтобы тотъ установилъ входящихъ по обычаю и получающихъ кресты изъ рукъ императора, дабы каждый изъ нихъ входилъ сообразно рангу и достоинству. И входятъ патрикіи, если они находятся. стратиги, архонты кувуклія, domestici, занимающіе высшія должности и тоногириты ¹⁾, обыкновенно входящіе всѣ въ одномъ отдѣлѣ, рядами. Послѣ того, какъ они падуть ницъ и поклонятся императору, императоръ каждому даетъ по кресту; произнеся императору славословіе, они выходятъ, и затѣмъ, по приказанію, (имъ) объявляется переходъ въ лавзіакъ ²⁾. Тогда идутъ всѣ чрезъ однополотенную дверь, ведущую въ пидикъ ³⁾, въ мистическую фіалу триконха ⁴⁾, неся процессіональныя свѣчи (т. е. свѣчи, которыя послли во время процессій), а императоръ совершаетъ выходъ въ хрисотриклинѣ; выходятъ также священники изъ церкви фара (т. е. изъ храма пресв. Богородицы, находившагося въ фарѣ), неся крестъ (взятый изъ этой) церкви, и въ это время начинаютъ тронарь крестнаго хода: *Ἦν τοῦτο ἄνθρωποι*. Императоръ, предшествуемый всѣми чинами кувуклія, проходитъ сзади крестнаго хода и выходитъ въ полукругъ фіалы триконха, гдѣ принимаютъ его патрикіи, синклитъ и вся процессія. Отсюда онъ отправляется, участвуя въ процессіи, въ дафну, и входитъ во храмъ пресв. Богородицы, гдѣ помолившись съ зажженными свѣчами, со-

¹⁾ Τοποτηρητής—vicarius, loci servator, locum tenens (Du-Cange, s. v.).

²⁾ Лавзіакъ—проходная приемная зала (проф. Вѣльева Byzantin., I, 46).

³⁾ Пидикъ—помѣщеніе, въ которомъ хранились деньги и разные драгоценные предметы, принадлежавшіе императору (тамъ же, I, 47, прим. 2).

⁴⁾ Фіалами назывались (Φιάλη—чаша) фонтаны съ окружающими ихъ низкими площадками, а триконхомъ называлась тронная зала, построенная послѣднимъ иконоборческимъ императоромъ Θεοφίλωμъ. Фіала триконха известна была подъ названіемъ мистической или тайной потому, что прилякала къ помѣщенію, которое носило названіе Μυστήριον (тамъ же, I, 85 и 90—91).

вершасть тамъ же ектинію, (затѣмъ) отправляется къ крестамъ и, помолвившись (тамъ), проходитъ черезъ триклинъ августей, входитъ во храмъ св. первомученика Стефана и, помолвившись тамъ, совершасть ектинію. (Послѣ этого), предшествуемый тѣми же (чинами), императоръ проходитъ черезъ августей и апсидъ (нишу) триконха, „царскіе“ же остаются въ той же самой апсидѣ триконха, славословія императора. Императоръ, предшествуемый архонтами кувуклія, патрикіями, протоспаваріями, синклитомъ, спаварокандидатами, маглавитами и другими чинами ближайшей (его) свиты, проходитъ черезъ однополотенныя двери въ идикъ и спускается по ступенямъ лавзіака, а чины синклита, спаварокандидаты, маглавиты и прочіе чины ближайшей (императорской) свиты стоятъ въ лавзіакѣ по обѣ стороны, славословія императора. Императоръ, предшествуемый находящимися тамъ чинами, входитъ въ трипелтонъ, гдѣ остаются протоспаваріи славословія императора, отправляется съ чинами кувуклія и патрикіями въ хрисотриклинъ и, отойдя, становится на правой сторонѣ хрисотриклина, приблизительно у камары, ведущей въ китонъ, а патрикіи становятся на лѣвой сторонѣ того же хрисотриклина, и стоятъ предъ трономъ, имѣя въ рукахъ процессіональныя свѣчи и кресты, священники же идутъ посредию чрезъ хрисотриклинъ и становятся вблизи трона. (Тогда) діаконъ кладетъ евангеліе на тронъ императора, происходитъ обычная ектинія, (послѣ чего) императоръ удаляется съ кувукліемъ и священниками во храмъ пресв. Богородицы въ фарѣ, патрикіи же, произнеся славословіе императору, уходятъ. Затѣмъ, если императоръ прикажетъ, приглашаются патрикіи и слушаютъ литургію вмѣстѣ съ императоромъ во храмѣ пресв. Богородицы, если же не приглашаются (патрикіи), то слушаютъ литургію отдѣльно во храмѣ св. Стефана въ Иннодромѣ. По устройствѣ клиторія (стола), происходятъ отпуски (т. е., не приглашенные къ столу, отпускаются): по окончаніи божественной литургіи выходитъ императоръ и садится за досточтимый свой столъ въ триклинъ Юстиніана только въ скарамангін, какъ и всѣ приглашенные, ибо послѣ крестнаго хода переоблачаются. Слѣдуетъ знать, что если этотъ праздникъ совпадаетъ съ Благовѣщеніемъ пресвятой Богородицы, то исполняется (празднество) такимъ образомъ: императоръ совер-

шаетъ крестный ходъ, какъ сказано выше, исполняя все послѣдовательно въ свѣтирияхъ (домовыхъ храмахъ) дафны, совершивъ все, что полагается ему совершать въ день Ваий. Священники, послѣ исполненія всего послѣдовательно во храмѣ св. Стефана, одни только отправляются во дворецъ крестнымъ ходомъ, а императоръ входитъ въ свой китопъ, выжидая (тамъ) время. По наступленіи времени церемоніарій даетъ знакъ пренозиту, послѣдній же докладываетъ императору. Императоръ, выйдя въ октагонъ дафны, облачается веститорами въ свою хламиду, по обыкновенію, и, предшествуемый архонтами кубуклія, выходитъ чрезъ августей. Пройдя портикъ или золотую руку ¹⁾, императоръ входитъ въ оноподъ, гдѣ его, ставнаго у мѣдной двери онопода, принимаютъ патрикіи и стратиги. Послѣ того какъ они надутъ ницъ и поклонятся, пренозитъ, по приказанію, даетъ знакъ церемоніарію, и послѣдній возглашаетъ „повелите“. Оттуда императоръ проходитъ, совершая все послѣдовательно такъ, какъ совершаетъ онъ во время крестнаго хода въ праздникъ Благовѣщенія, что вкратцѣ мы изложили выше. Слѣдуетъ знать, что въ тотъ же самый день Ваий и императрица принимаетъ чины подобно императору и получаетъ кресты отъ нихъ, входящихъ къ ней такъ же, какъ и къ императору“ ²⁾.

Иначе праздновалъ императоръ Вербное Воскресенье въ послѣднія времена существованія византійской имперіи. „Въ праздникъ Ваий“, говоритъ Кодинъ, „въ срединѣ недѣли, предуготовляется путь, ведущій отъ покоя императора къ церкви, и въ субботу Лазаря, ночью, усыпаютъ дорогу, по которой происходитъ шествіе, и всѣ колонны украшаютъ вѣтвями миртовыми, лавровыми или оливковыми. По наступленіи Воскресенья дорога представляется сразу украшенной и приготовленной для шествія. Когда совершается утренняя, императоръ облачается и выходитъ изъ своего покоя. Въ другіе праздники императоръ носитъ на главѣ и

¹⁾ Золотую рукою назывался портикъ августей. Онъ имѣлъ видъ, по всей вѣроятности, узкой галлерей, потому что довольно часто назывался στεγόν (тамъ же I, 107). Не отсюда ли названіе его: золотая *рука*?

²⁾ De ser. a. B., I, 32, pag. 171 sq.

на себѣ ¹⁾ то изъ своихъ одеждъ, что ему угодно, какъ было описано. въ этотъ же праздникъ онъ только имѣеть на главѣ корону и облаченъ въ саккосъ, имѣя въ правой рукѣ крестъ, а въ лѣвой свертокъ съ акакіей, какъ обычно, и свѣтильникъ. Переодеваются также и сановники въ обычныя ихъ одежды, какъ мы ранѣе сказали.

Открываетъ шествіе свѣщеносецъ со свѣтильникомъ, воспѣвая весь тропарь: *Ἐξέλθετε ἔθνη, ἐξέλθετε καὶ λαοί, θεάσασθε ὁήμερον τὸν βασιλέα τῶν οὐρανῶν...* За нимъ (слѣдуетъ) императоръ и его сынъ, если онъ есть. Сынъ императора, если онъ уже коронованъ, имѣеть на главѣ корону, какъ и отецъ его, слѣдую за императоромъ и отцомъ своимъ, если же онъ еще не коронованъ, то (имѣеть на главѣ) только вѣнецъ и верхній покровъ его, какъ мы уже сказали. За нимъ идутъ деспоты, затѣмъ архидіаконъ съ евангеліемъ, патриархъ или патріархи, если они находятся (въ столицѣ), облеченные въ свои одежды, а за ними священники, числомъ пять или шесть, неся св. иконы.

Когда всѣ въ такомъ порядкѣ пройдутъ по приготовленному пути до церкви, тамъ оканчивается утренняя. Потомъ императоръ возвращается такъ, какъ было описано, въ предшествіи свѣщеносца.

Когда императоръ возвратится по пути (приготовленному отъ покоя его къ церкви), а также патриархъ и императорскіе священники, выходятъ дѣтя и беретъ вѣтви, а это означаетъ, что состоялось позволеніе императора, чтобы украшенія пути были всѣми разобраны, что тотчасъ и происходитъ: украшенія эти разбираются Варягами, гвардіей и прочими чинами, при дворѣ (императора) находящимися. Послѣ того какъ это все совершится, императоръ удаляется къ столу, такъ какъ литургіи не бываетъ вслѣдствіе того, что время ея уже миновало; прислуживаетъ же (императору за столомъ) великій доместикъ“ ²⁾.

Такъ праздновали императоры Византіи Вербное Воскресенье. Иначе совершалось празднованіе этого дня московскими царями ³⁾.

¹⁾ Въ текстѣ: Ἐπί τοῦ φόρου—на тѣлѣ.

²⁾ Codini Sinopalatae De officiis, cap. X, pag. 67, ed. Bon.

³⁾ Г. Марковичъ признаетъ различіе между московскимъ дѣйствомъ Ваій и обрядомъ въ недѣлю Ваій, изложеннымъ въ De ser. а. В. Это различіе онъ объясняетъ обычаемъ византійскихъ императоровъ въ праздникъ Ваій разда-

На Руси были два чина дѣйства въ недѣлю Ваій: одинъ, болѣе древній, совершавшійся въ XVI в. и началѣ XVII в., и другой, позднѣйшій, начало совершенія котораго относится приблизительно къ половинѣ XVII в. ¹⁾ Между обоими чинами много сходнаго, различіе заключается лишь въ томъ, что, во-первыхъ, позднѣйшій чинъ указывалъ іерарху шествіе на ослѣ только отъ лобнаго мѣста къ Успенскому собору, подобно тому, какъ Спаситель совершилъ одинъ путь на ослѣ во Иерусалимъ, по древнѣйшему же чину шествіе на ослѣ совершалось отъ Успенскаго собора ко Входу-Иерусалимской церкви и обратно къ Успенскому собору; во-вторыхъ, позднѣйшій чинъ указывалъ читать евангеліе не іерарху, какъ то было по древнему чину, но діакону, іерархъ же долженъ былъ произносить только тѣ слова, которыя произнесъ Спаситель; въ-третьихъ, въ позднѣйшій чинъ введено было доба-

вать жалованье чиновникамъ. (Объ этой раздачѣ жалованья см. Comment. in Codini cap. X, pag. 311 sqq.). Но со времени Кодина, когда уничтожился обычай раздачи жалованья, т. е. роги, „обряды Византійскихъ Императоровъ“, говоритъ г. Марковичъ „были совершенно тѣже, какіе были у насъ при первыхъ русскихъ царяхъ и существуютъ до настоящаго времени со времени Петра I, именно: они состояли въ торжественномъ выходѣ въ Соборную Церковь—въ Византіи въ Софійскую, въ Москвѣ въ Успенскую,—откуда при участіи патріарха и духовенства Царь выходилъ на площадь предъ Соборомъ, гдѣ поставлена была разукрашенная верба, и послѣ освященія вербы патріархомъ, получалъ ее изъ рукъ его и съ нею возвращался во дворецъ“. (Назв. тр., „Христ. Др. и Археологія“, изд. Прохоровичемъ, 1872 г., 55). Разобраться въ приведенныхъ словахъ г. Марковича не легко. Ясно только, что самъ г. Марковичъ, признавая различіе между московскимъ дѣйствомъ Ваій и обрядомъ въ недѣлю Ваій, изложеннымъ въ De ser. a. V., исключаетъ мысль о заимствованіи Москвою этого обряда изъ Византіи. Если даже допустить, что различіе между указанными дѣйствомъ и обрядомъ можно объяснять раздачею византійскимъ императоромъ жалованья своимъ чиновникамъ, нельзя согласиться съ голословнымъ мнѣніемъ г. Марковича, будто обряды византійскихъ императоровъ въ недѣлю Ваій со времени Кодина тѣже, что московскіе и существующіе въ Россіи по настоящее время. Указавъ только, что въ Византіи въ недѣлю Ваій императоръ выходилъ въ Софійскій соборъ, а въ Москвѣ царь отправлялся въ Успенскій соборъ, г. Марковичъ этимъ и ограничился: онъ говоритъ далѣе о царѣ московскомъ, забывъ объ императорѣ византійскомъ.

¹⁾ Прот. Пикольскій „О службахъ русской церкви“, 54; П. Е. Забѣлинъ „Домъ бытъ русск. царей“, 415, изд. 3.

вление: отправленіе іерархомъ двухъ лицъ за ослomъ и разговоръ этихъ посланныхъ съ тѣми лицами, которыя находились у привязаннаго осла ¹⁾. Всѣ эти исправленія древняго чина имѣли цѣлью, очевидно, болѣе уподобить дѣйство Вайи шествию Спасителя во Іерусалимъ.

Дѣйство это, въ исправленномъ видѣ, совершалось въ Москвѣ слѣдующимъ образомъ. Въ Вербное Воскресенье царь выходилъ въ соборъ въ праздничномъ выходномъ платьѣ, въ сопровожденіи бояръ и другихъ чиновъ. Изъ собора совершался крестный ходъ въ такомъ порядкѣ: сначала шель патріархъ въ предшествіи духовенства, затѣмъ царь, предшествуемый своими чинами. Ходъ останавливался у Покровскаго собора, царь и патріархъ отправлялись въ соборъ, гдѣ на патріарха возлагалось полное облаченіе, если онъ шествовалъ отъ Успенскаго собора въ маломъ облаченіи, и совершалось молебствіе, а царь облачался въ царскій нарядъ въ соборномъ придѣлѣ. Въ это время на лобномъ мѣстѣ, богато убранномъ бархатами и сукнами, ставили напой съ евангеліемъ и иконами. Около лобнаго мѣста стояло осла, у котораго находились патріаршіи боярши и нѣсколько дяковъ, и тутъ же ставилась заблаговременно приготовленная большая верба на саяхъ. Царь и патріархъ, выйдя изъ Покровскаго собора, отправлялись къ лобному мѣсту и входили на него. Патріархъ подносилъ царю вайю и вербу и раздавалъ ихъ духовнымъ и свѣтскимъ властямъ, митрополиты же раздавали вербу низшимъ свѣтскимъ чинамъ и народу. Послѣ раздачи вербы архидіаконъ читалъ евангельское повѣствованіе о входѣ Спасителя во Іерусалимъ, и когда произнеслъ слова евангельскаго текста: „и посла два отъ ученикъ“ ..., соборный протопопъ и ключарь подходили къ патріарху, который благословлялъ ихъ и, произнося соответствующія слова евангельскаго текста, посылалъ по осла. Посланные говорили съ находившимися подлѣ осляти также словами евангельскаго текста и приводили осла къ лобному мѣсту. Тогда патріархъ бралъ въ руки евангеліе и крестъ, благословлялъ крестомъ царя, садился на осла, и шествіе начиналось: впереди шли государевы меньшіе чины, за ними везли на саяхъ вербу, около которой стояли пѣвчіе и шѣли

¹⁾ Назв. труды прот. Никольскаго, 54, и Забѣлина, 415.

стихиры. За вербою шло духовенство съ иконами, высшіе государевы чины съ ваіями, а за ними царь, въ большомъ царскомъ нарядѣ, поддерживаемый подъ руки ближними людьми, вель ося за конць повода. Предъ царемъ стольники и ближніе люди несли царскіе: жезль, вербу, свѣчу и полотенце. За царемъ шли чины его, а за патріархомъ, который сѣдѣль на осяти, духовныя власти. Во время шествія на осяти патріархъ осѣняль народъ крестомъ. По пути шествія дѣти стрѣльцовъ стлали предъ царемъ и патріархомъ сукна и кафтаны. Все шествіе, при звонѣ колоколовъ, вступало въ кремль чрезъ спасскія ворота и направлялось къ западнымъ дверямъ Успенскаго собора. Здѣсь патріархъ сходилъ съ осяти и вступалъ въ соборъ, гдѣ архидіаконъ дочитывалъ евангельское повѣствованіе о входѣ Спасителя во Іерусалимъ, послѣ чего иногда произносилась ектинія и слѣдовалъ отпустъ. Послѣ отпуста патріархъ бралъ у царя ваію, благословлялъ его, цѣловалъ въ десницу и мыщцу и здравствовалъ ему, пѣвчіе же пѣли царю многолѣтіе. Послѣ дѣйства, если оно совершалось до литургіи, слѣдовала литургія ¹⁾.

Различіе между обрядами Ваіи, совершавшимися въ Византіи и на Руси, слишкомъ велико, такъ что не можетъ быть рѣчи о заимствованіи послѣдней обряда Ваіи изъ Византіи. И анонимный изслѣдователь византійскихъ и московскихъ церковно-придворныхъ обрядовъ, который въ предисловіи къ своему изслѣдованію говорилъ, что „пѣвчительное обаяніе церковно-придворной обрядности, заимствованной Москвою изъ Византіи, произвело въ русскихъ ту послушную воспріимчивость къ полновластію правительства, которая внушила имъ считать своего царя представителемъ Божественной власти“ ²⁾, и высказалъ мысль „о взаимномъ соотношеніи и средствѣ обрядовъ византійскихъ съ русскими“ ³⁾, послѣ краткаго описанія празднованія кануна Вербнаго Воскресенья по De ser. a. V., нашель, что изученіе церковно-придворныхъ церемоній византійскихъ императоровъ приводитъ къ заключенію, „что участіе церкви въ этихъ церемоніяхъ ограничивалось только раздачіемъ танцъ

¹⁾ Назв. труды прот. Никольскаго, 58—96, и Забѣлина, 406—417.

²⁾ „Духовная Бесѣда“, 1871 г., № 52, стр. 446.

³⁾ Тамъ же, стр. 447.

Божіихъ: власть церковная является въ нихъ только какъ второ-степенная, а никакъ не главная, распорядительная сила. Съ своими службами и таинствами она является здѣсь только для придачі государственной-гражданской церемоніи нѣсколько церковнаго характера, и чтобы выказать чрезвычайное значеніе императора, какъ главы не только строя государственнаго, но нѣкоторымъ образомъ и духовнаго чина“ ¹⁾. Указывая, что въ Византіи наканунѣ Вербнаго Воскресенья „процессію совершалъ императоръ, а не патріархъ“, что „императоръ также вмѣстѣ съ пальмами раздавалъ своимъ придворнымъ кресты, а не патріархъ, тогда какъ въ Россіи, напротивъ, и то и другое принадлежитъ церкви и церковной власти“, анонимный изслѣдователь замѣчаетъ, что императоръ, „раздавая кресты, этимъ самымъ показывалъ себя не только исповѣдникомъ вѣры Христовой, но и обязывалъ къ подобному исповѣданію и высшихъ своихъ придворныхъ чиновниковъ“, чѣмъ значеніе представителей церкви, какъ хранителей вѣры, въ глазахъ народа умалось ²⁾. Со взглядомъ, который составилъ у анонимнаго изслѣдователя на характеръ церковно-придворныхъ церемоній византійскихъ императоровъ послѣ ознакомленія съ совершеніемъ обряда Ваіи въ Византіи, нельзя не согласиться.

Еще въ большей степени особенное значеніе императора въ церкви выказывалось въ обрядѣ, имѣвшемъ мѣсто въ Вербное Воскресенье, на что обращается вниманіе и самимъ анонимнымъ изслѣдователемъ. Въ этотъ день императоръ принималъ символы вѣры и кресты отъ чиновъ, этимъ актомъ какъ бы провѣряя ихъ правосвѣріе. Послѣ раздачі крестовъ чинамъ императоръ отправлялся во храмъ пресв. Богородицы въ фарѣ, на пути туда совершая поклоненіе иконамъ въ другихъ дворцовыхъ храмахъ. Въ этомъ поклоненіи императора предъ иконами анонимный изслѣдователь усматриваетъ сходство съ тѣмъ поклоненіемъ высшихъ іерарховъ, которое послѣдними совершается при входѣ во храмъ предъ мѣстными иконами и другими священными предметами, съ тѣмъ только отличіемъ, что императоры на пути шествія своего были встрѣчаемы различными привѣтствіями и благожеланіями,

¹⁾ Тамъ же, стр. 452—453.

²⁾ Тамъ же, стр. 452.

высшіе же іерархи церкви во время своего шествія сопровождаютъ пѣніемъ церковныхъ гимновъ ¹⁾.

Въ заключеніе характеристики церковно-придворныхъ церемоній византійскихъ императоровъ въ недѣлю Ваій анонимный изслѣдователь говоритъ, что „въ этихъ церемоніяхъ мы видимъ на первомъ планѣ особу императора, какъ лице, которое соединяетъ въ себѣ и свѣтскую и духовную власть, какъ лице, имѣющее даже церковное значеніе.... Какъ ревнитель православной вѣры, онъ принимаетъ символы и кресты, приносимые ему съ покорностью его подданными; какъ лице священное, въ нѣкоторомъ смыслѣ церковное, онъ раздаетъ кресты своимъ придворнымъ въ награду за подвигъ поста“ ²⁾.

Въ византійскомъ церковно-придворномъ обрядѣ въ праздникъ Ваій видимъ императора на первомъ планѣ. Онъ наканунѣ Вербнаго Воскресенья раздаетъ ваіи съ крестами во храмѣ св. Димитрія, а въ Вербное Воскресенье, принявъ символы вѣры и кресты, идетъ своею процессіею въ сопровожденіи свѣтскихъ чиновъ во храмъ пресв. Богородицы въ фарѣ, встрѣчаясь съ крестнымъ ходомъ въ фіалѣ триконха, гдѣ крестный ходъ, по выраженію придворнаго устава, принималъ его, и императоръ, принявъ участіе въ крестномъ ходѣ, заходилъ въ дворцовые храмы, гдѣ совершалъ сктнїи. И императрица, подобно императору, принимая чины, должно быть, своего придворнаго штата, принимала отъ нихъ кресты.

Во времена упадка византійской имперіи обрядъ въ недѣлю Ваій совершался иначе, но и тогда императоръ выступалъ въ процессіи впереди патріарха ³⁾.

Въ иномъ видѣ представляется власть царская въ московскомъ дѣйствѣ въ праздникъ Ваій.

Время появленія этого дѣйства на Руси неизвѣстно въ точности. Его не могли опредѣлить еще въ XVII в. На соборѣ рус-

¹⁾ Тамъ же, стр. 454.

²⁾ Тамъ же, 1872 г., № 3, стр. 41. Анонимный изслѣдователь указываетъ на объясненіе Вальсамона, что въ праздникъ Ваій раздавались кресты въ награду за перенесенный подвигъ поста (тамъ же, стр. 38—39).

³⁾ Впереди патріарха шествовалъ въ дѣйствѣ Ваій и московскій царь, но это потому, что царь велъ осла, на которомъ сидѣлъ патріархъ.

ских іерарховъ подъ предсѣдательствомъ патріарха въ 1678 г., когда было опредѣлено, чтобы обрядъ шествія на ослиати совершался только въ Москвѣ, возникъ вопросъ о времени появленія этого обряда на Руси, іерархами не разрѣшенный. „И бывшу о томъ прежде (до засѣданія собора), и тогда прилѣжну испытанію устному“. читаемъ въ актѣ собора, „и въ книгахъ тако церковныхъ, яко лѣтописныхъ досмотрѣнію, ни малѣйшее того дѣйствія обрѣтесе воспоминаніе“. Вслѣдствіе этого отцы собора сдѣлали предположеніе, что обрядъ этотъ „не отъ древнихъ вѣкъ, но мало прежде нашего житія во время мятежное, бывшу въ Государствѣ семь смятенію великому...введеса въ церковь“....¹⁾ Къ какому времени отнесли отцы собора появленіе этого обряда, не исполнили ясно. Подъ „смятеніемъ великимъ“ врядъ ли можно предполагать дѣло патріарха Никона, ибо отцы собора говорятъ, что это смятеніе было „прежде ихъ житія“. Вѣроятноже думать, что отцы собора подъ „смятеніемъ“ разумѣли смутное время московскаго государства, на что даетъ право опредѣленіе, что смятеніе это было „мало прежде житія“ отцовъ собора. Но такое опредѣленіе отцовъ собора нельзя признать вѣрнымъ. Дѣйство въ недѣлю Ваій, по извѣстію цесарскаго посла Даніила Принца фонъ Бухау, совершалось въ Москвѣ еще въ царствованіе Іоанна IV²⁾. Даніиль Принцъ, бывший въ Москвѣ дважды: въ 1576 и 1578 гг., передаетъ слѣдующее о совершеніи этого дѣйства: „въ Воскресенье, получившее названіе отъ пальмовыхъ вѣтвей подстилавшихся Христу, входящему во Іерусалимъ, митрополитъ московскій и архіепископы, сѣвши на ослицу, при иѣнии отроками словъ псалма: „Благословенъ гридый...“, входятъ во храмъ, которому имя дали отъ города Іерусалима. Ослицу митрополита обыкновенно вводитъ во храмъ (?) самъ великій князь; предъ нимъ, какъ предъ другими

1) „Древн. Рос. Явл.“ VI, стр. 359, изд. 2.

2) Прот. Пскольскій начинаетъ перечень иностранныхъ писателей, у которыхъ паходятся извѣстія о совершеніи дѣйства въ недѣлю Ваій въ Москвѣ, съ Флетчера (назв. гр., стр. 48, прим. 1-е). Флетчеръ передаетъ, что въ недѣлю Ваій патріархъ ѣхалъ на лошади, узду которой держалъ царь (Оедоръ Іоанновичъ) (La Russie au XVI siècle, t. II, chap. XXV, p. 144, an. 1864).

епископами, несутъ деревянный крестъ¹⁾. Прот. Никольскій, указывая, какъ на самое раннее свидѣтельство о существованіи въ Россіи обряда шествія архіерея на оселити въ Вербное Воскресенье, на извѣстіе въ расходныхъ книгахъ Софійскаго дома (повгородскаго архіепископа) за 1548 г., отмѣчаетъ, что извѣстіе это говоритъ не о нововведеніи, но о бывшемъ уже обрядѣ²⁾. Такимъ образомъ, самыя раннія извѣстія о существованіи этого обряда въ Россіи относятся ко времени Іоанна IV.

Отсутствіе свидѣтельствъ въ памятникахъ о существованіи этого обряда въ Москвѣ въ болѣе раннее время не оправдываетъ высказаннаго г. Марковиннымъ мнѣнія, что церковно-гражданскіе обряды своимъ появленіемъ въ Москвѣ обязаны Софѣ Палеологъ и пришедшимъ съ нею въ Москву грекамъ. Молчаніе памятниковъ даетъ право заключить, что во время Іоанна III и, быть можетъ, Василія III обрядъ этотъ въ Москвѣ не соблюдался³⁾.

Прот. Никольскій указываетъ на мнѣніе, будто появленіе дѣйства въ недѣлю Ваій, какъ и дѣйствъ Пещного и Страшнаго суда, должно быть объяснено желаніемъ царской власти принять участіе въ церковныхъ церемоніяхъ⁴⁾. Мнѣніе это, какъ вѣрно замѣтилъ прот. Никольскій, основано на неправильно понятыхъ мѣстѣхъ соборной грамоты 1678 г. Въ этой грамотѣ отцы собора говорятъ, что обрядъ въ недѣлю Ваій, въ томъ видѣ, въ какомъ соблюдался онъ въ Москвѣ, „благочестія ради Вѣщеносцевъ попустися“⁵⁾, т. е. что цари не ввели этотъ обрядъ, но допустили соблюденіе его⁶⁾.

¹⁾ „Начало в возвышеніе Московіи“ въ „Чтен. Моск. Об. Ист. и Др. Рос.“. 1876 г., кн. III, стр. 40.

²⁾ Пазв. тр., *48.

³⁾ Весьма важно молчаніе объ этомъ обрядѣ Герберштейна. П. Е. Забѣлинь, задававшійся вопросомъ о времени появленія обряда Ваій въ Москвѣ, указываетъ, что извѣстія о существованіи этого обряда на Руси не восходятъ ранѣе XVI в. („Домъ бытъ рус. царей“, 406, изд. 3).

⁴⁾ Прот. Никольскій имѣетъ въ виду мнѣніе г. Сахарова, высказанное имъ въ „Очеркахъ церковныхъ дѣйствъ въ древне-восточной Руси“ въ „Чтен. въ Об. люб. духовн. просв.“, 1880 г., апр., стр. 538.

⁵⁾ „Древн. Рос. Вивл.“ VI, стр. 360.

⁶⁾ Прот. Никольскій, назв. тр., 45—46.

Въ этомъ обрядѣ, который появленіемъ своимъ обязанъ „попущенію Вѣщевосцевъ благочестія ихъ ради“, можно ли видѣть, подобно г. Марковину, одинъ изъ пышныхъ обрядовъ, „соотвѣтствовавшій власти императора и титулу самодержца“? ¹⁾ Можно ли думать, вмѣстѣ съ г. Марковинымъ, что въ этомъ обрядѣ „Византія передала русскимъ понятіе о царѣ православномъ, какъ объ единомъ представителѣ божественной власти въ православномъ государствѣ. къ которому всѣ другія человѣческія власти и достоинства относятся какъ къ своему главѣ“? ²⁾ Возможно ли принять мнѣніе г. Марковина, что церковно-придворные обряды византійскаго двора, перенесенные въ Москву, въ томъ числѣ и обрядъ Ваій, столь возвысили цари въ глазахъ его подданныхъ, что произвели на Русѣ „безусловное повшovenіе царской власти, доходившее въ подданныхъ до полного рабства“? ³⁾

Вѣрнѣе предположить, что смиреніе царя, проявляемое имъ въ обрядѣ Ваій, было примѣромъ смиренія и для подданныхъ его, но это было смиреніе предъ властью духовною, которое могло только лишь способствовать усиленію авторитета этой власти, а отнюдь не свѣтской, предъ нею смирявшейся. Такое предположеніе можетъ быть оправдано взглядомъ самихъ отцовъ собора 1678 г. на ту роль, которая отведена была царю въ обрядѣ Ваій: „...благочестивѣйшіи Самодержци наши благоволятъ въ немъ (въ дѣйствѣ Ваій). *показанія ради народу православному образа смиренія своего, и благопокоренія предъ Христомъ Господемъ, ибо обычай всемирный пріяна, еже возсѣдшу Патріарху на жребя, въ память вълханія Господня во Іерусалимъ, смиряти высоту свою Царскую, и скипетрокрасныма рукама си уздѣ того осяяти пригасатися*“. Отцы собора хвалятъ такое смиреніе царя земного: „ибо мнози толкимъ смиреніемъ Царя земнаго предъ Царемъ небеснымъ умиляются, и внутрь себе духъ сокрушенія стяжавше отъ Бога, ко глубинѣ душеспасеннаго смиренія низходятъ“... ⁴⁾

Говоря объ обрядахъ Ваій, совершавшихся въ Византіи и на Русѣ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ Византіи только имне-

¹⁾ Назв. тр., 3.

²⁾ Тамъ же, 6.

³⁾ Тамъ же, 10.

⁴⁾ „Древн. Рос. Вивл.“ VI, стр. 359—360.

раторъ въ праздникъ Ваѣй раздавалъ чинамъ кресты и принималъ ихъ вмѣстѣ съ символами вѣры, между тѣмъ на Руси, въ Вербное Воскресенье, осли, на которомъ сидѣлъ іерархъ, водилъ не одинъ царь. Въ томъ, что совершалъ византійскій императоръ въ обрядѣ въ недѣлю Ваѣй, выражалась идея власти его; совершаемое императоромъ было отличіемъ его отъ всякой другой мірекой власти, и никакое другое лицо въ византійской имперіи не исполняло того, что совершалъ императоръ наканунѣ Вербнаго Воскресенья и въ день этого Воскресенья. На Руси же, гдѣ царь, участвуя въ обрядѣ въ недѣлю Ваѣй, не воплощалъ въ себѣ идеи такой власти, какою была власть императора Византіи, обрядъ этотъ совершался и по другимъ городамъ: тамъ епископъ садился на осли, которое вель высшій гражданскій чинъ; такимъ образомъ царя замѣняли бояринъ, патріарха—митрополитъ или епископъ, и идея обряда сохранялась: власть свѣтская выражала свое смиреніе предъ властью духовною. Совершеніе дѣйства въ недѣлю Ваѣй по другимъ городамъ запрещено было только московскимъ церковнымъ соборомъ 1678 г. Въ актѣ этого собора было сказано, что архіереи совершаютъ дѣйство Ваѣй по другимъ городамъ, „идѣже Царское лице образующе, и не великія чести Начальницы ослати предводителяе сотворяются. Его же мы честь храняще, и не по уставу дѣло сущее, и ни во единомъ Государствѣ Христіанскихъ бывшее..., судъ изнесохомъ сицевъ: да то дѣйствіе, яко ни что же противное церкви и уставомъ святыхъ Апостолъ и богодухновенныхъ отецъ имущее, во славу Христа Бога нашего, и за благоговѣйство благочестивѣйшихъ Вѣнценосцевъ, точію въ самомъ царствующемъ градѣ Москвѣ присущу Свѣтлопроецу, отъ самага патріарха дѣйствуемо будетъ, а не отъ иныхъ Архіерей.... Пѣсть бо лѣпо, едва самому Патріарху соизволяемое дѣло, нижшимъ Архіереемъ совершати“ 1).

Прот. Никольскій совершенно вѣрно замѣчаетъ, что это опредѣленіе собора указало на такія причины запрещенія совершать дѣйство Ваѣй въ другихъ городахъ, кромѣ Москвы, которая вызываетъ рядъ вопросовъ. Въ самомъ дѣлѣ, почему архіерею не подобало совершать въ своемъ городѣ хожденіе на ослати въ праздникъ Ваѣй, когда такое хожденіе совершалось патріархомъ въ

1) Тамъ же, 360--361.

Москвѣ? Если каждый архіерей въ службѣ литургіи, говоритъ прот. Никольскій, изображаетъ Господа, то прилично ему изобразить Господа и въ хожденіи въ недѣлю Ваіи. Далѣе, возникнетъ вопросъ, какимъ образомъ охранялась честь царскаго сана чрезъ то, что запрещено было боярамъ по городамъ вести ося за узду, подобно царю, когда въ этомъ выражалось только смиреніе царя, долженствовавшее служить примѣромъ для подданныхъ? Дѣйствительно ли церковный соборъ 1678 г. имѣлъ въ виду возвышеніе чести царя? Опредѣленіе собора, какъ вѣрно заключаетъ прот. Никольскій, не желало прямо указать истинную причину запрещенія архіереямъ совершать въ Вербное Воскресенье шествіе на осяти, но въ этомъ опредѣленіи отчасти проглядываетъ настоящее побужденіе къ такому запрещенію. Оно цѣлью своею имѣло возвышеніе достоинства патріарха: „иѣсть бо дѣло, едва самому Патріарху дозволяемое дѣло, нижшимъ Архіереемъ совершати“¹⁾.

Совершеніе дѣйства Ваіи прекратилось вмѣстѣ съ патріаршествомъ. Говоря о прекращеніи этого обряда, преосв. Иннокентій указываетъ, какъ вѣроятную, такую причину этого прекращенія: „стали смотрѣть въ немъ (дѣйствѣ) болѣе на вѣшность, нежели на духъ, выражаемый вѣшностію; и видѣть болѣе униженіе царя предъ іерархомъ, нежели разительное напоминаніе о благодатномъ Христовомъ царствіи и іудейской превратности“²⁾. Это объясненіе преосв. Иннокентія прот. Сулоцкій понялъ въ томъ смыслѣ, что патріархъ или митрополитъ, ѣхавшій на осяти, представлялъ „лицо Іисуса Христа, или что то же благодатное Царство Христово“, а царь или воевода, водившіе ося, на которомъ сидѣлъ іерархъ, „изображали іудейскую превратность“³⁾. Такъ понялъ объясненіе преосв. Иннокентія и прот. Никольскій, прибавивъ, что водившіе за узду ося, на которомъ сидѣлъ іерархъ, изображали собою, по мнѣнію современниковъ совершенія этого дѣйства, іудейскую превратность⁴⁾. Къ сожалѣнію, прот. Николь-

¹⁾ Назв. гр., 53.

²⁾ „Начертаніе Церкви, исторія“, отд. 2, стр. 511, изд. 7-е, М. 1849 г.

³⁾ „Крестный ходъ на осяти въ Тобольскѣ“, „Чтен. въ Моск. Об. Ист. и Др. Рос.“, 1870 г., кн. III, стр. 20 и прим. 10.

⁴⁾ Назв. трудъ, 53—54.

скій не называетъ современниковъ совершенія этого обряда, на мнѣніе которыхъ онъ ссылается.

Врядъ ли объясненіе смысла дѣйства въ предѣлу Ваиѣ, предложенное преосв. Иннокентіемъ, даетъ право понимать его такъ, какъ поняли прот. Сулоцкій и Никольскій. Преосв. Иннокентій говоритъ, что веденіе царемъ за поводъ ослия, на которомъ сидѣлъ іерархъ, напоминало „о благодатномъ Христовомъ царствіи и іудейской превратности“, и это его толкованіе, кажется, слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что іудеи, оказавшіе царскія почести Христу, шествовавшему во Іерусалимъ, векорѣ потребовали смерти Его. Шествіе іерарха на ослиати напоминало въѣздъ Христа во Іерусалимъ, привѣтствовавшіе и преклонявшіеся предъ іерархомъ изображали іудеевъ, которые нѣкогда привѣтствовали Христа, но какъ они могли изображать тѣхъ іудеевъ, которые требовали смерти Христа, когда дѣйство напоминало только въѣздъ Христа во Іерусалимъ? Врядъ ли царь московскій и его православные подданные согласились бы изображать іудейскую превратность, т. е. перемѣну настроенія іудеевъ, которые, послѣ оказанныхъ привѣтствій и почести Христу, потребовали смерти Его. Обрядъ шествія патриарха на ослиати, изображавшій въѣздъ Христа во Іерусалимъ, давалъ царю одну роль: выразить свое смиреніе предъ Христомъ, котораго въ обрядѣ этомъ изображалъ патриархъ. Такъ понимали роль царя въ этомъ обрядѣ отцы московскаго собора 1678 г.

Московское дѣйство, совершавшееся въ Вербное Воскресенье, не могло быть замѣтено изъ Константинополя. На вопросъ, откуда оно было замѣтено, прот. Никольскій и проф. Красносельцевъ отвѣчаютъ согласно: изъ Іерусалима ¹⁾.

---

¹⁾ Назв. трудъ прот. Никольскаго, 46 и 75, и проф. Красносельцева „Къ исторіи православнаго Богослуженія“, 58.

Глава VI.

Литература вопроса о происхождении московскаго посольскаго обряда не велика.

Проф. Н. И. Веселовскій въ своемъ рефератѣ: „О татарскомъ вліяніи на русскій посольскій церемоніаль до Петра Великаго“. читанномъ на IX Археологическомъ съѣздѣ въ Вильнѣ, указаль на двухъ изслѣдователей, высказавшихъ мнѣніе о происхожденіи московскаго посольскаго обряда: Лешкова и Сахарова ¹⁾.

Лешковъ въ своей рѣчи: „О древней русской дипломатіи“ разсматриваль „составные элементы древней русской дипломатіи: направленія внѣшней политики, орудія дипломатіи и законы ея“ ²⁾. Называя орудіями дипломатіи посольства и результаты носольской дѣятельности—трактаты, названный изслѣдователь говоритъ о формахъ приѣма и отправленія посольствъ на Русь въ періоды ея: „варяжскій, удѣльный, монгольскій и московскій“ ³⁾. Разсматривая отношенія Руси съ Греціей въ періодъ походовъ князей первой на Константинополь, Лешковъ отмѣчаетъ, на основаніи русской лѣтописи, слѣдующія „формы“ приѣма пословъ: послы вручали государю, къ которому они посылались, вѣрительныя грамоты (со времени вел. кн. Игоря), на аудіенціи излагали предметъ своего посольства, вели переговоры, заключали договоры, приводили государя къ присягѣ

¹⁾ См. Протоколы въ „Трудахъ IX Археол. съѣзда“, II, 113. Рефератъ проф. Веселовскаго, сколько мнѣ извѣстно, еще не напечатанъ. Краткое содержаніе его изложено и въ „Археолог. Изв. и Замѣткахъ“, изд. Шивер. Моск. Археол. Обществомъ, 1893 г. №№ 9—10, 386.

²⁾ „Рѣчи и отчетъ, произнесенные въ торжественномъ собраніи Московскаго Университета 17-го іюня 1847 г.“, 4. Критическая оцѣнка рѣчи Лешкова, неблагоприятная для него, въ „Сочиненіяхъ К. Кавелина“, II, 432, изд. I.

³⁾ Назв. тр., 13.

на храненіе ихъ ¹⁾). Такія „орудія и формы, посольства и договоры“, говоритъ Лешковъ, „частію выходили изъ жизни народа и состава Русн, частію заняты были нами изъ обычаевъ Греціи“ ²⁾).

Въ періодъ удѣльный, по мнѣнію названнаго изслѣдователя, „частыя личныя свиданія князей помогали развитію посольскаго права, служа образцомъ для формъ посольства и началомъ для установленія посольскаго права и посольскихъ обычаевъ того времени“ ³⁾). Говоря объ обычаяхъ князей при сѣздахъ на сеймы полагаются по отдѣльнымъ шатрамъ, Лешковъ замѣчаетъ, что по образцу князей впоследствии составлялись и посольскіе сѣзды, на которыхъ послы размѣщались въ разныхъ шатрахъ, часто не сходясь даже для переговоровъ, по оставаясь на такомъ разстояніи, что должны были громко переговариваться между собою. „Такой обычай размѣщенія пословъ по шатрамъ“, по мнѣнію названнаго изслѣдователя, „остался въ русской дипломатіи до XVII в.“ ⁴⁾). Далѣе Лешковъ отмѣчаетъ, что подобно князьямъ, дарившимъ другъ друга при личномъ свиданіи и другъ друга содержавшимъ въ своихъ владѣніяхъ, послы отдаривались между собою и содержались на счетъ того князя, въ странѣ котораго они находились. Указавъ, что въ періодъ удѣльный послами могли быть братья князей, дѣти ихъ и, особенно, духовныя лица, какъ грамотныя, названнаго изслѣдователь излагаетъ на основаніи лѣтописи посольскій обрядъ этого времени: посоль спрашивалъ о здоровьѣ то лицо, къ которому былъ посланъ, и передавалъ ему поклонъ отъ своего князя, послѣ чего излагалъ предметъ посольства и присутствовалъ при присягѣ на храненіе договора ⁵⁾). Говоря о между-княжескихъ сношеніяхъ, Лешковъ отмѣчаетъ расширеніе дипломатіи Русн въ удѣльный періодъ благодаря сношеніямъ съ иностранными державами, но, употребивъ его выраженіе, объ орудіяхъ этихъ сношеній не говоритъ за отсутствіемъ къ тому данныхъ ⁶⁾).

¹⁾ Тамъ же, 15—16.

²⁾ Тамъ же, 26.

³⁾ Тамъ же, 33.

⁴⁾ Тамъ же, 34.

⁵⁾ Тамъ же, 33—35.

⁶⁾ Тамъ же, 32.

Разсмотрѣвъ дѣятельность русской дипломатіи въ удѣльный періодъ, названный изслѣдователь пришелъ къ заключенію, что „дипломатія получила развитіе въ орудіяхъ и формахъ сношеній, по ихъ связи съ войною, и осталась почти безъ движенія въ своихъ законахъ и началахъ“ ¹⁾).

Монгольскій періодъ, по мнѣнію Лешкова, не отразился на русскомъ посольскомъ обрядѣ: и въ этотъ періодъ, по обычаямъ старины, пословъ наряжаютъ въ большомъ количествѣ, каждому члену посольства даютъ опредѣленную роль, назначаютъ рѣчь, которую каждый долженъ произнести предъ иностраннымъ государемъ: посольства состоятъ изъ пословъ и товарищей ихъ съ особыми дьяками ²⁾).

Приступая къ обзорѣнню дипломатической дѣятельности остимосковского государства, названный изслѣдователь дѣлаетъ характеристичну дипломатическихъ сношеній до-московской Руси и отмѣчаетъ, „что сношенія эти ограничивались небольшимъ кругомъ ближайшихъ сосѣдей, что въ этихъ сношеніяхъ Русь дѣйствовала одна и безъ соперниковъ, что предметъ сношеній не былъ ни сложенъ, ни обширенъ, и не обнималъ собою Русь въ цѣломъ ея составѣ“ ³⁾. Въ московскій періодъ, говоритъ названный изслѣдователь, кругъ сношеній московскаго государства съ иностранными державами расширился, появилось дѣленіе пословъ на три ранга: собственно пословъ, посланниковъ и гошцовъ; при отиравленіи къ иностранному государю послы получали вѣрительную грамоту и указы, опредѣлявшіе ихъ дѣятельность ⁴⁾. Вотъ и все отличие, по мнѣнію Лешкова, московскаго посольскаго обряда отъ такого же обряда древней Руси.

Какъ вѣрно замѣтилъ проф. Веселовскій въ своемъ рефератѣ, Лешковъ пришелъ къ заключенію, что московскій посольскій обрядъ былъ въ сущности повтореніемъ такого же обряда древней Руси.

Считаться съ такимъ выводомъ едва ли возможно, потому что авторъ рѣчи: „О древней русской дипломатіи“ говорилъ о томъ

¹⁾ Тамъ же, 45.

²⁾ Тамъ же, 57—58.

³⁾ Тамъ же, 60.

⁴⁾ Тамъ же, 85—86.

посольскомъ обрядѣ, который соблюдался въ между-княжескихъ сношеніяхъ, посольскаго же обряда, практиковавшагося въ сношеніяхъ Руси до-петровской съ иностранными государствами, за исключеніемъ извѣстій лѣтописи о послахъ между греками и русскими, авторъ названной рѣчи не имѣлъ въ виду. Между тѣмъ важность изученія посольскаго обряда, соблюдавшагося въ сношеніяхъ московской Руси съ иностранными государствами, для сужденія объ образованіи этого обряда, видна и изъ того, что самъ Лешковъ отмѣтилъ вліяніе грековъ на посольскій обрядъ древней Руси.

Не обративъ вниманія на дипломатическія сношенія московской Руси съ иностранными государствами, Лешковъ предположилъ, что отъ времени князей удѣльныхъ до XVII в. русскіе дипломаты хранили обычай переговариваться на съѣздахъ съ иностранными послами въ разныхъ шатрахъ, но на такомъ, конечно, разстояніи, чтобы можно было слышать другъ друга. Между тѣмъ такой обычай существовалъ и въ XVII в., и врядъ ли въ немъ можно видѣть традицію временъ князей удѣльныхъ, тѣмъ болѣе, что обычай этотъ соблюдался и иностранными дипломатами. Изъ отчета нидерландскихъ посланниковъ, отправленныхъ въ 1615 г. въ Россію и Швецію для посредничества при заключеніи мира между этими державами, узнаемъ, что на съѣздѣ русскихъ и шведскихъ уполномоченныхъ послѣдніе изъявили нежеланіе обсуждать условія заключенія мира въ палаткахъ русскихъ, но предложили поставить палатки посредниковъ и уполномоченныхъ на такомъ разстояніи, чтобы находящіеся въ палаткахъ могли слышать другъ друга. Русскіе уполномоченные на это не соглашались, но требовали, чтобы шведы являлись для переговоровъ къ нимъ, потому что такъ велось изстари. Шведскіе уполномоченные отвѣчали, что королю ихъ подобаетъ не менѣе чѣмъ царю имѣть свою палатку для своихъ пословъ, и что русскіе напрасно ссылаются на старину, ибо во время переговоровъ, поведшихъ къ заключенію Тявзинскаго трактата, русскіе и шведскіе уполномоченные, находясь въ своихъ палаткахъ, сидѣли за однимъ и тѣмъ же столомъ, большая часть котораго помѣщалась въ палаткѣ русскихъ¹⁾. Споръ

¹⁾ С. И. Р. П. Об., XXIV, стр. 191—196.

окончился тѣмъ, что шведскіе уполномоченные согласились поставить палатки для себя и для русскихъ такъ, чтобы одинъ конецъ стола находился въ палаткѣ посредниковъ, остальная же часть его была бы въ шатрахъ русскихъ и шведовъ, причемъ послѣдніе сдѣлали уступку: большую часть стола оставили подъ палаткою русскихъ ¹⁾. И русскіе и шведскіе уполномоченные полагали, что та сторона, которая являлась въ палатку другой для совѣщаній, унижала тѣмъ достоинство своего государя.

Врядъ ли также можно согласиться съ Лешковымъ, что обычай давать содержаніе ипострашному послу существовалъ благодаря тому, что князья русскіе во время съѣздовъ содержались на счетъ того князя, въ странѣ котораго они находились. Самъ же Лешковъ отмѣтилъ, что этотъ обычай существовалъ еще ранѣе, именно въ періодъ сношеній Руси съ Византіей, когда послы содержались на счетъ того государя, къ которому они являлись ²⁾.

Кромѣ Лешкова проф. Н. И. Веселовскій указываетъ на мнѣніе И. П. Сахарова о заимствованіи московскаго посольскаго церемоніала изъ Византіи.

Не соглашаясь съ мнѣніями ни Лешкова, ни Сахарова, проф. Веселовскій доказываетъ, что русскіе приняли цѣлкомъ татарскій посольскій церемоніаль. Указавъ, что во время господства татаръ русскіе князья должны были принимать татарскихъ пословъ и отправлять своихъ къ ханамъ такъ, какъ этого требовали послѣдніе, проф. Веселовскій разбираетъ отдѣльныя явленія въ русскомъ посольскомъ обиходѣ и сравнивалъ ихъ съ подобными же, существовавшими у татаръ, а отчасти существующими на Востокѣ и теперь. Заимствованный русскими отъ татаръ посольскій церемоніаль съ теченіемъ времени, по мнѣнію проф. Веселовскаго, нѣсколько измѣнился: отмѣнены были земные поклоны, отмѣнено было цѣлованіе ноги и замѣнено цѣлованіемъ руки.

Къ сожалѣнію, судить о степени убѣдительности доводовъ проф. Веселовскаго въ пользу мнѣнія его о заимствованіи московскою Русью посольскаго обряда отъ татаръ нельзя, такъ какъ рефератъ его не напечатанъ еще.

¹⁾ Тамъ же, стр. 200.

²⁾ Назв. гр., 16.

Мысль о влияніи Востока чрезъ татаръ на московскій посольскій обрядъ была высказана еще въ 1825 г. А. Рихтеромъ въ его „Исслѣдованіи о влияніи монголо-татаръ на Россію“¹⁾. Отмѣтивъ, что нѣкоторые восточные обычаи появились на Руси вслѣдствіе татарскаго ига, Рихтеръ говорилъ, что московскіе цари, подобно азіатскимъ властителямъ, заставляли пословъ говорить предъ ними рѣчи, стоя на колѣняхъ, и повергаться предъ трономъ ихъ на землю, отчего произошло выраженіе: „бью челомъ“. Въ доказательство своего мнѣнія Рихтеръ указывалъ, что въ 1565 г. послы крымскаго хана говорили предъ Іоанномъ IV рѣчи, стоя на колѣняхъ, и что казанскіе ханы, престоломъ своимъ обязанные московскимъ царямъ, на слова послѣднихъ отвѣчали земными поклонами²⁾. Но доказательства Рихтера только могутъ свидѣтельствовать, что татарскіе послы стояли на колѣняхъ предъ московскими государями и били предъ ними земные поклоны; о томъ московскомъ посольскомъ обрядѣ, который соблюдался въ сношеніяхъ съ западными европейскими державами, Рихтеръ не говоритъ³⁾.

Мысль о влияніи Византіи на образованіе московскаго посольскаго обряда, кромѣ Сахарова, на котораго указываетъ проф. Веселовскій, было высказана Рамбо и о. Пирлингомъ.

Первый изъ названныхъ изслѣдователей, указавъ, что послѣ ижденія Константинополя, благодаря браку Іоанна III съ Софьей Палеологъ, въ Москву явился греки, между которыми были и дипломаты, говоритъ о византійской дипломатіи на основаніи *De cerimoniis aulae Byzantinae* и *Excerpta de legationibus gentium ad Romanos*⁴⁾.

Въ *De cerim. a. B.* находимъ церемоніалы приѣма византійскими императорами чужеземныхъ пословъ не позже XI в., *Excerpta* же представляютъ сборникъ свѣдѣній о сношеніяхъ византійскаго двора съ разными народами, составленный на основаніи

¹⁾ „Отечествен. Записки“, 1825 г., ч. XXII, № 62, стр. 333.

²⁾ Назв. гр., стр. 334—335.

³⁾ Еще ранѣе Рихтера, въ 1789 г., мнѣніе о влияніи вообще Востока на московскій посольскій обрядъ, ничѣмъ не обоснованное, было высказано Руссе; съ мнѣніемъ этимъ мы встрѣтимся далѣе.

⁴⁾ *Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France, VIII, Russie, I, pag. 1 sqq.; Paris, an. 1890.*

извѣстій различныхъ писателей. Сборникъ этотъ появленіемъ своимъ обязанъ императору Константину Багрянородному ¹⁾. Въ началѣ сборника, находится небольшая статья, озаглавленная: *Πῶς δεῖ πρεσβεύεσθαι καὶ πρεσβεύειν*. Въ этой статьѣ излагаются наставленія, какъ слѣдуетъ принимать чужеземныхъ пословъ въ Константинополь, перечисляются тѣ качества, которыми должны обладать византійскіе послы, отправляемые въ чужія земли. Чужеземныхъ пословъ, говоритъ составитель этой статьи, слѣдуетъ принимать съ почетомъ и щедростью, со слугами ихъ слѣдуетъ быть осторожными, дабы они путемъ разспросовъ не приобрѣли какихъ либо свѣдѣній отъ кого нибудь. Далѣе рекомендуется посламъ могущественныхъ и многочисленныхъ народовъ, если они сопредѣльны Византіи, показывать не богатства свои и красоту женщинъ, но свою многочисленность и свои боевыя и оборонительныя средства. Посламъ, отправляемымъ отъ византійскаго императора къ иноземнымъ народамъ, надлежитъ быть, по словамъ автора этихъ наставленій, благочестивыми, съ незапятнаннымъ прошлымъ, разумными, готовыми подвергаться опасностямъ подобно Регулу; послы должны быть пригѣтливыми, щедрыми, на сколько позволяютъ средства, по отношенію къ тѣмъ, къ кому ихъ посылаютъ. Предъ отправленіемъ пословъ рекомендуется устроить имъ испытаніе, съ цѣлью убѣдиться, что они твердо знаютъ свои инструкціи ²⁾. Что касается Ехсерта, то въ сборникѣ этомъ, по сравненію съ De serim a. V., мало данныхъ для сужденія объ обрядахъ приемовъ византійскими императорами иноземныхъ пословъ, напр., подъ 571 г., у одного изъ приведенныхъ въ Ехсерта историковъ находимъ извѣстіе, что къ византійскому императору явился отъ персидскаго царя посоль, который, привѣтствуя императора, такъ палъ предъ нимъ ницъ, что съ головы его упала шапка ³⁾. Тамъ же находимъ извѣстіе, что одинъ изъ пословъ персидскаго царя палъ ницъ предъ разгнѣваннымъ византійскимъ императоромъ ⁴⁾.

Дѣлая характеристику византійской дипломатіи на основаніи статьи, которая предшествуетъ Ехсерта, Рамбо отмѣчаетъ, что ви-

¹⁾ Migne, P. C. C., Ser. gr., t. 113, стр. 633 и слѣд.

²⁾ Тамъ же, стр. 636 и 637.

³⁾ Тамъ же, стр. 821—824.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 804, подъ 566 г.

зантійскій императоръ былъ бѣденъ и за неимѣніемъ денегъ, давалъ своимъ посламъ на покрытіе издержекъ по отправленію посольства разныя произведенія своихъ мануфактуръ и мѣха или другіе товары изъ своихъ кладовыхъ, вслѣдствіе чего византійскіе послы, продававшіе товары своего императора, должны были совмѣщать въ себѣ качества дипломатовъ и купцовъ. Обычай, замѣчаетъ названный изслѣдователь, который мы находимъ у русскихъ, татаръ, персовъ и др. восточныхъ народовъ ¹⁾. Но не проще ли думать, что обычай этотъ возникъ въ Москвѣ независимо отъ Византіи по той же причинѣ, по которой явился онъ и въ послѣдней: московское государство было не богато золотомъ и серебряною монетою, но богато мѣхами. ихъ и давало оно своимъ посламъ на покрытіе издержекъ ихъ миссій.

Сдѣлавъ характеристику византійской дипломатіи на основаніи статьи, предшествующей Excerpta, Рамбо говоритъ, что отъ византійской дипломатіи происходятъ непосредственно венеціанская и русская. Процессъ происхожденія русской дипломатіи отъ византійской названный изслѣдователь не выясняетъ, онъ только дѣлаетъ краткій очеркъ развитія сношеній московскаго государства съ западными европейскими державами при Іоаннахъ III и IV, отмѣтивъ, что при Іоаннѣ III первымъ посламъ изъ Москвы на Западъ были русскіе: Толбузинъ и Голохвастовъ, и грекъ Дмитрій Рало. Это было время, по словамъ Рамбо, организаціи русской дипломатіи. Далѣе онъ говоритъ въ немногихъ словахъ о возникновеніи московскаго посольскаго приказа и переходитъ къ указанію дипломатическихъ пріемовъ, заимствованныхъ Москвою изъ Византіи. Московскіе обычаи, соблюдавшіеся при пріемѣ иноземныхъ пословъ, воишь напоминаютъ, по мнѣнію французскаго ученаго, такіе же обычаи, практиковавшіеся въ Византіи: иностранный посолъ освобождался отъ всякихъ издержекъ на свое содержаніе: къ послу, котораго содержали какъ плѣнника, назначали пристава для наблюденія за нимъ: во время торжественной аудіенціи посолъ цѣловалъ руку царя, говорилъ ему привѣтствіе, царь же, сообразно съ обрядомъ своего двора, а обрядъ этотъ былъ во всемъ обрядомъ византійскимъ, спрашивалъ посла о здоровьи государя, представителемъ котораго былъ

¹⁾ Назв. изд., стр. 2.

посоль, освѣдомлялся также о здоровьи самого посла, спрашивалъ его, благополучно ли онъ совершилъ свое путешествіе въ Москву; принявъ грамоту отъ посла, царь угощалъ его изъ своихъ рукъ виномъ и, послѣ новыхъ привѣтствій, отпускалъ его. Такова была торжественная аудіенція. Нѣсколько дней спустя царь принималъ посла въ простой аудіенціи и запросто бесѣдовалъ съ нимъ. Отмѣтивъ, что торжественныя аудіенціи при московскомъ дворѣ отличались большою пышностью, Раббо говоритъ, что торжественный обѣдъ, даваемый царемъ послу, былъ такъ же продолжителенъ, и церемоніаль его былъ такъ же сложенъ, какъ и при византійскомъ дворѣ ¹⁾.

Рисуя обрядъ приема иностраннаго посла московскимъ царемъ, Раббо упускаетъ изъ виду, что въ этотъ обрядъ въ XVII в. не входили нѣкоторыя явленія посольскаго обихода XVI в. Тѣ случаи бесѣды московскаго государя съ иностраннымъ посломъ во время простыхъ аудіенцій, о которыхъ говоритъ французскій ученый, имѣли мѣсто въ концѣ XV в., но и тогда они были скорѣе исключеніемъ изъ обычая, чѣмъ обычаемъ. Далѣе, уже Олеарій (секретарь голштинскаго посольства къ царю Михаилу Ѳеодоровичу) замѣтилъ, что прежде посланники, послѣ торжественнаго представленія московскому государю, всегда обѣдали во дворцѣ его, при царѣ же Михаилѣ Ѳеодоровичѣ обычай этотъ вывелся, и жалованныя государемъ кушанья обыкновенно приносились къ посланникамъ на ихъ квартиры ²⁾. Извѣстіе Олеарія подтверждается другими иностранными писателями о Россіи XVII-го в.: въ ихъ сочиненіяхъ рѣдко встрѣчаются описанія обѣдовъ, даваемыхъ иноземнымъ посламъ во дворцѣ ³⁾. Затѣмъ, Раббо смѣшиваетъ обрядъ приема въ Москвѣ христіанскихъ пословъ съ обрядомъ приема мусульманскихъ пословъ. Во время аудіенцій московскій государь потчевалъ наипткомъ только татарскихъ пословъ ⁴⁾.

¹⁾ Тамъ же, стр. 4 и 5.

²⁾ „Олеарій. Подробное описаніе путешествія Голштинскаго посольства въ Московію и Персію“, въ „Чтен. М. Об. Ист. и Др. Р.“, 1868 г., кн. III, стр. 225.

³⁾ Проф. В. О. Ключевскаго „Сказанія иностранцевъ о московскомъ государствѣ“, 61.

⁴⁾ Котошихинъ, стр. 77, изд. 3.

По мнѣнію названнаго изслѣдователя обычай содержать иноземнаго посла на свой счетъ заимствованъ былъ московскими государями изъ Византіи, отсюда же было позаимствовано отношеніе въ Москвѣ къ послу какъ къ плѣннику.

Находя сходное въ отношеніяхъ къ посламъ въ московскомъ государствѣ и въ Византіи. Рамбо объясняетъ сходство заимствованіемъ перваго изъ второй, не указывая, какимъ образомъ произошло такое заимствованіе. Между тѣмъ указанная французскимъ ученымъ сходныя явленія въ посольскихъ обрядахъ московскомъ и византійскомъ могутъ быть объяснены иначе. Московскіе государи содержали иноземныхъ пословъ на свой счетъ потому, что смотрѣли на нихъ какъ на гостей своихъ, держали же ихъ какъ плѣнниковъ вслѣдствіе того, что не желали, чтобы посоль проницалъ то, что отъ него скрывали. Московскіе государи, отправляя своихъ пословъ и гонцовъ къ иностраннымъ государямъ, обыкновенно наказывали имъ собирать всякія тайныя вѣсти, и въ рѣдкомъ изъ наказовъ московскихъ пословъ не находится такое порученіе. Подозрѣвая, что и иностранные послы являлись въ предѣлы московскаго государства съ порученіемъ развѣдывать государственныя тайны, въ Москвѣ обыкновенно держали пословъ какъ плѣнниковъ. Московскіе государи опасались излишней болтливости своихъ подданныхъ предъ иностранцами; это видно, напр., изъ наказа, даннаго князю Тюфякину и дьяку Емельянову, посламъ царя Ѳедора Іоанновича въ Персію: „а нѣчто будетъ въ Асторохани которые торговые люди, а похотятъ съ ними зъ государевыми послами ѣхать съ торгомъ въ Кизылбашскую землю, и посломъ... торговыхъ людей съ собою въ Кизылбашин отнюдь никакова челоувѣка не имати, потому что... вѣсти многіе московскі(е) розказываютъ“¹⁾.

Вопросы, которые предлагались московскимъ государемъ на аудіенціи иноземному послу (о здоровьѣ приславшаго его государи и самого посла, о путешествіи его и т. д.), Рамбо считаетъ заимствованіемъ изъ посольскаго обряда византійскаго двора. По привѣтствію, которыя произносили византійскому императору инозем-

¹⁾ „Памятники дипломатич. и торгов. сношеній московской Руси съ Персіей“, изд. подъ ред. проф. П. Н. Веселовскаго, I, 341, въ „Трудахъ вост. отд. Имп. Рус. Археол. Об.“, т. XX.

ные послы, и вопросы, предлагавшіеся послѣднимъ отъ имени императора логоетомъ, не соответствуютъ вполне привѣтствіямъ, которыя говорили иноземные послы московскимъ государямъ, и вопросамъ, предлагавшимся московскими государями иноземнымъ посламъ. Въ De serim. а. В. дѣлая глава посвящена изложенію привѣтствій, произносившихся иноземными послами предъ византійскимъ императоромъ, и вопросамъ, которые предлагались имъ логоетомъ отъ имени императора. Послы болгарскіе спрашивали на аудіенціи о здоровьѣ императора, императрицы, ихъ дѣтей, патріарха, двухъ магистровъ, сената и четырехъ логоетовъ. Логоетъ задавалъ имъ вопросы: „какъ поживаетъ духовный внукъ святого нашего императора, Божіею милостью владѣтель Болгаріи? какъ поживаетъ Божіею милостью владѣтельница?“ Затѣмъ логоетъ спрашивалъ о дѣтяхъ болгарскаго владѣтеля, о шести великихъ боярахъ, о прочихъ внутреннихъ и вѣшнихъ боярахъ и о всемъ болгарскомъ народѣ ¹⁾. Послы изъ Египта, Персіи произносили императору слѣдующія привѣтствія: „миръ тебѣ и милосердіе, радость и слава отъ Бога высокому и великому императору Ромсеви; благополучіе, здравіе и многолѣтняя жизнь (да будутъ) отъ Бога тебѣ, миротворецъ и благой императоръ; да взойдутъ въ дни твои справедливость и полный миръ, миролюбивѣйшій и челоуѣколюбивый императоръ“. Логоетъ спрашивалъ пословъ: „какъ поживаетъ благороднѣйшій эмиръ Египта? какъ поживаетъ совѣтъ старцевъ и весь народъ его? какъ поживаешь ты? какъ ты совершилъ твой путь? не постигло ли тебя на пути что либо неприятное или нехорошее? не произошло ли что либо дурное съ тобою? иди въ радости и веселіи, сегодня ты будешь соучастникомъ въ трапезѣ нашего святого императора“ ²⁾.

Не такъ велось въ московскомъ государствѣ. Въ Москвѣ самъ государь спрашивалъ иноземныхъ пословъ, въ Константино-

¹⁾ De ser. а. В., II, 47, pag. 681. Внутренними боярами, по объясненію проф. М. С. Дрипова, назывались въ Болгаріи лица, занимавшія должности при дворѣ и при главномъ управленіи, вѣшными же боярами назывались тѣ, которые были областными правителями („Южные славяне и Византия въ X в.“, стр. 83, въ „Чтен. Моск. Об. Ист. и Др. Рос.“, 1875 г., кн. 3).

²⁾ De ser. а. В., II, 47, pag. 685.

полѣ—логоуеть въ присутствіи императора. Кромѣ того, логоуеть спрашивалъ пословъ не только о здоровьѣ главы государства и ихъ самихъ, какъ было въ обычаѣ у московскихъ государей, которые предлагали иноземнымъ посламъ вопросъ о здоровьѣ ихъ государей подобно тому, какъ европейскіе государи освѣдомлялись у московскихъ пословъ о здоровьѣ царя. Принимая во вниманіе, что московскіе государи, дабы не унижить свое достоинство, оказывали иноземнымъ посламъ такой же пріемъ, какой оказывался ихъ посламъ при иностранныхъ дворахъ, можно думать, что вопросы посламъ о здоровьѣ ихъ государей предлагались московскими государями не потому, что такъ велось при византійскомъ дворѣ, но потому, что такой обычай въ то время существовалъ при европейскихъ дворахъ, какъ актъ вѣжливости по отношеніи къ государю, приславшему своего посла. Въ наказѣ, данномъ московскимъ посламъ, отправленнымъ въ 1492 г. къ королю римскому, находимъ приказъ не передавать королю поклоновъ отъ великаго князя, великой княгини и сына ихъ Василія „того дѣля, что королевъ посоль Юрьи великому князю и великой княгинѣ отъ короля поклона не правилъ“... ¹⁾). Такъ не спрашивалъ бы Іоаннъ III иноземнаго посла о здоровьѣ государя его, если бы подобный вопросъ не предлагался его послу иноземнымъ государемъ. Даже бѣглый просмотръ памятниковъ дипломатическихъ сношеній московскихъ государей съ иностранными государствами обнаруживаетъ существованіе обычая при дворахъ западной Европы не только спрашивать пословъ о здоровьѣ ихъ государей, но предлагать такой же вопросъ и самимъ посламъ, а также освѣдомляться у нихъ, какъ совершили они свое путешествіе и довольны ли даваемымъ имъ содержаніемъ. Въ 1667 г. отправлены были стольникъ Потемкинъ и дьякъ Румящевъ посланниками къ королямъ Испаніи и Франціи. Это было первое русское посольство къ испанскому королю ²⁾). На

¹⁾ „Пам. диплом. сп. др. Россіи“, I, 82.

²⁾ „А чайть“, говорили въ Испаніи русскимъ послапшкымъ, „что вамъ Послапшкомъ отъ Королевскаго Величества честь будетъ свше пныхъ Государствъ Пословъ, по тому, прислаши вы отъ Великого Государя, отъ Его Царскаго Величества впервые; какъ и Государство Испанское стало, Пословъ и Послапшниковъ изъ великаго Россійскаго Царства пикогда не бывало...“ („Древн. Рос. Вивл.“, т. IV, стр. 365, также 367, 368, изд. 2).

аудиенціи. дашой русскимъ посланникамъ шестилѣтнимъ королемъ Испаніи, присутствовала мать его. Когда король, при произнесеніи имени царя, не снялъ шляпы и не спросилъ о здоровьѣ его, Потемкинъ выразилъ неудовольствіе. Ему объяснили, что въ Испаніи не въ обычаѣ, чтобы король былъ безъ шляпы предъ иноземнымъ посломъ, „а что де Королевское Величество не спросилъ о здоровьѣ Великого Государя вашего, Его Царского Величества, и то безъ хитрости учинилъ, а не презираючи чести Великого Государя вашего, Его Царского Величества, по тому что не въ срослыхъ лѣтѣхъ Королевское Величество“... Послѣ этого объясненія король спросилъ московскихъ пословъ о здоровьѣ царя, и аудиенція продолжалась ¹⁾. Когда московскіе посланники передали поклонъ отъ царя и царицы королевѣ, послѣдняя спросила о здоровьѣ ихъ ²⁾. Изъ объясненія, даннаго московскимъ посланникамъ, очевидно, что при испанскомъ дворѣ было въ обычаѣ, чтобы король не снималъ шляпы на аудиенціи, даваемой иноземнымъ посламъ, но не было въ обычаѣ не спрашивать иноземнаго посла о здоровьѣ государя его; обыкновенно также спрашивали иностранныхъ пословъ о здоровьѣ ихъ: московскихъ пословъ спросили о здоровьѣ отъ имени испанскихъ короля и королевы; такой вопросъ предложенъ былъ имъ предъ вѣздомъ ихъ въ Мадридъ ³⁾.

Во Франціи, предъ вѣздомъ въ Парижъ, московскіе посланники были спрошены отъ имени короля о здоровьѣ, а также о благополучіи совершеннаго ими пути ⁴⁾. Во время аудиенціи король, въ отвѣтъ на переданный ему посланникомъ поклонъ отъ царя, спросилъ о здоровьѣ его ⁵⁾.

¹⁾ Тамъ же, стр. 391.

²⁾ Тамъ же, стр. 392.

³⁾ Тамъ же, стр. 377.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 479.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 490. Сохранилось описаніе приема Потемкина королемъ Франціи во французской редакціи. Сравнительно съ статейнымъ спискомъ Потемкина редакція эта отличается краткостью. Во французскомъ описаніи сказано, что Потемкинъ произнесъ королю привѣтствіе, на которое отвѣтилъ король, но самый отвѣтъ не передаетъ („Supplement au corps universel diplomatique du droit des gens“, t. IV, „Le ceremonial diplomatique des cours de l'Europe“, recueil. par Mr. Du Mont, mis en ordre par Mr. Rousset, t. I, p. 96, an. 1739). Можно думать, что на переданный отъ царя поклонъ король отвѣтилъ вопросомъ

Отправленный въ 1687 г. въ Венецію посланникомъ дьякъ Волковъ доносилъ въ своемъ статейномъ спискѣ, что дожъ изъ-явилъ ему нежеланіе спросить о здоровьѣ царя стоя и безъ шапки на томъ основаніи, что „и Папы де Римского, и Цес. Вел-ва и иныхъ государей христіанскихъ про здоровье, при послехъ и посланникахъ ихъ, спрашиваетъ онъ сидя и въ шапкѣ“... ¹⁾). Изъ этого отвѣта дожа очевидно, что въ Венеціи былъ обычай, въ силу котораго дожъ спрашивалъ иноземныхъ пословъ о здоровьѣ ихъ государей.

Такъ было въ XVII в., тоже соблюдалось и въ XVI в., но крайней мѣрѣ. по отношеніи къ московскому царю и его посламъ. Въ первомъ до насъ дошедшемъ статейномъ спискѣ Исаемскаго, посланника къ английской королевѣ Елизаветѣ, отправленнаго изъ московскаго государства въ 1582 г., читаемъ, что на аудіенціи королева спрашивала посланника о здоровьѣ царя и сыновей его ²⁾). Также изъ перваго дошедшаго до насъ статейнаго списка московскаго посланника Васильчикова, отправленнаго къ персидскому шаху въ 1588 г., узнаемъ, что шахъ на аудіенціи спросилъ посланника о здоровьѣ царя и его самого ³⁾). Въ первомъ подробномъ статейномъ спискѣ Владиміра Племянникова, московскаго посланника къ германскому императору. правившаго посольство въ 1518 г., читаемъ, что на встрѣчѣ у одного изъ нѣмецкихъ городовъ московскій посланникъ былъ спрошенъ отъ имени императора о здоровьѣ великаго князя, послѣ чего посланнику предложенъ былъ

о здоровьѣ его, какъ сказано въ статейномъ спискѣ Потемкина, заподозрѣвъ показаніе котораго нѣтъ основаній, такъ какъ онъ отмѣчаетъ, когда въ оказываемыхъ ему пріемахъ при дворахъ королей Испаніи и Франціи усматривалъ недостатокъ уваженія къ достоинству пославшаго его царя.

¹⁾ „Пам. дипл. св. др. Россіи“, X, 1274.

²⁾ С. П. Р. И. Об. т. 38, стр. 31. Встрѣтившій московское посольство на английской территоріи отъ имени королевы спросилъ посланниковъ: „здорово ли вы до Англіискіе земли доѣхали? и какъ ѣхали Англіискою землею, нули ли какіе и бещестья вамъ отъ кого не было ли?“ (тамъ же, стр. 23).

³⁾ „Памятники диплом. и торгов. снош. московской Руси съ Персіей“, изд. подъ ред. проф. Н. И. Веселовскаго въ „Трудахъ вост. отд. Имп. Рус. Археол. Об.“ т. XX, стр. 87 и слѣд. Если бы шахъ не спросилъ Васильчикова о здоровьѣ царя, Васильчиковъ отмѣтилъ бы это, какъ замѣтилъ, что „шахъ противъ государева поклона не всталъ“... (тамъ же, 87).

вопросъ отъ имени императора же: не встрѣтилъ ли онъ какія либо непріятности во время пути своего ¹⁾. Во время аудіенціи императоръ спросилъ московскаго посланника о здоровьѣ царя ²⁾.

Изъ приведенныхъ случаевъ видно, что вопросъ послу о здоровьѣ его государя предлагался на аудіенціи не только московскимъ государемъ, но что такой вопросъ былъ обычнымъ при дворахъ западной Европы. Если, по мнѣнію Рамбо, московскій государь спрашивалъ иноземныхъ пословъ о здоровьѣ ихъ государей только потому, что такъ велось въ Византіи, является вопросъ, какъ возникъ при дворахъ западной Европы обычай, замѣтванный московскими государями изъ Византіи? Не отсюда-ли, откуда, по мнѣнію Рамбо, проникъ онъ въ Москву?

Въ задачу предлагаемаго изслѣдованія не входитъ рѣшеніе этого вопроса. Имѣлось въ виду только указать, что врядъ ли можно заключить на томъ основаніи, что московскій государь самъ спрашивалъ иноземныхъ пословъ о здоровьѣ ихъ государей, подобно тому, какъ въ Византіи этотъ вопросъ предлагался чрезъ логовста, будто московскіе государи замѣтвовали посольскій обрядъ изъ Византіи, тѣмъ болѣе, что явленіе приписываемое Рамбо исключительно московскому двору, существовало при дворахъ западной Европы къ тому времени, какъ московскіе государи стали вступать съ ними въ сношенія.

Въ заключеніе своего мнѣнія о происхожденіи московскаго посольскаго обряда Рамбо приводитъ взглядъ Руссе, который описанію приемовъ иностранныхъ пословъ въ Россіи въ первой половинѣ XVII и въ XVIII вв. предпослалъ небольшую статью, посвященную московскому посольскому обряду. По мнѣнію Руссе, высказанному въ этой статьѣ, русскій дворъ, имѣвшій нѣкогда мало связи съ другими государствами западной Европы, кромѣ Швеціи и Польши, принималъ европейскихъ пословъ подобно дворахъ восточныхъ государствъ, не слѣдуя опредѣленнымъ правиламъ извѣстнаго обряда, но принимая во вниманіе значеніе государя, который присылалъ пословъ; всякій разъ, какъ пріѣзжали иностранный посолъ въ Москву, тамъ справлялись съ прежде

¹⁾ „Пам. диплом. снош. др. Россіи“ I, 343.

²⁾ Тамъ же, 346.

бывшими случаями приемовъ и сообразно съ ними устанавливали обрядъ приема ¹⁾. Съ такимъ мнѣніемъ Руссе врядъ ли можно согласиться. Отмѣчая давность сношеній московскаго государства съ Польшею и Швеціей, Руссе не принимаетъ во вниманіе, что эти государства могли оказать вліяніе на московскій посольскій обрядъ. Утверждая, что московскіе государи принимали пословъ подобно восточнымъ владѣтелямъ, Руссе дѣлаетъ крупную ошибку; мы увидимъ далѣе, какъ принимали пословъ при дворахъ крымскаго хана, турецкаго султана и персидскаго шаха, увидимъ также, что московскіе государи скорѣе были насадителями европейскаго посольскаго обряда при дворахъ восточныхъ, чѣмъ послѣдователями посольскаго обряда послѣднихъ. Что касается предположенія Руссе, будто въ Москвѣ не слѣдовали опредѣленнымъ правиламъ посольскаго обряда, то и съ этимъ согласиться нельзя, потому что обрядъ приема иноземныхъ пословъ, сложившійся въ Москвѣ при Василіи III, почти въ томъ же видѣ въ основныхъ своихъ чертахъ соблюдался и въ XVII в. Указаніе Руссе на то, что въ Москвѣ принимали пословъ сообразно могуществу и значенію ихъ государей для московскаго государства, подтверждается свидѣтельствомъ Котошихина ²⁾. Другое замѣчаніе Руссе, что въ Москвѣ, принимая пословъ, справлялись съ прежде бывшими случаями подобныхъ же приемовъ, можетъ быть принято съ оговоркой, что такія справки дѣлались въ нѣкоторыхъ случаяхъ, но далеко не всегда ³⁾.

Византію учительницею московскихъ дипломатовъ считаетъ и о. Ирлингъ. Въ своемъ трудѣ „Un ponce du pape en Moscovie“ онъ высказываетъ убѣжденіе, что „въ международныхъ сношеніяхъ московскаго государства господствовалъ византійскій элементъ. Со времени брака Іоанна III съ наследницею Палеологовъ пышный этикетъ Византіи проникъ въ Кремль; пышность недо-

¹⁾ „Supplement au corps universel diplomatique du droit des gens“, V. Le cérémonial diplomatique des Cours de l'Europe“ recueil, par Mr. Du Mont, mis en ordre par Mr. Roussset, II, pag. 635, an. 1739; указанное мнѣніе Руссе приведено у Рамбо въ назв. изд., стр. 8.

²⁾ „О Россіи въ царствованіе Алексія Михайловича“, стр. 76, статья 16, изд. 3.

³⁾ См., напр., „Пам. дипл. снош. др. Россіи“ V, 61 и слѣд., 102 и слѣд., 187, 297 и слѣд., 335 и слѣд., 343 и слѣд.

вѣрчивыхъ предосторожностей, которыми недавно иностранцы окружались на берегахъ Босфора, возрождается теперь въ Москвѣ; послы являются только знатными плѣнниками, которыхъ лучше охраняли и за которыми лучше наблюдали, чѣмъ за другими“ ¹⁾. Въ другомъ своемъ трудѣ о. Пирлингъ отмѣчаетъ особенность московскихъ дипломатовъ, имъ объясняемую заимствованіемъ изъ Византіи: они занимались не только исполненіемъ своихъ обязанностей, но и торговлей, „и въ этомъ заключалась византійская традиція“; „дипломаты Кремля“, поясняетъ о. Пирлингъ, „не получали содержанія отъ царя, и торговля обыкновенно покрывала ихъ издержки; такъ они добросовѣстно посвящали себя и дѣламъ государственнымъ и торговымъ, работая въ унисонъ купцамъ своей свиты. Вслѣдствіе этого говорили, что у Киверовой Горы ²⁾ была скорѣе праздничная ярмарка, чѣмъ стѣздъ пословъ“ ³⁾. Указывая еще одну особенность московскихъ дипломатовъ Іоанна III, о. Пирлингъ колеблется, признать ли ее оригинальною или заимствованною, такъ какъ считаетъ грековъ учителями русскихъ въ дипломатическомъ искусствѣ; особенность эту онъ усматриваетъ въ послахъ Іоанна III къ папѣ Александру VI—Ралеви и Карачаровѣ, которые строго соблюдали данный имъ наказъ, какъ вести себя во время аудіенцій. „Было ли то остаткомъ варварства или признакомъ прогресса, воспоминаніемъ Византіи или прихотью Кремля“, говоритъ о. Пирлингъ, „но эти импровизированные послы выказали себя неуемлимыми на счетъ этикета. Они всюду добивались перваго мѣста, предпочитали не появляться вовсе, чѣмъ быть ниже другихъ, и защищали свои притязанія съ настойчивостью, доходившею до смѣшного“ ⁴⁾.

Отмѣченные о. Пирлингомъ приемы московской дипломатіи, объясняемые имъ, какъ и Рамбо, заимствованіемъ изъ Византіи, могутъ быть разсматриваемы не только какъ заимствование. О. Пирлингъ исходитъ изъ того убѣжденія, что нынѣшній придворный этикетъ Византіи проникъ въ Москву съ Софьей Палеологъ, и съ

¹⁾ 107 sq., Paris, an. 1884.

²⁾ Въ 15 верстахъ отъ Запольскаго яма, въ 1581—2 гг.

³⁾ „Papes et Tsars“, 275, Paris, an. 1890.

⁴⁾ „Россія и Востокъ“ 135 и слѣд.

этой точки зрѣнія смотритъ на нѣкоторыя приемы московской дипломатіи, между тѣмъ мнѣніе о появленіи византійскаго придворнаго этикета въ послѣдней четверти XV в. въ Москвѣ нуждается въ доказательствахъ, которыхъ о. Нурлингъ не представилъ. Онъ такъ увѣренъ въ томъ, что Византія была учительницею московскихъ дипломатовъ, что даже въ строгомъ соблюденіи московскими посланн послольскаго обряда склоненъ видѣть „воспоминаніе Византіи“, тогда какъ эта черта московскихъ дипломатовъ легко объясняется тѣмъ, что въ Москвѣ всему, съ чѣмъ была связана государева честь, придавали огромное значеніе, и вслѣдствіе этого отступленіе отъ наказа даже въ мелочахъ считалось великимъ проступкомъ для посла.

Въ недавно вышедшемъ трудѣ М. А. Веневитинова часть одной изъ главъ посвящена изложенію дипломатическихъ традицій и приемовъ московскаго посольскаго приказа ¹⁾.

Указавъ, что характеръ международныхъ сношеній и официальные дипломатическіе приемы въ древней Россіи опредѣлились, развились и окончательно установились въ теченіе 150 лѣтъ со времени учрежденія посольскаго приказа, и что историческія условія, при которыхъ образовалось московское государство, а также отчужденность его отъ западной Европы, наложили особый отпечатокъ на основной характеръ международныхъ сношеній древней Руси, г. Веневитиновъ говоритъ о начальной школѣ московской дипломатіи. Почвою для этой школы, крайне трудной и тяжелой, служили, по мнѣнію названнаго изслѣдователя, отношенія Руси къ ея насильникамъ: татарамъ и Литвѣ. Сосѣдство съ Востокомъ отразилось на характерѣ русской дипломатіи: для достиженія желасмаго въ сношеніяхъ съ дикими народами приходилось или употребить грубую силу или хитрить, унижаться, ради выгоды въ будущемъ временно забывать свое достоинство; страхъ предъ врагами пріучалъ къ скрытности предъ ними, ихъ корыстолюбіе и алчность пріучали къ подкупамъ. Таковы были приемы русской дипломатіи, говоритъ г. Веневитиновъ, когда она стремилась къ сверженію татарскаго ига. Когда иго было свергнуто и Іоаннъ III женился на Софьѣ Палеологъ, „тогда приемы русской дипломатіи освѣжились новою ви-

¹⁾ „Русскіе въ Голландіи“, гл. X. М. 1897 г.

зантійскою струею. но струя эта была также полувосточнаго происхожденія: византійская имперія пала отъ народовъ, близкихъ по племени къ татарамъ, владычествовавшимъ на Руси. Однако византійскія преданія отличались отъ пріемовъ русской дипломатіи тѣмъ, что въ нихъ жила память о свѣтломъ прошломъ, и память эта отразилась надеждами на третій Римъ въ Москвѣ. Такимъ образомъ“, заключаетъ г. Веневитиновъ свои разсужденія, „на характеръ первыхъ сношеній московскаго государства съ западною Европою главнымъ образомъ повліяли съ одной стороны отношенія русскихъ къ татарамъ, какъ побѣжденныхъ къ покорителямъ, а съ другой—воспоминанія о прежнемъ блескѣ восточной римской имперіи, изгнанныя изъ Стамбула и нашедшія въ Москвѣ пріютъ и новую почву для мечты о возстановленіи прошлаго“. Когда посольскій приказъ появился въ Москвѣ, задачей его стало „обезпечить московскому царю и въ Европѣ то значеніе, которое уже признали за нимъ народы Азіи, и тотъ яркій блескъ могущества, который завѣщала ему Византія“¹⁾.

Таковы, по мнѣнію М. А. Веневитинова, условія, которыя опредѣлили характеръ московской дипломатіи. Онъ правильно указываетъ, что официальные дипломатическіе пріемы московской Руси опредѣлились и установились послѣ сверженія татарскаго ига на почвѣ сношеній съ западною Европой. Естественно, что новыя отношенія требовали новыхъ дипломатическихъ пріемовъ, выразились въ новыхъ формахъ. Московскіе дипломаты, готовые унижаться предъ татарами, оказались чрезвычайно щепетильными въ сношеніяхъ съ западною Европой: натерпѣвшіеся униженій предъ татарами, они всячески остерегаются, какъ бы въ чемъ либо не унижить себя предъ западною Европой, придаютъ огромное значеніе всякой мелочи въ посольскомъ обрядѣ, опасаясь не соблюденіемъ ея унижить достоинство своего государя. Характеръ жизни московскаго государства отразился и на посольскомъ обрядѣ, многія мелочи котораго тщательно и въ неприкосновенности охранялись и въ XVII в.; обрядъ этотъ соответствовалъ пріемамъ московскаго посольскаго приказа, которые М. А. Веневитиновъ называетъ рутинными. Не понятно только, въ чемъ видить названный изслѣдо-

¹⁾ Назв. тр., 141 и слѣд.

ватель византийскую струю, оживившую московскую дипломатию послѣ брака Иоанна III съ Софьей Палеологъ. Если, говоря объ этой струѣ, онъ имѣлъ въ виду Софью Палеологъ или грековъ, прибывшихъ съ нею въ Москву, слѣдовало выяснить то вліяніе, которое они имѣли на московскую дипломатию. Проф. Терновскій, перечисляя тѣхъ грековъ, которые явились въ Москву съ Софьей Палеологъ и дѣйствовали пѣкоторое время при московскомъ дворѣ, говоритъ о нихъ, какъ о дипломатахъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „употреблялись они сначала по дипломатической части—въ качествѣ пословъ; но потомъ и это пресѣклось. Впрочемъ и въ этомъ отношеніи они обнаружили хотя болѣе изворотливости, но менѣе твердости и ясности въ пониманіи московскихъ интересовъ, чѣмъ природныя москвичи, у которыхъ—по словищу *алтыннаго за урощь не выторуешь*“ (курсивъ подлин.) ¹⁾. Не понятнo также, на основаніи чего М. А. Веневитиновъ заключаетъ, что задачей учрежденнаго въ Москвѣ посольскаго приказа было обезпечить московскому царю въ Европѣ „яркій блескъ могущества, завѣщанный ему Византіей“. Паденіе татарскаго ига способствовало подъему духа московской дипломатіи врядъ ли въ меньшей степени, чѣмъ бракъ Иоанна III съ Софьей Палеологъ. Первое было реальное, а со вторымъ могли быть соединены только мечты, но были ли способны Иоаннъ III и его дипломаты предаваться имъ? Памятники дипломатическихъ сношеній московскаго государства съ иностранными державами обнаруживаютъ, что едва татарское иго пало, какъ московское правительство, памятуя о томъ времени, когда вся русская земля принадлежала потомкамъ Владиміра св., стало упорно стремиться присоединить къ Москвѣ русскія земли, отошедшія къ литовскому государству. Эта задача національнаго объединенія всецѣло поглотила вниманіе московскихъ дипломатовъ, и памятники дипломатическихъ сношеній московскаго государства не даютъ данныхъ для заключенія, будто московская дипломатія предавалась мечтамъ о возстановленіи третьяго Рима въ Москвѣ, будто задачей ея было обезпечить московскому государю могущество, якобы завѣщанное ему Византіей. Усилія западной Европы втолкнуть москов-

¹⁾ „Изученіе визант. исторіи и ея тенденціозное приложение въ древней Руси“ II, 63.

ское государство въ борьбу съ турками, ея напоминая, что московскій государь имѣеть право на павшую имперію, оставались тщетными: московская дипломатія стремилась присоединить юго-западные русскія земли къ Москвѣ и въ этомъ соединеніи всѣхъ русскихъ земель подъ властью московскаго государя видѣла желаемое могущество.

Сводя вмѣстѣ мнѣнія изслѣдователей московскаго посольскаго обряда, видимъ, что Руссе игнорировать западное вліяніе на образованіе этого обряда. Лешковъ, говоря о посольскомъ обрядѣ московскаго двора, не воспользовался необходимымъ при изученіи этого обряда матеріаломъ, заключающимся въ памятникахъ дипломатическихъ сношеній московскаго государства съ иностранными державами, почему и не пришелъ къ правильному заключенію. Рихтеръ имѣлъ въ виду только вліяніе татарское на Россію, поэтому и отмѣтилъ тѣ лишь черты московскаго посольскаго обряда, которыя, по его мнѣнію, заимствованы были чрезъ татаръ изъ Азіи. О. Пирлингъ мимоходомъ указалъ нѣкоторыя черты московской дипломатіи, которыя представлялись ему заимствованными изъ Византіи. Рамбо, быть можетъ подъ вліяніемъ о. Пирлинга (заговорившаго о византійскомъ вліяніи на московскую дипломатію въ 1884 г., когда вышло его изслѣдованіе „Un nonce du pape en Moscovic“, Рамбо же свой взглядъ развилъ въ 1890 г.), имѣлъ въ виду только византійское вліяніе на московскихъ дипломатовъ, игнорируя другія, могущія быть, вліянія. На сколько можно судить по отчету о рефератѣ проф. Н. И. Веселовскаго, референтъ сравнивалъ русскій посольскій обрядъ только съ татарскимъ.

Вниманіе изслѣдователей московскаго посольскаго обряда, обращенное при объясненіи образованія этого обряда только на Востокъ, останавливалось то на Византію, то на татаряхъ. Ни одинъ изъ изслѣдователей, говоря о московскомъ посольскомъ обрядѣ, не находилъ нужнымъ считаться съ европейскимъ на него вліяніемъ. Между тѣмъ драгоцѣнный матеріалъ для изученія московскаго посольскаго обряда представляютъ памятники дипломатическихъ сношеній московской Руси съ западными европейскими государствами; Котошихинъ, которому хорошо былъ извѣстенъ московскій посольскій приказъ, посвящаетъ двѣ главы (IV и V) описанію по-

сольскаго обряда; объ этомъ же обрядѣ говорятъ въ своихъ описа- нійхъ московскаго государства и иностранцы, которые пріѣзжали въ Москву въ качествѣ пословъ или лицъ посольской свиты. Весь этотъ матеріаль, который не принимался во вниманіе изслѣдова- телями московскаго посольскаго обряда, даетъ возможность про- слѣдить образованіе его сравнительно не только съ такими же обрядами Византин и татаръ, но и съ тѣми обрядами, которые соблюдали западныя европейскія государства при пріемѣ москов- скихъ пословъ. Имѣя въ виду вліяніе Византин или татаръ на обра- зованіе московскаго посольскаго обряда, необходимо считаться и съ тѣмъ вліяніемъ, которое имѣла западная Европа на развитіе этого обряда, потому что росъ онъ на почвѣ дипломатическихъ сношеній и съ западными европейскими государствами.

Сношенія московскаго государя съ нѣкоторыми западными европейскими державами начались вскорѣ послѣ паденія татар- скаго ига. Тогда предъ этими державами предсталъ государь неза- висимый отъ какой либо земной власти, равный другимъ незави- симымъ государямъ. Въ такомъ смыслѣ опредѣлилъ мѣсто свое въ семьѣ европейскихъ государей самъ Іоаннъ III. Когда въ 1489 г. вторично появился въ Москвѣ Николай Поппель, въ этотъ разъ въ качествѣ посла императора германскаго, и между прочимъ предложилъ Іоанну III свои услуги для неходатайствованія ему королевскаго титула отъ императора. Іоаннъ III велѣлъ отвѣтить Поппелю на это предложеніе:... „мы Божією милостію Государи на своей землѣ изначала, отъ первыхъ своихъ прародителей, а поставленіе имѣемъ отъ Бога, какъ наши прародители, такъ и мы, а просимъ Бога, чтобы намъ далъ Богъ и нашимъ дѣтемъ и до вѣка въ томъ быти, какъ есмь нынѣ Государи на своей землѣ, а поставленія, какъ есмь напередъ сего не хотѣли ни отъ кого, такъ и нынѣ не хотимъ“¹⁾. Этимъ отвѣтомъ Іоанна III, пол- нымъ сознанія собственнаго достоинства, опредѣлялись отношенія московскаго государя къ иностраннымъ государямъ, какъ государя независимаго, имъ равнаго. Такія отношенія, основанныя на ра- венствѣ государей, должны были внѣшнимъ образомъ выражаться въ посольскомъ обрядѣ, который соблюдался въ дипломатическихъ

¹⁾ „Пам. дипл. снош. др. Россіи съ державами иностран.“ I, 12.

сношеніяхъ московскаго государя съ западными европейскими государствами. Исходя изъ такой точки зрѣнія, въ разсужденіи о вліяніи Византіи или татаръ на московскій посольскій обрядъ, слѣдуетъ считаться съ тѣми отношеніями, въ которыхъ стояла Русь къ Византіи и татарамъ, потому что отношенія эти должны были отразиться на посольскомъ обрядѣ, который соблюдался въ сношеніяхъ московской Руси съ первою и послѣдними, и сравнить отношенія московскихъ государей къ Византіи и татарскому хану съ отношеніями этихъ же государей къ западнымъ европейскимъ государствамъ. Разныя отношенія московскихъ государей къ первымъ и послѣднимъ должны были отразиться на посольскомъ обрядѣ, который практиковался въ сношеніяхъ Москвы какъ съ Византіей и татарами, такъ и съ западными государствами Европы. Опредѣленіе характера отношеній московскихъ государей къ византійскимъ императорамъ тѣмъ болѣе необходимо, что памятники сношеній между ними очень бѣдны указаніями на практиковавшійся въ этихъ сношеніяхъ посольскій обрядъ.

Византійскій императоръ пользовался извѣстною властью по отношеніи къ русской церкви, какъ царь всѣхъ христіанъ, какъ верховный покровитель вселенской церкви, и власть его въ этомъ смыслѣ признавалось на Руси. Изъ хрисовуда императора Юанна Каштакузена о присоединеніи галицкой митрополіи къ кievской (датированнаго 1347 г.) видно, что вел. кн. московскій Симеонъ Иоанновичъ, вмѣстѣ съ другими русскими князьями, просилъ императора подчинить кievской митрополіи нѣкоторыя епископіи малой Руси, и что императоръ, во исполненіи этой просьбы великаго князя, котораго онъ назвалъ „средникомъ“ (*ἀρετιώτος*) своимъ, издалъ соотвѣтствующее повелѣніе ¹⁾. Симеонъ же Иоанновичъ, когда умеръ митрополитъ Оеогностъ, отправилъ своего посла въ Константинополь къ императору и патріарху съ просьбою поставить митрополитомъ русскимъ Алексѣя ²⁾. О томъ же ходатайствовалъ предъ византійскимъ императоромъ и патріархомъ вел. кн. московскій Іоаннь Иоанновичъ ³⁾. Вел. кн. московскій Василій II Темный въ

¹⁾ „Рус. Истор. Библ.“ т. VI, Прилож., стр. 16.

²⁾ П. С. Р. Л. X, 226—227.

³⁾ „Рус. Истор. Библ.“ т. VI, Прилож., стр. 44—46.

посланиі своемъ къ византійскому императору (о поставленіи митрополита Іоны) называетъ его „непорочныя православныя христіанскыя вѣры“ теплымъ, непреклоннымъ и истиннымъ поборникомъ и правителемъ, себя скромно именуюя святомъ императора: „святъ святого ти царства“ ¹⁾). Въ этомъ же посланіи Василій II пишетъ императору: „... въсприсялъ еси свой великій царскый скипетръ, свое отчество, въ утверженіе всему православному христіанству нашихъ державъ и нашихъ владѣтельствамъ рускія земли, всему нашему благочестью, въ великую помощь...“ ²⁾). Василій II молитъ императора: „...просимъ святое ти царство, да не помолвиши о томъ на насъ, яко дерзостнѣ еіе сътворихомъ, еже сътворихомъ (возведеніе на митрополичій престолъ Іоны), не обоставъ великого вашего господства“... ³⁾). Послание это, не отправленное по назначенію, писано было Василіемъ II около 1451 г., т. е., послѣ флорентійской уніи.

Право византійскаго императора на участіе въ избраніи митрополита для русской церкви признавалось московскими великими князьями, и это видно изъ того, что они принимали митрополитовъ, избираемыхъ съ соизволенія императоровъ Византіи ⁴⁾.

Когда вел. кн. московскій Василій I запретилъ митрополиту русскому поминать имя византійскаго императора въ диптихахъ, сказавъ: „мы имѣемъ церковь, а цари не имѣемъ и знать не хотимъ“, то патріархъ константинопольскій Антоній, узнавъ объ этомъ, посѣшилъ выразить Василію I порицаніе за такое отношеніе къ византійскому императору—царю всѣхъ христіанъ ⁵⁾.

Проф. А. С. Павловъ, подводя итоги власти византійскихъ императоровъ надъ русскою церковью, указалъ, что власть эта выражалась, во-первыхъ, въ томъ, что при самомъ учрежденіи русской митрополіи императоры указали ей мѣсто или „чинъ“ въ ряду другихъ митрополій, подчиненныхъ константинопольскому патріар-

¹⁾ Тамъ же, VI, стр. 575—576.

²⁾ Тамъ же, стр. 577.

³⁾ Тамъ же, стр. 583.

⁴⁾ „Рус. Истор. Библ.“ VI, стр. 539—540 и Прил. стр. 48, 54, 68, 182; „Акты Истор.“ I, № 254, стр. 482 и П. С. Р. .Л., VI, 145.

⁵⁾ „Рус. Истор. Библ.“ т. VI, прил. стр. 272--276.

шему престолу, и затѣмъ повышали или понижали ее въ этомъ чинѣ: во-вторыхъ, издавали законы, какъ о раздѣленіи русской митрополіи на двѣ, такъ и о возстановленіи ея прежняго единства; въ-третьихъ, утверждали избранныхъ патріархомъ и его синодомъ, или присланныхъ изъ Руси, кандидатовъ на тамошнюю митрополію ¹⁾. Право византійскаго императора на участіе въ управленіи русскою церковью основывалось въ теоріи на идеѣ христіанской міродержавной римской имперіи, глава которой являлся верховнымъ покровителемъ вселенской церкви во всѣхъ ея частяхъ, хотя бы онѣ находились за предѣлами имперіи, осуществлялось же это право на практикѣ благодаря тому, что вселенскій патріархъ, во многихъ отношеніяхъ, находился подъ властью императора ²⁾.

Признавая власть византійскихъ императоровъ въ дѣлахъ русской церкви, какъ царей всѣхъ христіанъ, московскіе государи обращались къ нимъ по дѣламъ этимъ какъ просветели, какъ низшіе къ высшимъ: этимъ и ограничивалась зависимость ихъ отъ византійскихъ императоровъ, но послѣдніе притязали на большее. Въ Византіи была мысль о политической зависимости отъ нея тѣхъ народовъ, которые принимали отъ нея христіанство и подчинялись ей въ церковномъ отношеніи, и съ этой точки зрѣнія Русь представлялась какъ бы частью византійской имперіи, а русскіе князья—политически зависимыми отъ нея ³⁾. Когда въ IX в. таврическіе руссы приняли христіанство, патріархъ Фотій причислялъ ихъ къ подданнымъ византійской имперіи... „такъ называемые Руссы, которые, поработивъ находящихя кругомъ себя и отсюда помысливъ о себѣ высокое, подняли руки и противъ Римской державы,—въ настоящее время даже и сіи промѣняли эллинское и нечестивое ученіе, которое содержали прежде, на чистую и неподдѣльную вѣру христіанскую, съ любовію поставивъ себя въ чинѣ подданныхъ (*ἐν ὑποτάξει τῷ κυρίῳ*) и друзей (нашихъ)“... ⁴⁾. Сохра-

¹⁾ „Теорія восточнаго папизма“, 44—45.

²⁾ Назв. тр., 44.

³⁾ О политической зависимости славянъ восточныхъ и южныхъ отъ Византіи см. въ изслѣдованіи проф. Ламанскаго: „Видные дѣятели западно-славянской образованности въ XV, XVI и XVII вв.“ въ „Славянскомъ сборникѣ“, I, 457 и слѣд.

⁴⁾ Проф. Голубинскаго „Ист. рус. церквѣ“ I, 1, 32.

нились данные, которые свидѣтельствуютъ, что мысль о политической зависимости Руси отъ Византіи существовала среди византійцевъ до XV в. ¹⁾ Мысль эта проглядываетъ въ посланіи константинопольскаго патріарха Автопія къ великому князю московскому Василию I, котораго патріархъ въ 1393 г. упрекалъ за произнесенныя имъ слова: „церковь мы имѣемъ, а царя ценимъ и знать не хотимъ“. Указавъ на исключительно высокое мѣстовъ церкви, занимаемое византійскимъ императоромъ, патріархъ писалъ великому князю: „власть его (византійскаго императора). въ сравненіи со всѣми прочими, такова, что и самые латиняне, не имѣющіе никакого общенія съ нашею церковію,—и тѣ оказываютъ ему такую же покорность, какую (оказывали) въ прежнія времена. когда находились въ единеніи съ нами. Тѣмъ болѣе обязаны къ этому православные христіане... Невозможно христіанамъ имѣть церковь, но не имѣть царя. Ибо царство и церковь находятся въ тѣсномъ союзѣ и общеніи между собою, и невозможно отдѣлать ихъ другъ отъ друга... Послушай верховнаго апостола Петра, говорящаго въ первомъ соборномъ посланіи: „Бога бойтесь, царя чтите“, не сказалъ „царей“, чтобы кто не сталъ подразумѣвать именующихся царями у разныхъ народовъ. но—„царя“, указывая на то, что одинъ только царь во вселенной. И какого это (царя

---

¹⁾ Данные эти, собранія проф. Дьяконовымъ, слѣд.: во-1, отъ половины XII в. свидѣтельство византійскаго историка Кипіана, что императоръ Византіи Мануилъ смотрѣлъ на галлицкаго князя Владимірка какъ на своего вассала; во-2, византійскій же историкъ XIV в. Никифоръ Григора сообщаетъ, что „при Великомъ Константинѣ правитель російскій получивъ титулъ и санъ стольника“; въ-3, писатель того же вѣка, Максимъ Планудисъ, передаетъ, что Августъ, отличая правителей поработенныхъ римлянами народовъ, почтилъ и правителя руссовъ саномъ стольника, поэтому, когда нѣкій посолъ явился отъ руссовъ къ императору Андронику Палеологу, то привѣтствовалъ его отъ имени своего государя въ такихъ выраженіяхъ: „мой независимый государь, царь руссовъ, стольникъ святаго твоего величества, рабски преклоняется предъ твоимъ величествомъ“; въ-4, египетскій султанъ въ письмѣ своемъ (около половины XIV в.) къ византійскому императору называетъ послѣдняго царемъ и руссовъ („Власть московскихъ государей“, 14 я слѣд.; проф. Голубинскій основательно заключаетъ, что египетскій султанъ въ данномъ случаѣ только лишь повторилъ титулъ, который себѣ усвоилъ византійскій императоръ („Ист. р. ц.“, I, 1, 139, прим. 1).

повелѣваетъ чтить апостоль)?—Тогда еще нечестиваго и гонителя христіанъ! Но какъ святой и апостоль, провидя въ будущемъ, что и христіане будутъ имѣть одного царя, поучаетъ чтить царя нечестиваго, дабы отсюда поняли, какъ должно чтить благочестиваго и православнаго. Ибо если и нѣкоторые другіе изъ христіанъ присвоивали себѣ имя царя, то всѣ эти примѣры суть нѣчто противуестественное, противузаконное, болѣе дѣло тиранніи и насилія (нежели права). Въ самомъ дѣлѣ, какіе Отцы, какіе соборы, какіе каноны говорятъ о тѣхъ (царяхъ)? Но все, и сверху и снизу, гласитъ о царѣ природномъ, котораго законоположенія, постановленія и приказы исполняются по всей вселенной, и его только имя повсюду поминаютъ христіане, а не чье либо другого¹⁾. Патріархъ не опредѣляетъ, въ какихъ дѣлахъ московскій вел. князь долженъ былъ повиноваться византійскому императору. Онъ пишетъ, что даже латшяне, не имѣющіе никакого общенія съ восточною церковью, оказываютъ императору византійскому такую же покорность, въ какой находились до раздѣленія церкви. Какую покорность имѣлъ въ виду патріархъ? Латшяне, какъ не имѣющіе общенія съ восточною церковью, не могли оказывать повиновенія императору византійскому въ дѣлахъ церковныхъ (въ данномъ случаѣ не важно, на сколько патріархъ былъ далекъ отъ дѣйствительности, важно то, что внушалось московскому вел. князю). Далѣе, указавъ на тѣсный союзъ и общеніе церкви и царства въ такой степени, что невозможно ихъ отдѣлать другъ отъ друга, патріархъ ссылается на апостола, повелѣвшаго чтить одного только царя, въ его время нечестиваго (которому, вслѣдствіе этого, въ дѣлахъ церковныхъ повиноваться не должно было), на Отцовъ, на соборы и каноны, гласящіе о царѣ, котораго законоположенія, постановленія и приказы исполнялись по всей вселенной.

Наставляя вел. князя московскаго оказывать покорность византійскому императору, патріархъ Антоній пишетъ, что онъ и византійскій императоръ оказываютъ ему, Василію I, „въ своихъ грамотахъ, извѣщеніяхъ и черезъ своихъ пословъ ту же честь, какую имѣли прежіе великіе князья“²⁾. Патріаршая грамота не

¹⁾ „Рус. Ист. Библ.“ VI, Прил., стр. 274 и слѣд.

²⁾ Тамъ же, стр. 274.

разъясняетъ, въ чемъ заключалась эта честь, и проф. А. С. Павловъ (редакторъ VI т. Р. И. В.), для представленія о ней по византійскимъ государственнымъ теоріямъ, приводитъ отрывокъ изъ сочиненія полиграфа XIV в. Максима Планудиса такого содержания: „когда Ромеями были порабожены народы и ихъ цари, Августъ почтилъ изъ названныхъ царей однихъ одними, другихъ другими достоинствами, показывая этимъ, что они подвластны ему, и что онъ удостоиваетъ ихъ соотвѣтствующими почестями; правителя Руссовъ онъ почтилъ должностію стольника, поэтому одинъ посоль, явившійся отъ Руссовъ къ царю Андроннику Палеологу ¹⁾, обратился къ нему съ такимъ привѣтствіемъ: мой независимый царь Руссовъ, стольникъ святого твоего величества, рабски преклоняется предъ святымъ твоимъ величествомъ (*προβυχεῖ δουλικῶς*)“ ²⁾. „Итакъ“, заключаетъ проф. Павловъ, „на долю русскаго великаго князя выпала честь быть *стольникомъ* византійскаго императора“ ³⁾.

Врядъ ли кто изъ русскихъ князей передавалъ чрезъ своего посла византійскому императору, что рабски предъ нимъ преклоняется. Извѣстіе Планудиса важно для характеристики существовавшего въ Византіи взгляда на русскихъ князей, соотвѣтственно которому принимали тамъ и посоль ихъ ⁴⁾.

¹⁾ Палеологи царствовали: Андроникъ II отъ 1282 по 1328 г.; Андроникъ III отъ 1321—1341; Андроникъ IV отъ 1377—1379. (Muralt, Essai de chronographie Byzantine, I, 445, 528, 575, 706, 710, Спб. 1871 г.).

²⁾ „Рус. Ист. Библ.“, Прил., стр. 273, прим.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Проф. Дьяконовъ, рассмотрѣвъ отношенія между Византіей и Русью, пришелъ къ заключенію, что „по возрѣніямъ грековъ положеніе русскаго князя носитъ отгѣнокъ припженности по отношенію къ императору“ („Власть московск. государей“, 20). Къ такому заключенію приводитъ проф. Дьяконова, между прочимъ, одна изъ двухъ грамотъ византійскаго императора Михаила Дуки, которія были написаны, по мнѣнію проф. Васильевскаго, русскому князю Всеволоду Ярославичу около 1072 или 1073 г. Въ одной изъ этихъ грамотъ императоръ говоритъ о своихъ отношеніяхъ къ другимъ государямъ: „что касается другихъ властителей народовъ, то я полагаю, достаточно будетъ, если я засвидѣтельствую имъ любовь нисъменно; они должны почтять за великое счастье, что я захотѣлъ быть съ ними въ согласіи, такъ чтобы относиться къ нимъ миролюбиво и не желать войны и раздора“. Русскому князю императоръ рѣшилъ оказать

Въ *De cerim. aulae Byzantinae* изложено нѣсколько обрядовъ приѣма византійскими императорами иноземныхъ пословъ ¹⁾. Въ этихъ обрядахъ вполне отразились византійскія политическія теоріи и преданія, опредѣлявшія отношенія византійскаго императора къ другимъ государямъ. Мысль объ исключительномъ положеніи византійскаго императора, развитая константинопольскимъ патріархомъ Антошемъ въ грамотѣ къ вел. князю московскому Василію Димитріевичу, лежитъ въ основѣ обрядовъ приѣма иноземныхъ пословъ въ Царьградѣ.

Въ LXXXVII гл. I книги *De cer. a. B.* изложенъ приѣмъ пословъ отъ императора западной части римской имперіи, еще не признаннаго византійскимъ императоромъ. Послѣдній принималъ пословъ не окруженный стражею, такъ какъ это не были послы-варвары; послы, введенные къ императору, цѣловали ноги его. Въ слѣдующей LXXXVIII гл. той же книги изложенъ приѣмъ императоромъ тѣхъ же пословъ въ прощальной аудіенціи, а въ LXXXIX— обрядъ приѣма великаго посла персидскаго, который привѣтствовалъ императора, трижды падая предъ нимъ ницъ, и цѣловалъ ноги его ²⁾.

такую милость, которая должна была вызвать въ немъ удивленіе, такъ что императоръ предупреждаетъ его: „не удивляйся, что я тебя возвышаю пзъ среды другихъ властителей и удостоиваю бѣльшей чести“. Предлагая русскому князю выдать дочь его за брата своего, императоръ говоритъ о той высокой чести, которая выпадетъ на долю князя въ томъ случаѣ, если предположенный бракъ состоится: „тебѣ, конечно, небезызвѣстно, что такое есть императорская власть у нашихъ Римлянъ и что даже тѣ, которые вступаютъ въ дальнее родство съ нами, почтаютъ такой союзъ величайшимъ благополучіемъ; а я сватаю твою дочь не за чужого мнѣ родомъ и не за какого-нибудь родственника изъ дальнихъ, но за брата... Вотъ мое благожеланіе, а твое благополучіе, вотъ верховное божественное домоостроительство, обоимъ намъ полезное, ибо твоя власть слѣдается отсюда бѣлье почетною и всѣ будутъ удивляться и завидовать тебѣ, получившему такое отличіе“ (Ж. М. Н. Пр. 1875 г., декабрь, стр. 275). Грамота спешрена выраженіями: „я тебя возвышаю, я тебя удостоиваю“ и т. п. Такъ равный не лишаетъ равному. Тонъ этой грамоты, въ которой проф. Васильевскій видитъ отраженіе византійскихъ политическихъ теорій и преданій, опредѣлявшихъ отношенія имперіи къ другимъ государствамъ (тамъ же, стр. 309), характеризуетъ отношеніе византійскаго императора къ русскому князю.

¹⁾ Lib. I, cap. 87—90 и lib. II, cap. 15.

²⁾ Эти описанія приѣма пословъ принадлежатъ, по мнѣнію Reiske и проф. Д. Ѳ. Бѣляева, современнику Юстиніана I Петру Магистру (Reiske, Praef. ad *De cer. a. B.*, ed. Bon., pag. XVIII в *Бѣляева Byzantina*, II, XXXIII, прим. 1).

Въ XV гл. II кн. De ser. a. B. изложенъ общій обрядъ пріема иноземныхъ пословъ византійскимъ императоромъ въ большомъ триклиннѣ магавры. Обрядъ этотъ, записанный въ X в. заключался въ слѣдующемъ: „въ исходѣ второго часа ¹⁾, когда все приготовится, входятъ (въ лат. переводѣ пояснено: in Dominicum sive sicutum) препозиты ²⁾ и всѣ чины кувуклія ³⁾ чрезъ храмъ Господа, императоры же, одѣтые въ дивитисин ⁴⁾ и плащи, обшитые золотой каймой, выходятъ чрезъ галерею 40 мучениковъ и снгу ⁵⁾, сопровождаемые чинами кувуклія. маглавитами и этеріей ⁶⁾, и входятъ во храмъ Господа, зажигаютъ тамъ свѣчи, откуда направляются чрезъ сакеллу, оатъ ⁷⁾ и поднимающійся переходъ въ плакъ ⁸⁾ магавры. (Отсюда) они вступаютъ въ большой триклинъ ⁹⁾, гдѣ находится соломоновъ тронъ. Тамъ, съ правой стороны, по направленію къ востоку. ниже конхи ¹⁰⁾ стоятъ золо-

¹⁾ По нашему счисленію — въ исходѣ 8-го часа утра (Проф. Бѣляева *Byzantina*, II, 47, прим. 1.).

²⁾ Препозитами назывались въ IX—X вв. завѣдующіе всѣми придворными торжествами и обрядами (*Byzantina* проф. Бѣляева II, 21; Reiske, *Commentarii ad Constant. Porph. de serim. a. B.*, ed. Bon., pag. 21).

³⁾ Чинами кувуклія назывались лица, часть которыхъ находилась и служила въ покояхъ императора или постоянно, или поочередно, часть же, не состоявшая постоянно при особѣ императора, являлась во дворецъ только днемъ или по особымъ повѣстанкамъ для отиравленія разныхъ обрядовъ (*Byzantina* проф. Бѣляева II, 47 и прим. 2; Reiske, *Com.*, pag. 25).

⁴⁾ Незвѣстно точно, какая парадная одежда называлась дивитисіемъ. Проф. Бѣляевъ, разобравъ мнѣнія о покроѣ дивитисія, приходитъ къ заключенію, что дивитисіемъ называлась длинная одежда съ широкими рукавами, надѣвавшаяся чрезъ голову и походившая на стихарь (*Byzantina*, II, 51 и слѣд.).

⁵⁾ О галереѣ 40 мучениковъ и снгу см. выше на стр. 75 прим. 3 и 4.

⁶⁾ О маглавитахъ и этеріи см. выше на стр. 75 прим. 9 и 10.

⁷⁾ О сакеллѣ и оатѣ см. выше на стр. 75 прим. 5. Магаврою или магаврою называлась самая большая троинная и приемная палата дворца (*Byzantina* проф. Бѣляева, I, 120)

⁸⁾ Объ плакахъ см. выше на стр. 75 прим. 6.

⁹⁾ Большой триклипъ — отдѣленіе такъ называемой палаты (триклина) 19 аккумулятовъ, получившей свое названіе отъ 19 столовъ съ дожами, которые находились въ ней и были предназначены для угощенія чиповъ, приглашенныхъ императоромъ (*Byzantina* проф. Бѣляева, I, 108 и 111).

¹⁰⁾ Конха — ниша (тамъ же, I, 12—13).

ченныя кресла и лежать хламиды ¹⁾ и вѣнцы, и входятъ императоры въ находящійся тамъ китонъ ²⁾ съ лѣвой стороны. Когда все хорошо изготовлено церемоніаріемъ ³⁾, препозитами и логооетомъ дрома ⁴⁾, препозиты входятъ (въ китонъ) и докладываютъ императорамъ. Императоры тотчасъ выходятъ и отправляются туда, гдѣ лежать вѣнцы и хламиды, и препозитами облекаются въ нихъ, послѣ чего всходятъ и садятся на троны, народъ же (димоты), стоящій внѣ двухъ раздвижныхъ завѣсъ къ западу, громко провозглашаетъ многолѣтіе. Послѣ этого препозиты удаляются и вводятъ чины кубуклія ⁵⁾ съ двухъ сторонъ, справа и слѣва, какъ обыкновенно. Когда они стануть, препозитъ даетъ знакъ остіарію ⁶⁾, имѣющему золотой жезль, и остіарій выходитъ и вводитъ отдѣлъ ⁷⁾ первый—магистровъ ⁸⁾; затѣмъ, опять по знаку препозита, выходитъ другой остіарій и вводитъ такимъ же образомъ отдѣлъ второй—патрикіевъ ⁹⁾; потомъ, снова по знаку препозита, выходитъ третій остіарій и вводитъ такимъ же образомъ третій отдѣлъ—

---

¹⁾ Хламиды — плащи, обыкновенно одѣваемые императорами при выходахъ въ большіе праздники (тамъ же, II, 211; о хламидахъ у Reiske, *Com.*, pag. 467).

²⁾ Китонъ — царскій покой (Byzantina проф. Бѣляева, I, 176, прим. 4).

³⁾ Церемоніарій — церемоніймейстеръ, обязанностью котораго было слѣдить за ходомъ и правильнымъ исполненіемъ придворныхъ обрядовъ (тамъ же, II, 22, прим. 1).

⁴⁾ Логооеть дрома не только вѣдалъ государственную почту, но былъ также министромъ иностранныхъ и отчасти внутреннихъ дѣлъ (тамъ же, II, 16, прим. 3).

⁵⁾ Въ текстѣ: *Εισιόντες τοῖς τοῦ κουβουκλίου* вм. *τοῦτ' τοῦ κουβουκλίου*: *idiotismus ille est novae Graeciae*, поясняетъ Reiske, *dativum pro accusativo usurpantis* (*Commentarii*, pag. 642.).

⁶⁾ Остіарій — привратникъ; обязанностью его было стоять при завѣсахъ и вводить приглашенныхъ къ императору (Reiske, *Comment.*, pag. 66).

⁷⁾ Савовники и чпповники вводились для поклоненія императору по отдѣламъ, каждый классъ чиновниковъ особо. Эти отдѣлы называются „завѣсами“— *βῆλα*, потому что для каждаго, отдѣльно отъ другихъ вводимаго класса чиновниковъ, поднималась завѣса входной двери и, по входѣ этого класса въ залу, опускалась (Byzantina проф. Бѣляева, II, 61 и I, 22, прим. 1).

⁸⁾ Магистры — одинъ изъ высшихъ чиновъ имперіи (Reiske, *Com.*, pag. 66).

⁹⁾ О патрикіяхъ см. выше на стр. 123 прим. 9.

чины синклита ¹⁾), и вводится вообще столько отдѣловъ, сколько того требуется обычаемъ и обрядомъ приемовъ. Потомъ входятъ катепанъ ²⁾ съ домоетникомъ ³⁾ и хрисотриклинитами ⁴⁾ и становятся справа и слева предъ двумя западными раздвижными завѣсами. Когда они станутъ, препозитъ даетъ знакъ остіарію, имѣющему золотой жезлъ, и тотъ вводитъ чужеземнаго посла, котораго ведутъ катепанъ „царскихъ“, или комитъ ставла ⁵⁾, или протостраторъ ⁶⁾ въ сопровожденіи толмача, впереди же нихъ идетъ логоветъ дрома. При входѣ посолье поклоняется императорамъ, падая ницъ, и тотчасъ играютъ органы. Послѣ этого онъ идетъ далѣе и становится на нѣкоторомъ разстояніи отъ императорскаго трона: органы же опять играютъ. Слѣдуетъ знать, что когда дружественный посолье приближается къ императору, входятъ наиболѣе почетныя лица его свиты и, павъ ницъ (предъ императоромъ), становятся внутри раздвижныхъ завѣсъ. Когда логоветъ дѣлаетъ обычные вопросы посолье, львы начинаютъ рычать и итицы, находящіяся на тронѣ и деревьяхъ, начинаютъ гармонично пѣть, звѣри же поднимаются со ступеней на тронѣ. Въ это время вносятся протонотаріемъ дрома ⁷⁾ даръ посла, и снова, немного времени спустя, играютъ органы, львы же умолкаютъ, птицы перестаютъ пѣть, и звѣри садятся на свои мѣста. Посолье, послѣ

---

¹⁾ Ἡ σύγκλητος καὶ οἱ συγκλητικοὶ употребляются въ De cerim. a. B. въ различныхъ значеніяхъ. Большею частію названія эти означаютъ: 1) совокупность чиновъ, какъ высшихъ, такъ и низшихъ; 2) всѣ чины, кромѣ высшихъ; 3) только чины синклита — гражданскихъ чиновниковъ (Byzantina проф. Бѣльева, I, 170, прим. 1 и Reiske, Com., pag. 160).

²⁾ Катепанъ — начальникъ такъ называемыхъ „царскихъ“ хрисотриклинитовъ, составлявшихъ почетную стражу во время приема императоромъ чиновъ (Reiske, Com., pag. 26 и проф. Бѣльева Byzantina, II, 26).

³⁾ Дометникъ — omnis praefectus maior, primus sui generis (Reiske, Com., pag. 27 sub v. βασιλικῶν).

⁴⁾ Хрисотриклиниты — особаго рода почетная стража (Byzantina проф. Бѣльева, I, 32, прим. 1). Хрисотриклинь — золотая палата императорскаго дворца (тамъ же, I, 10 и слѣд.).

⁵⁾ Комитъ ставла — колюшн (о немъ см. выше на стр. 50).

⁶⁾ О протостраторѣ см. выше на стр. 50.

⁷⁾ Протонотарій дрома — protonotarius publici cursus, primicerius notiorum (Du-Cange, s. v).

осмотра (императоромъ) дара, побужденный логоуетомъ, падаетъ ницъ (предъ императоромъ) и выходитъ. Въ то время, когда посоль дѣлаетъ движеніе, чтобы уйти, органы играютъ, львы и птицы издають свойственные имъ звуки, звѣри поднимаются съ своихъ мѣстъ. Когда посоль выходитъ за завѣсу, органы играютъ, птицы(же) и звѣри садятся на свои мѣста. Если есть еще другой дружественный посоль, императоры приказываютъ войти и ему, и опять, при входѣ и выходѣ его, соблюдаются тѣ же обрядъ и порядокъ, какъ нами изложено. Вообще, сколько бы ни было дружественныхъ пословъ, по отношеніи къ каждому изъ нихъ соблюдается все изложенное. Слѣдуетъ знать, что когда дружественные послы удаляются, препозитъ громко возглашаетъ: „повелите“, и выходятъ магистры, патрикіи и чины сипклита, возглашая (императору): „на многія времена“. Послѣ ихъ ухода препозитъ снова провозглашаетъ: „повелите“, и выходятъ хрисотриклиты и чины кувуклія, провозглашая: „на многія времена“. Когда всѣ выйдутъ, императоры сходятъ съ троновъ, снимають свои вѣнцы и хламиды, облачаются въ плащи обшитые золотою каймою, и отправляются тайно въ богочраимый дворецъ тѣмъ путемъ, которымъ пришли, сопровождаемые чинами кувуклія, которые, ставъ у хрисотриклита, при прохожденіи императора возглашаютъ: „на многія времена“ и (прочее) по порядку¹⁾.

Непосредственно за этимъ общимъ обрядомъ приѣма иноземныхъ пословъ въ Византіи, составленнымъ въ X в., въ De cer. a. B. изложенъ обрядъ приѣма сарацинскихъ пословъ съ указаніями на церемоніаль аудіенціи испанскихъ пословъ, послѣ чего описанъ приемъ, оказанный въ Константинополѣ русской великой княгинѣ Ольгѣ. Описание того приѣма, тѣмъ болѣе цѣнное, что это единственный извѣстный намъ обрядъ приѣма члена русскаго княжескаго дома византійскимъ императоромъ, имѣется въ переводѣ на рус. яз., поэтому ограничимся указаніемъ лишь существенныхъ чертъ его²⁾.

Вел. кн. Ольга принята была императоромъ въ магнаврѣ такъ, какъ приняты были сарацинскіе послы. Когда приемъ послѣд-

¹⁾ De cer. a. B., II, 15, pag. 566—570.

²⁾ Русскій переводъ у Шлецера „Несторъ“, III, 408 и въ „Ист. рус. ц.“ проф. Голубинскаго, I, 1, 86.

нихъ окончился. великой княгинѣ дана была аудіенція въ триклиніѣ Юстиніана ¹⁾. Во время этой аудіенціи императрица сидѣла на большомъ тронѣ императора Теофила, а невѣстка ея—подлѣ нея на золоченомъ императорскомъ креслѣ. При приѣмѣ присутствовали весь кувуклій и придворныя дамы. Великой княгинѣ, введенной препозитомъ и двумя остіаріями, былъ предложенъ вопросъ препозитомъ отъ имени императрицы, чѣмъ приѣмъ и закончился. Послѣ этого великая княгиня принята была въ семейномъ кругу императоромъ и императрицею: ее вызвали изъ кенургіи ²⁾, гдѣ она находилась послѣ аудіенціи у императрицы, къ императору, бывшему съ императрицей и багрянородными дѣтьми. Во время этого приѣма великая княгиня сидѣла, по приказанію императора, и бесѣдовала, о чемъ желала. Въ тотъ же день въ триклиніѣ Юстиніана данъ былъ парадный обѣдъ, къ которому пригласили великую княгиню; она сидѣла во время обѣда подлѣ трона императрицы и съ невѣсткой вмѣстѣ съ зостами ³⁾. пѣвчіе же храмовъ св. Софійи и Апостоловъ пѣли гимны, сложенные въ честь императорской фамиліи. Послѣ обѣда подали были десертъ въ столовой, гдѣ за золотой малый столъ сѣли императоры Константинъ Багрянородный и Романъ, багрянородныя дѣти ихъ, супруга Романа и великая княгиня. Сорокъ дней спустя снова былъ данъ при дворѣ парадный обѣдъ, за которымъ присутствовала и великая княгиня. Это было послѣднее свиданіе ея съ императорскою семьей ⁴⁾. Нельзя сказать, чтобы русскою великой княгинѣ былъ оказанъ при византійскомъ дворѣ почетный приѣмъ. Императоръ офиціально принималъ ее такъ, какъ принималъ сарацинскихъ пословъ, такой же приѣмъ оказанъ былъ ей и императрицею; аудіенція у императрицы была непродолжительна: великой княгинѣ предложенъ былъ вопросъ отъ имени императрицы, и отвѣтомъ на него закончился приѣмъ. Багрянородный, который принималъ великую княгиню и которому принадле-

¹⁾ Триклиномъ Юстиніана называлась зала, выстроенная императоромъ Юстиніаномъ Безносомъ (Византина проф. Вѣльева, I, 56).

²⁾ Кенургіемъ называлась зала, выстроенная императоромъ Василіемъ Македоняниномъ (тамъ же, I, 42).

³⁾ Зосты — свитскія дамы императрицы (Reiske, Com., pag. 166).

⁴⁾ De cer. a. B., II, 15, pag. 591—598.

жить подробное описаніе пріемовъ ея при императорскомъ дворѣ, не говоритъ, что во время торжественныхъ аудіенцій, данныхъ имъ и императрицею великой княгинѣ, послѣдняя сидѣла, изъ чего можно заключить, что она стояла, потому что въ описаніи пріемовъ ея отмѣчается, когда она сидѣла въ присутствіи императорской семьи. Далѣе, когда былъ данъ первый парадный обѣдъ въ честь великой княгини, ее посадили не за столомъ императрицы, но съ придворными дамами ¹⁾. Не безъ основанія, вмѣстѣ съ памятью о пре-

¹⁾ Проф. Голубинскій высказалъ мнѣніе, что Ольга, во время перваго параднаго обѣда, сидѣла за однимъ столомъ съ императрицами и придворными дамами — зостами („Ист. р. ц.“, I, 1, стр. 88, прим. 3). Но въ описаніи пріема Ольги ясно сказано, что императрица и невѣстка ея сѣли на тронѣ, великая же княгиня стала сбоку и, послѣ того какъ ввели княгиню, сѣла на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла, за однимъ столомъ съ зостами: Ἐκκλήσθη ἐν τῷ προῶρῳ θέντι θρόνῳ ἡ βασίλισσα καὶ ἡ νόμφη αὐτῆς, ἡ δὲ ἀρχόντισσα ἐκ πλαγίου ἕστη ὑπὸ δὲ τοῦ τῆς τραπέζης κατὰ τὸν εἰωθότα τὸπον εἰσελθούσων τῶν ἀρχόντισσων καὶ προσκονησάντων, ἡ ἀρχόντισσα..., ἐν ᾧ τόπῳ ἵστατο, ἐκκλήσθη εἰς τὸ ἀποκοπτόν μετὰ τῶν ζωστῶν κατὰ τὸν τόπον (De ser. a. B., II, 15, pag. 526). Не согласно съ проф. Голубинскимъ понимаетъ это мѣсто и проф. Бѣляевъ. Говоря о триклиніи императора Юстиніана II Безносого, онъ замѣчаетъ, что въ этомъ триклиніи, въ день торжественныхъ пріемовъ Ольги императоромъ и императрицею, данъ былъ парадный обѣдъ, „во время котораго Ольга сидѣла съ патрикіями зостами за отдѣльнымъ столомъ“ (Byzantina, I, 61). Не въ обычаѣ было въ Византіи, чтобы императоры ея относились къ иностраннымъ государямъ какъ равные къ равнымъ и возвышали ихъ до той царственной высоты, на которой сами находились. Reiske замѣчаетъ, что императоры византійскіе вообще не допускали, чтобы какой либо иностранный государь сидѣлъ предъ ними подобно имъ, по требовали, чтобы иностранные государи предъ ними стояли и, въ то время какъ тѣ къ нимъ подходили, не только не вставали, но даже не привѣтствовали ихъ наклоненіемъ головы (Com., pag. 700). Не удостаивался чести сидѣть за императорскимъ столомъ во время перваго параднаго обѣда, русская вел. княгиня посажена была за одинъ столъ съ императорской семьей только тогда, когда былъ поданъ послѣ обѣда десертъ въ другой столовой — аристеріи (въ текстѣ ἐν τῷ ἀριστηρίῳ (pag. 597) вмѣсто ἐν τῷ ἀριστηρίῳ; объ аристеріи см. Byzantina проф. Бѣляева, I, стр. 28 и прим. 3). Краткость описанія прощальнаго обѣда, даннаго 18 октября 957 г. въ императорскомъ дворѣ вел. княгинѣ, даетъ нѣкоторое право предположить, что въ этотъ разъ Ольга сидѣла за однимъ столомъ съ императрицей, ея невѣсткой и императорскими дѣтьми: ...Ἐκκλήσθη ἡ βασίλισσα μετὰ τῶν πορφυρογεννήτων αὐτῆς τέκνων καὶ τῆς νόμφης καὶ τῆς ἀρχόντισσας (De ser. a. B., pag. 598), но противъ такого предположенія говорить

бываніи Ольги въ Константинополѣ, сохранилась память, что она осталась недовольна оказаннымъ ей приемомъ, какъ не соответствовавшимъ ея достоинству.

Мысль, что императоръ Византіи занималъ исключительное положеніе, и что государи другихъ народовъ ниже его по достоинству своему, нашла себѣ отраженіе въ византійскомъ посольскомъ обрядѣ, который вълѣдствіе этого не могъ быть принятъ въ Москвѣ.

Находясь въ церковной зависимости отъ византійскаго императора, какъ царя всѣхъ христіанъ, а съ точки зрѣнія византійскаго правительства и въ политической, московскій государь, одновременно съ этимъ, находился въ политической зависимости отъ татарскаго хана до 1480 г.

Какъ церковная зависимость московскаго государя отъ византійскаго императора породила неравныя между ними отношенія, такъ и политическая зависимость московскаго государя отъ татарскаго хана поставила первого въ зависимыя отношенія отъ послѣдняго. Эти зависимыя отношенія отразились на обрядахъ, которыми сопровождалась аудіенція русскихъ князей у татарскихъ хановъ, и на приемахъ русскими князьями ханскихъ пословъ. Объ обрядахъ этихъ русскіе источники умалчиваютъ по понятной при-

---

извѣстіе Багрянороднаго объ обѣдѣ, который давалъ онъ въ тотъ же день мужской свитѣ Ольги. По словамъ Багрянороднаго: 'Εὐρέετο κλητόριον ἐν τῷ χρυσοτρικλίνο, καὶ ἐκπύεσθη ὁ βασιλεὺς μετὰ τῶν Ῥώσ (ibid.), т. е. императоръ сидѣлъ съ русскими, по это выраженіе можно понять не въ томъ смыслѣ, что Багрянородный сидѣлъ съ русскими за однимъ столомъ, но что русскіе сидѣли въ одной залѣ съ императоромъ, хотя и за разными столами. Врядъ ли можно думать, что Ольга была довольна оказаннымъ ей приемомъ; всѣ данныя за то, что и ей этотъ приемъ не могъ показаться почетнымъ, хотя проф. Голубинскій утверждаетъ противное („Ист. р. ц.“, I, 1, стр. 85 прим. 2 и стр. 89 прим. 1). Продолжительное пребываніе Ольги въ гавани Царьграда, чѣмъ она осталась недовольна, проф. Голубинскій объясняетъ подозрительностью византійскаго правительства и не видитъ тутъ никакого пренебреженія къ личности русской вел. княгини. Если даже допустить мысль, что византійское правительство боялось впусти въ Царьградъ русскую вел. княгиню со свитой, въ которой могло быть не болѣе 200 мужчинъ, и что имперія была на столько слаба, что опасалась за свою цѣлость, еслибы эта горсть русскихъ обнаружила вражду къ грекамъ въ самомъ городѣ, въ такомъ случаѣ приемъ, оказанный Ольгѣ соответственно достоинству ея, заставлялъ бы ее забыть долгое выжиданіе разрѣшенія высадиться на берегъ.

чнѣ, по создать представленіе о нихъ можно по извѣстіямъ иностранцевъ, писавшихъ о татарахъ.

Вскорѣ послѣ татарскаго погрома русской земли отправлено было наною Иннокентіемъ IV къ монголо-татарскому хану посольство, во главѣ котораго стояли монахи Плато-Карпини и Асценитъ ¹⁾. Первый изъ нихъ, оставившій описаніе быта татаръ, рассказываетъ о приемахъ, которые были оказаны ему и товарищамъ его темникомъ Коррензою, Батыемъ и великимъ ханомъ. Корренза принялъ папскихъ пословъ слѣдующимъ образомъ: „принявъ подарки“, говоритъ Плато-Карпини, „повели насъ въ его (Коррензы) орду или шатерь, наказавъ, чтобы предъ дверьми ставки три раза преклонили мы лѣвое колѣно и всячески остерегались наступить ногою на порогъ. Войдя въ шатерь, должны мы были, стоя на колѣняхъ, передъ воеводою (Коррензою) и всѣми вельможами, для сего созванными, говорить то же, что говорили ранѣе“ (т. е., чьи они послы и какая цѣль ихъ посольства ²⁾). Точно также принято было посольство и Батыемъ: предъ его шатромъ послы должны были поклониться и, войдя въ шатерь, говорить Батыю рѣчь стоя на колѣняхъ ³⁾. О приемѣ у великаго хана Плато-Карпини сообщаетъ слѣдующее: „Чингай, первый секретарь его (вел. хана), записавъ наши имена, а также тѣхъ, отъ кого мы присланы, равно герцоговъ Соланжекихъ и другихъ, громкогласно прочиталъ ихъ предъ императоромъ и всѣми воеводами. Послѣ этого каждый изъ насъ четырежды преклонилъ лѣвое колѣно, и намъ напомнили, чтобы мы не наступали на порогъ. Обыскавъ тщательно, нѣтъ ли при насъ ножей, и не найдя ничего, ввели насъ восточными дверьми (ставки)... Такимъ образомъ, въ первый разъ предста.ш мы предъ нимъ въ его ставкѣ... Въ то же время принималъ онъ и всѣхъ другихъ пословъ“ ⁴⁾. Считая хана своего „повелителемъ всѣхъ людей“ ⁵⁾, татары не дѣлали различія между подданными хана и представителями непокорен-

¹⁾ „Путешествія къ татарамъ“, изд. Языкова, стр. XVII.

²⁾ Назв. изд., 15.

³⁾ Тамъ же, 21.

⁴⁾ Тамъ же, 49.

⁵⁾ Тамъ же, 45.

ныхъ ими народовъ: какъ ханскіе подданные, такъ и послы отъ послѣднихъ, должны были говорить предъ ханомъ стоя на колѣняхъ. ПIANO-Карпини, говоря о нравахъ порабитителей Руси, между прочимъ отмѣчаетъ ихъ высокоомѣріе по отношеніи къ другимъ народамъ и ихъ государямъ. По словамъ его, татары не только не оказывали должнаго уваженія великому князю русскому Ярославу, сыну царя грузинскаго и другимъ знатымъ лицамъ, но „опредѣленные къ нимъ татары, какъ подлы (въ лат. текстѣ *viles*) ни были, однако же ходили впереди ихъ и всегда занимали первое и верхнее мѣсто, даже часто сажали ихъ позади себя“¹⁾. Монахъ Асцелинъ, бывшій у татарскаго воеводы, передаетъ, что отъ него и спутниковъ его татары потребовали троскратнаго колѣнопреклоненія предъ воеводою: „если вы хотите видѣть лице нашего государя“, говорили татары посламъ напы, „и вручить ему грамоту вашего государя, то должны поклониться ему какъ сыну Божію, царствующему на землѣ, преклоняя предъ нимъ три раза колѣно; ибо ханъ, сынъ Божій, царствующій на землѣ, повелѣлъ намъ, чтобы всѣ, сюда приходящіе, поклонялись князьямъ его Байотною и Батыю, какъ самому ему, что мы до сихъ поръ исполняемъ и навсегда твердо наблюдать налѣжены“²⁾. Извѣстія ПIANO-Карпини и Асцелина объ обрядѣ пріема иноземныхъ пословъ татарскими ханами и ихъ намѣстниками подтверждаются разсказами о томъ же монаха Рубриквиса, посланнаго французскимъ королемъ Людвигомъ IX къ хану Мангу. Говоря объ аудіенціи, данной ему Батыемъ, Рубриквисъ передаетъ, что онъ и его спутники вошли въ ставку Батыя непринужденные преклонить предъ нимъ колѣни, какъ то обыкновенно дѣлали съ послами, къ нему допускаемыми; его только предупредили не произносить рѣчи предъ Батыемъ, пока послѣдній не велитъ. Когда же Батый велѣлъ Рубриквису говорить, тогда ему и его спутникамъ приказали стать на колѣни; монахъ преклонилъ одно колѣно, но ему сдѣлали знакъ преклонить и другое³⁾. Призванный въ другой

¹⁾ Тамъ же, 103.

²⁾ Тамъ же, 229.

³⁾ *Deux voyages en Asie aux XIII siècle*, Guillaume de Rubruquis, pag. 65. Paris, an. 1888.

разъ къ хану, Рубриквисъ также долженъ былъ говорить съ нимъ стоя на колѣняхъ ¹⁾.

Извѣстія европейцевъ объ отношеніяхъ татарскихъ владыкъ къ иноземнымъ посламъ подтверждаются восточными писателями: Арабскій писатель Ибнабдеззахыръ (XIII в.), служившій секретаремъ у египетскаго султана, описываетъ пріемъ, оказанный золотоордынскимъ ханомъ Берке посламъ его государя въ 1264 г. Египетскіе послы предварительно были ознакомлены съ обрядами, которые соблюдались при представленіи хану и „заключались въ томъ, что (послы) всходили съ лѣвой стороны (налатки), а по отобраніи отъ нихъ посланія, переходили на правую сторону и падали на оба колѣна. Никто не входитъ къ нему въ шатеръ ни съ мечемъ, ни съ ножомъ, ни съ (другимъ) оружіемъ, и не топчетъ ногами порога шатра его“ ²⁾. У китайскаго лѣтописца XIII в. Мэнь-хуна находимъ описаніе пріема, который оказывался ханскимъ посламъ. „Не разбирая“, говоритъ Мэнь-хунъ, „имѣеть ли онъ (ханскій посолъ) высшій или низшій чинъ, всѣ наперерывъ ему кланяются, ставятъ почетный караулъ у воротъ, сажаютъ на высшее мѣсто: правители сами чинятъ колѣнопреклоненіе и оказываютъ всевозможное усердіе“ ³⁾. Извѣстіе Мэнь-хуна о раболѣпін предъ ханскими послами подтверждается сообщеніями другихъ пи-

¹⁾ Ibid., pag. 126.

²⁾ В. Тизенгаузенъ: „Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи золотой орды“, I, 63. Этотъ рассказъ Ибнабдеззахыра о пріемѣ ханомъ Берке египетскихъ пословъ повторенъ арабскимъ писателемъ Эльмуфаддалемъ, у котораго заимствованъ Катрмеромъ въ его Hist. des sult. mamlouks de l'Égypte I, 1, 213—216 (В. Тизенгаузенъ, назв. трудъ, I, 176 и 192). Отсюда рассказъ этотъ заимствованъ былъ въ переводѣ съ франц. яз. на русскій Ф. Бруномъ въ „Зап. Одесск. Об. Ист. и Др.“, VI, 612.

³⁾ Проф. Васильевъ: „Исторія и Древности восточной части средней Азіи“ въ „Зап. Имп. Археол. Об.“, XIII, 231. Объ обрядахъ пріема кичакскими ханами побѣжденныхъ ими нѣсколько словъ въ статьѣ проф. Саблукова: „Очеркъ внутренняго состоянія кичакскаго царства“. Проф. Саблуковъ говоритъ: „обряды пріема при мусульманствующихъ ханахъ не пзвѣстны, но обыкновенное въ семъ случаѣ было: малежность, тщеславіе, пышность на сторонѣ принимающихъ, и уничиженіе, знаки рабской покорности — поклоны, колѣнопреклоненія на сторонѣ поработенныхъ своевольнымъ деспотамъ“ („Изв. Об. Археол., Ист. и Этногр.“ т. XIII, вып. 3, стр. 123. Казавъ, 1895).

сателей. Длугошъ рассказываетъ, что московскіе государи должны были унижаться, встрѣчая ханскихъ пословъ и выслушивая чтеніе ханскихъ грамотъ¹⁾. Герберштейнъ передаетъ, что Іоаннъ III Васильевичъ, „когда приближались татарскіе послы, выходилъ къ шимъ на встрѣчу за городъ и выслушивалъ ихъ стоя. тогда какъ они сидѣли“²⁾. Михалонъ Литвинъ сообщаетъ о встрѣчахъ, которыя оказывались московскими князьями ханскимъ посламъ, слѣдующее: „прежде москвитяне были въ такомъ рабствѣ у татаръ заволжскихъ, что, между прочимъ, ихъ князь выходилъ за городъ на встрѣчу всякому послу ханскому и ежегодно пріѣзжавшему сборщику податей, и пѣший велъ его лошадь подъ устцы до дворца. Посоль садился на княжескомъ престолѣ, а князь, преклонивъ колѣни, выслушивалъ посольство“³⁾.

Длугошъ, Герберштейнъ и Михалонъ Литвинъ подтверждаютъ извѣстіе Маѣъ-хуна, что ханскихъ пословъ должны были рабѣшно встрѣчать тѣ правители, которые находились въ зависимости отъ хановъ. Несомнѣнно, что татары, высокомерно относившіеся къ другимъ народамъ и заставлявшіе пословъ даже непокоренныхъ имъ государей преклонять колѣни предъ ханами и ихъ намѣстниками, на правахъ побѣдителей требовали униженія со стороны русскихъ князей предъ ханами и ихъ послами. Политическая зависимость русскихъ князей отъ татарскихъ хановъ выражалась и въ обрядахъ приемовъ ханами русскихъ князей и ихъ пословъ, и въ приемахъ русскими князьями ханскихъ пословъ. Вслѣдствіе этого татарскій посольскій обрядъ, практиковавшійся въ сношеніяхъ между золотоордынскими ханами и русскими князьями, какъ отражавшій на себѣ отношенія побѣдителей къ побѣжденнымъ, не могъ примѣняться московскими великими князьями въ сношеніяхъ съ западными европейскими государствами.

Первыя свѣдѣнія о посольскомъ обрядѣ московскихъ государей относятся ко второй половинѣ XV в. Только отъ этого времени

1) Joannis Dlugossi Historiae Polonicae t. II, lib. XIII, pag. 588. Lipsiae, an. 1712; см. извѣстіе густинской летописи (П. С. Р. Л., II, стр. 364).

2) Перев. Анонимова, 22.

3) „Архивъ истор.-юр. свѣд. отн. до Рос.“, изд. Н. Калачовымъ, кн. II, под. 2, отд. V, 83.

дошли до насъ отдѣльныя записи дипломатическихъ сношеній московскаго государства съ другими государствами. Въ этихъ записяхъ находятся указы московскимъ посламъ, какъ править посольства предъ иностранными государями, отчеты пословъ объ исполненіи ими посольствъ, а также описанія обрядовъ приема иноземныхъ пословъ московскими государями ¹⁾.

Отъ времени Іоанна III дошли до насъ посольскія книги, заключающія въ себѣ изложеніе дипломатическихъ сношеній московскаго государства съ крымской и ногайской ордами, съ Турціей ²⁾, съ польско-литовскимъ государствомъ ³⁾, съ римскою имперіей ⁴⁾.

Древнѣйшая посольская книга — крымская, начинается съ 1474 г. ⁵⁾. Подъ этимъ годомъ описано посольство отъ Іоанна III къ крымскому хану Менгли-Гирею. Іоаннъ III чрезъ своего посла благодарить хана за то, что послѣдній его пожаловалъ: „братомъ собѣ и другомъ назвалъ“ ⁶⁾.

Посольскій обрядъ, практиковавшійся при Іоаннѣ III въ сношеніяхъ съ крымскимъ ханомъ, былъ не сложенъ. Посоль великаго князя передавалъ хану поклонъ отъ своего государя: „князь великій Иванъ челомъ бьетъ“, послѣ чего излагалъ порученное ему

---

¹⁾ „Памятники дипл. сношеній др. Россіи“, I, стр. I. „Сборникъ Имп. Рус. Истор. Об.“, XXXV, стр. I. Бантышъ-Каменскій: „Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи“, ч. I, II и III. С. А. Вязоуровъ: „Сношенія Россіи съ Кавказомъ“ въ „Чтен. Моск. Об. Ист. и Др. Р.“ 1888 г., кн. III, стр. XII.

²⁾ „Сборникъ Имп. Рус. Ист. Об.“, т. 41.

³⁾ Назв. изд., т. 35.

⁴⁾ „Памятники дипл. снош. древн. Россіи“, т. I.

⁵⁾ „Сборникъ Имп. Рус. Ист. Об.“, т. 41, стр. 1.

⁶⁾ Тамъ же, срав. С. И. Р. II. Об., т. 35, стр. I. Іоаннъ III въ 1474 г. поручилъ своему послу заключить съ Менгли-Гиреемъ договоръ, въ которомъ относительно пословъ было сказано: „а коли мой посоль отъ меня пойдетъ къ тобѣ къ великому князю Ивану, и мнѣ его къ тобѣ послати безъ пошляныхъ и безъ пошляныхъ людей; а твой посоль ко мнѣ придетъ, и онъ идетъ прямо ко мнѣ“ (С. И. Р. II. Об., т. 41, стр. 4). Съ этого времени начинаются записи дипломатическихъ сношеній Москвы съ Крымомъ, въ которыхъ заключаются данныя для представленія того посольскаго обряда, который практиковался въ этихъ сношеніяхъ (о сношеніяхъ московскаго государства съ крымскимъ ханствомъ въ статьѣ проф. Бережкова: „Шляпъ завоеванія Крыма, составленный Крижанвиемъ“. Ж. М. II. Цр. 1891 г., октябрь, стр. 486 и слѣд.).

дѣло ¹⁾ или, послѣ передачи великокняжескаго поклона, говорилъ хану: „князь велики послалъ видѣти твое здоровье“ ²⁾. Обыкновенно, послѣ передачи поклона и вопроса о здоровьѣ хана отъ имени вел. князя, московскій посольскій посланецъ подавалъ хану великокняжескій „поминокъ“ и излагалъ порученное ему дѣло ³⁾.

Менѣе данныхъ для представленія обряда приѣма посольствъ крымскаго хана въ Москвѣ. Принятый вел. княземъ въ 1504 году крымскій посольскій „правиль отъ царя поклонъ“ ему и высказалъ пожеланіе хана, чтобы великій князь и старшій сынъ его были здоровы. послѣ чего подалъ великому князю ханскія грамоты ⁴⁾. Отпуская крымскихъ посольствъ, великій князь велѣлъ имъ передать отвѣтъ и челобитье его хану, а царевичамъ, царицамъ, уланамъ и князьямъ - - поклонъ ⁵⁾.

Передавая хану челобитье, Іоаннъ III носылалъ поклоны крымскимъ царевичамъ, царицамъ, князьямъ. Тоже соблюдалось и въ наказахъ московскимъ посламъ, отправляемымъ въ Крымъ: они должны были передавать челобитье великаго князя только хану, царевичамъ же, царицамъ, князьямъ — поклоны ⁶⁾. На челобитья великаго князя ханъ отвѣчалъ поклонами ⁷⁾.

Краткія записи крымской посольской книги за время Іоанна III не представляютъ полной картины посольскаго обряда, соблюдавшагося въ сношеніяхъ между московскимъ княземъ и крымскимъ ханомъ. Въ наказахъ московскихъ посольствъ въ Крымъ не находимъ указаній, какъ они держали себя предъ ханомъ послѣ договора Іоанна III съ Менгли-Гиреемъ въ 1474 г., вслѣдствіе чего можно думать, что „братство и дружба“, пожалованная Іоанну III Менгли-Гиреемъ, не измѣнили посольскаго обряда, соблюдавшагося послами ихъ во взаимныхъ сношеніяхъ.

¹⁾ С. П. Р. И. Об. т. 41, стр. 1, 9.

²⁾ Тамъ же, стр. 13, 15, 17, 25, 28, 35, 37, 45, 62 и т. д.

³⁾ Тамъ же, стр. 32, 52, 59, 61, 98, 135, 157, 200, 223, 249, 258, 301, 315 336, 340, 372, 383, 434, 458, 487, 525.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 539.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 556.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 142—144, 202, 203, 226, 251, 252, 311, 312 и т. д.

⁷⁾ Тамъ же, стр. 104, 106, 107, 110, 122—125, 150, 153—155 и т. д.

Наказы, какъ править посольство, которые давались московскимъ посламъ, отправляемымъ въ иностранныя государства, далеко не страдали неопредѣленностью и неточностью: послу дѣлались самыя точныя указанія, какъ держать себя на аудіенціи у иноземнаго государя, что отвѣчать, какіе вопросы предлагать и т. п. Въ крымской же посольской книгѣ за время Іоанна III находятся записи сношеній его съ турецкимъ и кафинскимъ султанами, и въ этихъ записяхъ помѣщены указы московскимъ посламъ, какъ держать себя предъ султанами: „поклонъ правити стоя, а на колѣни не садитися“¹. Такіе указы давались московскимъ посламъ къ султанамъ потому, что отъ иностранныхъ пословъ требовали, чтобы они становились на колѣни предъ султанами²). Въ наказахъ московскихъ пословъ къ крымскимъ ханамъ не находимъ обычныхъ въ другихъ случаяхъ инструкцій, какъ держать себя предъ ханами. Вслѣдствіе этого, принимая во вниманіе отношенія крымскаго хана къ московскому государю до 1474 г. и униженный обрядъ приёма иноземныхъ пословъ, практиковавшійся при дворахъ татарскихъ хановъ, въ томъ числѣ и крымскаго, можно думать, что московскіе послы преклоняли колѣни предъ крымскими ханами во время аудіенцій какъ до договора 1474 г., такъ и послѣ³). Договоръ этого года, установившій отношенія братства и равенства между Іоанномъ III и Менгли-Гиреемъ, въ силу этихъ отношеній, повидимому, давалъ только московскому государю право принимать крымскихъ пословъ такъ, какъ послы его принимались ханами. Такое предположеніе можетъ быть оправдано однимъ эпизодомъ изъ сношеній вел. кн. Василія III съ крымскимъ ханомъ. Эпизодъ этотъ внесенъ въ крымскую посольскую книгу благодаря одному исключительному обстоятельству.

¹) Тамъ же, стр. 231, 232, 282, 293, 308.

²) А. В. Невлюдовъ: „Начало сношеній Россіи съ Турціей“ въ „Сборникъ Моск. Гл. Арх. Мин. И. Д.“, вып. 3 и 4, стр. 35 и слѣд.

³) Мнѣніе, что крымскіе татары унаслѣдовали обряды при приемѣ иноземныхъ пословъ отъ золотоордынскихъ, высказано было еще Малиновскимъ („Историч. и Диплом. собраніе дѣлъ, происходившихъ между Россійскими вел. князьями и бывшимъ въ Крымѣ Татарскимъ царемъ съ 1462 по 1533 г.“ въ „Зап. Об. Ист. и древн.“ V, 191.

Въ 1519 г. прѣѣхалъ въ Москву крымскій посоль Ашпакъ съ Ахметъ-нашею и товарищами. Ашпакъ ѣхалъ въ Москву въ чалмѣ, о чемъ доведено было до свѣдѣнія великаго князя; московскій встрѣчщикъ, по великокняжескому приказу, встрѣчая Ашпака подь Москвою, спросилъ его, почему онъ носить чалму, которой не носилъ до отъѣзда въ Москву? Ашпакъ отвѣтилъ, что крымскій ханъ возложилъ на него чалму въ знакъ того, что отпустить его на поклоненіе гробу загометову тогда, когда онъ выполнитъ возложенное на него посольство, „и язъ того дѣля нынѣ положилъ на себя чалму, а не иного для дѣла“. добавилъ Ашпакъ, понимая, повидимому, почему его спросили о головномъ его уборѣ. Великій князь не удовлетворился такимъ объясненіемъ Ашпака; посылая къ нему, по водвореніи его въ Москвѣ на подворьѣ, князя Палецкаго съ подарками, великій князь приказалъ послѣднему не снимать шапки предъ Ашпакомъ, когда будетъ говорить ему рѣчь. Палецкій, исполняя приказаніе своего государя, началъ говорить Ашпаку рѣчь „ставъ на колѣнкахъ, а колпака не снйвъ“, но Ашпакъ замѣтилъ ему: „рѣчь государскую говоришь, а колпака съ себя не соймешь“. Палецкій возразилъ Ашпаку, что и у него голова покрыта вопреки обыкновенію, потому что прежніе послы крымскаго хана въ такихъ случаяхъ обнажали головы. Ашпакъ объяснилъ ему, почему не можетъ спить чалмы. Тогда Ахметъ-наша, товарищъ Ашпака по посольству, замѣнилъ Ашпака: онъ сталъ предъ Палецкимъ на колѣни, снявъ съ головы колпакъ, и Палецкій, тоже стоя на колѣняхъ съ обнаженною головою, произнесъ ему рѣчь отъ имени великаго князя. Послѣ этого Ашпакъ просилъ великаго князя чрезъ казначеевъ его, „чтобъ государъ пожаловалъ, не подержалъ на меня себѣ мнѣнія шикоторого, что язъ въ чалмѣ ѣду“. Великій князь разрѣшилъ Ашпаку быть въ чалмѣ, велѣвъ передать ему: „доколѣ еси намъ о томъ не бить челомъ, и мы себѣ на мысли были о томъ подержали, что... нынѣ еси положилъ на себя чалму: а коли нынѣ намъ о томъ бьешь челомъ, а такъ сказываешь, что на тебя братъ нашъ чалму положилъ, ино то на твоей волѣ“. Припятый великимъ княземъ. Ашпакъ сталъ предъ нимъ на колѣни и въ такомъ положеніи говорилъ рѣчь отъ имени хана ¹⁾).

¹⁾ С. П. Р. И. Об., т. 95, стр. 632--633.

Изъ описанія этого эпизода не видно, чтобы стояніе посла на колѣняхъ входило въ посольскій обрядъ какъ нѣчто исключительное въ данномъ случаѣ. Колѣнопреклоненіе не возбуждастъ никакихъ споровъ между московскими дипломатами и крымскими послами. оно совершается какъ нѣчто обычное. Въ Москвѣ показалось подозрительнымъ, что глава крымскаго посольства пріѣхалъ въ чалмѣ, снмать которую онъ не могъ въ тѣхъ случаяхъ, когда установившійся посольскій обрядъ требовалъ, чтобы посольство обнажалъ голову. Апшакъ заподозрѣвъ, что онъ явился въ чалмѣ съ цѣлю нарушить обычай, поэтому и князю Палецкому велѣно было не обнажать головы предъ ханскимъ посломъ, дабы не унижить достоинство великаго князя. Когда объясненія Апшака разсѣяли подозрѣнія, возбужденныя его чалмою, посольство было принято великимъ княземъ. О колѣнопреклоненіи ханскихъ пословъ предъ великимъ княземъ московскимъ мы узнаемъ только благодаря тому, что глава крымскаго посольства явился въ необычномъ головномъ уборѣ.

Памятники дипломатическихъ сношеній съ Крымомъ за время государствованія Василія III даютъ болѣе матеріала для представленія посольскаго обряда, практиковавшагося въ сношеніяхъ московскаго государя съ крымскимъ ханомъ. Наказы московскимъ посламъ, какъ держать себя при ханскомъ дворѣ, становятся болѣе подробными. вмѣстѣ съ тѣмъ и въ отчетахъ московскихъ пословъ объ исполненіи ихъ миссій находимъ описанія приемовъ, оказанныхъ имъ при ханскомъ дворѣ. Такіе болѣе подробные указы московскимъ посламъ къ крымскому хану и соответствующіе наказамъ отчеты пословъ, проливающіе свѣтъ на посольскій обрядъ времени Іоанна III и Менгли-Гирея, могутъ быть объяснены отчасти измѣненіемъ отношеній Василія III къ крымской ордѣ, отчасти и тѣмъ, что по мѣрѣ расширенія дипломатическихъ сношеній московскаго государства съ иностранными державами въ Москвѣ стали подробнѣе описывать въ посольскихъ книгахъ какъ приемы иностранныхъ посольствъ и переговоры съ нимъ, такъ и отиравленія московскихъ пословъ за границу.

Василій III не измѣнялъ посольскаго обряда въ сношеніяхъ съ крымскимъ ханомъ и не обнаруживалъ желанія прекратить мир-

ныя сношенія съ Крымомъ, но только не удовлетворялъ личности крымскаго хана, многочисленныхъ царевичей, князей и ихъ женъ. Иоанну III союзъ съ крымскимъ ханомъ былъ болѣе нуженъ, тѣмъ сыну его: Иоанвъ III имѣлъ двухъ враговъ—золотую орду и Литву, для борьбы съ которыми нуждался въ помощи крымскаго хана. при сынѣ Иоанна III золотая орда не существовала. Если мы не видимъ измѣненія отношеній между Иоанномъ III и Менгли-Гиреемъ, который добивалъ золотую орду въ началѣ XVI в., то это объясняется, между прочимъ, тѣмъ, что конецъ золотой орды почти совпалъ съ концомъ государствованія Иоанна III и царствованія Менгли-Гирея. Съ появлѣнiемъ государемъ московскимъ установились новыя отношенія къ крымской ордѣ; пословъ не тароватаго на поминки Василія III стали грабить въ Крыму, и возникшія вслѣдствіе этого столкновенія московскихъ пословъ съ крымцами открываютъ намъ нѣкоторыя подробности пріемовъ московскихъ посольствъ въ Крыму. Съ другой стороны и крымскій ханъ измѣняетъ свои отношенія къ Москвѣ подъ вліяніемъ польскаго короля, которому онъ былъ нуженъ для борьбы съ московскимъ великимъ княземъ ¹⁾.

Въ наказѣ перваго извѣстнаго намъ московскаго посла въ Крымъ за время государствованія Василія III, боярина Василія Григорьевича Морозова, отправленнаго къ хану въ 1509 г., находимъ инструкціи, которыя проливаютъ болѣе свѣта на обращеніе съ московскими послами при дворѣ крымскаго хана и во времена Иоанна III. Морозову наказывалось, по пріѣздѣ въ Крымъ, дать встрѣчавшимъ его отъ имени хана съ подарками „что будетъ пригоже, потомуже, какъ прежніе послы великаго князя тѣмъ людямъ царевымъ на встрѣчѣ что давали, которые бывали у царя до Василія до Наумова и до Костянтина до Заболотскаго. А нѣчто у Василія пріуть просити потомужъ, какъ Василей Наумовъ давалъ и какъ на Костянтинѣ имали, и Василью по тому не давати“... ²⁾.

¹⁾ Соловьевъ: „Исторія Россіи“, V, 281, изд. 5. Проф. Березковъ, назв. тр. въ Ж. М. Н. Пр., октябрь, стр. 491 и слѣд.

²⁾ С. П. Р. И. Об., т. 95, стр. 60. Бояринъ Константинъ Григорьевичъ Заболотскій былъ отправленъ къ крымскому хану въ 1492 г. съ извѣстіемъ о смерти польскаго короля Казимира и съ цѣлью убѣдить хана напасть на литовскія земли (С. П. Р. И. Об., т. 41, стр. 156—165). Василій Наумовъ упоми-

Далѣе, Морозову наказано было, по прїѣздѣ на подворье, отводи-
мое послу, „со царемъ обослатися потомуже, какъ напередъ того
великого князя послы съ нимъ обсылалися: 1) какъ ему велить
царь быти у себя, и рѣчь отъ великого князя говорить, при всѣхъ
ли царевичевъ и князехъ, или наоднѣхъ: да и о поминкѣхъ велѣтъ
ему царя спросити, какъ велить къ себѣ поминки принести“ 2).
По полученіи отвѣта отъ хана Морозовъ долженъ былъ отпра-
виться къ нему на аудіенцію. Если, говорилось въ наказѣ Моро-
зова, его встрѣтятъ на пути къ хану крымскіе князья и станутъ
требовать пошлннѣ, то онъ, не исполняя ихъ требованій, долженъ
продолжать свой путь къ хану, какъ прежніе великокняжескіе
послы, которые пошлннѣ не давали. Наказъ разрѣшаетъ Морозову
давать „поминки“, кромѣ указанныхъ лицъ, только тѣмъ, которые
въ чемъ либо услужили ему, „а въ пошлнну ему однолично ни
царевичемъ, ни княземъ, ни царевымъ людемъ, ни царевичевымъ
никому ничего не дати, опроче того, что нѣчто имуть силно имати“. Вѣ
случаѣ насилія отъ перечисленныхъ лицъ Морозовъ долженъ
былъ заявить хану, что тотъ обязанъ по шертной грамотѣ не доз-
волять взимать пошлннѣ съ московскихъ пословъ. Наказъ Морозову
не давать пошлннѣ крымскимъ царевичамъ, князьямъ и другимъ
свидѣтельствуеть, что договоръ о послахъ, заключенный еще Иоан-
номъ III съ Менгли-Гирсеємъ, нарушался въ Крыму. И дѣйстви-
тельно, въ донесеніи Морозова Василю III, въ которомъ онъ давалъ
отчетъ о томъ, какъ правилъ посольство въ Крыму, между про-
чимъ говорится о попыткахъ взять съ него пошлнны. Это донесе-
ніе любопытно въ томъ отношеніи, что Морозовъ подробно изла-
гаетъ, какъ его приняли въ Крыму. Сначала онъ былъ принятъ
ханомъ въ тайной аудіенціи и спрошенъ о здоровьѣ великаго
князя: затѣмъ ханъ принялъ Морозова въ торжественной аудіенціи

нается, какъ находившійся въ Крыму московскій посоль, въ 1521 г. (С. П. Р.
И. Об. т. 95, ст. 675); въ данномъ случаѣ можетъ быть рѣчь о посольствѣ
Наумова отъ Василя III къ хану до 1509 г., запись котораго до насъ не дошла
(тамъ же, Предисловіе).

1) Въ изданномъ текстѣ въ С. П. Р. И. Об. поставлена здѣсь точка, но
такъ какъ слѣдующія слова поясняютъ то, о чемъ надо было обослатися, лучше
поставить двоеточіе (т. 95, стр. 60).

2) Тамъ же.

при царевичахъ, князьяхъ и другихъ лицахъ. Приглашенный къ этой аудиенціи мурзою, который прѣѣхалъ за нимъ, московскій посоль въхалъ до воротъ ограды ханскаго дворца, гдѣ сошелъ съ коня. Тутъ сидѣли крымскіе князья, которые съ посломъ карашевались ¹⁾ по обычаю, за исключеніемъ только мурзы Кудояра, который съ посломъ не карашевался, но велѣлъ толмачу сказать послу, что онъ посоль холопъ. Когда посоль шелъ отъ воротъ ко дворцу, Кудояръ отнял у подьячего посла шубу, а у дверей ханскихъ есаулы бросили посохи ²⁾ и потребовали отъ посла пошлины. Посоль перешелъ чрезъ посохи не давъ пошлины. На аудиенціи ханъ спросилъ посла о здоровьѣ великаго князя и его самого „жаловаль“ (какъ—не сказано), жаловали посла также царевичи и звали его карашеваться. Послѣ этого посоль изложилъ порученныя ему дѣла, а ханъ посла „жаловаль чашею и останокъ“ ³⁾ подаль; и царевичи жаловали, останки подавали. Немного спустя ханъ велѣлъ послу чашу подать, и посоль подавалъ ее хану, царевичамъ и князьямъ. Когда очередь дошла до Кудояра, посоль отказался подать ему чашу за насиліе надъ подьячимъ и названіе холопомъ, а „холопъ семи, государь“, говорилъ хану посоль, „твой, да брата твоего государя нашего великаго князя Василья Ивановича всеа Русин“.

¹⁾ В. Д. Смирновъ объясняетъ глаголъ карашеваться въ смыслѣ „видѣться“, вопреки мнѣнію другихъ ученыхъ, объяснявшихъ этотъ глаголъ въ смыслѣ „привѣтствовать, цѣловаться“; такое толкованіе Смирновъ признаетъ невѣрнымъ на томъ основаніи, что въ одной изъ грамотъ Менгли-Гирея къ Юлиану III глаголъ карашеваться употребленъ въ смыслѣ „видѣться“ (С. П. Р. И. Об., т. 41, стр. 222). Г. Смирновъ объясняетъ глаголъ карашеваться изъ турецко-татарскаго „кѳрмакъ, гѳрмекъ = видѣть, откуда „кѳрюшмакъ, гѳрюшмекъ“ въ значеніи „видѣться“ („Крымское ханство“, 363. прим. 1). Баронъ Тизенгаузенъ, чрезъ посредство проф. Е. К. Рѣдьяна, за что принишу имъ глубокую благодарность, объяснилъ мнѣ глаголъ карашеваться въ значеніи „здороваться“ (такое значеніе усвоится этому глаголу и въ „Матеріалахъ для словаря др.-рус. яз.“ Срезневскаго съ ссылкой на Академ. Словарь). Это объясненіе барона Тизенгаузена подтверждается и тѣмъ, что какъ въ статейномъ спискѣ Морозова, такъ и въ другихъ мѣстахъ крымской посольской книги глаголъ карашеваться употребляется въ значеніи „здороваться, привѣтствовать“.

²⁾ По объясненію барона Тизенгаузена посохи — булавы, которыя носили есаулы.

³⁾ Останокъ—остатокъ. („Матеріалы для словаря др.-рус. яз.“ Срезневскаго).

Ханъ сталъ „покрашивать“ (обѣлять) Кудояра, но посольъ возразилъ, что Кудояръ сказалъ ему „не вѣжливое слово“ и шубу отнялъ у подьячаго. Давъ послу выпить, ханъ отпустилъ его и отправить къ нему на подворье медъ. По рассказамъ, дошедшимъ до посла, ханъ потомъ призвалъ къ себѣ Кудояра, бранилъ его за оскорбленіе посла и отнял у него шубу подьячаго. Ханъ остался недоволенъ поминками, которые привезъ ему Морозовъ, находи ихъ незначительными ¹⁾. Царевичъ Ахмать-Гирей, требуя додачи къ тому, что было ему подарено, грозилъ послу, что велитъ его привести къ себѣ на веревкѣ въ случаѣ неисполненія его требованія ²⁾.

Какъ наказъ, данный Морозову, такъ и отчетъ его представляютъ данныя, на основаніи которыхъ можно представить обрядъ приѣма московскаго посла при дворѣ крымскаго хана. Посла во владѣніяхъ хана встрѣчали съ подарками отъ имени послѣдняго, а посоль, въ свою очередь, отдаривалъ встрѣчниковъ. По приѣздѣ въ резиденцію хана, посоль освѣдомлялся, какъ хану угодно будетъ приять его: въ тайной или публичной аудіенціи. Приглашенный къ публичной аудіенціи посланнымъ отъ хана, посоль ѣхалъ до воротъ ограды ханскаго дворца, гдѣ сходилъ съ коня и карашевался съ находившимися тамъ царевичами, князьями, назначаемыми, повидимому, для встрѣчи его. Отъ воротъ посоль шелъ къ хану. Случалось, что стоявшіе тутъ ханскіе есаулы, вопреки договору 1474 г., бросали предъ посломъ посохи и требовали съ него пошлины. Ханъ спрашивалъ представшаго предъ нимъ посла о здоровьѣ его государя, „жаловалъ“ посла, присутствовавшіе же татарскіе царевичи также „жаловали“ посла и звали его карашеваться. По наказу посоль передавалъ хану челобитые своего государя, спрашивалъ хана о здоровьѣ его и передавалъ ему подарки великокняжескіе, послѣ чего излагалъ предъ ханомъ порученное ему дѣло. Когда посоль кончалъ рѣчь свою, ханъ жаловалъ его чашею, что дѣлали и царевичи, присутствовавшіе на аудіенціи. Затѣмъ, по приказанію хана, посоль подавалъ чашу ему, царевичамъ и князьямъ. Давъ послу выпить, ханъ отпускаялъ его.

¹⁾ С. П. Р. И. Об. т. 95, стр. 81—82.

²⁾ Тамъ же, 83.

Такой же наказъ править посольство, какъ и Морозову, дасть былъ боярину Ивану Мамонову, отправленному посломъ въ Крымъ въ 1515 г. ¹⁾; съ подобнымъ наказомъ въ 1518 г. князь Юрій Пронскій отправленъ былъ посломъ къ крымскому хану.

Обширный отчетъ боярина Мамонова о приѣмѣ, оказанномъ ему при дворѣ хана Махметъ-Гирея, сына Менг-ли-Гирея, дасть менѣе данныхъ, сравнительно съ отчетомъ Морозова, для представленія объ обрядѣ приѣма московскихъ пословъ крымскими ханами. Отчетъ Мамонова главнымъ образомъ заключаетъ въ себѣ перечень обидъ и насилій, которымъ онъ подвергся въ Крыму ²⁾.

Представляя болѣе данныхъ для обряда приѣма московскихъ пословъ въ Крымъ, крымская посольская книга за время Василія III, сравнительно съ временемъ Іоанна III, дасть болѣе матеріала и для обряда приѣма крымскихъ пословъ при московскомъ дворѣ.

Послы, отправленные крымскимъ ханомъ въ Москву въ 1508 г., встрѣчены были посланнымъ отъ великаго князя подъ Москвою, на Поклонной горѣ. Встрѣчникъ спросилъ пословъ о здоровьѣ ихъ и поѣхалъ съ ними въ отведенное имъ подворье. Сюда явился другой посланецъ великаго князя съ вопросомъ о здоровьѣ хана и пословъ и съ кормомъ для нихъ. Пословъ, приглашенныхъ на аудіенцію къ великому князю, встрѣтили у лѣстницы окольничій и дьякъ. На аудіенціи глава крымскаго посольства передалъ поклонъ отъ хана великому князю и спросилъ его отъ имени хана о здоровьѣ, великій же князь спросилъ посла о здоровьѣ хана. Послѣ этого глава посольства подалъ великому князю ханскую грамоту, и великій князь, подозвавъ къ себѣ членовъ посольства, клалъ на нихъ свою руку, спросилъ ихъ о здоровьѣ и пригласилъ къ столу ³⁾. Точно также встрѣченъ былъ подъ Москвою на Поклонной горѣ посланнымъ отъ великаго князя крымскій посоль Инчура въ 1515 г. Встрѣчникъ передалъ послу поклонъ великаго князя и спросилъ его о здоровьѣ. Посоль, принятый великимъ княземъ, передалъ ему поклонъ хана и грамоту, великій же князь пригласилъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 193 и 203—204.

²⁾ Тамъ же, стр. 269—294.

³⁾ Тамъ же, стр. 19.

посла и товарищей его къ столу и посылалъ угощать ихъ медомъ ¹⁾. Объ отпускъ Личуры съ товарищами изъ посольской книгѣ заключаются слѣдующія данныя: великій князь пригласилъ пословъ къ столу, послѣ чего далъ имъ „ихоиръ“ ²⁾ и назначилъ день ихъ отъѣзда изъ Москвы. Отпуская крымское посольство изъ Москвы, великій князь наказалъ главѣ его передать свое челобитье хану ³⁾.

Немного данныхъ для представленія объ обрядѣ приѣма крымскихъ пословъ въ Москвѣ заключается въ посольской книгѣ по поводу приѣма ханскаго посла Абдыль-Авель-Шиха въ 1517 г. Посоль „правилъ великому князю отъ хана поклонъ“, но великій князь не звалъ его къ рукѣ и карашеваться, потому что посоль пріѣхалъ изъ мѣсть, гдѣ было моровое повѣтріе. По этой же причинѣ посоль не былъ приглашенъ великимъ княземъ къ столу. На аудіенціи посоль говорилъ великому князю рѣчь и подалъ ханскія грамоты ⁴⁾. Въ томъ же 1517 г. къ великому князю прибылъ ханскій посоль князь Кудояръ съ посланцами отъ ханши и крымскихъ царевичей. На аудіенціи Кудояръ „правилъ великому князю отъ царя челобитье“, произнесъ рѣчь и вручилъ грамоты ⁵⁾. Сравнительно подробнѣе описанъ въ посольской книгѣ приѣмъ крымскаго посла мурзы Кудояра въ 1518 г. На встрѣчу послу отправленъ былъ великимъ княземъ ясельничій, проводившій посла на подворье. Сюда, на подворье, великимъ княземъ отправленъ былъ посланецъ, который передалъ великокняжескій подарокъ послу и спросилъ его о здоровьѣ хана. Въ назначенный для аудіенціи день мурза Кудояръ пріѣхалъ ко дворцу и встрѣченъ былъ по приказу великаго князя Федоромъ Карловымъ. Явившись предъ великимъ княземъ, Кудояръ „правилъ отъ царя великому князю поклонъ“ и подалъ грамоты отъ хана, ханши, царевичей и князей крымскихъ ⁶⁾. Послѣ аудіенціи Кудояръ былъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 151.

²⁾ Въ изданномъ текстѣ въ С. П. Р. И. Об. „ихоиръ“; по объясненію барона Тизенгаузена, „ихоиръ“ — отпускная грамота, т. е. разрѣшеніе послу вернуться домой. Тамъ же, стр. 191.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 385—386.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 442.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 513.

приглашенъ великимъ княземъ къ столу. Послѣ стола „подавалъ князь великій чашу цареву, да послѣ того и свою чашу велѣлъ подавати“ ¹⁾. Объ отпускѣ Кудояра съ товарищами его по посольству сказано въ посольской книгѣ, что послы были позваны къ великому князю, который „имъ и хабръ учинилъ“ ²⁾.

Самое подробное описаніе приѣма Василиемъ III крымскаго посольства относится къ 1519 г. Въ этомъ году въ Москву пріѣхалъ ханскій посолъ князь Аппакъ съ товарищами. Крымскіе послы на пути къ Москвѣ были встрѣчены посланнымъ отъ великаго князя, чтобы доставлять имъ кормъ. Вторая встрѣча была оказана крымскимъ посламъ, когда они пріѣхали къ Москвѣ. Встрѣчникъ долженъ былъ проводить пословъ на подворье, куда прибылъ князь Палецкій съ великокняжескимъ „жалованіемъ: съ ѣствою и съ шубою“. Князь Палецкій говорилъ отъ имени великаго князя рѣчь ханскому послу на колѣняхъ и съ обнаженною головою, посолъ выслушалъ рѣчь въ такомъ же положеніи. Въ назначенный для аудіенціи день ханскій посолъ явился во дворецъ, гдѣ его встрѣтили окольничій съ дьякомъ. Введенный къ великому князю, князь Аппакъ, по приглашенію послѣдняго, подошелъ къ нему карашеваться и „отошедъ, сталъ на колѣнехъ, да правилъ отъ царя великому князю поклонъ, да подалъ грамоту“. Послѣ аудіенціи князь Аппакъ былъ приглашенъ великимъ княземъ къ столу ³⁾.

Описанныя въ крымской посольской книгѣ приѣмы ханскихъ пословъ въ Москвѣ представляютъ черты, по которымъ можно представить обрядъ приѣма посла крымскаго хана московскимъ государемъ.

Крымскаго посла встрѣчалъ въ предѣлахъ московскаго государства посланный великимъ княземъ; встрѣчникъ долженъ былъ доставлять кормъ послу и его свитѣ. Подъ Москвою къ послу выѣзжалъ другой встрѣчникъ, который спрашивалъ посла отъ имени великаго князя о здоровьѣ и проводилъ посольство на подворье въ Москвѣ. Сюда являлся великокняжескій посланецъ съ вопро-

¹⁾ Тамъ же, стр. 528.

²⁾ Тамъ же, стр. 561.

³⁾ Тамъ же, стр. 630—633.

сами о здоровьѣ хана и посла и съ жалованьемъ великаго князя: кормомъ и подаркомъ; посланецъ великаго князя произносилъ рѣчь посту, стоя на колѣняхъ, и съ обнаженною головою. Въ такомъ же положеніи выслушивалъ рѣчь и посоль. Въ назначенный для аудіенціи день посоль пріѣзжалъ къ великокняжескому дворцу, гдѣ его встрѣчалъ посланный отъ великаго князя. Представъ предъ великимъ княземъ, посоль становился на колѣни, правилъ великому князю поклопъ отъ хана, спрашивалъ великаго князя о здоровьѣ его, отвѣчалъ на вопросъ великаго князя о здоровьѣ хана, подавалъ великому князю ханскія грамоты и говорилъ наказанныя ему рѣчи, послѣ чего великій князь карашевался съ нимъ: клалъ на голову его руку, спрашивалъ о здоровьѣ и звалъ къ столу (въ описаніи приѣма князя Аппака сказано, что великій князь сначала звалъ его карашеваться, а потомъ посоль правилъ посольство). Послѣ стола великій князь „подавалъ чашу цареву“, приказывалъ „и свою чашу подавать“. Отпускъ крымскихъ пословъ заключался въ слѣдующемъ: въ назначенный день посоль являлся къ великому князю, который давалъ ему „нихонръ“ и наказывалъ передать поклонъ хану.

Какъ крымскихъ пословъ приняли въ Москвѣ въ 1519 г., такъ, слѣдуетъ думать, принимались московскіе послы крымскими ханами.

Обрядъ приѣма московскихъ пословъ крымскими ханами, который можно представить на основаніи крымской посольской книги, подтверждается и дополняется извѣстіемъ о приѣмѣ иноземныхъ пословъ въ Крыму, которое находится въ описаніи Крыма, составленномъ польскимъ дворяниномъ Мартиномъ Броневскимъ. Броневскій отправленъ былъ польскимъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ въ качествѣ посланника къ крымскому хану въ 1578 г. и провелъ въ Крыму болѣе девяти мѣсяцевъ. По словамъ Броневского, крымскій ханъ принималъ пословъ государей московскаго и польскаго и господаря молдавскаго иногда довольно снисходительно и ласково, иногда же болѣе чѣмъ варварски. Когда посоль какого либо изъ названныхъ государей пріѣзжалъ въ Перекопъ, его встрѣчалъ одинъ изъ ханскихъ чиновниковъ. Но пріѣздѣ посла въ назначенное ему для жительства мѣсто, являлся туда ханскій сановникъ съ поздравленіемъ отъ имени хана. Ханъ давалъ послу аудіенцію въ

присутствіи важнѣйшихъ своихъ сановниковъ. До дверей ханской пріемной посла провожатъ одинъ чиновникъ, вносили же посла къ хану двое ханскихъ совѣтниковъ. „Вошедши къ хану“, говоритъ Броневскій, „они (послы московскіе, польскіе или молдавскіе) отвѣшиваютъ ему поклонъ. по древнему народному обычаю, потомъ, ставъ на колѣни, излагаютъ дѣло и, по окончаніи, приглашаются къ ханскому столу. Во время обѣда особеннымъ знакомъ благоволенія и милости считается то, когда ханъ собственноручно подастъ имъ бокаль или чашу вина съ медомъ, позолоченную и украшенную драгоценными камнями, которую они выпиваютъ преклонивъ колѣна. Передъ отъѣздомъ ханъ вторично приглашаетъ ихъ къ столу“. Послѣ обѣда, посоль, дожидая нѣкоторое время у воротъ ханскаго дворца, получали подарки: одежду, коней, иногда нѣсколько рабовъ. Облечшись въ подаренную одежду, посоль снова являлся къ хану благодарить за подарки и прощаться. Уѣзжавшаго посла снабжали небольшимъ количествомъ припасовъ, и одинъ изъ ханскихъ чиновниковъ сопровождалъ его до Днѣпра ¹⁾.

Кромѣ колѣнопреклоненія въ обрядѣ пріема крымскихъ пословъ въ Москвѣ обращаетъ на себя вниманіе еще другая особенность этого обряда: возложеніе руки великимъ княземъ на голову крымскаго посла. Такое возложеніе руки практиковалось только въ отношеніи къ посламъ мусульманскихъ государей, какъ это видно, между прочимъ, изъ статейнаго списка посланника царя Оедора Иоанновича въ Персію Григорія Васильчикова. Васильчиковъ, предъ аудіенціей у персидскаго шаха, спросилъ грузинскаго посла о пріемѣ, оказанномъ послѣднему шахомъ. Грузинскій посоль, рассказывая, какъ его принялъ шахъ, упомянулъ, что послѣдній протянулъ ему ногу для цѣлованія. Васильчиковъ по поводу этого сказалъ грузинскому послу: „у государя нашего въ обычае ведетица, коли бываютъ у государя нашего царьскаго в. отъ хрестьянскихъ государей послы и посланники отъ цесаря римскаго и отъ короля литовскаго и отъ иныхъ хрестьянскихъ государей, и государь нашъ ц. в. тѣмъ посломъ и посланникомъ даетъ целовать свою царскую руку, а на

¹⁾ „Зап. Од. Об. Ист. и Др.“ VI, 357. О Броневскомъ в запискахъ его у Аделунга въ „Критико-литературн. обзорѣи путешествениковъ по Россіи“ въ „Чтен. Моск. Об. Ист. и Др. Рос.“, 1863 г. кн. 2, № 83.

бусурманскихъ государей пословъ кладеть руку, а государя нашего пословъ хрестыянскіе государя дають по тому жѣ руки целовать, а бусурманскіе государя кладуть руки. А того шгдѣ не ведетца, что государей целовать въ ногу, то посломъ бещестье великое¹⁾.

Посольскій обрядъ, практиковавшійся въ сношеніяхъ Іоанна III и Василія III съ крымскимъ ханомъ, не былъ примѣненъ въ сношеніяхъ съ другимъ мусульманскимъ государемъ — турецкимъ султаномъ, потому что отношенія московскаго государя къ послѣднему были иныя, чѣмъ къ крымскому хану.

Въ то время какъ наказы московскимъ посламъ къ крымскому хану, отчеты ихъ о пріемахъ, оказывавшихъ имъ при ханскомъ дворѣ, и записи крымской посольской книги о пріемахъ крымскихъ пословъ московскими государями не даютъ вполне яснаго представленія объ обрядѣ пріема пословъ въ Москвѣ и въ Крыму, наказъ перваго посла отъ московскаго государя къ турецкому султану ясно рисуетъ картину того пріема, который султанъ долженъ былъ оказать московскому послу. Послѣднему не велѣно передать чсловитые своего государя султану, и Іоаннъ III не ѡеть челомъ султану въ грамотѣ къ нему; московскому послу всего прежде наказывается „поклонъ правити стоя. а на колѣни не садитися“. Султанъ — не ханъ, его не надо убѣждать воевать со „всѣми вопчимъ недругами“. не надо откупаться поминками отъ нашествій его, вотъ почему наказъ московскому послу, какъ держать себя предъ султаномъ, является предметомъ особенной важности, между тѣмъ какъ обрядъ пріема московскаго посла крымскимъ ханомъ блѣднѣеть предъ заботою имѣть хана своимъ союзникомъ. Московскаго посла татаринъ, обозлеченный за малые поминки, называетъ холопомъ, бросается на него съ ножомъ, снимаетъ шубу съ подъячаго посла, посольскихъ людей сажаютъ въ темницу, дабы допра-

---

¹⁾ „Памят. диплом. и торгов. сношен. московской Руси съ Персіей“, I, изд. подъ ред. проф. Н. П. Веселовскаго въ „Трудахъ вост. отд. Имп. Русск. Археол. Об.“ XX, 65—66. Этотъ эпизодъ изложенъ въ статьѣ проф. Н. П. Веселовскаго: „Пріемъ въ Россіи и отпускъ среднеазиатскихъ пословъ“ (Ж. М. Н. Цр. 1884 г. июль, стр. 98). О возложеніи руки московскимъ государемъ на головы пословъ мусульманскихъ государей говорить и Котошихинъ („О Россіи въ царств. Алексія Михайловича“ 77, изд. 3-е).

вить поминки съ посла, но изъ за этого сношеній съ крымскимъ ханомъ не прерываютъ. Иное отношеніе къ турецкому султану: послу московскому наказывается говорить съ султаномъ, но не съ пашами его, во время аудіенціи у султана поклонъ отъ великаго князя править стоя, и въ случаѣ, если въ тоже время будутъ приня- масмы султаномъ послы другихъ государей, не садиться ниже ихъ.

Начало дипломатическимъ сношеніямъ между Турціей и мос- ковскимъ государствомъ положено было отправленіемъ турецкаго посла въ Москву въ 1493 г. изъ Кафы, правителемъ которой былъ сынъ султана Баязета II. Но посольство это не достигъ Москвы, его задержали въ Кіевѣ по приказанію великаго князя литовскаго Александра ¹⁾. Извѣщенный объ этомъ, Іоаннъ III отправилъ въ 1496 г. своего посла къ турецкому султану Баязету и къ сыну его кафинскому правителю. Первому московскому послу къ турецкому султану — Михаилу Плещееву, данъ былъ слѣдующій наказъ, какъ держать себя на аудіенціи у султана и сына его: прежде всего передать султану поклонъ своего государя и „править поклонъ стоя, а на колѣни не садиться“, послѣ чего посольство должно было подать султану подарки и, если султанъ велѣлъ бы съѣсть, немного поспѣвъ встать и изложить цѣль посольства ²⁾. Послу наказыва- лось въ случаѣ, еслибы султанъ не пожелалъ выслушать его, но велѣлъ бы ему говорить рѣчи государевы нашимъ, не испол- нять приказанія султана и передать пашамъ только написанныя рѣчи. Еслибы султанъ одновременно съ московскимъ посломъ принималъ и другихъ иноземныхъ пословъ, Плещеевъ не долженъ былъ занимать мѣста ниже ихъ ³⁾. Какъ первый московскій посоль- въ Константинополь выполнялъ данный ему наказъ, узнаемъ изъ писемъ Менгли-Гирей къ Іоанну III. Султанъ въ отвѣтной гра- мотѣ къ Іоанну III выразилъ сердечную радость по поводу завя- завшихся съ нимъ сношеній и высказалъ только похвалу Пле-

¹⁾ С. Н. Р. И. Об. т. 41, стр. 47, 51, 64, 74, 163, 210, 221, 224. А. В. Неклюдовъ: „Начало сношеній Россіи съ Турціей“ въ „Сборникѣ Моск. Главн. Арх. М. Им. Д.“, выи. 3 и 4, стр. 11.

²⁾ С. Н. Р. И. Об. т. 41, стр. 231—233.

³⁾ Тамъ же, стр. 233—234.

щеву¹⁾, тогда какъ Плещеевъ точнымъ исполненіемъ даннаго ему наказа, какъ держать себя въ Константинополѣ, возбудилъ тамъ противъ себя неудовольствіе, о чемъ московскій государь извѣщенъ былъ крымскимъ ханомъ.

Въ Константинополѣ, какъ видно изъ писемъ Менгли-Гирея къ Иоанну III, остались недовольны тѣмъ, что Плещеевъ отказался „отъ доброй чести и подчиванья“; паши, желая оказать московскому послу особенный почетъ, пригласили его до аудіенціи у султана на ширъ и рѣшили подарить ему платье и деньги. На приглашеніе пашей Плещеевъ отвѣтилъ: „миѣ съ пашами рѣчи нѣтъ; язъ пашино платье не вдѣваю и дамыхъ денегъ ихъ не хочу, съ салтаномъ миѣ говорити...“²⁾, чѣмъ, по выраженію Менгли-Гирея, „невѣжество и непригожее дѣло учинилъ“³⁾. Посольство Иоанна III отказалось отъ приглашенія пашей потому, что не въ обычаѣ было у московскихъ пословъ предъ аудіенціей у государя, къ которому они посылались, посѣщать сановниковъ его и вести съ ними переговоры о дѣлахъ посольства. У турокъ былъ иной обычай: иноземный посольство долженъ былъ сначала посѣтить великаго визиря, послѣ чего допускался къ султану. Вслѣдствіе такой разницы въ обычаяхъ возникали пререканія между московскими послами и великимъ визиремъ, которыя оканчивались уступкою со стороны первыхъ⁴⁾.

Плещеевъ остался доволенъ пріемомъ, оказаннымъ ему въ Константинополѣ: онъ донесъ великому князю, что обоими султанами (турецкимъ и кафинскимъ) ему были оказаны „честь и жалованіе“⁵⁾.

Отправляя въ 1499 г. въ Кафу и Константинополь другого посла—Александра Голохвастова, Иоаннъ III предполагалъ, что въ Кафѣ или въ Константинополѣ будутъ жаловаться послу его на Плещеева. Въ такомъ случаѣ Голохвастовъ долженъ былъ отвѣчать, что

¹⁾ Тамъ же, стр. 244—247.

²⁾ Тамъ же, стр. 264 и слѣд.

³⁾ Тамъ же, стр. 285.

⁴⁾ Н. Е. Забѣлина: „Русскія посольства въ Турцію въ XVII в.“ въ „Рус. Старинѣ“, 1877 г. сентябрь, стр. 19 и слѣд.

⁵⁾ С. П. Р. И. Об. т. 41, стр. 291 и 293.

„государь нашъ не велѣлъ своему послу некоторою лиха чинити: а тово государь нашъ не вѣдаетъ, которое будетъ непригожество посоль его учинилъ“¹⁾). Говоря о „непригожествахъ“ Плещеева Иоаннъ III имѣлъ въ виду отнюдь не стойкость Плещеева въ соблюденіи даннаго ему наказа, выразившуюся и въ отказѣ посѣтить нашей до аудіенціи у султана, но жалобы на Плещеева за то, что онъ выдавалъ товары бывшихъ съ нимъ купцовъ за принадлежашіе ему, дабы не платить пошлинъ²⁾).

Вслѣдствіе „непригожествъ“ Плещеева султаны отвѣтили Иоанну III грамотами, но посла своего не прислали³⁾).

Изъ грамотъ Менгли-Гирея не видно, чтобы въ Константинополѣ выражали неудовольствіе на то, что Плещеевъ во время аудіенціи у султана (если только эта аудіенція состоялась) держалъ себя не по-азиатски: поклонъ правилъ стоя, а на колѣни не становился. Плещеева, повидимому, не принуждали исполнить азиатскій посольскій обрядъ: московскій посоль не только не жалуется на оказанный ему пріемъ султанами, но доносятъ, что его приняли съ честью. Очевидно, въ Константинополѣ иначе отнеслись къ московскому послу, чѣмъ къ другимъ европейскимъ посламъ, которыхъ принуждали преклонять колѣни предъ султаною и подвергали иногда не только оскорбленіямъ, но и побоямъ⁴⁾). Султанъ, которому принадлежала инициатива въ завязавшихся дипломатическихъ сношеніяхъ Турціи съ московскимъ государствомъ, не смотря на „непригожества“ Плещеева, отзывался о немъ съ похвалой, не желая возбуждать противъ себя неудовольствіе московскаго государя.

Продолжая дипломатическія сношенія съ султанами кафинскимъ и константинопольскимъ, Иоаннъ III давалъ своимъ къ нимъ посламъ такіе же наказы, какъ и Плещееву. Въ этихъ наказахъ на первомъ планѣ стоитъ приказъ: „правити поклонъ стоя, а на колѣни не садитися“⁵⁾). И второй посоль Иоанна III къ султанамъ —

¹⁾ Тамъ же, стр. 282.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же, стр. 265, 282, 285.

⁴⁾ Неклюдовъ, назв. статья, стр. 35—39.

⁵⁾ С. И. Р. И. Об. т. 41, стр. 282, 293, 308.

Александръ Голохвостовъ, отправленный изъ Москвы въ 1499 г., донесъ свосему государю, что оба султана оказали ему „честь и жалованіе“ ¹⁾, третій же посоль въ Турцію — Андрей Кутузовъ, удостоился похвалъ со стороны султана. Послѣдній въ грамотѣ къ Иоанну III назвалъ Кутузова „добрымъ и умнымъ“ ²⁾.

Объ обрядѣ приема турецкихъ пословъ въ Москвѣ великимъ княземъ, на основаніи краткихъ описаній этихъ приемовъ, можно составить такое представленіе: турецкій посоль передавалъ великому князю поклонъ отъ султана и подавалъ султанскую грамоту; по окончаніи аудіенціи посоль приглашался великимъ княземъ къ столу, а послѣ стола послу посылался медъ. Послу давался отвѣтъ великаго князя чрезъ назначенныхъ для того лицъ, послѣ чего посоль приглашался къ отпускнуой аудіенціи и великій князь наказывалъ ему передать его государю рѣчи, которыя были ему сказаны ³⁾.

Въ государствование Василія III, въ разное время, отправлено было нѣсколько посольствъ къ турецкому султану. Въ наказѣ перваго посла отъ Василія III читаемъ запрещеніе становиться на колѣни или бить челомъ въ землю предъ султаномъ. Посоль долженъ былъ прежде всего передать султану поклонъ отъ великаго князя и поклониться, „руки пригнувъ къ себѣ выше пояса, по ихъ (турецкому) обычаю“. Послѣ поклона послу надлежало передать султану великокняжескіе подарки, затѣмъ вручить грамоту; послу было приказано не спрашивать султана о здоровьѣ его отъ имени великаго князя, въ случаѣ же, еслибы султанъ спросилъ посла о здоровьѣ его государя, посоль долженъ былъ отвѣтить: „государь нашъ добръ здоровъ“ ⁴⁾. Василию Коробову, второму послу отъ Василія III къ султану, наказано было прежде всего передать султану поклонъ отъ великаго князя, затѣмъ спросить султана о здоровьѣ его отъ имени великаго князя, подать подарокъ, вѣрительную грамоту и изложить цѣль посольства ⁵⁾. Кромѣ того Коробову было наказано до

¹⁾ Тамъ же, стр. 291 и 294.

²⁾ Тамъ же, стр. 391.

³⁾ Тамъ же, стр. 283, 290, 292, 390, 395, 397.

⁴⁾ С. И. Р. И. Об. т. 95, стр. 84.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 106.

аудиенціи у султана не посѣщать нашей и не говорить съ нимъ о дѣлахъ посольства, а также не отпрапляться на аудиенцію, если султанъ одновременно съ московскимъ посломъ будетъ принимать какихъ либо другихъ иноземныхъ пословъ: предъ султаномъ Коробовъ долженъ былъ „поклонъ и посолство правити стоя, а на колѣни не садитись“¹⁾. Коробовымъ, которому данъ былъ такой наказъ, султанъ остался доволенъ. Въ грамотѣ къ Василию III султанъ называетъ Коробова „вѣршымъ, знаменитымъ и ближнимъ слугою“ великаго князя и извѣщаетъ его, что Коробовъ „до царства ми допедь посольскій путь, какъ есть урядно по закону на-полнѣ доправилъ“...²⁾.

Въ наказахъ послѣдующихъ московскихъ пословъ къ турецкому султану не находимъ приказанія не становиться на колѣни предъ султаномъ, должно быть потому, что въ Константинополѣ перестали принуждать къ этому московскихъ пословъ, дозволивъ имъ соблюдать европейскій посольскій обрядъ.

Въ 1517 г. посланъ былъ къ султану турецкому гонцомъ боярскій сынъ Степановъ, убитый татарами на пути въ Константинополь. Степанову наказано было передать султану отъ великаго князя поклонъ, подарокъ, грамоту и требовать аудиенціи у султана³⁾. Въ 1519 г. отправленъ былъ къ султану бояринъ Борисъ Голохвастовъ, которому наказано было передать султану отъ великаго князя поклонъ, подарокъ, грамоту и произнести рѣчь, излагавшую цѣль посольства. Голохвастову велѣно было требовать аудиенціи у султана и до аудиенціи этой у нашей не быть, грамоты великокняжеской имъ не давать и о посольскихъ дѣлахъ съ нимъ не говорить⁴⁾. Такой же наказъ данъ былъ боярскому сыну Василию Третьяку-Губину, посланному къ султану въ 1521 г., съ тѣмъ только отличіемъ, что Третьяку-Губину велѣно было уступить папамъ въ томъ случаѣ, если они настойчиво будутъ требовать, чтобы онъ предъ аудиенціей у султана посѣтилъ ихъ; затѣмъ,

1) Тамъ же, стр. 110 и слѣд.

2) Тамъ же, стр. 236 и 237.

3) Тамъ же, стр. 428—430.

4) Тамъ же, стр. 620—621.

Третьяку-Губину наказано было не соглашаться, чтобы султанъ вмѣстѣ съ нимъ принималъ другихъ пословъ ¹⁾.

Нѣтъ данныхъ для полнаго представленія обряда приѣма турецкихъ пословъ въ Москвѣ. Извѣстень только одинъ случай такого приѣма. Въ 1594 г. въ Москву прибылъ посольство турецкаго султана грекъ Камаль. Къ Камалу, на пути его въ Москву, посланы были встрѣчлики. По приѣздѣ Камала въ Москву великимъ княземъ отправленъ былъ къ нему посланецъ, который спросилъ турецкаго посла о здоровьѣ султана и его самого. Когда Камаль явился во дворецъ на аудіенцію, выставлены были встрѣчлики въ разныхъ мѣстахъ дворца на пути посла къ палатѣ, въ которой находился великій князь. Къ великому князю ввелъ—„явилъ“ посла князь Петръ ²⁾. Великій князь подаль послу руку для цѣлованія, послѣ чего велѣлъ послу сѣсть на скамьѣ, вблизи него находившейся. Посидѣвъ нѣкоторое время, Камаль передалъ великому князю султанскую грамоту и произнесъ рѣчь, въ которой изложилъ цѣль своего посольства. Когда окончилась аудіенція Камаль былъ приглашенъ къ великокняжескому столу, послѣ котораго ему посланъ былъ медъ. Для переговоровъ съ Камаломъ, а переговоры эти велись въ великокняжескомъ дворцѣ, великій князь высылалъ бояръ. Послѣ переговоровъ съ боярами и нѣсколькихъ аудіенцій у великаго князя, Камалу назначена была отпускная аудіенція, на которой великій князь приказалъ послу передать поклонъ его султану, послу поданъ былъ медъ, писанные же отвѣты на рѣчи его вручены были ему на подворьѣ ³⁾.

Тотъ посольскій обрядъ, который предписывалось соблюдать московскимъ посламъ на аудіенціяхъ у турецкихъ султановъ, и который мы назвали европейскимъ, соблюдался московскими послами на аудіенціяхъ и у западныхъ европейскихъ государей. Читая наказы московскихъ пословъ къ турецкимъ султанамъ, нельзя не замѣтить сходства этихъ наказовъ съ наказами тѣхъ пословъ,

---

¹⁾ Тамъ же, стр. 683—685 и 699.

²⁾ Князь Петръ, по прозванію Великій, изъ семейства Шестуновыхъ-Ярославскихъ (см. указатель лян. именъ къ 95 т. С. И. Р. И. Об., стр. 30.

³⁾ С. И. Р. И. Об. т. 95, стр. 96—102.

которые отиралялись изъ Москвы къ западнымъ европейскимъ государямъ.

Первое посольство отъ московскаго государя къ германскому императору состоялось въ 1489 г. Посломъ былъ отпращенъ грекъ Юрій Траханиотъ, которому данъ былъ наказъ, какъ править посольство. Сравнимъ этотъ наказъ съ тѣмъ наказомъ, который данъ былъ въ 1496 г. первому московскому послу къ турецкому султану—Плещееву.

Наказъ Траханиоту:

„Первое. поклонъ: Иоаннъ Великій Государь всеа Руси Твоему Величеству велѣлъ поклонитись. А опослѣ поклона о здоровіи въспросити: Государь всеа Руси Твоее Свѣтлости велѣлъ здоровіе видѣти. А опослѣ того, за поминки поклонитися: Государь всеа Руси за поминки Твоей Высотѣ велѣлъ поклонитися. Да послѣ того поминки подати: Государь всеа Руси Твоей Свѣтлости поминается... (слѣдуетъ перечень подарковъ). А опослѣ поминковъ подати грамота... (слѣдуетъ текстъ грамоты). А опослѣ того рѣчь говорити ¹⁾.

Наказъ Плещееву:

„Первое. пришедъ, поклонъ правити стоя, а на колѣни не садитися. Иоанъ, Божією милостию государь всеа Русии и великій князь, велѣлъ тебѣ поклонитися. А опослѣ поклона поминки явити. А опослѣ поминковъ велитъ сѣсти, ино. поседѣвъ мало да вставъ, грамота подати вѣрючая. А се грамота... (слѣдуетъ текстъ грамоты). А опослѣ грамоты рѣчь говорити ²⁾.

Плещееву, сравнительно съ Траханиотомъ, не было только наказано спросить султана о здоровіи и благодарить его за подарки. Такое различіе объясняется тѣмъ, что Траханиотъ былъ посланъ къ императору съ отвѣтомъ на его посольство и съ изъявленіемъ благодарности за присланные имъ подарки, посоль же султана до Москвы не доѣхалъ; затѣмъ, вопросъ о здоровіи, предложенный московскимъ посломъ императору отъ имени Іоанна III, должно

¹⁾ „Пам. диплом. спом. др. Россіи съ державами иностран.“ I, 14—15.

²⁾ С. И. Р. И. Об. т. 41, стр. 232—233.

быть. вызванъ былъ такимъ же вопросомъ, предложеннымъ Иоанну III германскимъ посломъ отъ имени своего государя.

Вполнѣ сходнымъ съ вышеприведеннымъ наказомъ Траханиоту представляется наказъ, данный въ 1502 г. московскому послу, отправленному къ бафинскому правителю, сыну турецкаго султана: „первое. пришедь, поклонъ правити стоя, а на колѣни не садитись. А молвити: Иоаншь, Б. м., государь всеа Руси и великій князь, велѣлъ твое здоровье видѣти. А опослѣ поклона поминки явити. А опослѣ поминковъ велить сѣсти; ино посидѣвъ мало да вставъ, грамота вѣрющая подати. А се грамота... (слѣдуетъ текстъ грамоты). А опослѣ грамоты рѣчь говорити... (слѣдуетъ текстъ рѣчи) ¹⁾. Такой же наказъ данъ былъ послу Василя III, отправленному къ турецкому султану въ 1515 г. ²⁾.

Такимъ образомъ, московскіе послы получали наказы держать себя предъ турецкимъ султаномъ такъ, какъ предъ германскимъ императоромъ. Ни Иоаннъ III, ни Василій III не признавали турецкаго посольскаго обряда. Тоже самое замѣчается и въ сношеніяхъ московскихъ государей съ персидскими шахами. И послѣдніе, подобно турецкимъ султанамъ, должны были принимать московскихъ пословъ такъ, какъ принимались послы европейскими государями. Московскіе послы, какъ при дворѣ турецкихъ султановъ, такъ и при дворѣ персидскихъ шаховъ, дѣйствуя по наказамъ государей своихъ, являются насадителями европейскаго посольскаго обряда.

Въ первомъ статейномъ спискѣ московскаго посланника Григорія Борисовича Васильчкова, отправленнаго къ персидскому шаху въ 1588 г., читаемъ наказъ, которымъ Васильчикову предписывалось править посольство на аудіенціи у шаха такъ, какъ московскіе послы и посланники правили посольства предъ европейскими государями. Посланникъ долженъ былъ передать шаху поклонъ отъ царя, спросить шаха о здоровьѣ его отъ имени царя же, подать шаху царскую грамоту, представить подарки и, наконецъ, произнести рѣчь ³⁾. Въ Персіи отъ грузинскаго посла Васильчи-

¹⁾ С. П. Р. И. Об. т. 41, стр. 398—399.

²⁾ С. П. Р. И. Об. т. 95, стр. 106.

³⁾ „Памятн. дил. и торг. снош. моск. Руси съ Персіей“ изд. проф. Н. П. Веселовскимъ, I, 4—5; въ „Трудахъ вост. отд. Ими. Рус. Археол. Об.“, т. XX.

ковъ узнать, что шахъ посламя на аудіенціи давалъ цѣловать свою ногу. Смущенный такимъ обычаемъ, Васильчиковъ спросилъ о немъ персовъ, встрѣтившихъ его по приказанію шаха. Ему отвѣтилъ, что такой обычай издавна существуетъ въ Персіи, и что цѣловать ногу шаха удостоиваются послы только дружественныхъ государей, „а тебя“, говорили Васильчикову, „государь нашъ приметъ съ великою любовью для государя вашего братцкіе любви, велитъ тебѣ быти у себя, и будешь у государя нашего у ноги“... Московскому послу такая честь не показалась честью: „то первая нелюбовь государя вашего ко государю нашему“, сказалъ онъ, „что мнѣ, пришедъ отъ великого государя своего и быти у государя вашего у ноги, язъ того и слухомъ не слыхалъ, что государя нашего посломъ и посланникомъ государей въ ногу целовать“. Онъ указалъ на приемы, которые оказывались московскими царями посламя и посланникамъ христіанскихъ и мусульманскихъ государей: посламя и посланникамъ первыхъ цари давали цѣловать руку, на пословъ вторыхъ возлагали ее; также и московскимъ посламя и посланникамъ христіанскіе государя давали руку для цѣлованія, а мусульманскіе государя возлагали на нихъ руку. „а того нигдѣ не слыхано“, добавилъ московскій посоль, „что въ ногу целовать“. Въ доказательство словъ своихъ онъ сослался на персидскаго посланника, который былъ въ Москвѣ и зналъ, что царь „нѣкоторыхъ великихъ государей посломъ и посланникомъ *такіе почестивости и жалованья* шикому не показалъ“... Отказываясь поцѣловать на аудіенціи ногу шаха, Васильчиковъ не согласился выѣхать на встрѣчу шаху и передать ему царскіе грамоты и подарки въ то время, когда шахъ сидѣлъ бы на конѣ. Ему замѣтили: „ты приѣхалъ въ государство государя нашего и тобѣ дѣлать не по своей воле, по государя нашего воле; а обычаевъ тебѣ въ чужой землѣ не уставить“... ¹⁾ Но московскій посланникъ, ссылавшійся на посольскій обрядъ, практиковавшійся въ то время при дворахъ европейскихъ, упорно отказывался отступиться отъ даннаго ему наказа и подчиниться обычаю приема пословъ персидскими шахами. Пастойчивость его увѣличалась успѣхомъ, онъ былъ принятъ шахомъ такъ, какъ желалъ: шахъ принялъ его въ

¹⁾ Тамъ же, стр. 83—86.

шатръ и, вмѣсто того, чтобы дать цѣловать свою ногу, возложили руку на московскаго посла ¹⁾. Тоже было и на отпускной аудіенціи, данной шахомъ Васильчикову ²⁾. Подобно Васильчикову править посольство предъ шахомъ и другой посланникъ царя Ѳедора Іоанновича—князь Звенигородскій; и онъ отказался цѣловать ногу шаха ³⁾. Такой же наказъ получилъ князь Тюфякинъ, отправленный изъ Москвы посланникомъ къ персидскому шаху въ 1595 г. ⁴⁾.

Соблюдая особый посольскій обрядъ, практиковавшійся въ сношеніяхъ съ крымскими ханами только по отношенію къ послѣднимъ, московскіе государи наказывали своимъ посламъ и посланникамъ, отправляемымъ къ турецкому султану и персидскому шаху, держать себя на аудіенціяхъ у нихъ такъ же, какъ предъ европейскими государями.

Наказы первыхъ московскихъ пословъ къ императору и турецкому султану, сходные между собою, подобны наказу, который былъ данъ въ 1488 г. Михаилу Еропкину, послу Іоанна III къ польскому королю Казимиру. Вотъ этотъ первый, извѣстный намъ, наказъ: „Первое поклонъ правити королю: Государь нашъ князь велики Иванъ Васильевичъ велѣлъ тобѣ поколонтися. Да королевичемъ отъ великого князя, которые тутъ будутъ у короля. А послѣ того подати грамота вѣрющая... А послѣ того рѣчь правити...“ ⁵⁾ Еропкину не было только наказано спросить польскаго короля о здоровьѣ его. Посольство Еропкина было отвѣтнымъ на посольство князя Мосальскаго, присланнаго въ Москву королемъ Казиміромъ въ 1487 г. Какъ правилъ посольство польскій посолъ предъ Іоанномъ III, неизвѣстно, потому что не достаеиъ первыхъ двухъ листовъ описанія этого посольства въ посольскихъ книгахъ польскаго двора. Въ 1488 г. король отправилъ въ Москву посломъ того же князя Мосальскаго, который былъ въ качествѣ посла въ Москвѣ въ 1487 г. Пра-

¹⁾ Тамъ же, стр. 87.

²⁾ Тамъ же, стр. 95.

³⁾ Тамъ же, стр. 258—259, 279—281.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 344—347. Подобный же наказъ относительно церемоніала аудіенціи данъ былъ посламъ царя Алексѣя Михайловича, отправленнымъ въ Индію (проф. Уляницкаго „Сношенія Россіи съ Индіей и средней Азіей“ въ „Чтен. Моск. Об. Ист. и Др. Р.“, 1888 г. кн. 3, стр. 29).

⁵⁾ С. П. Р. II. Об. 35, стр. 6.

вилъ Мосальскій въ этотъ разъ посольство предъ Иоанномъ III слѣдующимъ образомъ: „первое поклонъ правилъ великому князю отъ короля, а отъ королевичевъ челобитье правилъ великому князю: а послѣ того подалъ листъ вѣрющий... А послѣ того рѣчь правилъ...“ ¹⁾. Нѣтъ данныхъ думать, что Мосальскій иначе правилъ посольство свое въ 1487 г. Редакторъ I т. „Намятниковъ дипломатическихъ сношеній“ московскаго государства съ польско-литовскимъ приводитъ описаніе посольства Мосальскаго къ Иоанну III въ 1487 г., находящееся въ „Выпискѣ изъ посольскихъ книгъ“ польскаго двора. Въ этой „Выпискѣ“ читаемъ, что Мосальскій „на посольствѣ правилъ великому князю отъ короля поклонъ, а отъ королевичевъ... челобитье“, послѣ чего, какъ можно заключить изъ описанія „Выписки“, польскій посоль подалъ великому князю вѣрительную грамоту и произнесъ рѣчь, излагавшую цѣль посольства ²⁾. „Выписка“ излагаетъ посольство Мосальскаго такъ, какъ правилось оно посломъ: послѣдній передалъ поклонъ отъ короля великому князю, вручилъ ему вѣрительную грамоту и изложилъ въ рѣчи цѣль посольства. Такъ правилъ посольство тотъ же Мосальскій предъ Иоанномъ III и въ 1488 г., такъ же правилъ посольство предъ польскимъ королемъ въ томъ же 1488 г. посоль Іоанна III Михаилъ Еропкинъ:

Посольство Еропкина къ королю Казимиру 1 января 1488 г.: „Первое поклонъ правити королю: Государь нашъ князь велики Иванъ Васильевичъ велѣлъ тобѣ поклонитися. Да королевичемъ отъ великаго князя, которые тутъ будутъ у короля. А послѣ того подати грамота вѣрющая... А послѣ того рѣчь правити...“ ³⁾.

Посольство Мосальскаго къ Иоанну III 18 марта 1488 г.: „Первое поклонъ правилъ великому князю отъ короля, а отъ королевичевъ челобитье правилъ великому князю: а послѣ того подалъ листъ вѣрющий... А послѣ того рѣчь правилъ...“ ⁴⁾.

¹⁾ Тамъ же, стр. 14

²⁾ Тамъ же, стр. 1, прим.

³⁾ Тамъ же, стр. 6.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 14.

Какъ польскій посоль не спросилъ Іоанна III отъ имени короля о здоровьѣ и не передалъ ему подарковъ отъ короля же, такъ и московскій посоль не получилъ наказа спросить короля о здоровьѣ отъ имени своего государя и не привезъ подарковъ отъ него.

Въ 1487 г. Мосальскому далъ отвѣтъ на его рѣчи посольскія окольникій Плещеевъ, великій же князь, отпуская посла, велѣлъ ему передать королю и королевичамъ поклонъ ¹⁾). Еропкинь, отправленный великимъ княземъ въ качествѣ посла къ королю въ 1488 г., выслушалъ отвѣтъ на посольскія рѣчи отъ короля, но послѣдній поклона къ великому князю не передалъ ²⁾). Іоаннъ III, въ томъ же 1488 г. отпуская Мосальскаго, самъ передалъ ему отвѣтъ на его посольскія рѣчи, но поклона къ королю въ этотъ разъ не передалъ ³⁾). Наказывая своему послу такъ править посольство предъ польскимъ королемъ, какъ посольство послѣдняго правилъ посольство предъ нимъ, Іоаннъ III оказывалъ польскимъ посламъ такой же приемъ, какой оказывался московскимъ посламъ при дворѣ короля. Тоже соблюдалось и въ сношеніяхъ съ германскими императорами.

Въ посольской книгѣ, содержащей въ себѣ описаніе сношеній Іоанна III съ германскимъ императоромъ, не достаетъ начала, заключающаго въ себѣ изложеніе посольства рыцаря Поппеля отъ императора къ Іоанну III въ 1488 г. Сохранился только конецъ грамоты императора, написанной къ Іоанну III ⁴⁾). Грамота эта, судя по концу ея, въ которомъ рѣчь идетъ о Поппелѣ, была вѣрительной которую Поппель вручилъ Іоанну III. Послѣ конца вѣрительной грамоты въ посольской книгѣ снова слѣдуетъ пропускъ въ описаніи посольства Поппеля: не достаетъ описанія аудіенціи, данной германскому послу великимъ княземъ. Прекращается пропускъ изложеніемъ рѣчей, которыя Поппель говорилъ великому князю. Попытаемся возстановить пропускъ. Изъ того, что Іоаннъ III, отправляя своего посла Траханюта къ императору, на-

¹⁾ Тамъ же, стр. 4—5.

²⁾ Тамъ же, стр. 12

³⁾ Тамъ же, стр. 17.

⁴⁾ „Пам. дил. спом. древн. Россіи съ державами иностран.“ I, 1.

казаль благодарить послѣдняго за подарки, видно, что Поппель поднесъ на первой аудіенціи Іоанну III подарокъ отъ императора, что подтверждается словами вѣрительной грамоты Іоанна III, которую Траханиотъ долженъ былъ вручить императору: „...посоль твой Николай Поппель, рицеръ двора вашего и листъ намъ вѣрющій отъ Твоей Высоты подаль съ дары Вашіе Свѣтлости“... ¹⁾). Слѣдовательно, Поппель на аудіенціи подаль Іоанну III вѣрительную грамоту, подарокъ и изложилъ цѣль своего посольства. Можно думать, что Поппель еще передалъ Іоанну III во время аудіенціи поклонъ отъ императора, потому что Траханиотъ получилъ наказъ передать императору поклонъ отъ великаго князя. Такое предположеніе возможно потому, что московскіе государи остерегались оказывать иноземнымъ государямъ бѣльшій почетъ сравнительно съ тѣмъ, какой оказывался имъ со стороны послѣднихъ. Отправляя, напр., въ 1492 г. пословъ своихъ къ королю римскому Максимилиану, Іоаннъ III приказаль имъ не передавать королю поклоновъ отъ него, великой княгини и сына ихъ Василія „того дѣля, что королевъ посоль Юри Великому Князю и Великой Княгинѣ поклона не правилъ“... ²⁾). Возможно поэтому, что Траханиотъ получилъ отъ Іоанна III наказъ править посольство предъ германскимъ императоромъ такъ, какъ Поппель правилъ посольство въ Москвѣ предъ великимъ княземъ; въ такомъ случаѣ слѣдуетъ думать, что на аудіенціи Поппель передалъ Іоанну III поклонъ отъ императора, отъ имени послѣдняго спросилъ его о здоровьѣ, передалъ ему императорскіе подарки и вѣрительную грамоту, послѣ чего изложилъ въ рѣчи цѣль посольства.

Вмѣстѣ съ Траханиотомъ въ Москву пріѣхаль въ 1490 г. посоль отъ короля римскаго, сына германскаго императора Фридриха III, Георгъ фонъ-Турнъ, въ записяхъ посольской книги именуемый Юрьемъ Деляторомъ. Доѣхавъ съ фонъ-Турномъ до Новгорода, Траханиотъ послѣшилъ въ Москву съ цѣлью опередить королевскаго посла. Великому князю Траханиотъ донесъ, что императоръ и сынъ его король оказали ему „великую честь“: на аудіенціяхъ императоръ и король „самн встрѣчали его, съступивъ съ

¹⁾ Тамъ же, 15.

²⁾ Тамъ же, 82.

своего мѣста ступени три, четыре, да руку подавали стоя“; на первой аудіенціи императоръ, по словамъ Траханиота, „посадилъ его противъ себя на скамейкѣ близко, а опослѣ того сажалъ его всегда подлѣ себя“. На встрѣчу ему, доносили Траханиотъ, императоромъ были посланы „бояре... версть и за пять и за шесть отъ того города, гдѣ его (императора) наѣхалъ (Траханиотъ); а встрѣчалъ его Цесарь и садилъ у себя и честь ему чинилъ по тому жъ, какъ и сынъ его Максиміанъ Король“. Непосредственно за этимъ донесеніемъ Траханиота о почетномъ приѣмѣ, оказанномъ ему императоромъ и сыномъ его, въ посольской книгѣ записано: „и Князь Великій послалъ противъ Максиміанова посла Юрья Хозюка Повадина съ коньми на усть Шони къ Волзѣ. И Хозюкъ его встрѣтилъ въ Клиѣ“... Затѣмъ, въ описаніи аудіенціи фонъ-Турна, данной послѣднему великимъ княземъ, сказано, что въ отвѣтъ на переданный посломъ поклонъ отъ короля великій князь всталъ и спросилъ посла о здоровьѣ короля, стоя подаль руку послу и велѣлъ ему сѣсть „на скамейкѣ противу себя близко“...¹⁾ Когда фонъ-Турнъ явился къ великому князю во второй разъ, „Князь Великій, съступивъ съ своего мѣста, да подаль ему руку; да велѣлъ ему сѣсти на скамейкѣ противъ себя“...²⁾ Очевидно, Іоаннъ III принималъ фонъ-Турна такъ, какъ его посла принимали императоръ и сынъ его, и отчетъ Траханиота объ оказанномъ ему со стороны послѣднихъ приѣмѣ вставленъ въ описаніе приѣма фонъ-Турна потому, что при приѣмѣ послѣдняго руководствовались тѣмъ, какъ принять былъ Траханиотъ, который, повидимому, по приказанію великаго князя опередилъ фонъ-Турна вслѣдствіе того, что великій князь желалъ принять королевскаго посла сообразно съ тѣмъ, какъ принять былъ его посоль.

Послѣ первой аудіенціи фонъ-Турнъ обѣдалъ у великаго князя, а послѣ обѣда на подворье къ нему посланъ былъ окольничій съ медомъ и виномъ „чтити его“. По окончаніи переговоровъ съ посломъ великій князь далъ ему отпускную аудіенцію и отвѣтъ на сдѣланныя имъ предложенія отъ имени короля, наказавъ передать свой поклонъ его государю³⁾.

¹⁾ Тамъ же, 24—26.

²⁾ Тамъ же, 27.

³⁾ Тамъ же, 31, 33 и 34.

Посольство фонъ-Турна выдѣляется изъ ряда другихъ посольствъ въ Москву тѣмъ, что фонъ-Турнъ принять былъ вел. кн. Софьей. Быть можетъ, фонъ-Турнъ удостоился этой аудіенціи потому, что явился въ Москву и по такому дѣлу, которое касалось Софьи не менѣе, чѣмъ супруга ея: фонъ-Турну король Максимилианъ поручилъ спросить великаго князя, не выдастъ ли онъ свою дочь за него. Когда къ Иоанну III явились послы отъ великаго князя литовскаго Александра съ предложеніемъ руки его великой княжнѣ Еленѣ Иоанновнѣ, пословъ принимала и вел. кн. Софья ¹⁾).

Иоаннъ III, желавшій занять среди европейскихъ государей мѣсто, соответствовавшее достоинству его, какъ государя независимаго, обращалъ большое вниманіе на ту честь, которую оказывали ему въ лицѣ его пословъ европейскіе государи. Такъ какъ отношенія московскаго государя къ государямъ западной Европы основаны были на нныхъ началахъ, чѣмъ отношенія къ татарскимъ ханамъ. Иоаннъ III не могъ соблюдать татарскій посольскій обрядъ въ сношеніяхъ съ западной Европой. Не желая предъ государями ея унижаться, но за честь воздавая честию. Иоаннъ III принимаетъ пословъ ихъ такъ, какъ они принимаютъ его пословъ. Такимъ путемъ создавался новый посольскій обрядъ, основанный на братствѣ и равенствѣ государей между собою: отличаясь другъ отъ друга степенью могущества, государи эти были равны между собою, какъ независимые отъ какой либо земной власти. Такія отношенія между государями, выразившіяся въ посольскомъ обрядѣ, извѣстны были въ Москвѣ. За годъ до появленія императорскаго посла въ

---

¹⁾ С. П. Р. И. Об. т. 35, стр. 117. Аудіенція фонъ-Турна у великой княгини описана въ посольской книгѣ кратко: „правилъ великой княгини отъ Максимиана короля поклопъ. Да и поминки подалъ великой княгинѣ ятцу панагалъ (понугай?), да сукио сѣро“ („Пам. диня. сп. др. Р.^а, I, 30). Послѣ отпусковой аудіенціи у великаго князя фонъ-Турнъ отправился въ покои великой княгини, но послѣдняя не приняла его по болѣзни. Отъ имени вел. княгини посла встрѣтилъ и „къ королю Максимиану приказалъ поклонъ Дмитрей Грекъ Старой. Да и за поминки отъ великіе княгини королю велѣлъ поклониться...“ (тамъ же. 34).

Объ аудіенціяхъ у великой княгини Софьи пословъ германскихъ императоровъ и королей послѣ фонъ-Турна „Памятники дипломатическихъ сношеній“ московскаго государства съ римскою имперіею умалчиваютъ.

Москвѣ видимъ тамъ посла польскаго короля; посольство этого, посольство котораго является первымъ записаннымъ въ посольской книгѣ, пріѣхалъ въ Москву съ требованіемъ управы на московскихъ служебныхъ князей, нападавшихъ на пограничныя области и грабявшихъ ихъ. Въ началѣ слѣдующаго 1488 г. видимъ московскаго посла въ Польшу; на жалобы польскаго короля онъ отвѣчаетъ, что не московскіе пограничныя князья, но литовскіе раззоряютъ московскія волости ¹⁾. При такомъ положеніи дѣлъ отношенія между московскимъ государемъ и польскимъ королемъ не могли отличаться дружественнымъ характеромъ, тѣмъ болѣе, что Іоаннъ III стремился присоединить къ московскому государству русскія земли, вошедшія въ составъ литовскаго государства, но отношенія эти, при враждебности ихъ, были отношеніями равнаго къ равному. Это равенство выражалось въ посольскомъ обрядѣ, который соблюдался въ сношеніяхъ между московскимъ и польскимъ государями. Польша, не отрѣзанная отъ западной Европы, имѣвшая съ нею сношенія, была знакома съ посольскимъ обрядомъ, который практиковался въ государствахъ западно-европейскихъ, и съ этимъ обрядомъ знакомъ былъ московскій государь, бывшій въ сношеніяхъ съ польско-литовскимъ государствомъ.

Отправляя во второй разъ въ 1490 г. своихъ пословъ къ королю римскому, Іоаннъ III далъ имъ такой же наказъ править посольство, какой былъ данъ первому московскому послу къ императору германскому и къ королю римскому ²⁾. Только въ этотъ, второй, разъ вмѣстѣ съ Траханіотомъ былъ отправленъ въ качествѣ второго посла дьякъ Василій Кулешинъ. Онъ долженъ былъ на первой аудіенціи передать королю поклонъ и благодарность великой княгини за присланные ей подарки, спросить короля о здоровьѣ отъ имени великой княгини и передать ему ея подарки. Исполняя миссію посла великой княгини, Кулешинъ имѣлъ наказъ говорить королю рѣчи отъ великаго князя попеременно съ Траханіотомъ ³⁾. Пріѣхавшему въ 1492 г. въ Москву послу римскаго короля Максимилиана фонъ - Турну, который былъ въ Москвѣ въ

¹⁾ С. Н. Р. Об. т. 35, №№ 1 и 2.

²⁾ „Пам. дипл. сп. др. Россіи“ I, 16 и 34—35.

³⁾ Тамъ же, 35—36.

1490 г. въ качествѣ посла Максиміліана, оказанъ былъ такой же приемъ, какъ и въ первый его прїѣздъ: къ нему былъ назначенъ тотъ же приставъ Иванъ Берсень, который находился при немъ въ 1490 г. и который посла „стрѣчалъ по тому жъ, какъ напередъ того“, т. е. въ 1490 г. Когда посолъ явился на аудіенцію, великій князь „вставалъ противъ его и читилъ его по тому жъ, какъ напередъ того“¹⁾.

Такъ образовались основныя черты московскаго посольскаго обряда на почвѣ сношеній московскаго государства съ западной Европой. Этотъ посольскій обрядъ, назовемъ его европейскимъ, не вмѣщалъ въ себѣ чертъ того обряда, который соблюдался въ Москвѣ при прїемахъ пословъ крымскаго хана и на аудіенціяхъ у послѣдняго московскихъ пословъ. Посольскій обрядъ, въ противоположность азіатскому не унижавшій въ лицѣ посла пославшаго его, на столько воспринять былъ московскими государями, что соблюденія его они требовали въ сношеніяхъ съ турецкими султанами, персидскими и индійскими шахами²⁾.

Первый подробный статейный списокъ московскихъ пословъ къ императору германскому относится къ 1518 г. Въ этомъ году былъ отправленъ къ императору въ качествѣ посла дьякъ Владиміръ Племянниковъ. Въ своемъ отчетѣ Племянниковъ подробно описалъ приемъ, оказанный ему при дворѣ императорскомъ. За ночь версты отъ Инсбрука, на встрѣчу ему, императоромъ были посланы: „маршалокъ дверной цесаревъ“, Сигизмундъ Герберштейнъ (прїѣхавшій изъ Москвы вмѣстѣ съ Племянниковымъ), докторъ Павелъ и съ ними „многіе люди“. Докторъ Павелъ представилъ Племянникову встрѣчавшихъ его лицъ, спросилъ его о здоровьѣ великаго князя и освѣдомился о благополучіи путешествія посла. Послѣ отвѣта Племянникова московское посольство вмѣстѣ съ встрѣтившими его лицами отправилось въ городъ. Племянниковъ въ своемъ отчетѣ отмѣчаетъ, что „маршалокъ ѣхалъ у Володимера (т. е. у него) съ правую сторону, а докторъ Павелъ съ лѣвую, а Истома (толмачъ) ѣхалъ за Володимеромъ, а съ нимъ

¹⁾ Тамъ же, 69.

²⁾ Московскіе государи наказывали своимъ посламъ, отправляемымъ къ римскимъ папамъ, не цѣловать ихъ въ ногу; въ этомъ они могли видѣть черту восточнаго посольскаго обряда („Пам. дипл. сп.“ IV, 792 и VIII, 680).

ѣхаль Ёнгимонтъ: и проводили Володимера до подворія⁴. Приглашать Племянникова на аудіенцію къ императору явилось нѣсколько лицъ, которыя и проводили его во дворець (Племянниковъ записалъ, кто изъ нихъ и по какую сторону отъ него и толмача ѣхаль къ императорскому дворцу). У лѣстницы, ведшей во дворець, Племянниковъ и сопровождавшіе его сошли съ коней. На верху лѣстницы Племянниковъ былъ встрѣченъ императорскимъ маршалкомъ. Войдя въ залу, гдѣ находился императоръ, Племянниковъ съ толмачомъ, по приглашенію императора, подошли къ рукѣ его „и Володимеръ Цесарю Великого Государя здоровье сказалъ, и Цесаря о его здоровьѣ спросилъ, и Цесарь къ Великому Князю имени шапку снималъ: и Володимеръ грамоту подаль, и Цесарь самъ сѣлъ, а Володимеру да Истомъ велѣлъ сѣсти же“. Отъ имени императора „бискупъ Терписескій Петръ“ сказалъ Племянникову, что императоръ радъ слышать о здоровьѣ великаго князя и съ любовью къ нему принимаетъ грамоту его. По приказанію императора Племянниковъ произнесъ рѣчь, излагавшую цѣль посольства, сядя и въ шапкѣ, толмачъ же его, хотя также получилъ приказаніе сидѣть, переводилъ рѣчь стоя. Выслушавъ Племянникова, императоръ велѣлъ тому же епископу Петру выразить его сожалѣніе, что великій князь, несмотря на всѣ его усилія, не помирился съ польскимъ королемъ. Племянниковъ хотѣлъ вручить списокъ рѣчи, произнесенной имъ, но ему сказали, что списокъ этотъ возьмутъ у него послѣ. Затѣмъ, императоръ, вставъ „и съ мѣста сступивъ“, позвалъ къ себѣ Племянникова съ его толмачомъ и спросилъ, снявъ шляпу, о здоровьѣ великаго князя. Послѣ отвѣта Племянникова императоръ сказалъ, что великій князь приглашалъ посла его Герберштейна на охоту „и въ великой чти дръжалъ“, и что въ благодарность за это и онъ, императоръ, приглашаетъ Племянникова на охоту и намѣренъ подарить великому князю и его послу охотничьихъ собакъ или что либо иное, что будетъ угодно великому князю. Сказавъ это, императоръ сѣлъ, велѣвъ сѣсть Племянникову и толмачу, послѣ чего отпустилъ ихъ на подворье, гдѣ они остановились, и куда ихъ проводилъ тѣ же лица, которыя приѣзжали приглашать ихъ на аудіенцію¹). Переговоры съ московскимъ

¹) Тамъ же, 343 и слѣд.

посломъ вели у него на подворьѣ назначенныя для того императоромъ лица. По окончаніи переговоровъ къ послу пріѣхали докторъ Навель и Герберштейнъ съ приглашеніемъ на аудіенцію. Посоль и толмачъ отправились вмѣстѣ съ ними къ императору. Представъ предъ нимъ, они, по приглашенію его, сѣли и выслушали рѣчь, которую имъ произнесъ тотъ же епископъ Петръ по приказанію императора. Послѣ этого императоръ спросилъ посла, не имѣетъ ли онъ еще что либо передать ему. Когда посоль далъ отрицательный отвѣтъ, докторъ Навель вручилъ ему императорскую грамоту къ великому князю, императоръ же всталъ, снялъ шляпу и, обратившись къ послу, велѣлъ передать его благопожеланія великому князю. Этимъ закончилась аудіенція. Тѣ же лица, съ которыми московскій посоль явился на аудіенцію, сопутствовали ему до его подворья ¹⁾.

Вмѣстѣ съ Племянниковымъ въ Москву отправились послы императора.

Въ посольской книгѣ, непосредственно за отчетомъ Племянникова, слѣдуетъ описаніе приѣма, оказаннаго въ Москвѣ императорскому посольству. Когда въ Москвѣ была получена вѣсть, что ѣдетъ императорское посольство, великій князь назначилъ приставовъ къ имѣвшимъ прибыть въ Москву посламъ и квартиры, гдѣ посольство должно было размѣститься. Въ приставы къ императорскимъ посламъ назначенъ былъ и Племянниковъ, какъ знакомый съ церемоніей встрѣчи посольства въ Германіи. Послѣ описанія этихъ предварительныхъ распоряженій великаго князя въ посольской книгѣ помѣщенъ отчетъ Племянникова и толмача его о встрѣчѣ, которая была имъ оказана по приказанію императора предъ Инспрукомъ. Непосредственно за этимъ отчетомъ слѣдуетъ описаніе встрѣчи, оказанной императорскимъ посламъ подъ Москвою ²⁾. Очевидно, что когда императорскіе послы приблизились къ Москвѣ и возникъ вопросъ, какъ встрѣтить ихъ, рѣшено было сообразоваться съ тою встрѣчею, которая была оказана Племянникову. И дѣйствительно, императорское посольство подъ Москвою было встрѣчено подобно тому, какъ Племянниковъ и Истома встрѣ-

¹⁾ Тамъ же, 352.

²⁾ Тамъ же, 356.

чены были предъ Испрукомъ: одинъ изъ московскихъ встрѣчниковъ назвалъ посламъ лицъ, явившихся по приказанію великаго князя для встрѣчи ихъ, другой—спросилъ ихъ отъ имени великаго князя о здоровьѣ императора, третій—спросилъ пословъ, благополучно ли они совершили свой путь и отрекомендовался какъ приставъ ихъ, обязанный водворить ихъ на подворьѣ и доставлять имъ все необходимое для нихъ. Встрѣчники провожали пословъ до подворья ихъ ¹⁾. То же самое происходило и у Испрука при встрѣчѣ Племянникова, съ тѣмъ только отличіемъ, что одинъ изъ встрѣчниковъ—докторъ Навель—и представлялъ московскому послу себя и другихъ двухъ встрѣчниковъ и спрашивалъ его о здоровьѣ великаго князя и о путешествіи посольства, трое же московскихъ встрѣчниковъ говорили то же самое и задавали тѣ же самые вопросы поочередно ²⁾. Кромѣ указаннаго есть еще одно отличіе: подъ Москвою Племянниковъ опередилъ встрѣчниковъ и объявилъ императорскимъ посламъ, что для встрѣчи ихъ „послать Великій Государь своихъ великихъ людей“ (князя Ивана Кубенскаго, Шигону Поджогина и Ѳедора Борисова), отчетъ же Племянникова умалчиваетъ о такомъ предупрежденіи посольства о готовящейся ему встрѣчѣ ³⁾. Къ императорскимъ посламъ, извѣщеннымъ чрезъ пристава о времени аудіенціи у великаго князя, явились тѣ же лица, которыя встрѣчали ихъ подъ Москвою (князь Кубенскій, Шигона Поджогинъ и Ѳедоръ Борисовъ); каждый изъ нихъ ѣхалъ во дворецъ съ однимъ изъ членовъ посольства. При послѣднихъ находился и Племянниковъ, котораго точно также сопровождали на аудіенцію къ императору Герберштейнъ и еще двое лицъ. Посламъ были устроены двѣ встрѣчи: одна у наперти Благовѣщенскаго собора, другая же на верхнемъ крыльцѣ дворца. Послѣдняя встрѣча ввела пословъ къ великому князю и представила ему ихъ. Одинъ изъ пословъ подалъ великому князю вѣрительную грамоту, произнесъ рѣчь и предъявилъ письменное изложеніе ея ⁴⁾; въ рѣчи

¹⁾ Тамъ же, 357 и слѣд.

²⁾ Сравни. 347.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Такое же письменное изложеніе рѣчи своей, сказанной на аудіенціи у императора, подавалъ и Племянниковъ (тамъ же. 346).

своей императорской посольство „правиль Великому Князю отъ Максимиана поздравленіе“. Великій князь велѣлъ посламъ сѣсть близь себя на скамейкѣ и пригласилъ ихъ къ столу, послѣ чего велѣлъ имъ отправиться въ другую палату, гдѣ они должны были изложить цѣль своего посольства назначеннымъ для того боярамъ и дьякамъ ¹⁾).

Первое обстоятельное описаніе иностранцемъ обряда приема пословъ въ Москвѣ принадлежитъ барону Сигизмунду Герберштейну, дважды пріѣзжавшему въ Москву въ качествѣ посла: въ 1517 г. отъ императора германскаго Максимилиана и въ 1526 г. отъ брата императора Карла V—эригерцога Фердинанда—вмѣстѣ съ посломъ Карла V—графомъ Пугаролемъ. Въ своемъ описаніи Герберштейнъ не отмѣчаетъ какого либо различія въ приемахъ, оказанныхъ ему въ 1517 и 1526 гг., но рисуетъ одну картину приема и обхожденія съ нимъ въ Москвѣ.

Подѣзжая къ границамъ московскаго государства, посольство, говоритъ Герберштейнъ, даетъ знать пачальнику ближайшаго московскаго города о своемъ пріѣздѣ. Начальникъ города, собравъ свѣдѣнія о прибывшемъ посольствѣ, высылаетъ для встрѣчи и сопровожденія его чиновника со свитой, принимая во вниманіе не только достоинство государя, представителемъ котораго являлся посольство, но и самого посла. Всѣ свѣдѣнія о посольствѣ немедленно отсылались въ Москву. Встрѣчу, оказанную посольству у московской границы, Герберштейнъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: посланный встрѣтить посольство отправилъ гонца извѣстить посольство, что приближается „большой (т. е. саповный) человекъ“, который приметъ ихъ въ извѣстномъ мѣстѣ. Пріѣхавъ къ этому мѣсту, „большой человекъ“ сталъ, чтобы посольство приблизилось къ нему. Когда посольство подѣхало къ „большому человеку“, послѣдній чрезъ гонца потребовалъ, чтобы члены посольства сошли съ лошадей и вышли съ повозокъ, потому что нельзя слушать слова отъ имени великаго князя сидя. Оберегая честь своего государя, „большой человекъ“ тщательно наблюдалъ, чтобы послы сошли съ лошадей прежде него. Герберштейнъ рассказываетъ, что въ первый его пріѣздъ въ предѣлы московскаго государства онъ заявилъ встрѣтившему

¹⁾ Тамъ же, 358 и слѣд.

его подь Москвою, что вслѣдствіе усталости не можетъ сойти съ коня и предложилъ выполнить весь церемоніаль встрѣчи, не сходя съ лошадей, но московскій встрѣчникъ былъ неумолимъ. Тогда Герберштейнъ, замѣтивъ, что встрѣчникъ не хотѣлъ сойти первымъ съ коня, опасаясь этимъ унизить честь своего государя, сказалъ, что сойдетъ на землю, но только въ томъ случаѣ, если встрѣтившій его сдѣлаетъ тоже прежде него. Видя, говоритъ Герберштейнъ, что они такъ высоко цѣнятъ это, я самъ не хотѣлъ унизить моего государя и уменьшить его значеніе. Когда московскій встрѣчникъ отказался исполнить требованіе Герберштейна, послѣдній, желая положить конецъ возникшимъ пререканіямъ, прибѣгнувъ къ хитрости: вынулъ ногу изъ стремени, какъ бы въ намѣреніи сойти, что замѣтивъ, соскочилъ съ коня встрѣчникъ, послѣ чего, къ не малому его огорченію, сошелъ на землю Герберштейнъ. Обрядъ встрѣчи иноземнаго посла у границы заключался въ слѣдующемъ: „большой человекъ“ съ непокрытою головою говорилъ, что государевъ намѣстникъ и воевода послалъ его встрѣтить посла и проводить его въ городъ, и отъ имени намѣстника спрашивалъ посла, благополучно ли онъ совершилъ свой путь. Затѣмъ, встрѣчникъ протягивалъ послу руку, наблюдая, чтобы тотъ обнажилъ голову, и спрашивалъ его на этотъ разъ отъ себя, благополучно ли онъ ѣхалъ, послѣ чего давалъ знакъ ѣхать далѣе, по дорогѣ распрашивая о послѣ и его свитѣ. Всѣ эти свѣдѣнія отсылались немедленно въ Москву. Далѣе на пути посла встрѣчалъ кто либо изъ служилыхъ людей и объявлялъ, что намѣстникъ поручилъ ему доставлять для посольства все необходимое. За полъ мили отъ Москвы посольству готовилась новая встрѣча. О ней послы были извѣщены чрезъ дьяка, который сказалъ имъ, что они должны выслушать рѣчи встрѣчниковъ стоя. Когда посольство приблизилось къ ожидавшимъ его встрѣчникамъ, послѣдніе сошли съ лошадей, что сдѣлали и члены посольства. Одинъ изъ встрѣчавшихъ сказалъ посламъ, что выѣхали они къ нимъ на встрѣчу по приказанію государя, и спросилъ отъ имени его о здоровьѣ императора и эрцгерцога. Другой—объявилъ графу Нугоролю, что великій князь приказалъ ему встрѣтить его, проводить до назначенной ему квартиры и доставлять все для него нужное. Третій изъ встрѣчавшихъ то же самое передалъ Гербер-

штейну. Затѣмъ, первый встрѣчникъ спросилъ графа Пугороля отъ имени великаго князя, а второй Герберштейна, благополучно ли они совершили свое путешествіе, послѣ чего сказали, что государь прислалъ имъ осѣдланыхъ коней изъ своей конюшни. Когда послы изъявили имъ свою благодарность, они подали имъ руки и спросили ихъ отъ себя, благополучно ли они ѣхали. Послѣ этого послы сѣли на подаренныхъ имъ лошадей и въѣхали въ Москву по дорогѣ, запруженной стекавшимся отовсюду народомъ. Приставы, назначенные состоять при послахъ, посѣщали ихъ почти ежедневно и доставляли имъ все необходимое, не допуская ихъ покупать что либо для себя. Когда Герберштейнъ пожелалъ купить кровати для нѣкоторыхъ членовъ посольства, приставъ не допустилъ его до этого, сказавъ ему, что совѣтники великаго князя общаются обходиться съ послами такъ, какъ въ ихъ странахъ обходятся съ московскими послами. Отдохнувъ послѣ дороги, послы заявили приставамъ о своей готовности быть на аудіенціи у великаго князя. Назначенъ былъ день аудіенціи, о которомъ посламъ напоминали нѣсколько разъ; за ними, чтобы сопровождать ихъ къ великому князю на аудіенцію, явились назначенныя для того лица въ сопровожденіи многихъ дворянъ. О приближеніи ихъ пословъ извѣстили, при чемъ приставы убѣждали ихъ выйти на встрѣчу пріѣхавшимъ за ними и оказать имъ въ этомъ честь. Несмотря на убѣжденія приставовъ, графъ Пугороль и Герберштейнъ, не желая, по словамъ послѣдняго, предпочесть великаго князя своимъ государямъ въ оказаніи почести, дѣлали видъ, что ихъ задерживаетъ то одно, то другое, и встрѣтили пріѣхавшихъ за ними ровно на средній лѣстницы. Одинъ изъ пріѣхавшихъ сказалъ посламъ, что великій князь велѣлъ имъ явиться къ нему. Сѣвъ на лошадей, послы отправились къ дворцу, на пути къ которому стояли огромныя толпы народа, затруднявшія ихъ проѣздъ. Такое многолюдство, говоритъ Герберштейнъ, должно было, по мнѣнію московскаго правительства, внушить иностранцамъ высокое понятіе о могуществѣ великаго князя. Въ кремлѣ шедшіе впередъ пословъ войска остановились и воспріяетствовали имъ доѣхать до лѣстницы дворца и тамъ сойти съ коней. Это было сдѣлано, по замѣчанію Герберштейна, съ тою цѣлью, чтобы казалось, что великому князю ока-

зано болѣе чести. На серединѣ лѣстницы пословъ встрѣтило нѣсколько привѣтствовавшихъ ихъ лицъ, поведшихъ ихъ далѣе. Когда послы прошли лѣстницу, ихъ встрѣтили знатнѣйшіе сановники, которые подали имъ руки. Во дворцѣ пословъ привѣтствовали первостепенные совѣтники великаго князя. Когда послы вошли въ палату, гдѣ находился великій князь, одинъ изъ совѣтниковъ его, обратясь къ нему, произнесъ: „великій государь, графъ Леонардъ (Нугороль) бьетъ челомъ“, „великій государь, графъ Леонардъ бьетъ челомъ за твою великую милость“. То же было сказано и отъ имени Герберштейна. Великій князь сидѣлъ съ непокрытою головою на возвышенномъ мѣстѣ, противъ котораго поставлена была скамья, на которую послы сѣли по приглашенію великаго князя. Когда они привѣтствовали великаго князя, послѣдній при произнесеніи имени императора и его брата вставалъ, сходилъ съ возвышенія и, выслушавъ привѣтствіе, спрашивалъ о здоровьѣ императора и брата его, послѣ чего снова садился. Затѣмъ, подозвавъ къ себѣ графа Нугароля и Герберштейна, великій князь подаль имъ руку и спросилъ ихъ, благополучно ли они совершили свой путь, на что послы ¹⁾ отвѣтили пожеланіями здоровья великому князю на многія лѣта, о себѣ же сказали, что они здоровы. Послѣ этого великій князь велѣлъ посламъ сѣсть, но они, прежде чѣмъ исполнить его приказаніе, поклонились ему и вставшимъ боярамъ, выражая этимъ, говоритъ Герберштейнъ, свою благодарность по московскому обычаю. Герберштейнъ же замѣчаетъ, что послы другихъ государствъ, преимущественно литовскіе, ливонскіе, шведскіе и нѣкоторые другіе во время первой аудіенціи обыкновенно подносили дары великому князю. Дары подносились, по описанію Герберштейна, слѣдующимъ образомъ: по изложеніи послами причины посольства, вставалъ тотъ изъ совѣтниковъ великаго князя, который вводилъ пословъ на аудіенцію, и произносилъ: „великій государь, такой то посолъ бьетъ челомъ такимъ то подаркомъ“. То же повторялось о каждомъ членѣ посольства, подносившемъ великому князю подарокъ. Въ Москвѣ напоминали Нугаролю и Герберштейну о такомъ обычаѣ

¹⁾ Герберштейнъ замѣчаетъ: *Juxta illorum morem*, т. е., по московскому обычаю (*Reverum Moscovitic. Commentarii*, pag. 127, ed. an. 1556).

подносить подарки великому князю. но они отвѣтили, что у нихъ нѣтъ такого обычая. Послѣ поклоновъ великому князю и присутствовавшимъ боярамъ, продолжаетъ Герберштейнъ свое описаніе, мы немного посидѣли и великій князь пригласилъ насъ обоихъ обѣдать, сказавъ каждому: „обѣдай со мной“. Въ первое мое посольство, замѣчаетъ Герберштейнъ, великій князь пригласилъ меня къ обѣду по московскому обычаю слѣдующимъ образомъ: „Сигизмундъ, откушай нашего хлѣба—соли вмѣстѣ съ нами“. Пригласивъ пословъ къ столу, великій князь подозвалъ къ себѣ приставовъ ихъ и о чемъ то говорилъ съ ними, толмачи же, по приказанію, предложили посламъ перейти въ другую палату, гдѣ они излагали порученныя имъ дѣла предъ совѣтниками и дьяками, назначенными великимъ княземъ, пока не были окончены приготовленія къ столу. Герберштейнъ подробно описываетъ данный въ честь пословъ обѣдъ, послѣ котораго тѣ же лица, которыя провожали пословъ на аудіенцію, отправились съ ними въ отведенныя для нихъ помѣщенія, гдѣ угощали ихъ разными наитками. Отмѣтивъ, что великій князь имѣетъ обыкновеніе угощать иноземныхъ пословъ и при отъѣздѣ ихъ, Герберштейнъ вспоминаетъ, что еще въ первое его посольство въ Москву, послѣ обѣда, великій князь всталъ у стола, потребовалъ себѣ чашу и сказалъ, что пьетъ ее за здоровье императора, а затѣмъ подаль чашу Герберштейну съ приказаніемъ выпить за здоровье императора же, также и всѣмъ присутствовавшимъ за столомъ даны были чаши великимъ княземъ съ приказаніемъ пить за здоровье императора. Послѣ этого великій князь подозвалъ къ себѣ Герберштейна, подаль ему руку и отпустилъ его. По окончаніи переговоровъ съ послами, великій князь обыкновенно приглашалъ ихъ на охоту. Герберштейнъ подробно описываетъ великокняжескія охоты, на которыхъ онъ присутствовалъ и въ которыхъ принималъ участіе какъ въ первый такъ и во второй прѣзды въ Москву. Объ отпускнуой аудіенціи, данной въ 1526 г. графу Нугаролю и Герберштейну, въ описаніи послѣдняго сказано немного. Оба они были приглашены съ почестями, какъ къ первой аудіенціи, къ обѣду во дворецъ великаго князя. Въ подарокъ имъ обоимъ даны были разные мѣха и почетныя одежды, подбитыя соболями, въ которыя они облачались и

Тотъ, кто впервые усвоилъ себѣ титулъ императора, довершили дѣло, начатое первымъ московскимъ царемъ: царскій титулъ Петра I признанъ былъ и римскимъ дворомъ, единственнымъ изъ европейскихъ дворовъ, который ко времени Петра I не признавалъ еще за московскимъ государемъ этого титула ¹⁾.

Пересматривая доказательства, которые представлялись московскими государями въ пользу правъ ихъ на царскій титулъ, не видимъ данныхъ, которые свидѣтельствовали бы, что государи эти смотрѣли на себя какъ на преемниковъ византійскихъ императоровъ и на этомъ преемствѣ основывали право свое на царскій титулъ. Въ доказательство правъ своихъ на этотъ титулъ московскіе государи ссылались, во-первыхъ, на царскія вѣнчанія Владиміра св. и Владиміра Мономаха, и во-вторыхъ, на обладаніе царствами казанскимъ, астраханскимъ и сибирскимъ, когда же большинство европейскихъ дворовъ признало за московскими государями царскій титулъ, тогда государи эти стали основывать право свое на усвоенный себѣ титулъ и на этомъ признаніи.

---

¹⁾ Hist. rus. mon. II. № 126. Лакіеръ: „Исторія титула государей Россіи“, Ж. М. Н. Пр., ч. 56, стр. 139; М. Капустинъ: „Признаніе титула царей русскихъ западно-европейскими государствами въ концѣ XVII в.“, „Москвитинъ“, 1851 г., № 24, кн. 2, стр. 532; его же: „Дипломатическія сношенія Россіи съ западною Европою во второй половинѣ XVII в.“, стр. 85 и слѣд., М. 1852.